

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ЮРИЙ ПЕТРОСЯН

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЕЛИЧАЙШИЕ ИМПЕРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЮРИЙ ПЕТРОСЯН

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Москва
алгоритм

Петросян Ю. А.

П 30 Османская империя / Юрий Петросян. – М. : Алгоритм, 2013. – 304 с. – (Величайшие империи человечества).

ISBN 978-5-4438-0100-1

Османская империя на протяжении нескольких столетий была великой державой, чьи владения в период расцвета XVI–XVII вв. распространялись на Европу, Азию и Африку. Захватив в 1453 г. Константинополь, османские султаны дополнили свой титул титулом «император ромеев», утверждая преемственность Османской империи не только от Арабского халифата, но и от Римской империи. Турецкие войска в XVI в. нанесли поражения Венецианской республике, Венгрии, Чехии, Польше и даже Священной Римской империи и в 1529 г. осадили Вену. На вершине своего могущества империя простиралась от ворот Вены до Персидского залива, от Крыма до Марокко. В XVII в. турки захватили территории к западу от Днепра и стали основным противником Российской империи на два последующих столетия. Османская империя просуществовала до 1922 г. и пережила все другие великие империи Европы – Российскую, Германскую, Австро-Венгерскую – кроме Британской.

УДК 94
ББК 63.3(0)

Часть 1

ОГНЕМ И МЕЧОМ

Глава 1

ГДЕ И КАК ВОЗНИКЛО ГОСУДАРСТВО ТУРОК-ОСМАНОВ

Малая Азия, или Анатолия, — большой полуостров на западе Азиатского материка. Сама природа создала его в качестве своеобразного моста между Востоком и Западом, между Азией и Европой. Анатолия расположена в том месте, где сходятся три части света — Европа, Азия и Африка. Уже одно это должно было сделать ее местом контактов многих народов. Пожалуй, на земном шаре нет другого географического района, где на протяжении десятков веков побывало бы столь много разных народов и племен. По территории Малой Азии с древних времен проложены были торговые караванные пути, связывавшие страны Азии и Европы. В водах пролива Босфор прокладывали себе путь мореходы и купцы из Малой Азии на Балканы, из Средиземного моря в Черное.

Не раз малоазиатские земли обгалялись кровью. Огнем и мечом покоряли их войны персидского царя Дария и солдаты Александра Македонского, орды монгольских завоевателей и полчища Тимура. Малая Азия была ареной жестоких сражений и в годы существования Византийской империи, вечно воевавшей со своими соседями на Востоке.

Все это происходило там, где еще в глубокой древности возник один из очагов цивилизации, где земля тысячелетиями сохраняла плоды творчества многих народов, начиная со знаменитых своей государственностью и культурой хеттов. Их царство (XVII—XIII вв. до н.э.) было наиболее древней государственной организацией в Анатолии.

Целая эпоха в истории Малой Азии связана с греками, которые начали заселять Западную Анатолию с IX в. до н.э. В VI—IV вв. до

н.э. они составляли большую часть населения Малой Азии, бывшей в ту пору под властью персидской державы Ахеменидов. К началу нашей эры Западная и Центральная Анатолия оказалась во владении Рима, а после распада Римской империи вошла в состав Византии. На востоке Анатолии также сложились отдельные колонии греков. С IV в. до н.э. греческая колонизация привела к распространению культуры эллинизма в этих районах. В III—IV вв. н.э. создали свое царство лазы и дчаны — древние жители восточных областей Анатолии. В VI в. они также попали под власть Византии.

Значительную историко-культурную роль в регионе Малой Азии сыграло государство Урарту — один из древнейших очагов цивилизации в Западной Азии. Оно существовало на территории Армянского нагорья в IX—VI вв. до н.э. Его яркая и самобытная культура была унаследована армянами, которые, пережив господство Ахеменидов и Селевкидов, создали в I в. до н.э. сильное государство с развитой экономикой и культурой. В конце IV в. н.э. земли Армении захватили и поделили византийцы и парфяне, а в конце VII в. они попали под власть арабских халифов. С конца IX до середины XI в. армянское государство пережило еще одну полосу независимости и подъема.

Такова была в самых общих чертах политическая и этническая картина Малой Азии до появления и расселения тюркских племен, со временем создавших здесь свои государства, история которых непосредственно связана с процессом зарождения будущей империи турок-османов.

Когда и как появились в Малой Азии те тюркские племена, историческое развитие которых привело к образованию в XI в. сильного государства тюрок-сельджуков? Откуда пришли они в Малую Азию и что принесли в мир, представлявший собой конгломерат многих народов, средоточие самых различных культурных традиций? С чем столкнулись пришельцы в новых для них краях, как осваивали незнакомые традиции хозяйствования и военного искусства, культуры и быта?

Тюркские племена стали проникать в Малую Азию с конца IV в. Шли они самыми разными путями — через Кавказ и Иран, через Причерноморье и Балканы. Их появление в Малой Азии было, в частности, связано с Великим переселением народов, походами гуннов Аттилы и вторжениями в Малую Азию в VI—VII вв. больших масс булгар и сувар. Булгар, а несколько позже и аваров византийские императоры селили в своих малоазийских владениях. Примеча-

тельно, что уже в конце VI в. среди жителей Константинополя были представители некоторых тюркских племен, вероятнее всего, аваров, болгар и хазар. Во всяком случае, когда Византия посылала ответное посольство в Тюркский каганат, который в VI в. занимал обширные территории от Китая до границ Византии и Ирана, в свите посла было более ста константинопольских тюрков. Некоторые византийские императоры были женаты на хазарских принцессах. В VII в. в Малой Азии появилось немало хазар, а в IX в. при дворе императоров была даже хазарская гвардия. Но в целом результаты проникновения тюркских племен в IV—VII вв. были незначительны и этническую картину Малой Азии в тот период не изменили. Пришельцы довольно быстро растворились в местном этносе.

Ситуация стала серьезно меняться в VIII—X вв., после того как произошла почти полная исламизация тюркских племен Средней Азии и Хорасана. Арабские халифы стали широко использовать эти племена для набегов на земли Малой Азии. В результате в IX в. в Анатолии уже существовало много поселений среднеазиатских тюрков, а их военные отряды составляли главную силу халифов в пограничных анатолийских провинциях халифата. Порой вожди тюркских племен вели себя в этих районах как независимые владетели.

Новая тюркская волна хлынула в Малую Азию в X столетии. В начале века там появилось несколько крупных тюркских племен, которые покинули Приаралье в результате неудачно для них сложившихся войн с другими тюркскими племенами. В том же веке тюрки активно проникали в Малую Азию со стороны Балкан. Это были главным образом печенеги, узы и куманы. Многие из них поступали на военную службу к византийским императорам.

Таким образом, разными путями и при разных исторических обстоятельствах пришли тюркские племена в Анатолию. И хотя в VIII—X вв. не произошло массового заселения ими Малой Азии, именно в то время была во многом подготовлена почва для тюркизации полуострова, которая связана с массовым вторжением огузов (восточных огузов часто именуют туркменами) из Средней Азии. Их предводители были из рода Сельджука, вот почему они вошли в историю под именем сельджуков.

XI век принес Малой Азии новые испытания. Анатолия стала ареной ожесточенного столкновения дряхлевшей, но еще очень сильной Византийской империи и ее нового опасного противника — Сельджукского султаната. В ходе этой борьбы летом 1071 г. про-

изошло событие, которому суждено было стать поворотным пунктом в истории Малой Азии.

19 августа 1071 г. у стен крепости Маназкерт на востоке Малой Азии, на землях, формально принадлежавших императору византийцев, стояли в ожидании битвы два больших войска. Одно из них возглавлял византийский император Роман IV Диоген, вторым командовал султан тюрок-сельджуков Алп-Арслан. Ни рядовые воины, ни полководцы не сознавали, сколь многое в будущем Малой Азии определит исход предстоящего сражения. Роман надеялся победой спасти малоазийские владения империи от натиска сельджуков и укрепить свой пошатнувшийся трон. Алп-Арслан стремился к расширению своих владений.

Сельджукская опасность грозила византийцам уже не первый год. За несколько лет до битвы у Маназкерта войска Алп-Арслана разорили Армению. Желая остановить дальнейшее продвижение сельджуков, император Роман еще летом 1068 г. выступил в поход против Алп-Арслана. Почти два года ему сопутствовала удача, но 19 августа 1071 г. стало для византийской державы роковым днем.

Войско византийцев насчитывало около 80 тыс. человек. Среди них было немало иноземных наемников, в том числе и русских воинов. Историки по-разному излагают ход сражения, но в оценке его исхода они едины: армия Романа была полностью разгромлена. Сам император, проявивший в сражении недюжинную храбрость, попал в плен. Судя по дошедшим до нас сведениям, Роман Диоген стал жертвой предательства своих военачальников, действия которых направляли его враги из среды высшей константинопольской знати. Во всяком случае, в решающий момент Романа покинул его арьергард под командованием Андроника Дуки — сына одного из противников императора. Более того, Андроник Дука посеял ложный слух о поражении передовых отрядов Романа и его бегстве с поля боя.

Все значение исхода битвы при Маназкерте для будущего Малой Азии стало ясно лишь со временем. Но уже в те дни, когда заключался мирный договор между Романом Диогеном и Алп-Арсланом, все понимали, что сельджуки открыли себе путь в Малую Азию. Большая часть малоазийских владений империи (Маназкерт, Эдесса, Манбидж и Антиохия) перешла под власть сельджуков в качестве залога верности императора условиям договора, по которому Роман Диоген обязался внести огромный выкуп за свое освобождение из плена и платить сельджукским султанам ежегодную дань.

Победа сельджуков в битве при Маназкерт знаменовала собой начало длительной исторической полосы господства тюркских племен на землях, которые были политы потом и кровью многих народов, создавших здесь очаг цивилизации и культуры.

После битвы при Маназкерт вся Малая Азия в течение нескольких лет оказалась под властью сельджуков. Захваченную в 1077 г. Никею (Изник) сельжукский предводитель Сулейман Кутулмыш сделал столицей нового государства, которое стали именовать Румским султанатом или государством Сельджукидов Рума. Румом — страной греков — издавна называли на Востоке Малую Азию. Государство это было частью обширной державы Великих Сельджукидов, которая начала складываться в первой трети XI в. после завоевания сельджуками Ирана. Предводитель сельджуков Тогрул-бек в 1038 г. провозгласил себя султаном, а когда в 1055 г. занял Багдад, заставил халифа — религиозного главу всех мусульман — подтвердить султанский титул. Новый султанат рос быстро, и при преемнике Алп-Арслана Маликшахе владения сельжукских султанов простирались от Сырдарьи до Нила, от берегов Каспия до средиземноморских вод. Румский султанат признавал верховную власть державы Великих Сельджукидов. Это выражалось, в частности, в том, что он не обладал таким признаком самостоятельного государства, как право чеканки собственной монеты.

Наступление сельджуков на западе серьезно угрожало Византийской империи и всей Юго-Восточной Европе. Трудно сказать, чем бы обернулась эта угроза, если бы сельджукам не нанесли тяжелый удар крестоносцы. Произошло это во время Первого крестового похода (1096—1099). Крестоносное воинство разгромило армию сельджуков под Никеей, а затем одержало еще одну победу в битве при Дорилее (Эскишехир). Сельджукам пришлось отступить на восток Анатолии. Но опасность со стороны крестоносцев была временной, и через несколько лет сельжукским султанам удалось восстановить свою власть почти на всей территории Анатолии. Но столицу они перенесли подальше на восток, чтобы избежать угрозы с запада. Ею стал в 1116 г. город Конья в Центральной Анатолии, после чего государство Сельджукидов Рума начали именовать и Конийским султанатом.

Что представлял собой Сельжукский султанат в Малой Азии? Это была феодальная монархия со многими пережитками родоплеменных отношений. Постепенно в государстве сельджуков сложилась военно-ленная система землевладения. Нашествие сельджуков

привело к разорению многих процветавших торгово-ремесленных центров армян и византийцев, но со временем торговля и ремесло в городах Сельджукского султаната, таких, как Конья и Сивас, Кайсери и Эрзурум, вновь получили развитие. Впрочем, процветание городов Малой Азии под владичеством сельджуков было делом рук армян, греков и персов. Новые хозяева Малой Азии в своем большинстве оставались, даже в пору заката могущества султаната, теми же скотоводами-кочевниками, которые за два века до этого хлынули сюда из Средней Азии. Земледелие медленно распространялось среди сельджуков, хотя полукочевники встречались у них и в пору переселения. Во всяком случае, процесс феодализации племен пришельцев длился в Малой Азии несколько столетий. Лишь к концу существования Румского султаната большая часть кочевников, перейдя к оседлой жизни, занималась земледелием и, в меньшей степени, ремеслом. К тому времени феодальные отношения приобрели в государстве малоазийских сельджуков господствующий характер. Этот процесс мог бы быть и более длительным, но на развитие сельджукского общества значительное воздействие оказали социально-экономические и культурные традиции населения завоеванных сельджуками земель.

Целое столетие Румский султанат был сильным государством, которое вело длительные войны со своим восточным соседом — тюркским государством Данышмендидов, возникшим почти одновременно с султанатом сельджуков. Борьба Сельджукидов и Данышмендидов, сделавших своей столицей г. Сивас, окончилась победой сельджуков. В 1174 г. государство Данышмендидов перестало существовать. Это позволило Сельджукидам Рума начать более активные наступательные действия на западе, угрожая владениям Византии.

Правители дряхлевшей Византийской империи сознавали опасность, надвигавшуюся с востока. И хотя некоторое время военная удача сопутствовала византийцам и сельджукский султан Кылыч-Арслан II вынужден был в начале 60-х годов XII в. на время отказаться от притязаний на владения Византии, император Мануил с почетом принимал Кылыч-Арслана в своей стране. Правитель сельджуков, сопровождаемый огромной свитой и отрядом в тысячу всадников, около месяца пребывал в Константинополе. Император устраивал парадные приемы, турниры и зрелища, явно стремясь угодить опасному гостю. Кылыч-Арслана буквально осыпали драгоценными дарами, но византийцам так и не удалось обеспечить безопасность своих восточных границ. Договор 1162 г. между импера-

тором и султаном, предусматривавший освобождение сельджуками ряда ранее захваченных византийских владений, не был выполнен Кылыч-Арсланом. Отношения между Византией и Конийским султанатом постепенно вновь обострились. В 1176 г. император Мануил выступил в поход против Кылыч-Арслана.

Армия византийского императора двинулась на Конью. Поход был трудным для большого войска, обремененного тяжелой осадной техникой и значительным обозом. Путь часто пролегал по узким горным ущельям. В сентябре 1176 г. армия Мануила сделала остановку в Мириокефалоне, а оттуда продолжила свой путь в Конью через горное ущелье Циврица. И тут сельджуки неожиданно атаковали византийцев. Им удалось отрезать авангард от основных сил. Стрелы сельджуков буквально косили ряды византийцев. Узкое ущелье загромождали повозки, погибшие животные, трупы воинов. По дну ущелья текли потоки крови. Уцелевшие воины императора к ночи собрались вокруг Мануила, готовясь наутро продолжать битву. Но Кылыч-Арслан, удовлетворившись страшным поражением византийцев, согласился на переговоры с Мануилом. Они закончились подписанием мирного договора, который среди прочих пунктов предусматривал обязательство императора скрыть незадолго до того сооруженные по его приказу укрепления в ряде городов, граничивших с владениями сельджуков, в частности в Дорилее.

Как пишут историки, Мануил сравнивал свое поражение в битве при Мириокефалоне со столь же несчастливым для византийцев исходом битвы при Маназкерте. Основания для такого сравнения были и в более широком плане. Если битва при Маназкерте открыла сельджукам путь в Малую Азию, то в сражении при Мириокефалоне было закреплено на долгие годы практически безраздельное господство сельджукских султанов на малоазийских землях. Неудача похода Мануила, в котором участвовало некоторое число западных рыцарей, была воспринята в Западной Европе не только как свидетельство слабости Византии, но и как удар по делу крестоносцев, которым византийский император обещал расчистить путь для очередного крестового похода.

Прошло немногим более четверти века после битвы при Мириокефалоне, и те же крестоносцы оказали неожиданную услугу сельджукским султанам. Произошло это в 1204 г., когда участники Четвертого крестового похода штурмом овладели Константинополем и разорили город. Захват крестоносцами византийской столицы знаменовал крушение могущественной в прошлом империи византийцев.

И хотя в 1261 г. император Никейской империи, созданной в северо-западной части Малой Азии на обломках византийских владений, сумел вернуть византийцам их древнюю столицу, былого величия и могущества Византия вернуть не смогла. Сельджукские султаны после падения Константинополя укрепили свою власть почти над всей территорией Малой Азии и большей частью Армянского нагорья.

Султан Алаэддин Кейкубад I (1219—1237) даже совершил морской поход по Черному морю и захватил греческую колонию Судею (Судак) в Крыму. Было похоже, что государство Сельджукидов Рума достигло большего могущества и ему суждена долгая власть над Малой Азией. Но прошло всего два десятилетия, и на него обрушились монголы, вторгшиеся во владения сельджукских султанов через Среднюю Азию и Иран.

Весной 1243 г. произошло событие, которое сыграло решающую роль в судьбе государства Сельджукидов Рума. У горы Кеседаг к северо-востоку от Сиваса сошлись два войска — сельджукское и монгольское. Султан сельджуков Гияседдин Кейхосров II, который уже испытал к тому времени горечь поражения в сражениях с монгольскими завоевателями, собрал огромную армию, численностью до 180 тыс. человек, среди которых было несколько тысяч наемников — греков, латинян, арабов, армян и курдов. Монгольское войско, которым командовал Бачу-нойон, состояло лишь из 30 тыс. воинов, но оно было хорошо организовано и тщательно подготовлено к сражению. Монголы тоже использовали иноземные военные отряды, в числе которых были дружины некоторых армянских и грузинских князей. В битве у Кеседага сельджуки потерпели сокрушительное поражение. Сам султан вынужден был бежать, спасая жизнь. Вскоре после этого монголы овладели Сивасом, Кайсери и многими другими городами. Отныне сельджукские султаны стали вассалами монгольских ханов.

Нашествие монголов привело к опустошению земель Конийского султаната. Период монгольского владычества в Малой Азии, длившийся более полувека, вошел в историю народов этого региона как пора страшного гнета и произвола. Экономика и государственные институты султаната все более и более приходили в упадок. Государство сельджуков неуклонно шло к гибели. К 1307 г. Сельджукский султанат Малой Азии окончательно распался.

Этническая и религиозная картина Малой Азии была к тому времени необычайно пестрой. Здесь жили различные группы христиан — представителей коренного населения края. Арабский пу-

тешественник Ибн Баттута, который побывал в Анатолии в начале 30-х годов XIV в., писал, что в этих краях жило множество христиан, находившихся под властью мусульман-тюрок. Меньше всего тюркских племен было на северо-востоке Анатолии, где полтора века существовала независимая Трапезундская империя, созданная в начале XIII в. греками и лазами. На территорию Киликийского армянского царства, образовавшегося в XI в. и просуществовавшего три столетия, тюркские племена проникали мало.

В большинстве районов Малой Азии значительная часть тюрок постепенно перешла на оседлый образ жизни, образовав целые кварталы в городах и деревнях. Они также обживали и деревни, заброшенные в результате войн и набегов, создавали новые поселения. Предводители племен со своими военными отрядами обосновались во многих городах и крепостях Малой Азии. Здесь же располагались обычно представители сельджукской администрации — наместники и сборщики налогов, а также представители мусульманского духовенства. Исламизация части коренного населения стала новым фактором в социальной и культурной жизни населения Малой Азии. Начался и процесс этнического смешения оседлой части малоазийских тюрок с коренными жителями, в основном с их исламизированной частью. Кочевые тюркские племена, в свою очередь, смешивались с местными кочевниками.

Процесс смешения начался не сразу, ибо первое время племена-пришельцы жили обособленно. Тюрки — скотоводы, греки — виноградари и ремесленники, армяне — земледельцы и ремесленники, лазы — рыбаки и другие народы Малой Азии сохраняли свой образ жизни и характер труда, религию и язык. Но постепенно язык завоевателей был освоен коренными жителями Малой Азии, а тюркские племена заимствовали у них многие обычаи — хозяйственные и бытовые. Очевидцы, в частности европейские хронисты крестовых походов XII—XIII вв. и путешественники той поры, описывая тюркские племена Анатолии, отмечали, что тамошние огузы и туркмены разводили овец и коз, а жилищем им служили юрты и палатки. А веком позже уже упоминавшийся нами Ибн Баттута описывал деревню оседлых туркмен в Анатолии. У огузов появилось и новое занятие — виноградарство.

У курдов Анатолии пришельцы заимствовали новый для них тип жилища — «черную палатку», покрытие которой выделялось из шерсти черных коз. В свою очередь, племена-пришельцы изменили характер традиционного анатолийского скотоводства, в частно-

сти внедрив разведение двугорбых азиатских верблюдов. С приходом тюркских племен пахотным и тягловым животным постепенно стала лошадь вместо традиционного для этих мест вола. Но основные традиции местного скотоводства и его главные породы (овцы и козы, буйволы и коровы) остались без изменений. Тюркские племена продолжали разводить те местные породы овец, которыми Малая Азия славилась еще во времена древних греков.

В какой-то степени пришельцы осваивали и духовную культуру местных жителей. В их языке появилось множество заимствований из иранских и славянских языков, греческого, арабского и армянского.

Все это сыграло важную роль в тюркизации коренного населения Малой Азии. Это была своего рода предыстория процесса образования турецкой народности, который пришелся на первые века существования нового государства, известного в истории под названием Османской империи.

Порой рождения государства турок-османов можно считать, конечно, условно, годы, непосредственно предшествовавшие гибели Сельджукского султаната в 1307 г. Возникло это государство в обстановке крайнего сепаратизма, воцарившегося в государстве Сельджукидов Рума после поражения, которое его правитель потерпел в битве с монголами в 1243 г. Бей Айдына, Гермияна, Карамана, Менеше, Сарухана и ряда других районов султаната превратили свои земли в самостоятельные княжества. Среди этих княжеств выделялись бейлики Гермиян и Караман, правители которых продолжали вести борьбу, нередко успешную, против монгольского владычества. В 1299 г. монголам пришлось даже признать независимость бейлика Гермиян.

В последние десятилетия XIII в. на северо-западе Анатолии возник еще один практически самостоятельный бейлик. В историю он вошел под названием Османского, по имени предводителя небольшой тюркской племенной группы, главной составной частью которой были кочевники огузского племени кайы.

Согласно турецкой исторической традиции, часть племени кайы откочевала в Анатолию из Средней Азии, где предводители кайы некоторое время находились на службе у правителей Хорезма. Вначале турки-кайы избрали местом кочевья земли в районе Караджадага к западу от нынешней Анкары. Затем часть их перебралась в районы Ахлата, Эрзурума и Эрзинджана, доходя до Амасьи и Алеппо (Халеба). Некоторые кочевники племени кайы нашли себе пристанище на

плодородных землях в районе Чукурова. Именно из этих мест небольшое подразделение кайы (400—500 шатров) во главе с Эртогрулом, спасаясь от набегов монголов, направилось во владения сельджукского султана Алаэддина Кейкубада I. Эртогрул обратился к нему за покровительством. Султан пожаловал Эртогрулу удж (окраинная область султаната) на землях, захваченных сельджуками у византийцев на границе с Вифинией. Эртогрул принял на себя обязательство защищать границу сельджукского государства на территории дарованного ему уджа.

Удж Эртогрула в районе Мелангии (*тур.* Караджахи-сар) и Сегюта (к северо-западу от Эскишехира) был невелик. Но правитель был энергичен, а его воины охотно участвовали в набегах на соседние византийские земли. Действия Эртогрула облегчены были немало тем, что население пограничных византийских областей было крайне недовольно грабительской налоговой политикой Константинополя. В результате Эртогрулу удалось несколько увеличить свой удж за счет пограничных областей Византии. Трудно, правда, точно определить масштабы этих захватнических операций, как, впрочем, и первоначальные размеры самого уджа Эртогрула, о жизни и деятельности которого нет сколько-нибудь достоверных данных. Турецкие хронисты, даже ранние (XIV—XV вв.), излагают много легенд, связанных с начальным периодом сложения бейлика Эртогрул. Эти легенды гласят, что жил Эртогрул долго: он умер в возрасте 90 лет в 1281 или, по другой версии, в 1288 г.

Сведения о жизни сына Эртогрула, Османа, давшего имя будущему государству, тоже в немалой мере легендарны. Осман родился примерно в 1258 г. в Сегюте. Этот горный малонаселенный район был удобен кочевникам: здесь было много хороших летних пастбищ, хватало и удобных зимних кочевий. Но, пожалуй, главным преимуществом уджа Эртогрула и наследовавшего ему Османа было соседство с византийскими землями, что давало возможность обогащаться за счет набегов. Эта возможность привлекала в отряды Эртогрула и Османа представителей других тюркских племен, обосновавшихся на территориях других бейликов, так как завоевание принадлежавших немусульманским государствам территорий почиталось у адептов ислама делом священным. В результате, когда во второй половине XIII в. правители анатолийских бейликов в поисках новых владений воевали между собой, воины Эртогрула и Османа выглядели борцами за веру, разоряя в поисках добычи и с целью территориальных захватов земли византийцев.

После смерти Эртогрула правителем уджа стал Осман. Судя по некоторым источникам, были сторонники передачи власти брату Эртогрула, Дюндару, но тот не рискнул выступить против племянника, ибо видел, что его поддерживает большинство. Через несколько лет потенциальный соперник был убит.

Осман направил свои усилия на завоевание Вифинии. Зоной его территориальных притязаний стали области Брусы (*тур.* Бурса), Белокомы (Биледжика) и Никомедии (Измита). Одной из первых военных удач Османа стал захват в 1291 г. Мелангии. Этот небольшой византийский городок он сделал своей резиденцией. Поскольку прежнее население Мелангии частью погибло, а частью бежало, надеясь найти спасение от войск Османа, последний заселил свою резиденцию выходцами из бейлика Гермиян и других мест Анатолии. Христианский храм по велению Османа был превращен в мечеть, в которой его имя стало упоминаться в хутбах (пятничных молитвах). Согласно легендам, примерно в это время Осман без особого труда добился от сельджукского султана, власть которого стала совсем призрачной, титула бея, получив соответствующие регалии в виде барабана и бунчука. Вскоре Осман объявил свой удж самостоятельным государством, а себя — независимым владельцем. Произошло это около 1299 г., когда сельджукский султан Алаэддин Кейкубад II бежал из своей столицы, спасаясь от взбунтовавшихся подданных. Правда, став практически независимым от Сельджукского султаната, который номинально существовал до 1307 г., когда последний представитель династии румских Сельджукидов был задушен по приказу монголов, Осман признал верховную власть монгольской династии Хулагуидов и ежегодно посылал в их столицу часть дани, которую собирал с подданных. От этой формы зависимости Османский бейлик освободился при преемнике Османа, его сыне Орхане.

В конце XIII — начале XIV в. Османский бейлик значительно расширил свою территорию. Его правитель продолжал набеги на византийские земли. Действия против византийцев облегчались тем, что другие его соседи не проявляли тогда еще враждебности к молодому государству. Бейлик Гермиян воевал то с монголами, то с византийцами. Бейлик Кареси был просто слаб. Не беспокоили бейлик Османа и правители расположенного на северо-западе Анатолии бейлика Чандар-оглу (Джандариды), поскольку и они были главным образом заняты борьбой с монгольскими наместниками. Таким об-

разом, Османский бейлик мог все свои военные силы использовать для завоеваний на западе.

Захватив в 1301 г. район Енишехира и построив там город-крепость, Осман стал готовить захват Брусы. Летом 1302 г. он разбил войска византийского наместника Брусы в сражении при Вафее (*тур.* Коюнхисар). Это было первое крупное военное сражение, выигранное турками-османами. Наконец-то византийцы поняли, что имеют дело с опасным противником. Однако в 1305 г. войско Османа потерпело поражение в битве при Левке, где против них дрались каталонские дружины, находившиеся на службе у византийского императора. В Византии началась очередная междоусобица, облегчившая дальнейшие наступательные действия турок. Воины Османа овладели рядом византийских городов на Черноморском побережье.

В те годы турки-османы совершили и первые набеги на европейскую часть территории Византии в районе Дарданелл. Войска Османа захватили также ряд крепостей и укрепленных населенных пунктов на пути к Бурсе. К 1315 г. Бурса была практически окружена крепостями, находившимися в руках турок. Бурсу захватил несколько позже сын Османа Орхан, родившийся в год смерти своего деда Эртогрула.

Армия Орхана состояла в основном из кавалерийских частей. Не было у турок и осадных машин. Поэтому бей не решился на штурм города, окруженного кольцом мощных укреплений, и установил блокаду Брусы, прервав все ее связи с внешним миром и лишив тем самым ее защитников всех источников снабжения. Подобную тактику турецкие войска применяли и впоследствии. Обычно они захватывали окрестности города, изгоняли или обращали в рабство местное население. Затем эти земли обживались людьми, переселенными туда по приказу бей. Город оказывался во враждебном кольце, и над его жителями нависала угроза голодной смерти, после чего турки легко им овладевали.

Осада Брусы длилась десять лет. Наконец в апреле 1326 г., когда армия Орхана стояла у самых стен Брусы, город капитулировал. Это произошло в канун смерти Османа, которому сообщили о взятии Брусы на смертном одре.

Орхан, наследовавший власть в бейлике, сделал Бурсу (так ее стали именовать турки), славившуюся ремеслами и торговлей, город богатый и процветающий, своей столицей. В 1327 г. он распорядился чеканить в Бурсе первую османскую серебряную монету — акче. Это свидетельствовало о том, что процесс превращения бейлика Эртог-

рула в самостоятельное государство близился к завершению. Важным этапом на этом пути стали дальнейшие завоевания турок-османов на севере. Через четыре года после захвата Брусы войска Орхана овладели Никеей (*тур.* Изник), а в 1337 г. — Никомедией.

Когда турки двинулись к Никее, между войсками императора и турецкими отрядами, которыми предводительствовал брат Орхана, Алаэддин, произошло сражение в одном из горных ущелий. Византийцы были разгромлены, император ранен. Несколько штурмов мощных стен Никее не принесли туркам успеха. Тогда они прибегли к испытанной тактике блокады, захватив несколько передовых укреплений и отрезав город от окружавших его земель. После этих событий Никея была принуждена к сдаче. Измотанный болезнями и голодом гарнизон не смог более сопротивляться превосходящим силам противника. Захват этого города открыл туркам дорогу к азиатской части византийской столицы.

Девять лет длилась блокада Никомедии, получавшей военную помощь и продовольствие морским путем. Чтобы овладеть городом, Орхану пришлось организовать блокаду узкого залива Мраморного моря, на берегах которого была расположена Никомедия. Отрезанный от всех источников снабжения, город сдался на милость победителей.

В результате взятия Никее и Никомедии турки овладели почти всеми землями к северу от Измитского залива вплоть до Босфора. Измит (такое наименование отныне получила Никомедия) стал для зарождавшегося флота османов верфью и гаванью. Выход турок к берегам Мраморного моря и Босфора открыл им путь к набегам на Фракию. Уже в 1338 г. турки начали разорять фракийские земли, а сам Орхан с тремя десятками судов появился у стен Константинополя, но его отряд был разбит византийцами. Император Иоанн VI попытался поладить с Орханом, выдав за него свою дочь. На некоторое время Орхан прекратил набеги на владения Византии и даже оказывал византийцам военную помощь. Но земли на азиатском берегу Босфора Орхан рассматривал уже как свои владения. Приехав в гости к императору, ставку свою он расположил именно на азиатском берегу, и византийский монарх со всеми своими придворными был вынужден прибыть туда на пир.

В дальнейшем отношения Орхана с Византией вновь обострились, его отряды возобновили набеги на фракийские земли. Прошло еще полтора десятилетия, и войска Орхана начали вторгаться в европейские владения Византии. Этому способствовало то обстоя-

тельство, что в 40-х годах XIV в. Орхану удалось, воспользовавшись междоусобицей в бейлике Кареси, присоединить к своим владениям большую часть земель этого бейлика, доходивших до восточных берегов пролива Дарданеллы.

В середине XIV в. турки усилились, начали действовать не только на западе, но и на востоке. Бейлик Орхана граничил с владениями монгольского наместника в Малой Азии Эртена, ставшего к тому времени практически независимым владельцем ввиду упадка государства Ильханов. Когда наместник умер, и в его владениях началась смута, вызванная борьбой за власть между сыновьями-наследниками, Орхан напал на земли Эртена и значительно расширил за их счет свой бейлик, захватив в 1354 г. Анкару.

В 1354 г. турки без труда захватили город Галлиполи (*тур.* Гелиболу), оборонительные укрепления которого были разрушены в результате землетрясения. В 1356 г. армия под командованием сына Орхана, Сулеймана, переправилась через Дарданеллы. Захватив несколько городов, в том числе Дзориллос (*тур.* Чорлу), войска Сулеймана начали двигаться в сторону Адрианополя (*тур.* Эдирне), который был, возможно, и главной целью этого похода. Однако около 1357 г. Сулейман умер, не осуществив всех своих замыслов.

Вскоре турецкие военные операции на Балканах возобновились под руководством другого сына Орхана — Мурада. Туркам удалось взять Адрианополь уже после смерти Орхана, когда Мурад стал правителем. Произошло это, по данным разных источников, между 1361 и 1363 г. Захват этого города оказался сравнительно простой военной операцией, не сопровождавшейся блокадой и затяжной осадой. Турки разбили византийцев на подступах к Адрианополю, и город остался практически без защиты. В 1365 г. Мурад на некоторое время перенес сюда свою резиденцию из Бурсы.

Мурад принял титул султана и вошел в историю под именем Мурада I. Желая опереться на авторитет аббасидского халифа, находившегося в Каире, преемник Мурада Баязид I (1389—1402) отправил ему письмо, испрашивая признания титула султана Рума. Несколько позже султан Мехмед I (1403—1421) стал посылать в Мекку деньги, добиваясь признания шерифами его прав на султанский титул в этом священном для мусульман городе. Так, меньше чем за полтора десятилетия, небольшой бейлик Эртогрул преобразился в обширное и довольно сильное в военном отношении государство.

Что же представляло собой молодое османское государство в начальной стадии своего развития? Его территория охватывала уже

весь северо-запад Малой Азии, распространяясь до вод Черного и Мраморного морей. Начали складываться социально-экономические институты.

При Османе в его бейлике еще господствовали социальные отношения, присущие родоплеменному быту, когда власть главы бейлика основывалась на поддержке родоплеменной верхушки, а захватнические операции осуществляли ее военные формирования. Большую роль в формировании османских государственных институтов играло мусульманское духовенство. Мусульманские богословы, улемы, выполняли многие административные функции, в их руках было отправление правосудия. Осман установил прочные связи с дервишскими орденами мевлеви и бекташи, а также с ахи — религиозно-цеховым братством, которое пользовалось большим влиянием в ремесленных слоях городов Малой Азии. Опираясь на улемов, верхушку дервишских орденов и ахи, Осман и его преемники не только укрепляли свою власть, но и обосновывали мусульманским лозунгом джихада, «борьбы за веру», свои захватнические походы.

Осман, племя которого вело полукочевой образ жизни, еще не обладал ничем, кроме табунов коней и овечьих стад. Но когда он стал завоевывать новые территории, возникла система раздачи земель его приближенным в награду за службу. Эти пожалования получили название тимаров. Турецкие хроники так излагают указ Османа относительно условий пожалований: «Тимар, который я дам кому-либо, пусть без причины не отнимают. А если тот, кому я дал тимар, умрет, то пусть передадут сыну его. Если сын мал, то все равно пусть передадут, чтобы во время войны слуги его ходили в поход до тех пор, пока он сам не станет пригодным». В этом и состоит суть тимарной системы, являвшейся разновидностью военно-ленной системы и ставшей со временем основой социальной структуры османского государства.

Тимарная система обрела законченную форму в течение первого века существования нового государства. Верховное право предоставления тимаров было привилегией султана, однако уже с середины XV в. тимары жаловались и рядом высших сановников. Земельные наделы давались воинам и военачальникам как условное держание. При условии выполнения определенных военных обязанностей держатели тимаров, тимариоты, могли передавать их из поколения в поколение. Примечательно, что владели тимариоты, в сущности, не землями, являвшимися достоянием казны, а доходами с них. В зависимости от этих доходов владения такого рода дели-

лись на две категории — тимары, приносившие до 20 тыс. акче в год, и зеаметы — от 20 до 100 тыс. акче. Реальное значение этих сумм можно представить в сравнении со следующими цифрами: в середине XV в. средний доход с одного городского хозяйства в балканских провинциях османского государства составлял от 100 до 200 акче; на 1 акче в 1460 г. в Бурсе можно было приобрести 7 килограммов муки. В лице тимариотов первые турецкие султаны стремились создать прочную и верную опору своей власти — военную и социально-политическую.

В исторически сравнительно короткий срок правители нового государства стали обладателями больших материальных ценностей. Еще при Орхане случалось, что у правителя бейлика не было средств для обеспечения очередного захватнического набега. Турецкий средневековый хронист Хюсейн приводит, например, рассказ о том, как Орхан продал пленного византийского сановника архонту Никомедии, с тем, чтобы на добытые таким способом деньги снарядить войско и отправить его против этого же города. Но уже при Мураде I картина резко изменилась. Султан мог содержать войско, сооружать дворцы и мечети, тратить немалые деньги на празднества и приемы послов. Причина такой перемены была проста — со времени правления Мурада I стало законом отчисление в казну пятой части военной добычи, в том числе пленных. Военные походы на Балканы стали первым источником доходов османского государства. Дань с покоренных народов и военная добыча постоянно пополняли его казну, а труд населения покоренных областей постепенно начал обогащать знать государства османов — сановников и военачальников, духовенство и беев.

При первых султанах стала складываться система управления Османского государства. Если при Орхане военные дела решались в тесном кругу его приближенных из числа военачальников, то при его преемниках в их обсуждении начали участвовать везиры — министры. Если Орхан управлял своими владениями с помощью ближайших родственников или улемов, то уже Мурад I из числа везиров стал выделять человека, которому поручал управление всеми делами — гражданскими и военными. Так возник институт великого везира, веками остававшегося центральной фигурой османской администрации. Общими делами государства при преемниках Мурада I в качестве высшего совещательного органа ведал султанский совет в составе великого везира, глав военного, финансового и судебного ведомств, представителей высшего мусульманского духовенства.

В годы царствования Мурада I получило первоначальное оформление османское финансовое ведомство. Тогда же возникло сохранявшееся на протяжении веков разделение казны на личную казну султана и государственное казначейство. Появилось и административное деление. Османское государство было разделено на санджаки. Слово «санджак» означает в переводе «знамя», как бы напоминая о том, что управители санджаков, санджак-беи, олицетворяли на местах власть гражданскую и военную. Что касается судебной системы, то она целиком находилась в ведении улемов.

Государство, развивавшееся и расширявшееся в результате захватнических войн, проявляло особую заботу о создании сильной армии. Уже при Орхане были сделаны первые важные шаги в этом направлении. Было создано пехотное войско — яя. Пехотинцы в период участия в походах получали жалованье, а в мирное время жили за счет обработки своих земель, будучи освобождены от налогов. При Орхане были созданы и первые регулярные кавалерийские части — мюселлем. При Мураде I армия была усилена за счет крестьянского пехотного ополчения. Ополченцы, азапы, набирались только на время войны и в период военных действий также получали жалованье. Именно азапы составляли на начальном этапе развития Османского государства основную часть пехотного войска. При Мураде I начал формироваться и корпус янычар (от «ени чери» — «новое войско»), ставший впоследствии ударной силой турецкой пехоты и своего рода личной гвардией турецких султанов. Он комплектовался путем принудительного набора мальчиков из христианских семей. Их обращали в ислам и обучали в специальной военной школе. Янычары были подчинены самому султану, получали жалованье от казны и с самого начала стали привилегированной частью турецкого войска; командир янычарского корпуса входил в число высших сановников государства. Несколько позже янычарской пехоты были сформированы конные отряды сипахи, которые также подчинялись непосредственно султану и находились на жалованье. Все эти военные формирования обеспечивали устойчивые успехи турецкой армии в период, когда султаны все более расширяли завоевательные операции.

Таким образом, к середине XIV в. сложилось первоначальное ядро государства, которому суждено было стать одной из самых крупных империй Средневековья, мощной военной державой, в короткий срок подчинившей себе многие народы Европы и Азии.

ПОХОДЫ НА БАЛКАНАХ, НАШЕСТВИЕ ТИМУРА, БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ГОСУДАРСТВЕ ОСМАНОВ

Вторая половина XIV — первая половина XV в. стали в истории государства турок-османов временем реализации завоевательных устремлений его правителей. Этот период заполнен драматическими событиями — победами и поражениями турецкого оружия, взлетами и падениями могущества султанов, кровавой борьбой за власть внутри династии Османа. И хотя на протяжении этого периода были даже годы, когда крах молодого государства мог показаться неизбежным, столетняя полоса его истории, о которой пойдет речь, в целом может быть охарактеризована коротко — на пути к созданию империи.

На рубеже 50—60-х годов XIV в. наступление турок-османов на Балканах на некоторое время было приостановлено. Борьба за власть в династии Османа и обострившиеся отношения с соседями-бейликами в Малой Азии вынудили Мурада I на время отказаться от завоеваний на Балканах. В 1366 г. владения Мурада на Галлипольском полуострове были захвачены графом Амадеем Савойским — дядей тогдашнего императора Византии.

Как только Мураду удалось укрепить свою власть, устранить соперников-братьев — Ибрагима (он был умерщвлен по приказу султана) и Халиля (причина его смерти осталась невыясненной), он обратился к восточным и южным границам государства. Ему удалось довольно быстро ликвидировать угрозу со стороны беев тех соседних тюркских бейликов, которые пытались оспаривать у османов главенство в Малой Азии. Поход Мурада против караманского бея завершился захватом Анкары, которая уже однажды побывала в руках османов. В результате этого похода к владениям Мурада прибавились значительные территории в округе Анкары, которые издавна славились шерстью ангорских коз и шерстяными изделиями местных ремесленников.

Обеспечив себе сравнительную безопасность на востоке, Мурад I вновь повернул свои войска на запад. Он довольно быстро возвратил все потерянные ранее земли во Фракии. В 1362 г. турки захватили большой и богатый болгарский город Филиппополь (Пловдив), а

двумя годами позже болгарский царь Шишман оказался в положении данника османского султана и вынужден был пополнить гарем Мурада I своей сестрой. В середине 70-х столица Османского государства была перенесена в Эдирне.

Но наступательный порыв османов на Балканах вновь был приостановлен внутренними распрями в династии Османа. Сын Мурада I, Савджи, в 1373 г. поднял бунт против султана. Принц сумел заключить договор с наследником византийского престола Андроником, оспаривавшим власть у своего отца — императора Иоанна V. Султан лично возглавил войска, направившиеся против бунтовщика. Савджи и его приверженцы были осаждены в Димотике во Фракии. Войска принца, уstraшенные появлением армии султана, покинули его. Савджи был схвачен и подвергнут мучительной казни: ему выкололи глаза, а затем отрубили голову. Греческих пособников Савджи Мурад I повелел сбросить с крепостной стены в реку, а византийскому императору пришлось по настоянию султана ослепить своего непокорного сына.

К тому времени турки вселили в византийцев такой ужас, что императоры Византии уже вели себя как данники султанов. Дочери императора были отданы в жены Мураду и двум его сыновьям. Вскоре Византии пришлось вернуть Мураду I и незадолго до этого потерянные им владения на Галлипольском полуострове. Осенью 1376 г. османы восстановили свою власть в Галлиполи. В конце 70-х—80-х годах турецкие войска захватили почти все византийские владения на Балканах. Константинополь с хинтерландом оказался под постоянной угрозой турецкого нашествия.

В 1387 г. силы Мурада оказались ненадолго отвлеченными от операций на Балканах. Это произошло из-за конфликта с беем Карамана. Дело в том, что Мурад I присоединил к своим владениям часть бейлика Хамид, купив эти земли у его правителя. Караманский бей оспаривал сделку. Момент для выступления показался караманскому бею Алаэддину подходящим ввиду недавней междоусобицы в государстве османов и концентрации их военных сил на Балканах. Мурад, однако, сумел быстро подготовить армию к походу против караманского бея и в сражении на Конийской равнине разбил его наголову. После этого султан осадил Конью, но Алаэддин запросил мира. Мурад прекратил военные действия в Анатолии, разделил все свои тамошние владения на пять санджаков, поставив во главе их преданных ему сановников. После этого он вернулся со своим войском на Балканы.

Временем тяжких испытаний для балканских народов оказался 1389 год. В этом году турки вторглись в болгарские земли, захватили ряд городов и осадили Никополь, где укрылся царь Шишман. Болгарский царь вынужден был сдаться на милость победителей. Затем он признал себя вассалом султана. В этот момент сербский князь Лазар собрал большое войско, намереваясь предупредить вторжение турецкой армии в Сербию. Лазар надеялся на успех, помня о том, что за два года до этого его войскам удалось при поддержке отрядов боснийцев нанести туркам поражение в битве при Плочнике. Но надеждам этим не суждено было сбыться.

В июне 1389 г. Мурад I во главе огромной армии вступил на сербские земли. Пройдя через труднодоступное Ихтиманское ущелье, турки достигли реки Моравы, перешли ее в брод и заняли позиции на Косовом поле — равнине, находившейся на границе Боснии, Сербии и Албании и называвшейся еще Дроздовой долиной. Войскам Мурада I здесь противостояла союзная армия, главные силы которой составляли соединения сербов и боснийцев. Их поддерживали небольшие отряды албанцев и герцеговинцев, а также поляков и венгров. Сражение произошло 15 июня 1389 г. Первыми кинулись в атаку янычары. Затем началась жестокая битва.

Необычная ситуация сложилась в стане турок. Ранним утром, когда Мурад одевался, готовясь к сражению, в его шатер был доставлен серб-перебежчик по имени Милош, пообещавший сообщить сведения о расположении противостоявшей туркам армии. Когда Милоша подвели к султану, он неожиданно вонзил кинжал ему в сердце. Серб был тут же зарублен янычарами, охранявшими султанский шатер. Самоотверженный поступок сербского воина не повлиял на исход сражения. Турки одержали полную победу. Лазар был пленен, а затем обезглавлен на глазах у умиравшего от смертельной раны Мурада I. Победу турок в немалой мере определило огнестрельное оружие — пушки и мушкеты, — которыми они были снаряжены незадолго до этого. Старший сын Мурада, Баязид, был провозглашен султаном. Он тут же приказал задушить своего брата, дабы избежать возможной борьбы за престол.

Битва на Косовом поле решила судьбу Сербии. До середины XV в. она находилась в вассальной зависимости от турецких султанов и выплачивала им значительную дань, а затем была включена в состав Османского государства в качестве провинции. Но сражение на Косовом поле имело еще более важные последствия: отныне Баязид I, прозванный Йылдырым (Молниеносный), стал полновла-

ственным хозяином Балкан. Византийский император чувствовал себя настолько беззащитным перед грозным противником, что вел себя как вассал султана. Дело дошло до того, что в 1390 г., во время одного из походов султана по Малой Азии, наследник византийского престола с военным отрядом находился в рядах османского воинства. По иронии судьбы именно византийский цесаревич первым взойшел на стену осажденной турками Филадельфии, расположенной к востоку от Смирны (*тур.* Измир): то было последнее владение греков в западной части Малой Азии.

В конце XIV в. главной целью турецких завоеваний по-прежнему были балканские земли. В 1393 г. войска Баязида захватили болгарскую столицу Тырново. К 1395 г., когда пал последний непокоренный город Болгарии, Видин, Болгарское царство почти полностью оказалось во власти турок. В 1394 г. османские полчища вторглись на Пелопоннес, греческим князьям пришлось признать вассальную зависимость от султана. Несколько раз турецкие отряды проникали в Албанию, но горцы оказали им упорное сопротивление. В результате лишь немногие земли албанцев попали под власть султана.

Походы войск Мурада I и Баязида I по балканским землям обернулись страшной трагедией для местного населения. Разорение десятков городов и многих сотен сел, массовые убийства мирных жителей, грабежи и разбой — такой была картина покорения Балкан. Вот как описывает действия воинов Мурада I византийский историк Лаоник Халкондил: «... он (султан Мурад I. — Ю.Л.) опустошил внутренние районы Македонии, увел много рабов и обогатил своих воинов. Тех турок, которые следовали за ним в надежде любым путем нажиться, он одарил рабами и скотом, захваченными у болгар и греков». Другой византийский историк, Дука, писал, что турецкие воины шли в поход в расчете поживиться грабежом, причем особенно отличалось в грабежах, насилиях и убийствах мирных жителей многочисленное плохо вооруженное и крайне недисциплинированное ополчение, составлявшее основную часть султанского воинства в балканских походах.

Бесчинства турецких завоевателей на Балканах выделялись даже на фоне обычных примеров жестокости средневековых войн. Страдания народов захваченных территорий были поистине безмерны. Монах одного из балканских монастырей Исайя писал о состоянии многих областей Юго-Восточной Европы после битвы с турками при Марице в 1371 г.: «... и такая нужда и жестокость охватила все западные города и страны, какой ни ушами не слышали, ни гла-

зами не видели». Исайя рассказывал, что турецкие воины повсеместно убивали жителей-христиан, а часть из них уводили в плен. После этого «наступил голод такой по всем странам, какого не было от сотворения света...». Турецкие хронисты Средневековья также рисуют жестокие картины завоеваний на Балканах. Угон огромного числа жителей балканских стран в рабство и исламизация части населения, преимущественно из числа местной знати, были для турецких султанов средством ассимиляции балканских народов. Этой же цели служило интенсивное переселение в южнославянские земли турок из многих районов Малой Азии. Одновременно султаны начали практиковать принудительное переселение балканских христиан на земли Малой Азии.

Опустошив болгарские земли, войска Баязида I начали вторгаться в Венгрию, но первоначально это были набеги, после которых турецкие отряды возвращались на болгарские земли. Венгерский король Сигизмунд попытался в 1392 г. организовать поход против турок, но безуспешно.

Последние годы XIV в. ознаменовались присоединением к государству османов турецких бейликов Анатолии. В короткий срок (в 1389—1390 гг.) Баязид I подчинил своей власти бейлики Западной и Центральной Анатолии — Айдын и Сарухан, Гермиян, Ментеше и Хамид. В 1390—1392 гг. был разгромлен и покорен бейлик Караман. Его правитель Алаэддин, нарушивший мир с султаном и напавший неожиданно на его войска, потерпел затем полное поражение в сражении с самим Баязидом I. Он был пленен и удушен по приказу султана. К 1396 г. к владениям Баязида I был прибавлен Сивас.

Стремительные операции Баязида I оправдывали его прозвище Молниеносный. В 1396 г., вдохновленный победами своих войск, он решился даже на попытку захвата византийской столицы. Но не успел султан встать со своим войском у стен Константинополя, как в его лагерь пришло известие о том, что венгерский король Сигизмунд начал готовить крестовый поход против турок.

Турецкое завоевание Болгарии и Сербии создало непосредственную угрозу Венгрии, к границам которой приблизилось вплотную войско султана. Очевидной стала и турецкая угроза народам Центральной Европы. Это позволило Сигизмунду добиться того, чего ему не удалось сделать в 1392 г. Король собрал под знаменем креста не только венгерских воинов, но и рыцарей из многих стран Европы. В его войске были отряды английских, французских, итальянских, немецких, чешских рыцарей. Объединенное войско крестоносцев насчиты-

вало, по данным разных источников, от 60 тыс. до 100 тыс. человек. Но силы Баязида I, двинувшегося от стен Константинополя навстречу армии крестоносцев, по численности вдвое превышали ее.

Противники встретились у захваченного турками болгарского города Никополя (на правом берегу Дуная), который осадили союзные войска. Сражение произошло 25 сентября 1396 г., и было оно невероятно упорным и кровопролитным. Вначале удача сопутствовала союзному войску. Отряды французских рыцарей смяли первую линию войска турок, в том числе янычарскую пехоту. Лишь бросив в бой резерв, состоявший из отборных кавалерийских частей, Баязид I смог добиться перелома в ходе битвы. В немалой степени этому способствовало 15-тысячное войско вассала султана сербского князя Стефана Лазаревича, вступившее в бой в решающий момент сражения.

Армия Сигизмунда была разгромлена, его разбитые части обратились в бегство. Сам Сигизмунд с горсткой приближенных сумел на конях уйти от преследования к берегу Дуная, где его ожидала лодка, доставившая на один из кораблей, которые входили в состав венецианско-мальтийской эскадры, крейсировавшей по Дунаю.

Потери с обеих сторон были огромны. В плен к туркам попал около 10 тыс. крестоносцев. Расправа над ними по приказу Баязида стала страшным финалом сражения. Почти все пленные были обезглавлены, остальные были убиты ударами палиц. Казнь длилась почти целый день, и даже приближенные и военачальники султана, не вынеся зрелища кровавой бойни, просили Баязида остановить ее. Султан помиловал лишь немногих юношей, но отдал их в рабство своим сановникам.

Нескольких самых знатных рыцарей Баязид передал французскому королю Карлу VI за огромный выкуп. Рассказывая о размерах этого выкупа, французские летописцы называют не только 200 тыс. золотых дукатов, которые были доставлены султану через генуэзских банкиров, но и великолепные рейнские полотна белого и розового цветов, пикардийские тканые обои с изображением сцен из жизни Александра Македонского и даже норвежских белых соколов. Получив выкуп, Баязид решил на прощание поразить рыцарскую знать зрелищем султанской охоты. И действительно, ее размах и роскошь были необычайными: 7 тыс. сокольников и 6 тыс. доезжачих, атласные попоны собак... Демонстрация богатства и силы завершилась тем, что Баязид послал своеобразный дар Карлу VI — полное вооружение турецкого воина, в том числе шесть луков с те-

тивной из человеческой кожи. Намек на поражение при Никополе был очевиден.

Страшное поражение крестоносцев имело много последствий. Под властью султана окончательно оказались все болгарские земли, признать сюзеренитет султана был вынужден и господарь Валахии.

Таким образом, уже к концу XIV в. туркам удалось подчинить себе — в той или иной форме — значительную часть Балкан. Это объяснялось прежде всего разобщенностью южнославянских феодальных государств, не позволившей им объединить силы в борьбе с турецкой экспансией, обеспечившей сравнительную легкость, с которой османские султаны разгромили и подчинили себе их поодиночке. Сыграла свою роль и предательская политика ряда крупных феодалов, переходивших на сторону султанов в момент, когда решалась судьба того или иного сражения, либо поступавших со своими дружинами на турецкую службу. Так, когда в самом начале XV в. после монгольского нашествия (о нем речь пойдет ниже) обнаружилась слабость турецкого государства и у балканских народов появилась надежда на освобождение от османского ига, в Сербии вспыхнула жестокая междоусобица между князьями. В результате, когда один из них — князь Стефан — в 1402 г. вступил в сражение с одним из османских принцев, на стороне турок выступил двоюродный брат Стефана — Юрий Бранкович. Многие мелкие сербские князья открыто высказывались за подчинение власти султана, надеясь под его покровительством сохранить свои владения и доходы.

В 1397 г. войска Баязида вторглись в Аттику и Пелопоннес. Затем султан вернулся к планам завоевания византийской столицы. Баязид блокировал Константинополь с суши, разорил его окрестности и в 1400 г. начал осаду. Она оказалась безуспешной, ибо столь сильно укрепленный город без мощной осадной техники и сильного флота, необходимого для установления морской блокады, взять было невозможно. Баязид отступил от стен Константинополя, намереваясь возобновить осаду, когда будет обладать всеми нужными для этого средствами. Судьба византийской столицы, однако, решилась на этот раз неожиданным образом.

В начале XV в. над государством османов нависла страшная опасность: в Малую Азию вторглись полчища среднеазиатского эмира Тимура. Создав к концу XIV в. огромную империю, простиравшуюся от границ Китая и Бенгальского залива до Закавказья, Тимур на рубеже XIV—XV вв. поставил своей целью уничтожение султанта турок-османов. Покорив Закавказье, он начал совершать рейды

по восточным землям османских султанов. Впервые его армия вторглась в пределы Восточной Анатолии в 1386 г., но тогда дело ограничилось опустошительными набегами и разгромом объединенного войска анатолийских беев в районе Эрзинджана. В 1395 г. Тимур вновь появился в этих краях. Он дошел до Сиваса, уничтожая все на своем пути.

В захваченном Сивасе Тимур приказал бросить четыре тысячи пленников-армян связанными в ямы, закрыть ямы досками и засыпать землей. Смерть пленников была медленной и мучительной. Все остальные жители города, в том числе женщины и дети, были буквально растерзаны воинами Тимура, опьяненными победой и видом льющейся крови. В числе убитых был и сын Баязида — Эртогрул. От Сиваса полчища Тимура повернули на восток, вторглись в арабские земли и завоевали Халеб, Дамаск и Багдад.

Султан Баязид I весьма пренебрежительно отнесся к грозной опасности. Когда армия Баязида еще стояла у стен Константинополя, в лагерь султана прибыли послы Тимура с категорическим требованием вернуть византийцам все захваченные у них турками-османами земли. Ответ Баязида был откровенно оскорбительным. Все же султан отвел свои основные силы в Анатолию. Но самонадеянность Баязида продолжала определять его поведение в назревавшем военном столкновении с опасным врагом. Во всяком случае, когда в Бурсу, где находился в это время султан, прибыл посол Тимура, Баязид отослал его со словами: «Пусть Тимур начинает войну, я предпочитаю ее миру между ним и мною».

Весной 1402 г. Тимур во главе огромного войска снова двинулся в Малую Азию, намереваясь сразиться с Баязидом. 25 июля 1402 г. противники сошлись под Анкарой. Армия Баязида насчитывала, по данным разных источников, от 120 тыс. до 160 тыс. воинов. Точная численность войска Тимура неизвестна, но определенно можно говорить, что оно было намного больше армии османского султана. Некоторые историки считают, что в сражении под Анкарой участвовало почти полутора миллиона воинов.

С самого начала военных действий Баязид допустил очевидные просчеты в тактике, да и дисциплина в его войсках была настолько плоха, что подготовка к тяжелым боям была проведена из рук вон плохо. Среди воинов Баязида действовали лазутчики Тимура. Боевой дух войска отнюдь не укрепляла регулярная задержка с выдачей жалованья, недовольство воинов скупостью султана проявлялось неоднократно.

Тимур начал осаду Анкары. Однако это был лишь маневр, так как опытный полководец хотел вынудить Баязида перебросить к Анкаре основную часть армии, с тем чтобы дать здесь туркам решающее сражение. Уловка удалась. Узнав о том, что воины Тимура роют подкопы под стены Анкары, Баязид, находившийся с главными силами в районе Токата, поспешил к осажденному городу. А тем временем Тимур снял осаду и расположил свою армию на удобных позициях, полностью подготовившись к встрече с противником, так что, когда войско Баязида подошло к месту будущей битвы, оно оказалось в невыгодном положении.

Битва началась с восходом солнца. Перед позициями армии Тимура выстроилось тридцать индийских боевых слонов — немалая диковинка для воинов противника и внушительная сила в наступательном бою. Первый удар войск Тимура пришелся по левому флангу Баязида, где дрались сербские дружины. Сербы держались стойко. Тогда Тимур нанес удар по правому флангу, где стояли полки из бывших бейликов Сарухан, Ментеше и Гермиян. Бой был длительным и упорным, но, в конце концов, Тимуру удалось принудить турок к отступлению. Дольше всех продержались янычары, предводительствуемые самим султаном. Когда почти все янычары были перебиты, Баязид попытался спастись бегством, но был схвачен. Вместе с ним попал в плен и один из его сыновей — Муса. По иронии судьбы Баязид потерпел поражение и был пленен в тех краях, где за полтора века до этого, во времена легендарного Эртогрула, возникло ядро государства турок-османов. Не встречая отныне серьезного сопротивления, полчища Тимура опустошили область Коньи, разграбили и сожгли Бурсу, Денизли, Измир.

Взятие Измира, хорошо укрепленной крепости, захваченной незадолго до этого родосскими рыцарями, было одним из наиболее ярких эпизодов анатолийской кампании Тимура. Родосские рыцари отклонили требование о сдаче Измира. Тогда воины Тимура начали метать в город зажженные стрелы: использовали они и «греческий огонь» — зажигательную смесь, изобретенную некогда византийцами. Затем они насыпали параллельно крепостным стенам большой вал и вкатили на него осадные башни. Под стены были сделаны подкопы; их забивали хворостом, который поджигали, вызывая обвалы в оборонительных сооружениях. Чтобы прервать связь города с внешним миром, Тимур даже распорядился завалить камнем гавань Измира между двумя молами. Осада длилась две недели, а затем го-

род был взят штурмом. Рыцарям удалось спастись морем, а все жители были уничтожены воинами Тимура.

Путь армии Тимура по Малой Азии был отмечен десятками тысяч убитых, дотла сожженными городами и селами. Византийский историк Дука так описывал эти события: «Продвигаясь от города к городу, он (Тимур. — Ю.П.) до того опустошил покинутую страну, что теперь уже не слышно было ни собачьего лая, ни петушиного пения, ни детского плача. Как рыбак, вытаскивая сеть из глубины на землю, захватывает ею все, что попадется... так и он обезлюдил всю Азию». Тимур угнал в свою столицу Самарканд тысячи и тысячи пленных, в числе которых было много ремесленников-умельцев, которыми славились города Малой Азии. Он намеревался доставить туда и плененного Баязида, которого все время возил с собой. Когда Баязиду стало известно об этом, он отравился. Пребывание султана в плену у Тимура породило немало легенд, в том числе легенду о железной клетке, в которой Тимур возил с собой знатного пленника. Скорее всего под железной клеткой имелся в виду паланкин, окна которого были забраны решетками. Такие носилки для перевозки арестованных использовались еще в Византии. Турецкий историк конца XV в. Нешри писал, что Тимур приказал соорудить для Баязида «паланкин наподобие клетки», который везли между двух лошадей впереди самого Тимура, а на привалах устанавливали перед его шатром.

Следствием разорения Тимуром Малой Азии было временное прекращение существования централизованного Османского государства. Когда Тимур в конце 1403 г. покинул Анатолию, он вернул самостоятельность бейликам Айдын, Гермиян, Караман и ряду других в прошлом самостоятельных областей, вошедших впоследствии в состав государства османов. Но и ту территорию, которую победитель счел возможным оставить династии Османа, Тимур разделил между четырьмя сыновьями Баязида. В результате целое десятилетие продолжалась кровопролитная борьба за власть между братьями.

Старший сын Баязида, Сулейман, получивший во владение европейские земли османов, обосновался в столице Баязида Эдирне и стал претендовать на положение султана. Стремясь обеспечить себе поддержку в борьбе с другими претендентами, Сулейман пытался расположить к себе императора Византии Мануила П. Он вернул ему Фессалонику и ряд городов во Фракии, а также пообещал возвратить в будущем и некоторые из его бывших азиатских владений, которые пока контролировали другие сыновья Баязида. Император, стремясь использовать выгодную обстановку, отдал в жены

Сулейману свою племянницу. Со своей стороны, Сулейман направил в Константинополь младшего брата, Касыма, в качестве заложника. Другие претенденты искали помощи на Балканах. Так, второй сын Баязида, Муса, нашел поддержку у валашского господаря Мирчи Старого.

Борьба за престол отражала не только личные амбиции претендентов. Сыновья Баязида опирались на разные группировки, преследовавшие собственные цели. Сулеймана, в частности, вначале поддерживали крупные беи в европейских владениях османов; позже он сделал своей опорой янычар и некоторых вассальных христианских князей. Но, именно лишившись поддержки местных беев, Сулейман проиграл в борьбе за престол. Таким образом, междоусобица в турецком государстве отражала и определенные социальные противоречия в османском обществе.

Борьба была упорной и жестокой. Сулейман несколько раз вступал в кровопролитные сражения с еще одним своим братом — Исой. После первого поражения Иса на некоторое время укрылся в Константинополе. Затем он вновь собрал десяти тысячное войско, однако Сулейману удалось опять его разбить. В третий раз Иса напал на брата, заручившись помощью беев Сарухана и Ментеше, но и тут его постигла неудача. В 1405 г. Сулейман пленил и умертвил брата-соперника. В 1408 г. ему удалось разбить и войско Мусы в сражении, которое произошло недалеко от Константинополя. Но положение было непрочным. Из-за длительных запоев и инертности в государственных делах он утратил авторитет у своих приближенных и в армии. В результате, когда Муса стал агитировать против византийской политики Сулеймана и призывать к «защите веры», войска Сулеймана начали постепенно покидать его, переходя на сторону Мусы. В 1409 г. Сулейман был убит при попытке найти убежище в византийской столице. Муса занял султанский трон в Эдирне.

Придя к власти, Муса попытался укрепить свое положение, опираясь на влиятельные социально-политические группировки. Он стремился ликвидировать опасное для него соперничество между пограничными беями и руководителями центральной администрации, предоставляя обеим группировкам сравнительно равные возможности и права в делах управления. Но противоречия все же сохранялись, особенно давая себя знать в военной прослойке, где сталкивались интересы воинов прежних формирований и новых войск — янычар и тимариотской кавалерии, сипахи. Борьба шла за

тимары и связанные с ними доходы, а вместе с ними за положение в феодализировавшемся османском обществе.

Муса удержался на троне всего около четырех лет. За это время он успел совершить опустошительный поход по землям Сербии, захватить у византийцев и разорить Фессалонику. Любопытно, что город этот оборонял вместе с византийцами сын покойного Сулеймана — Орхан. Когда он попал в плен, его ослепили. Несколько позже Муса, собрав значительное войско, задумал захватить

Константинополь. Когда войска Мусы приблизились в 1411 г. к городу, император решил обратиться за помощью к младшему брату Мусы, Мехмеду, который прочно обосновался в Анатолии. Византийский флот помог войску Мехмеда переправиться к стенам Константинополя. Несколько стычек не принесли успеха ни одному из противников, но Мехмед вынужден был вернуться в свои анатолийские владения, ибо им грозила опасность со стороны захватившего власть в Айдынском бейлике Джунейда Измироглу. Когда безопасность его земель была вновь обеспечена, Мехмед, заключив союз с сербским князем, вновь начал борьбу против Мусы. Ему удалось тайно привлечь на свою сторону некоторых сановников и военачальников брата. Открыто перешел на сторону Мехмеда турецкий наместник Фессалии. Войска Мехмеда подошли к Эдирне, но гарнизон города не принял предложения о сдаче. Наконец в 1413 г. войска Мехмеда и Мусы встретились в долине Марицы. Муса был разбит, потерял в сражении руку и бежал в Валахию, где его скоро постигла смерть (по другим сведениям, он был взят в плен и умерщвлен по приказу брата). Так или иначе, но кровопролитная междоусобица закончилась воцарением Мехмеда.

Султан Мехмед I смог вернуть власть османов над их прежними владениями в Румелии и Анатолии. Он предпочитал мирные отношения с Византией и даже возвратил императору Фессалонику и ряд городов, в свое время занятых Мусой. Мехмед тратил значительные средства на укрепление границ, возведение пограничных крепостей и строительство общественных зданий, в том числе мечетей в больших городах Османского государства. В декабре 1421 г. он умер в Эдирне от апоплексического удара. Пора его царствования была отмечена войнами и внутренними восстаниями.

К 1415 г. Мехмеду I удалось восстановить власть османов почти во всех анатолийских бейликах. Лишь самый крупный из них, Караман, не отказался от своей независимости, и Мехмеду I пришлось в 1415 г. заключить мир с караманским беем. В 1416 г. султан вел воен-

ные действия против венецианцев, которые захватили ряд принадлежавших византийцам земель. Это была в основном война на море, а флот султана был довольно слаб. Наиболее значительное морское сражение турок с венецианцами произошло недалеко от Дарданелл и закончилось поражением османской флотилии. 25 турецких кораблей были захвачены венецианцами, которыми командовал Лоредано. По приказу Лоредано их экипажи были повешены на реях. Другие морские операции также не принесли туркам успеха. В результате Мехмеду I не удалось извлечь никаких выгод из войны против Венеции, султан вынужден был пойти на заключение мира.

Опустошительные походы Тимура и десятилетняя борьба за власть между сыновьями Баязида привели к полному разорению большинства малоазийских земель. Сельское хозяйство и ремесла пришли в упадок, а население городов и сел испытало неисчислимые беды и страдания. Особенно тяжким оказалось положение населения в Западной Анатолии, где беи Сарухана, Ментеше и Айдына принуждали своих крестьян к участию в войнах, которые вели претенденты в период междоусобицы. К тому же многие области Западной Анатолии пострадали от военных походов айдынского бея Джунейда, весьма воинственного правителя, долгое время действовавшего в поддержку одного из претендентов на престол — Сулеймана. Когда же Мехмед I укрепился на престоле, он в 1414—1415 гг. восстановил на этих землях свою власть. Крестьяне не имели покоя, с трудом обрабатывали свои поля в короткие промежутки затишья между набегами и сражениями, никогда не зная, удастся ли собрать урожай и кому он достанется. Недовольство крестьянства и трудового люда городов вылилось в восстание, одно из наиболее значительных в истории Османской империи.

Восстание подготовил и возглавил суфийский шейх Бедреддин, который при Мусе занимал должность кадиаскера (главного войскового судьи) Румелии, а после победы Мехмеда I был сослан в Западную Анатолию. Изник, где поселился Бедреддин, был расположен в местах, больше других пострадавших от военных бедствий последних лет. Весной 1416 г. шейх, воспользовавшись трудным для Мехмеда I умиротворением беев в Анатолии и его неудачной войной с Венецией, решил поднять крестьян против султана и его сановников. Он разослал своих учеников-мюридов в их родные края, чтобы развернуть агитацию в пользу восстания. Особую активность проявили два ученика шейха — крестьянин Берклюдже Мустафа и дервиш Торлак Кемаль. Первый из них собрал армию, по разным источ-

никам, от 2 тыс. до 10 тыс. человек. Центром этого очага восстания стала гора Стилярий на полуострове Карабурун, примерно в 60 километров от Измира. Другой очаг возник к северо-востоку от Измира, где агитировали Торлак Кемаль и его приверженцы. Они сумели собрать под свои знамена около 7 тыс. крестьян, доведенных до отчаяния бесконечными поборами и грабежами.

Шейх Бедреддин и его ближайшие сподвижники проповедовали аскетизм, идеи социального равенства, взаимного уважения различных религий. Сам Бедреддин несколько лет провел в странствиях по Анатолии, побывал в Иране и Египте, был знаком с жизнью ряда христианских государств. Учение Бедреддина было своеобразной смесью суфийской мистики, мессианских надежд мусульман-шиитов, а также ряда идей, заимствованных у христианства. Не случайно оно нашло поддержку у населения Румелии и Западной Анатолии, где мусульмане и христиане уже длительное время соседствовали и смешивались, образуя этнически разнородное население городов и сел. Сам шейх Бедреддин пользовался популярностью в массах благодаря его горячей проповеди социальной справедливости.

Бедреддин выдвигал идеи, резко отличавшиеся от догматов суннизма — течения в исламе, которое заняло господствующее место в Османском государстве. Он, в частности, утверждал наличие у человека свободы воли, права выбора между добром и злом. Эти еретические мысли сочетались у шейха с особенно крамольной для суннитского духовенства идеей равенства мусульман и немусульман. Указанная черта мировоззрения Бедреддина привлекла в ряды его последователей часть христианского населения Западной Анатолии. Особенно притягательными были для тысяч крестьян разных вероисповеданий лозунги уравнительного коммунизма, которые выдвинул Берклюдже Мустафа. Историк Дука писал, что он, «кроме жен, провозгласил все общим: и пищу, и одежду, и запряжки, и пашни». Пропагандируя общность имущества, Берклюдже убеждал: «Я пользуюсь твоим домом как своим, ты моим домом как своим, кроме женщин». Он страстно призывал к аскетическому образу жизни.

Лозунги общности имущества и социального равенства были направлены против устоев Османского государства. Такие лозунги не были новыми на Востоке, ими не раз вдохновлялись участники антифеодальных выступлений в Ираке, Иране, Средней Азии. Но в государстве османов они впервые были выдвинуты в период восстания под руководством шейха Бедреддина.

Когда Мехмед I узнал о начавшемся на западе его владений восстании, он вначале не оценил должным образом его масштабы и исходящую от него опасность. Санджак-бею Сарухана было приказано жестоко покарать еретиков. Однако повстанцы дважды разгромили брошенные против них отряды санджак-бея. Победы вдохновили их, и они готовы были двинуться в другие территории Анатолии. Но руководители восстания, в частности Берклюдже Мустафа, медлили. Тем временем Мехмед I собрал во Фракии и Западной Анатолии большую армию и направил ее против повстанцев. Командовать ею он поручил опытному военачальнику великому везиру Баязид-паше. Развернулись упорные бои. Войска султана имели большое преимущество в численности и вооружении, но повстанцы дрались отважно. В их рядах было немало женщин, воевали порой и дети. Но все же султанская армия взяла верх. Первыми были разгромлены отряды Берклюдже Мустафы. Сам он и часть его ближайших сподвижников попали в плен. Их подвергли жесточайшим пыткам, требуя отказаться от еретических убеждений. Но все они предпочли предательству мучительную казнь. Самого Берклюдже Мустафу возили по улицам Эфеса (*тур.* Сельчук) на верблюде, привязанным к кресту. Умирал Берклюдже Мустафа мужественно, предания о храбром защитнике трудового люда долгое время ходили в народе.

Вскоре после казни Берклюдже Мустафы войска Баязид-паши были переброшены в район действий отрядов Торлака Кемалья. И здесь упорные кровопролитные бои завершились поражением повстанцев. Торлак Кемаль попал в плен и был повешен. Войска Баязид-паши повсеместно уничтожали не только самих повстанцев, но и всех заподозренных в ереси. Не щадили победители даже стариков, женщин и детей. Но огонь восстания потушить полностью не удалось.

Весной 1416 г. шейх Бедреддин попытался заручиться поддержкой бея Айдына Джунейда, правителя Кастамону, Исфендияра, и валашского воеводы Мирчи. Однако, побывав в Кастамону и Валахии, Бедреддин убедился, что может рассчитывать лишь на силы своих приверженцев. Добравшись до района Силистры, шейх нашел пристанище в глухих чащах Дели Орман и начал отсюда призывать народ продолжить восстание. Идеи Бедреддина нашли особенно много сторонников в районе Старой Загоры, находившейся недалеко от султанской столицы — Эдирне. Когда шейх прибыл в эти края, вокруг него собралось несколько тысяч людей, готовых к действию.

К повстанцам примкнуло некоторое число тимариотов, потерявших свои владения после воцарения Мехмеда I.

Султан направил против восставших войска под командованием того же Баязид-паши, переброшенные в Румелию из Западной Анатолии. В первом же серьезном бою отряды Бедреддина потерпели поражение, а сам шейх вновь укрылся в чащах Дели Орман. К нему стали стекаться приверженцы, но вскоре Бедреддин был схвачен. Его предали тимариоты, когда им стало ясно, что у восставших нет шансов на успех. По приговору духовного суда шейх в декабре 1416 г. был повешен. Вдохновленное его идеями восстание длилось около десяти месяцев. Султану понадобилось много времени и сил, чтобы подавить его. Восстание шейха Бедреддина, несмотря на его поражение, оставило заметный след в средневековой истории Турции, знаменовало начало борьбы крестьянства Османской империи против жестокой феодальной эксплуатации.

Годы правления Мехмеда I были отмечены и отголосками династической борьбы. Трижды (в 1414—1415 гг. и в 1421 г.) против него поднимал в Румелии восстание человек, которого одни источники считают сыном султана Баязида — Мустафой, вопреки официальной версии не погибшим в битве под Анкарой, а другие — самозванцем, лже-Мустафой. Скорее всего бунтовщик действительно был братом Мехмеда I, ибо, когда Мустафа после одного из своих неудачных выступлений против султана нашел убежище в византийской столице, Мехмед I некоторое время даже выплачивал на его содержание во владениях императора (Мустафа и его свита некоторое время находились и на острове Лемнос) 300 тыс. акче. Византийский император предлагал Мехмеду I выделить Мустафе часть его владений, но султан ответил решительным отказом. Поддерживали Мустафу чаще всего те самые местные беи, которые прежде участвовали в междоусобной борьбе сыновей Баязида. Мустафа опирался также на поддержку императора Византии, валашского господаря и бывшего измирского бея Джунейда, ставшего к тому времени санджак-беем в Никополе (*тур.* Никеболу). Последнее его выступление окончилось неудачей, и Мустафе пришлось вновь укрыться во владениях императора. Мехмед I в наказание бунтовщикам разорил валашские земли. В 1420 г. султан вернул себе ряд городов в районе Измитского залива, которые после Анкарской битвы попали под власть византийцев.

Когда в мае 1421 г. султан Мехмед I после длительной болезни скончался, известие о его смерти приближенные сохраняли в тай-

не 40 дней, ожидая прибытия в столицу наследника — его сына Мурада. Они опасались выступления Мустафы в качестве претендента на престол.

Новому султану, Мураду II, пришлось все же начать свое правление с борьбы против Мустафы, выдвинувшего притязания на трон. На этот раз Мустафе удалось установить контроль над частью румелийских владений османов. Затем он сделал попытку вторгнуться в Анатолию. Армии Мустафы и Мурада II сошлись на берегу реки Улубад недалеко от Бурсы. Произошло это весной 1422 г. Мустафа не решился начать сражение, опасаясь предательства поддерживавших его беев. Он тайно бежал из своего лагеря, после чего его войско было разбито Мурадом II. Для поимки Мустафы султан отправил отборный отряд. Бунтовщик был схвачен, доставлен в Эдирне, где и был повешен по приказу султана. Труп его долго оставался на виселице для устрашения непокорных. Мустафа был казнен как простой смертный, его принадлежность к династии Мурад II не признал.

Борьба Мустафы за престол отражала в то же время борьбу различных социальных групп в османском обществе за земельные владения. Опорой Мустафы были яя и мюселлемы, тогда как султан опирался на тимариотов, сипахи, янычар и высших сановников империи. Затяжной характер борьбы Мустафы за престол свидетельствует о значительности социальных противоречий внутри феодализировавшегося османского общества той поры.

Восстания Мустафы создали благоприятную обстановку для сепаратистских действий беев Западной Анатолии. Джунейд сумел восстановить свою власть в Айдынском бейлике, вернул себе самостоятельность бей Ментеше, начали действовать более независимо от султана и некоторые другие беи Западной Анатолии. Понадобилось немало времени для восстановления власти султана в этих районах. В 1424—1426 гг. вновь покорились Айдын и Ментеше, Джунейд был казнен. Была восстановлена власть османской династии и в бейликах Гермиян, Сарухан и Хамид.

После этого у османских султанов оставалось два значительных соперника — бейлик Караман в Анатолии и Византия на западе. Таким образом, в 20-х годах XV в. Османское государство в целом оправились от последствий нашествия Тимура. Дальнейшая экспансия султанов, восстановление и укрепление экономического и военного потенциала турецкого государства создали предпосылки для его скорого превращения в могущественную империю Средневековья.

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ. СТАМБУЛ ВМЕСТО ДРЕВНЕГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ

На рубеже 20—30-х годов XV в. Османское государство, оправившись от внешних ударов и внутренних потрясений, вновь перешло к активной завоевательной политике. В июне 1422 г. султан Мурад II сделал попытку окончательно сокрушить Византийскую империю. (Правда, власть императора к тому времени распространялась только на сам Константинополь и незначительные территории вокруг него.) Византийская столица привлекала турок своим выгоднейшим географическим положением, но немалое значение для султана имело и стремление поднять престиж Османского государства в мусульманском мире и устрасить Европу сокрушением бастиона восточного христианства.

Однако осада Константинополя войсками Мурада II не принесла султану славу. Оборонительные сооружения византийской столицы были очень серьезной преградой, стены города, не раз выдерживавшие в прошлом натиск грозных противников, сокрушить было трудно. К тому же у турок не было осадных орудий. Блокировать город с моря султан не мог, не располагая достаточным флотом. И все же 24 августа 1422 г. Мурад II бросил свои войска на штурм города. Жестокое сражение произошло в момент, когда император Мануил II был при смерти. Тем не менее защитники Константинополя проявили организованность и мужество. Даже женщины и дети участвовали в обороне городских стен. Сражение шло весь день. Не добившись успеха, Мурад II отвел свои войска от стен Константинополя.

Причины неудачи турок были разные — и явная неподготовленность османского войска к штурму столь грозной твердыни, и, возможно в наибольшей степени, известие о выступлении в Анатолии Мустафы, за спиной которого стояли бей Карамана и Гермияна. Мураду II удалось довольно быстро покончить с мятежниками, но к стенам византийской столицы он не вернулся, направив свои войска в грабительский поход по землям Пелопоннеса.

После восстановления власти османов во всех анатолийских бейликах, кроме Караманского, султан сосредоточил свои войска в Румелии. Началась очередная полоса успехов турок в Юго-Восточ-

ной Европе. В 1424 г. византийский император вновь признал себя данником султана. В 1430 г. войска Мурада II вторично овладели Фессалоникой — крупнейшим городом и портом византийцев на Эгейском море, в 1431 г. захватили Янину в Эпире; султан повелел тотчас заселить Янину турками. Оба этих события, особенно падение Фессалоники, произвели большое впечатление на Западную Европу и напомнили об османской опасности. Тем не менее, объединить силы европейских держав против турецкой экспансии мешала их постоянная борьба между собой, порой толкавшая враждующие страны к союзу с турками. «...Чем сильнее враждовал Мурад с венецианцами, тем ревностнее генуэзцы становились на его сторону». Эти слова К. Маркса характеризуют позицию многих европейских государств перед лицом османской агрессии. Правда, страх перед турецким нашествием вынудил европейские государства принять в 1439 г. на Флорентийском соборе, на котором было провозглашено объединение греческой (православной) и латинской (католической) церквей, решение о крестовом походе против османов. Однако поход этот так и не был организован, а турецкий натиск на Юго-восточную Европу становился все сильнее. Особенно большая угроза нависла над венгерскими землями, но междоусобная борьба феодалов препятствовала организации действенной обороны Венгрии от турецкого вторжения.

Между тем Мурад II осуществил ряд важных реформ, способствовавших укреплению Османского государства и его военной мощи. Он принял меры для регулярного укомплектования и обучения янычарского корпуса. Была улучшена также организация и оснащение кавалерийских частей и артиллерии. Много внимания султан уделял созданию сильного флота. Система тимарного землевладения, совершенствование которой также было предметом забот Мурада II и его приближенных, продолжала оставаться средством создания социальной опоры султанской власти.

В 1440 г. турки совершили поход в Сербию. Во время этого похода турецкие войска разрушили дунайскую крепость Семендрию, сооруженную сербами с разрешения самого султана. После этого турки осадили Белград, но шестимесячная осада оказалась безуспешной ввиду неприступности оборонительных сооружений города.

В этот момент активную борьбу против турок повел воевода Трансильвании Янош Хуньяди. Встав во главе венгерского народного ополчения, поддержанного чешскими отрядами, он в 1441 — 1442 гг. несколько раз одерживал победу в сражениях с султанской

армией. Особенно значительным было поражение турок в битве у Возага (1442), где их армия была разбита наголову, а в руки победителей попало 5 тыс. пленных. Султан вынужден был заключить в июле 1444 г. мир с венгерским королем Владиславом, которым была признана независимость пограничных с Венгрией земель Сербии. Но мир, заключенный на 10 лет, был нарушен в том же году. Вновь начались кровопролитные бои между войсками Яноша Хуньяди и Мурада II. В ноябре 1444 г. армия Хуньяди, совершив марш по землям Болгарии, подошла к Варне.

Ситуация в Османском государстве была в этот момент необычной. Султан Мурад II, надумав удалиться от государственных дел, уехал в Бурсу, объявив, что передает трон своему четырнадцатилетнему сыну Мехмеду. Вероятно, это своеобразное междуцарствие, позволявшее рассчитывать на некоторое ослабление власти и порядка в государстве османов, усилило решимость Хуньяди и его сподвижников. Но когда весть о его движении к Варне дошла до османской столицы, молодой султан Мехмед II и его приближенные уговорили Мурада II взять командование армией в свои руки. На судах генуэзцев сорокатысячное войско султана было быстро переправлено в Румелию. 10 ноября 1444 г. состоялось сражение под Варной. Численность турок более чем вдвое превосходила силы Яноша Хуньяди, его войска были полностью разгромлены. Хуньяди сумел спастись и начал вновь собирать силы для борьбы с турками.

Турецкие султаны стремились полностью покорить народы Балканского полуострова. Одним из средств закрепления своей власти в завоеванных землях они избрали колонизацию южнославянских областей. Уже султан Мурад I начал во второй половине XIV в. заселять Северную Фракию, Северную Болгарию и Македонию тюркскими племенами из Малой Азии. Эта политика велась систематически и преемниками Мурада I. В конце XIV — первой половине XV в. много турецких поселений образовалось в долинах Марицы и Дуная, на Черноморском побережье Болгарии, а также во многих других плодородных прибрежных местностях Средиземноморья и Черного моря.

Турецкое завоевание несло разорение балканским народам. Путешественники, побывавшие на Балканах в XV в., отмечали, что на покоренных турками землях население пребывало в бедности, площадь обрабатывавшихся земель была очень незначительна, сельское хозяйство находилось в явном запустении. Один из них, Бертран-дон де ла Брокьер, рассказывал, что во время его поездки по Балка-

нам деревни в районе Эдирне были заброшены жителями, а путникам негде было даже запастись провиантом.

Христиан турки именовали «гяурами» («неверными»). Их пытались насильно обращать в мусульманство, им запрещалось носить оружие, ездить верхом, иметь дома выше и красивее тех, что сооружали турки. Свидетельства «гяуров» не допускали при разбирательстве дел в судах. Опирались турецкие завоеватели на тех болгарских, сербских и боснийских феодалов, которые спасли свои владения, полностью покорившись султану. Многие из них приняли ислам. Со временем потурченцы-славяне образовали значительную прослойку турецких феодалов на Балканах.

К. Маркс не раз подчеркивал разорительный характер турецких походов, чинившиеся завоевателями разбой и грабеж. Он писал, что турки «предавали огню и мечу города и села» и «свирепствовали как каннибалы». К. Маркс, в частности, отмечал жестокость турецких воинов при взятии Фессалоники, писал о том, что в Пелопоннесе турецкие войска в 1446 г. безжалостно убивали мирных жителей и разоряли край. Он обращал внимание и на тот факт, что завоеватели, беспощадно уничтожавшие или обращавшие в рабство основную массу покоренного населения, иначе вели себя по отношению к богатым жителям, порой стремясь сделать их своими пособниками. Так было при взятии Фессалоники, когда Мурад II «выкупил богатых жителей у своих собственных солдат, а бедных оставил в рабстве».

Варненская катастрофа не только на многие века поставила под власть турок балканские народы, но и окончательно решила судьбу Византии и ее столицы. Дальнейшие завоевательные походы турок на Балканах резко усилили опасность вторжения турок в Центральную Европу.

В 1448 г. Янош Хуньяди сделал последнюю попытку остановить турок. Ему удалось собрать небольшое ополчение, состоявшее из венгров, чехов, поляков и немцев. Хуньяди рассчитывал на помощь Сербии и западноевропейских государств, но его расчеты не оправдались. В 1446 г. на османский трон по просьбе сына и высших сановников государства вернулся Мурад II. В 1447 г. его войска опустошили Пелопоннес. Штурмом был взят Коринф. Когда небольшая армия Яноша Хуньяди заняла в октябре 1448 г. позиции на знаменитом Косовом поле, ей противостояло пятидесятитысячное войско турок. Сражение длилось три дня (17—19 октября) и закончилось полной победой войска султана. Хуньяди бежал в Венгрию. По-

следними крупными операциями Мурада II, скончавшегося в 1451 г., были два похода в Албанию (1449—1450). Впрочем, там он натолкнулся на мужественное сопротивление горцев.

Общий ход событий, отмеченный успехами турецкой армии на Балканах и укреплением Османского государства в 30—40-х годах XV в., свидетельствовал о том, что судьбе византийского государства и его некогда блестящей столицы суждено решиться в недалеком будущем.

В момент, когда решающая схватка между византийцами и турками за обладание Константинополем стала неизбежной, османский трон занял Мехмед II (1444—1446, 1451—1481), прозванный за свои многочисленные успешные военные походы Завоевателем. Это был умный, необычайно скрытный, коварный, жестокий и властолюбивый человек. Будучи сыном одной из султанских наложниц и потому опасаясь за свою власть, он беспощадно уничтожал всех возможных претендентов на престол. Жестокость Мехмеда II была столь велика, что одно его имя устрашало подданных. Когда итальянский художник Беллини писал его портрет, султан повелел отрубить одному из рабов голову только для того, чтобы продемонстрировать художнику сокращения шейных мышц. Вместе с тем этот необузданный деспот владел несколькими языками, увлекался астрономией, математикой и философией.

Уже при восшествии Мехмеда II на престол стало ясно, что государством будет править способный монарх. Получив известие о смерти своего предшественника, он направился из Манисы в Эдирне. Убедившись, что его права наследника никем не оспариваются, он на два дня остановился в Гелиболу, дожидаясь, пока ему подготовят достойную встречу. 18 февраля 1451 г. нового султана, принимавшего от своего отца поистине великолепное наследство, торжественно встретили в столице. Молодой султан весьма умело провел свой первый прием. Когда одна из вдов Мурада II явилась к нему с поздравлениями, он принял ее весьма любезно. А между тем именно в этот момент по его приказу в гаремной купальне был утоплен сын этой женщины — его девятимесячный сводный брат. Мать несчастного младенца была тут же выдана замуж за одного из везиров Мурада II, Исхак-пашу, назначенного бейлербеем Анатолии. Твердой рукой новый султан установил удобный ему порядок во дворце и в высших органах управления, произвел некоторые перестановки высших сановников.

Приступив к государственным делам, Мехмед II сразу же поставил на первое место задачу овладения столицей Византии.

Подготовку к захвату Константинополя Мехмед начал с заключения договоров с венецианцами и венграми. Побывавшие при дворе Мехмеда II в 1451 г. посольства Родоса и Дубровника, Лесбоса и Хиоса, Сербии и Валахии были обласканы им. Затем он принял меры для укрепления своей власти в малоазиатских землях Османского государства. В частности, он решил привести к покорности правителя бейлика Караман. Когда молодой султан был занят усмирением этого бейлика, император Константин XI Палеолог сделал попытку оказать давление на Мехмеда и несколько уменьшить свою зависимость от турок. Поводом для этого явилось пребывание в Константинополе принца Орхана, внука султана Сулеймана, правившего в течение нескольких лет после гибели Баязида II. Этот потенциальный претендент на османский престол обосновался в византийской столице еще при Мураде II. Император решил напомнить Мехмеду II о его существовании, направив к султану послов, которые должны были добиваться дальнейшей высылки денег на содержание Орхана. Послам было поручено намекнуть Мехмеду, что при дворе византийских императоров обитает его возможный соперник. Но Мехмед отреагировал совсем не так, как рассчитывали при императорском дворе. Он поспешил подписать мирный договор с караманским беем и начал приготовления к осаде Константинополя.

Еще в 1396 г. на азиатском берегу Босфора султан Баязид I воздвиг крепость Анадолухисар. По приказу Мехмеда II в конце марта 1452 г. на противоположном берегу Босфора, в самом узком месте пролива, было начато сооружение крепости Румелихисар. С завершением строительства этой крепости город в любой момент мог быть отрезан от Черного моря, что означало прекращение подвоза жизненно важного для византийской столицы хлеба из областей Причерноморья.

На строительстве Румелихисар четыре месяца трудились 6 тыс. человек. В их числе была тысяча опытных каменщиков, собранных по приказу султана во всех владениях османов. Султан лично наблюдал за ходом работ. Крепость была сооружена в форме неправильного пятиугольника, ее высокие стены были сложены из крепчайшего камня и увенчаны пятью огромными башнями. В крепости были установлены пушки большого калибра, в ней расположился сильный гарнизон. Мехмед отдал приказ подвергать таможенному досмотру проходящие через Босфор суда, а корабли, уклоняющиеся от дос-

мотра и уплаты пошлины, уничтожать пушечным огнем. Вскоре был потоплен большой венецианский корабль, а его экипаж был казнен за неподчинение приказу о досмотре. Не без основания турки стали называть новую крепость «Богаз-кесен», что означало одновременно и «перерезающая пролив», и «рассекающая горло».

Когда в Константинополе узнали о строительстве крепости Румелихисар и оценили возможные последствия этого для Византии, император направил к султану послов, заявив протест против сооружения крепости на землях, все еще принадлежавших формально Византии. Но Мехмед даже не принял послов Константина. Когда работы уже завершились, император вновь направил к Мехмеду послов, желая хотя бы получить заверение, что строительство новой крепости не угрожает византийской столице. Султан приказал бросить послов в темницу, а затем повелел их казнить. Император Константин все же сделал еще одну попытку избежать столкновения с султаном. Византийцы были готовы на любые условия, но Мехмед потребовал сдать ему столицу. Взамен он предложил Константину во владение Морею. Константин категорически отверг предложение об отказе от древней столицы, заявив, что предпочитает смерть на поле битвы подобному позору. После завершения строительства новой крепости армия Мехмеда подошла к Константинополю, султан в течение трех дней изучал укрепления города.

Между тем в Константинополе царил раскол, охвативший как правящие круги, так и основную массу горожан. Он был связан с борьбой между греками и латинянами. Как уже говорилось, в 1439 г. на Флорентийском соборе была заключена уния между католической и православной церквями. Латинянам удалось навязать основные положения католического вероучения греческим церковным иерархам. Идя на такую уступку католическому Западу, правители Византии рассчитывали на его поддержку в борьбе против турок. Однако помощи Византия не получила, а Флорентийская уния была с негодованием отвергнута большинством греческого духовенства и народными массами. В столице почти все время шла острая борьба между латинофильской частью знати и партией противников унии из самых различных слоев общества.

В ноябре 1452 г. в Константинополь прибыл папский легат кардинал Исидор. В храме Св. Софии были провозглашены положения Флорентийской унии, столь ненавистной большинству горожан. Когда Исидор отслужил в священных для православных греков стенах Св. Софии в присутствии императора и его двора литургию по

католическому обряду, в городе начались волнения. Лозунгом противников унии были слова: «Не нужно нам ни помощи латинян, ни единения с ними!» Активизировались и туркофилы. Именно в этот момент командующий флотом византийцев Лука Нотарас бросил ставшую легендарной фразу: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару». И хотя волнения постепенно улеглись, большинство горожан ходили на молитву лишь в те церкви, священники которых унию открыто так и не признали.

Военная слабость византийской столицы перед лицом могучего противника была очевидна, но помощи извне византийцам получить не удалось. Папа Николай V ограничился посылкой в марте 1453 г. продовольствия и оружия, которые доставили в город три генуэзских корабля. Правительство Генуи не решилось оказать помощь Константинополю, но в январе в византийскую столицу прибыли отряды генуэзских воинов. Самый крупный отряд из 700 отлично вооруженных воинов возглавлял известный кондотьер Джустиниани, имевший большой опыт обороны укрепленных городов. Император поручил ему защиту сухопутных стен. Что же касается венецианцев, то их военная помощь была чисто символической. Два венецианских военных корабля двинулись к Константинополю лишь через две недели после начала осады.

Византийской столице накануне турецкого наступления надо было рассчитывать на собственные силы. Когда была проведена перепись жителей, способных с оружием в руках защищать город, выяснилось, что их число не превышает 5 тыс. Вместе с отрядами иностранных наемников, преимущественно генуэзцев и венецианцев, силы обороны Константинополя составляли немногим более 7 тыс. воинов. Блокированный в бухте Золотой Рог византийский флот едва насчитывал 25 кораблей.

Между тем войска Мехмеда подтягивались к Константинополю. Осенью 1452 г. турки заняли последние из принадлежавших византийским императорам городов — Месимврию, Анхиад, Визу, Силиврию. Зимой 1452/53 г. турецкие конные части стояли лагерем у городских ворот в районе Перы. Генуэзцы, обосновавшиеся в Галате, тут же поспешили в турецкий лагерь с изъявлениями дружеских чувств.

Всю зиму в Эдирне шли последние приготовления к решающему наступлению на Константинополь. Мехмед изучал план города, схему его укреплений. Султан старательно скрывал свои планы относительно византийской столицы. Сроки начала осады и план взятия города он долгое время не объявлял никому. Все внимание Мех-

меда было сосредоточено на укреплении боеспособности турецкого войска, его оснащении осадной техникой. В окрестностях Эдирне была создана мастерская, где под наблюдением знаменитого венгерского мастера Урбана отливались мощные пушки. Были изготовлены десятки бронзовых пушек, одна из которых имела поистине гигантские размеры. Диаметр ее ствольного канала был равен 12 ладоням, а стреляла она каменными ядрами весом 30 пудов. Историки рассказывают, что эту пушку везли к стенам Константинополя из Эдирне 60 волов в течение двух месяцев.

В конце января 1453 г. Мехмед собрал приближенных и заявил, что сочтет безопасность своей державы обеспеченной только тогда, когда византийская столица окажется в руках турок. Это мнение султан подкрепил доводами в пользу реальности плана захвата Константинополя, который он не считал неприступным с военной точки зрения. При этом Мехмед обратил внимание своих советников на религиозные конфликты в среде горожан, ослаблявшие обороноспособность города.

В марте 1453 г. турецкие войска двинулись на Константинополь. 5 апреля к стенам города с последними подразделениями прибыл сам султан, возглавивший войско. Турки обложили Константинополь по всей линии его сухопутных оборонительных рубежей — от Золотых ворот до Перы. Свою ставку Мехмед разместил за холмом напротив Адрианопольских ворот, находившихся в северо-западной части города, недалеко от Влахернского дворца. Армия султана состояла примерно из 150 тыс. воинов. Удалось Мехмеду собрать и солидный флот, насчитывавший около 80 военных кораблей и более 300 грузовых судов, необходимых для переброски войск и снаряжения.

Основные силы артиллерии, в том числе пушки Урбана, султан расположил у ворот Св. Романа. Правое крыло осаждающих, тянувшееся до Золотых ворот, составили войска, собранные в Малой Азии. Этими силами, насчитывавшими около 100 тыс. воинов, командовал испытанный полководец Исхак-паша. Полки, собранные в европейских владениях султана (примерно 50 тыс. воинов, преимущественно отряды европейских вассалов Мехмеда из Болгарии, Сербии и Греции), образовали левое крыло осаждающих, тянувшееся до берега Золотого Рога. Ими командовал не менее опытный военачальник Караджа-бей. В тылу своих войск султан поместил конницу. На холмах Перы расположились отряды под командованием Саган-паши, которые осуществляли контроль над входом в Золотой Рог. С этой же целью часть турецкой эскадры стала на якоря в водах

Босфора в месте его слияния с Золотым Рогом. Вход в залив турецким кораблям преграждали тяжелые железные цепи, за линией которых выстроились в боевой ряд крайне немногочисленные корабли осажденных. И хотя среди них были довольно мощные суда, флот византийцев не много значил в сравнении с противостоявшей ему армадой Мехмеда.

Силы противников были вообще поразительно неравными. На одного вооруженного защитника города приходилось более 20 турок. Константинопольские военачальники ломали голову над решением труднейшей задачи — как растянуть силы обороны по всей линии укреплений, общая протяженность которых составляла около 52 километров. Надеясь, что турки не будут штурмовать город со стороны Мраморного моря, византийцы наименьшее число воинов выделили для защиты морских стен города. Оборона побережья Золотого Рога была поручена венецианским и генуэзским морякам. В центре обороны, у ворот Св. Романа, стояли отряды итальянских наемников, преимущественно генуэзцев. Остальные участки городских стен защищали смешанные отряды византийцев и наемников-латинян. Защитники города были вооружены копьями и стрелами, пищалями и камнеметными орудиями. У них практически не было артиллерии, ибо те несколько пушек, которые нашлись в столице Византии, оказались непригодными: при стрельбе у этих пушек происходила такая отдача, что наносились серьезные повреждения своим же стенам и башням. Гарнизон города, как показали дальнейшие события, обладал высокими боевыми качествами. В первые дни осады, пока турки готовились к штурму крепостных стен, византийские воины делали вылазки и вступали в яростные схватки с турками, стремясь помешать им устанавливать стенобитные орудия и иную осадную технику. Но вскоре император отдал приказ не покидать города и бросить все силы на подготовку к отражению штурма.

Утром 6 апреля все было готово к атаке. Парламентеры султана передали защитникам Константинополя его послание, в котором Мехмед предлагал византийцам добровольную сдачу, гарантируя им сохранение жизни и имущества. В ином случае султан не обещал пощады никому из защитников города. Предложение было отклонено. Тогда загрели турские пушки, которые в ту пору не имели себе равных в Европе. Слова описавшего эти события византийского историка XV в. Критовула: «Пушки решили все» — не кажутся преувеличением. Батареи турок были расставлены по всей линии осады. Тем не менее, хотя турецкая артиллерия в первые дни осады непре-

рывно вела обстрел города, ей удалось лишь частично разрушить отдельные укрепления. Сказалась не только мощь прославленных стен Константинополя, но и неопытность артиллеристов Мехмеда. Приводившая защитников в ужас огромная пушка Урбана разорвалась, сам ее создатель был ранен при взрыве.

18 апреля Мехмед приказал начать штурм. На рассвете воины бросились к пробитым ядрами брешам в стенах. Заваливая рвы хвостом, мешками с песком и телами убитых, турки рвались вперед. Византийцы забрасывали их камнями, обливали кипящей смолой, поражали стрелами и копьями. Бой был жестоким. Один из очевидцев осады Константинополя, Нестор Искандер, автор «Повести о Царьграде, его основании и взятии турками», так описывал его: «От шума стрелявших пушек и пищалей, от колокольного звона и крика дравшихся людей, от... молний, вспыхивавших от оружия, от плача и рыдания городских жителей, жен и детей казалось, что небо и земля соединились и поколебались. Нельзя было слышать друг друга: вопли, плач и рыдание людей соединились с шумом битвы и колокольным звоном в единый звук, похожий на сильный гром. От множества огней и стрельбы пушек и пищалей сгустившийся дым покрыл город и войска; люди не могли видеть друг друга; многие задохнулись от порохового дыма».

Уже первый час штурма показал, что, хотя число защитников Константинополя невелико, каждый из них намерен сражаться, не заботясь о собственной жизни. Штурмовым отрядам турок пришлось отступить. Таким образом, несмотря на огромное численное превосходство, осада оказалась для войск Мехмеда делом весьма нелегким.

Султана ожидало, однако, еще одно разочарование. 20 апреля турки неожиданно для Мехмеда проиграли и морское сражение. Три генуэзские галеры — те самые, что были направлены в Константинополь с оружием и продовольствием папой римским, — а также большое грузовое судно византийцев, плывшее с грузом зерна и имевшее на борту бочки с «греческим огнем», вступили в бой с турецкой эскадрой. В неравном бою им удалось одержать победу. Турки потеряли много кораблей, сожженных «греческим огнем». Корабли генуэзцев и византийцев сумели преодолеть морской кордон турок, войти в Золотой Рог и соединиться со стоявшей там эскадрой императора. Попытки турок прорваться в залив оказались безуспешными. Султан, наблюдавший за морским сражением с босфорского берега в районе Перы, был в ярости. Командующего турецким флотом

Балтаоглу едва не казнили, но все же подвергли наказанию палочными ударами, лишили всех чинов и имущества.

Мехмед прибег после этих событий к маневру, который оказал большое влияние на дальнейший ход осады. Он приказал доставить по суше часть своих кораблей в Золотой Рог. Для этой цели был сооружен громадный деревянный настил. Его проложили у самых стен Галаты. В течение одной ночи по этому настилу, густо смазанному жиром, турки перетасили на канатах 70 тяжелых кораблей к северному берегу Золотого Рога и спустили их в воды залива. Утром 22 апреля взору защитников города предстала турецкая эскадра в водах Золотого Рога. Никто не ожидал нападения с этой стороны, морские стены были слабейшим участком обороны. Вдобавок под угрозой оказались корабли византийцев, стоявшие на страже у входа в залив. Отныне флоту императора приходилось иметь дело с численно превосходившей его эскадрой султана, которой более не препятствовали заградительные цепи.

Греческие и латинские флотоводцы решили попытаться сжечь турецкий флот. Византийский корабль под командованием венецианца Кокко тайно приблизился к месту стоянки турецкой эскадры. Но Мехмед был предупрежден о замысле противника генуэзцами Галаты. Корабль Кокко был обстрелян и потоплен. Часть спасавшихся вплавь смельчаков из его экипажа была схвачена турками и казнена на виду у защитников города. В ответ император велел обезглавить 260 пленных турецких воинов и выставить их головы на городских стенах.

Между тем положение в стане защитников становилось все более плачевным. И дело было не только в нехватке воинов и продовольствия. Император окружил себя итальянскими военачальниками, все надежды возлагая на наемников. Население было раздражено тем, что в столице фактически хозяйничали иноземцы. Кровавопролитные схватки возникали в византийской столице между традиционными соперниками — венецианцами и генуэзцами. Ко всему этому прибавилось раздражение византийского духовенства императором, посягнувшим на церковное имущество в поисках необходимых для обороны средств. Среди придворных начали расти пораженческие настроения. Некоторые приближенные Константина советовали ему капитулировать, однако император был непреклонен. Константин стремился личным примером поднять боевой дух осажденных и сплотить их ряды. Он объезжал укрепления, проверял боеспособность войск, всячески старался подбодрить воинов.

В начале мая артиллерийский обстрел города усилился. В строй вернулась гигантская пушка Урбана. После ремонта она опять превратилась в главного сокрушителя сухопутных стен Константинополя. 7 мая войска Мехмеда несколько часов штурмовали эти стены на одном из участков обороны. Атака была отбита.

В середине мая турки начали вести подкопы под стены города. Султан продолжал искать все новые средства для осады. Одно из них появилось у стен города 18 мая.

События этого дня ярко описал их очевидец византийский историк Георгий Франдзи, переживший впоследствии турецкий плен: «Эмир же (султан Мехмед II. — Ю.П.), пораженный и обманувшийся в своих надеждах, стал употреблять для осады другие, новые выдумки и машины. Из толстых бревен соорудил он громадную осадную машину, имеющую многочисленные колеса, весьма широкую и высокую. Изнутри и снаружи покрыл он ее тройными воловьими и коровьими шкурами. Сверху она имела башню и прикрытия, а также поднимаемые вверх и опускаемые вниз сходни... Придвинуты были к стенам и всякие другие машины, о которых не мог помыслить и ум человеческий и которых никогда не строили для взятия крепости... И в других местах построили турки платформы с великим множеством колес, а поверх этих платформ — подобие башен... И они имели весьма много пушек; их зарядили, чтобы они все одновременно сделали выстрел по стенам. Сначала, впрочем, турки выстрелили из того страшного осадного орудия и снесли до основания башню, что близ ворот Св. Романа, и тотчас же подтащили эту осадную машину и поставили ее поверх рва. И был бой губительный и ужасный; начался он, прежде чем взошло солнце, и продолжался весь день. И одна часть турок яростно сражалась в этой схватке и свалке, а другая бросала в ров бревна, разные материалы и землю... навалив все это, турки проложили себе широкую дорогу через ров к стене. Однако наши мужественно преграждали им путь, часто сбрасывали турок с лестниц, а некоторые деревянные лестницы изрубили; благодаря своему мужеству мы неоднократно отгоняли неприятелей в тот день, до первого часа ночи». В конце концов, яростные атаки турок захлебнулись. Новые части, которые несколько раз бросал в бой султан, не смогли сломить удивительного упорства защитников города.

Турки все время делали попытки сделать подкопы под стены Константинополя. Для этой цели они использовали сербов. Однако византийцам удалось узнать о затее турок, и они начали рыть

контрподкопы. Им удалось проникнуть в тоннель, вырытый сербами, и поджечь деревянные стойки, поддерживающие кровлю. Когда кровля рухнула, много турок погибло. 23 мая византийцам удалось захватить несколько турецких землекопов в плен и под пытками заставить их указать все места, где осаждавшие вели подкопы. Все обнаруженные подкопы были уничтожены. Это был, пожалуй, последний успех осажденных.

Последние дни перед штурмом, которому предстояло решить судьбу города, были полны невероятного напряжения. Турецкие войска страшно устали, да и само ощущение, что огромная армия никак не может справиться с горсткой защитников византийской столицы, не могло их не деморализовать. Может быть, это была одна из причин, побудивших султана за несколько дней до штурма вступить в переговоры с императором. Мехмед предложил ему согласиться на ежегодную дань в размере 100 тыс. золотых византийцев, либо покинуть город со всеми его жителями. В последнем случае им обещали не причинять вреда.

На совете у императора оба предложения были отвергнуты. Такую невероятно большую дань византийцам не удалось бы собрать никогда, а уступить свой город врагу без боя император и его приближенные не пожелали.

Вскоре и султан держал совет в своей ставке. Великий везир Халиль-паша решил даже предложить заключение мира и снять неудачно складывающуюся тяжелую осаду. Но военачальники и большинство приближенных настаивали на штурме. По словам Георгия Франдзи, один из военачальников султана, Саган-паша, доказывал, что Константинополю неоткуда ждать реальной помощи, ибо в среде «итальянских и других западных владетелей... нет единомыслия. А если все-таки некоторые из них с трудом и многочисленными оговорками пришли бы к единому мнению, то в скором времени их союз потерял бы силу: ведь даже те из них, кто связан союзом, занят тем, как бы похитить принадлежащее другому, — друг друга подстерегают и остерегаются». Эти слова свидетельствуют о том, что султан и высшие сановники неплохо ориентировались во внешнеполитической обстановке. Мехмед поддержал тех своих помощников, которые настаивали на продолжении осады. Более того, он объявил о решении готовиться к решительному штурму.

Защитники Константинополя немедленно узнали об этом. В город полетели стрелы с записками, содержащими сообщение о совете в ставке султана. Это сделали воины из отрядов христианских

вассалов султана. Вскоре появились и первые признаки готовившегося штурма — резко усилился орудийный огонь.

28 мая султан объезжал войска, производил смотр последним приготовлениям к штурму. Войска, непрестанно перед этим готовившие осадную технику, материалы для засыпки рвов и приводившие в порядок вооружение, в тот день отдыхали. За стенами Константинополя воцарилась непривычная тишина.

Для жителей Константинополя стало ясно, что близится час тяжелых испытаний. Днем по городу прошла с иконами большая процессия, в которой участвовал император. В ее рядах были и православные, и католики. Звенели тревожно колокола церквей. Под их звон освящались укрепления. Люди собирали последние силы для отпора врагу. Горожане как бы забыли все споры и распри. На закате толпы народа направились к храму Св. Софии, порог которого православные греки не переступали уже пять месяцев, не считая возможным присутствовать на литургии, оскверняемой латинянами. Но в эти часы в соборе рядом истово молились сторонники и противники унии. Сюда приехали после совета у императора все военачальники и вельможи. Почти всю ночь в церквях люди молились о спасении города. Немногочисленные защитники столицы занимали позиции на стенах в ожидании тяжелого и кровопролитного боя.

Вечером того же дня султан объявил, что наутро начнется решающий штурм. Костры, зажженные осаждающими в ночь перед сражением, опоясали город. В лагере турок гремела музыка и барабаны. Муллы и дервиши возбуждали фанатизм воинов, у костров толпы внимали чтению Корана. Военачальники планировали концентрацию войск и техники на главных участках предстоявшего штурма. К сухопутным стенам города подвезли осадные машины, а корабли стоявшей в Золотом Роге турецкой эскадры приблизились к морским стенам Константинополя.

Главный удар султан решил нанести на участке между воротами Св. Романа и Харисийскими, где стены более всего пострадали во время обстрелов. Здесь пушки турок были расположены на высоких холмах, так что стены и башни оказались ниже позиций турецких батарей и обстреливать город было значительно легче. Для отрядов атакующих важно было и то, что ров у этой части стен был не очень глубоким.

Войска, находившиеся слева и справа от ударной группы, имели задачу отвлечь внимание обороняющихся от ворот Св. Романа, которые штурмовали части под командованием самого султана. Час-

ти под командованием Саган-паши должны были атаковать район Влахернского дворца, для чего они подтянулись к северной части Феодосиевых стен, покинув свои позиции у стен Галаты. Они были переброшены через Золотой Рог по сооруженному из барж и деревянных бочек плавучему мосту. Капитаны турецких кораблей получили приказ начать обстрел укреплений на побережье Золотого Рога, а затем повести экипажи на штурм стен, защищавших город со стороны залива.

На рассвете 29 мая 1453 г. оглушительные звуки турецких рожков — сур, литавров и барабанов возвестили о начале штурма. Завязался рукопашный бой, в котором защитники города сражались с отчаянием обреченных. Первые атаки турок со стороны суши были отбиты. На одном из участков оборону держал упоминавшийся выше турецкий принц Орхан с группой приближенных. Они отбивали атаки турок со стороны Мраморного моря, сражаясь бок о бок с византийскими монахами. Попытка прорвать здесь линию морских стен также оказалась неудачной. Был момент, когда казалось, что совершится чудо и защитникам города удастся выстоять перед яростным натиском превосходящих сил врага.

Когда захлебнулась атака иррегулярных частей — башибузуков, которые султан послал в бой первыми, чтобы измотать силы защитников Константинополя, на штурм на участке у ворот Св. Романа пошли регулярные войска под командованием Исхак-паши. Они были хорошо вооружены и обучены, дрались с исключительным упорством. Когда одним из ядер пушки Урбана была пробита крепостная стена, несколько сот турок тут же ринулись в пролом. Но защитники города, возглавляемые императором, сумели отразить и эту атаку, перебив большую часть прорвавшихся турецких воинов, а остальных оттеснив обратно в крепостной ров.

Стремясь любой ценой добиться успеха, султан бросил в бой отборные части и приказал усилить огонь артиллерии. Наконец гигантская пушка Урбана разрушила стену в районе ворот Св. Романа. Ряды генуэзцев, защищавших этот участок, дрогнули. Их командир Джустиниани был ранен. Покинув свой пост, он бежал на корабле в Галату. Его дезертирство вызвало замешательство в лагере защитников как раз в ту минуту, когда Мехмед ввел в бой своих лучших воинов. Вскоре группе турок удалось подняться на стены и захватить одну из башен у ворот Св. Романа. Это Дало возможность подняться на стены отрядам атакующих. Ворота Св. Романа были открыты, и над стенами Константинополя взвилось первое турецкое знамя.

Император пытался собрать остатки защитников и преградить дорогу туркам. Это ему не удалось. Константин погиб, героически сражаясь с врагами.

Через ворота Св. Романа турецкая армия хлынула в город. Затем десант с турецких кораблей прорвался в Константинополь со стороны Золотого Рога. После этого атакующие войска проникли в город еще через несколько ворот. Через два часа после начала штурма турки рассеялись по улицам и площадям византийской столицы, беспощадно уничтожая ее защитников.

В упомянутой «Повести» Нестора Искандера рассказывается о мужественном сопротивлении защитников города во время уличного боя. Как воины, так и взявшиеся за оружие мирные жители яростно боролись с захватчиками. Горожане, в том числе женщины и дети, сбрасывали на турецких воинов черепицу и кирпичи, поджигали свои дома и обрушивали на врага горящие балки.

Узнав о том, что турки ворвались в город, стоявшие у входа в Золотой Рог корабли итальянцев и византийцев начали сниматься с якорей, спеша найти спасение. Толпы горожан хлынули к гавани, лелея надежду попасть на борт отплывающих судов. Сумели сделать это, однако, немногие. Около двадцати кораблей прорвали блокированный турецким флотом выход из залива, воспользовавшись тем, что моряки турецкой эскадры устремились в город, чтобы не опоздать к долгожданному грабежу.

Назначая день решающего штурма Константинополя, султан говорил, по сообщению Дуки, что он «не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города». «Другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей», — сказал Мехмед, обращаясь к своим воинам. Три дня и три ночи был Константинополь во власти войска Мехмеда. «И тех, кто умолял о пощаде, — писал Франдзи, — турки подвергали ограблению и брали в плен, а тех, кто сопротивлялся и противостоял им, убивали; в некоторых местах вследствие множества трупов вовсе не было видно земли. И можно было видеть необыкновенное зрелище: стенание и плач, и обращение в рабство бесчисленных благородных и знатных женщин, девушек и посвященных богу монахинь, несмотря на их вопли влекомых турками из церквей за косы и кудри, крик и плач детей и ограбленные священные и святые храмы... В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, везде стоны мужчин и стенания женщин: турки хватают, тащат в рабство, разлучают и насильничают... Ни одно место не осталось необысканным и неограбленным...» Ве-

реницы пленников потянулись на невольничьи рынки в различные города во владениях султана.

Чудовищные сцены грабежа храма Св. Софии, где укрылось множество жителей города, описаны в «Византийской истории» Дуки. «Турки, — сообщал историк, — разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму... и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда же они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника... Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов — кто расскажет?.. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами... Насильничали грабители, эти мстители божии, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин — веревками, а женщин — их платками... В одну минуту разрубили святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы... Драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, золотые и серебряные и из другого ценного вещества приготовленные, в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив».

Разграблению в эти страшные дни подверглись все константинопольские храмы и дворцы. Многие из них сильно пострадали от пожаров. Не меньший ущерб памятникам архитектуры и искусства причинило варварство грабителей. В грязь и пламя летели бесценные рукописи, рушились мраморные стены и колонны, разбивалась великолепная мозаика.

Правда, туркам в их руки не попало и половины того, что получили латиняне при грабеже Константинополя в 1204 г. И все же победителям досталось огромное богатство: 60 тыс. человек было уведено в неволю, корабли турок были забиты драгоценными грузами. Но главной добычей, ценность которой поистине была безмерна, стал сам город.

Мехмед II Завоеватель вступил в покоренный Константинополь через три дня после его захвата. Приказав войскам прекратить грабежи, султан двинулся к центру города. Торжественный кортеж достиг храма Св. Софии. Султан осмотрел собор и повелел в ознаменование победы мусульман над «неверными» превратить эту христианскую святыню в мечеть.

Падение византийской столицы было обусловлено не только военными обстоятельствами. Католическая Европа, в особенности

папа, столь стремившийся подчинить византийскую церковь и саму Византию римскому престолу, не оказали действенной помощи византийцам. Венеция и Генуя, подобно папе, видели в Византии соперника и лишь после падения ее столицы, когда султан стал теснить венецианцев и генуэзцев в бассейнах Черного и Средиземного морей, вновь стали поддерживать идею крестового похода против турок. Не случайно К. Маркс отмечал в «Хронологических выписках»: «*Предместье генуэзцев, Галата, было пощажено турками*. Генуэзцы по-прежнему вели там свою торговлю; они пользовались рядом привилегий, как и *венецианцы*. Генуэзцы храбро сражались как воины, но их *дипломаты* вступили в соглашение с Мухаммедом».

Захват турками Константинополя знаменовал собой крушение Византийской империи и превращение турецкой державы в одно из самых могущественных государств. Однако исторические последствия падения Константинополя этим не исчерпывались: следствием его были дальнейшее наступление турок на Балканах, угроза вторжения полчищ султана в Центральную и Западную Европу, новые завоевания на Востоке. Разгром Константинополя турками нанес невосполнимый ущерб общеевропейской культуре.

В субботу 9 июня 1453 г. в гавани города Кандии на острове Крит появились три судна. На двух из них находились критские моряки, участвовавшие в обороне византийской столицы. Так пришла в Европу показавшаяся здесь невероятной весть о захвате Константинополя турками. Состояние жителей Крита, узнавших трагическую новость, походило на оцепенение. 29 июня сообщение о падении Константинополя ошеломило венецианских сенаторов. В первых числах июля новость обсуждалась в резиденции папы.

Европа пережила настоящее потрясение, узнав о гибели Византии, ибо все на Западе были уверены, что Константинополь и на этот раз отразит натиск турок. Поэтому падение византийской столицы многое изменило в представлениях европейцев о турках-османах и их государстве. Очевидной стала необходимость что-то противопоставить натиску турок в Европе. 30 сентября 1453 г. папа римский разослал всем западным государям буллу с объявлением крестового похода против турок. Но идея эта осталась на бумаге, ибо Европу раздирали противоречия. Собрать объединенное войско так и не удалось.

Завоеванный город Мехмед сделал столицей своей державы. На картах мира появилось новое наименование — Стамбул (*тур.* Истанбул). В жизни древнего города началась совершенно иная эпоха. Захват византийской столицы открыл перед турецкими султанами

новые, исключительно благоприятные возможности для дальнейших завоеваний в Европе. Овладев городом, занимавшим ключевую позицию на пересечении важнейших торговых путей, обладавшим большими возможностями для развития ремесленного производства, султаны смогли значительно увеличить и экономическую мощь своего государства. Опираясь на эти новые факторы, султаны повели дальнейшие успешные войны и на Востоке. Без преувеличения можно сказать, что завоевание Константинополя сыграло решающую роль в процессе превращения государства турок-османов в Османскую империю.

Глава 4

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

Завоевание Константинополя создало благоприятные условия для дальнейшей экспансии османов на Балканах, сделало реальным турецкое нашествие на страны Центральной Европы. Первые удары войск Мехмеда II были направлены против Сербии. Однако в 1456 г. турки, после захвата византийской столицы многим в Европе казавшиеся непобедимыми, потерпели поражение от Яноша Хуньяди — стойкого борца против иноземных захватчиков. 27 июля в битве под Белградом находившееся под его началом народное ополчение, в которое входили отряды венгров, чехов и немцев, нанесло войскам султана сокрушительный удар. Мехмед II подвел к стенам этого города огромную армию, более чем вдвое превышавшую по численности отряды Яноша Хуньяди. У турок было 300 пушек. Но Хуньяди действовал решительно. Вначале он напал на турецкую флотилию, которая перекрывала подвоз по Дунаю подкреплений осажденному городу. Турки потеряли в сражении большую часть своих судов. Когда же войска султана пошли на приступ, гарнизон Белграда под командованием Хуньяди сделал неожиданную вылазку и контратаковал турок столь решительно, что даже янычарские части не выдержали его натиска. Султану пришлось после этого сражения, в котором погибло множество турецких воинов, снять осаду и отступить к Софии.

Неудача под Белградом на несколько десятилетий остановила продвижение захватчиков к венгерским землям. Но она не могла серьезно повлиять на общий ход событий на Балканах.

В 1459 г. турки овладели всей Сербией. Страна была превращена в одну из провинций Османского государства. Более 200 тыс. сербов были угнаны в рабство. Продолжая политику своих предшественников, султан повелел заселить многие сербские земли мусульманами.

Дальнейшие завоевательные походы султанских войск привели к захвату Морей (1460) и Боснии (1463). Покорились туркам и дунайские княжества: Молдова была вынуждена признать сюзеренитет султана еще в 1456 г., а Валахия — в 1476 г. Правда, султан не лишил бояр дунайских княжеств права выбирать своих князей.

Примером мужественного сопротивления турецкой агрессии долгое время оставалась Албания. Талантливый полководец Георгий Кастриоти (Скандербег), в юные годы плененный турками и обращенный в ислам, в 1443 г. бежал на родину и начал борьбу против турецких войск. Одной из самых дерзких операций Скандербега был захват крепости Крои. Ему удалось проникнуть в крепость с помощью пропуска, подписанного одним из высших сановников государства. После этого он ввел в город под покровом ночи отряд из 600 смельчаков. Турецкий гарнизон был уничтожен. Почти четверть века горцы во главе со Скандербегом наносили туркам поражения, не давали им овладеть албанскими землями. Только после смерти Скандербега (1467) туркам удалось добиться перелома в военных действиях на землях Албании. Но и после этого они длились целое десятилетие. В 1476—1477 гг. турки осаждали Крою, гарнизон был принужден к сдаче голодом, а затем уничтожен вопреки условиям сдачи. Только в 1478—1479 гг. туркам удалось, понеся значительные потери, установить власть султана на большей части территории Албании.

Турецкие завоевания не могли не привести к столкновению Османского государства с Венецией, которое вылилось в многолетнюю войну. Она закончилась поражением венецианцев и мирным договором, заключенным в январе 1479 г. в Стамбуле. Несмотря на то что Венеции пришлось уступить туркам свои острова в Эгейском море и согласиться на выплату дани, венецианские купцы и здесь себе не изменили, ухитрившись не только сохранить льготы, ранее полученные ими от султанов, но и расширить их. Речь шла о таких важных вещах, как право беспошлинной торговли во владениях султана и неподсудность венецианских подданных турецким судебным властям. Так были заложены основы широко известных капитуляций — заключенных позднее неравноправных для Османской империи торговых договоров с европейскими державами.

В 1479 г. между Османским государством и Венецией был даже заключен военный союз, по которому венецианцы приняли на себя обязательство посылать свой флот на помощь туркам в случае нападения на османские владения в районе Средиземноморья. Султан Мехмед II обязался в случае военной необходимости поддерживать Венецию своими кавалерийскими частями.

В эти годы упорное сопротивление войска султана встретили в Черногории. В историю вошла поистине героическая защита крепости Скутари (Шкодер) в 1477 г. Тысячи турецких воинов с осадными орудиями несколько раз пытались штурмовать ее стены, но безуспешно. Последовало еще несколько месяцев блокады, после которой гарнизон, состоявший из черногорцев, албанцев и венецианцев, покинул город, в полном вооружении пройдя через турецкие цепи. Это был один из немногих случаев, когда защитники осажденных турками городов сохранили не только честь и достоинство, но и жизнь.

Вторая половина XV в. отмечена в истории Османского государства военными успехами в Малой Азии. Более десяти лет султан воевал с караманским беєм и правителем тюркского государства Ак Коюнлу Узун Хасаном, распространившим свою власть на весь Иран до Хорасана, на Ирак и район Персидского залива. Одержав ряд побед, Мехмед II добился установления своего господства над всей территорией Малой Азии. В 1475 г. Мехмед II послал многочисленное войско на 270 судах к берегам Крыма. Турки захватили Кафу, Керчь, Судак и ряд других городов на побережьях Черного и Азовского морей. Крымский хан признал себя данником султана. Это был сильный удар по генуэзцам, потерявшим Кафу, а также ряд других торговых опорных пунктов на Южном берегу Крыма. Завоевания турок в Крыму нанесли немалый ущерб черноморской торговле, имевшей большое значение для многих европейских государств.

В 1461 г. войска султана покорили небольшое, но важное в торговом отношении греческое государство — Трапезундскую империю на севере Малой Азии. Синопом турки овладели без боя в результате предательства трапезундского наместника; в награду за это он получил большие владения в европейских землях султана. Сам Трапезунд (*тур.* Трабзон) подвергся нападению турок с суши и с моря. Его защитники почти месяц мужественно отражали атаки, совершая успешные вылазки против турок. Но участь и этого города решила предательство трапезундской знати. Хотя укрепления и продовольственные запасы позволяли долго держать оборону, император Давид и его приближенные трусили и предпочли сдать город. Да-

вид и городская знать действительно смогли покинуть город морем. Зато жителей турки не пощадили. Многие были переселены в Стамбул, 1500 мальчиков были отданы в янычарский корпус. Правда, несколько позже император и его сыновья были задушены по приказу султана.

Успехи турецких войск на Балканах и в Малой Азии усилили агрессивные замыслы султана. Мехмед II не скрывал намерения расширить завоевательные операции в Европе. В его планы входили походы в Венгрию, Италию и Германию. В 1480 г. сотысячное войско султана на 300 судах направилось к г. Отранто в Южной Италии и захватило его после двухнедельной осады. Расправа, которую турецкие войска учинили над жителями Отранто, показала всей Италии, какая участь ждет ее население в случае дальнейшего продвижения армии Мехмеда II. Половина обитателей города была уничтожена, а из числа пленных 800 человек были казнены за отказ принять ислам; 8 тыс. жителей Отранто были угнаны в рабство. Но итальянская экспедиция все же окончилась неудачей, так как войскам султана не хватало продовольствия, а итальянцы объединили свои силы и нанесли туркам ряд чувствительных ударов. Сам Мехмед II умер еще до отступления турок из Италии, отравленный собственным врачом по приказанию наследника — принца Баязида, мечтавшего о троне.

Борьба за престол в династии османов оставалась крайне жестокой. Между прочим, сам Мехмед II узаконил эту жестокость под предлогом борьбы с междоусобицами.

Именно он издал в 1478 г. закон, в котором содержались такие слова: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». От этого недалеко было и до отцеубийства.

В годы правления Баязида II (1481—1512) под власть турок окончательно попала Герцеговина. Но особенно расширилась территория его державы в эпоху царствования двух самых знаменитых после Мехмеда II Завоевателя султанов — Селима I Грозного (1512—1520) и Сулеймана I Законодателя (1520—1566). В Европе он был известен под именем Сулеймана Великолепного.

И в эту пору смена власти в династии османов не раз сопровождалась драматическими событиями. Селим при жизни отца, Баязида II, постоянно вынашивал планы захвата престола, в связи с чем стремился расположить к себе янычарское войско. В 1511 г. дело дошло даже до военного столкновения, в котором Селим потерпел неудачу. Больной Баязид хотел передать престол другому

сыну, Ахмеду, но янычары воспротивились этому, подняв в столице бунт. Зимой 1512 г. Селим, некоторое время укрывавшийся в Крыму, с небольшим войском подошел к Стамбулу, где его поддерживали янычарские части. Баязид II вынужден был отречься от престола и покинуть Стамбул. В пути он умер, скорее всего от яда. По приказу Селима были задушены его братья и племянники, причем некоторых лишили жизни в присутствии самого султана. Так Селим I, заняв престол, сразу же оправдал свое будущее прозвище — Явуз, Грозный или Жестокий. Оба значения этого турецкого слова полностью проявились в действиях Селима I в период его завоевательных войн.

После захвата Константинополя, когда угроза турецкого нашествия стала ощущаться даже в Западной Европе, европейские монархи стали стремиться наладить с турецкими султанами хорошие отношения. В столицу Османской империи зачастили послы многих государств. После захвата Южного берега Крыма владения султанов приблизились к границам Московского государства. В последние годы XV в. установились дипломатические контакты между Москвой и Стамбулом. В Стамбуле побывали первые русские посольства. Султан Баязид II заверил Московское государство в дружественном отношении к нему Османской империи и посулил русским купцам свободу торговли в своих владениях.

Начало XVI в. ознаменовалось резким обострением отношений между Османской империей и Ираном, находившимся под властью династии Сефевидов. Произошло это из-за возникшего соперничества двух держав в борьбе за аравийские земли, которое обе стороны предпочитали облекать в религиозную оболочку. В этих государствах господствовали разные направления в исламе: в Иране — шиизм, а в империи османов — суннизм. Султан Селим I был ярким противником шиизма. В 1513 г. по его указанию по всей империи были составлены списки шиитов с целью их поголовного уничтожения. После этого 40—45 тыс. шиитов, не только подлинных, но и порой мнимых, были убиты. Уничтожению подверглось все шиитское население в возрасте от 7 до 70 лет. Эта жесточайшая акция скорее была вызвана намерением очистить от шиитов пограничные с Ираном области, по которым Селим намеревался двинуть войска против шаха Ирана. В мае 1514 г. армия Селима начала движение к границам его владений.

23 августа 1514 г. армии шаха Исмаила и султана Селима I встретились в Чалдыранской долине, расположенной к востоку от озера

Ван. Селим I располагал 120-тысячным войском, численность иранских войск была примерно такой же. Но у турок был перевес в огнестрельном оружии: турецкие пушки и пищали нанесли огромный урон шахской кавалерии. Бой кончился полным разгромом армии Исмаила, сам шах был ранен, но успел бежать.

На поле битвы полегло около 50 тыс. воинов шаха. Весь его лагерь попал в руки турок. Множество пленных было уничтожено на месте сражения. Через две недели после Чалдыранской битвы Селим I вступил в шахскую столицу — Тебриз, пробыл в ней несколько дней и отправился в обратный путь, захватив с собой казну и гарем шаха и уведя в Стамбул около тысячи искусных ремесленников.

После этой победы Селим I начал готовить большой поход с целью завоевания Египта. Весной 1515 г. в Каир стали поступать сведения о военных приготовлениях султана, в частности об увеличении турецкого флота. Назревавший военный конфликт имел свою историю. Хотя в обоих государствах — Османской империи и мамлюкском Египте — господствующим направлением ислама был суннизм, уже с середины XV в. между ними возникли серьезные разногласия. После захвата Константинополя турецкие султаны, ранее признававшие религиозный авторитет мамлюкских султанов в качестве верховных руководителей мира ислама, стали сами претендовать на равное по крайней мере положение с мамлюками. Отношения ухудшились до такой степени, что в конце XV в. Стамбул и Каир стали предоставлять убежище опальным сановникам, используя их часто во взаимной политической борьбе. Любопытно, что первым признаком противоречий между Каиром и Стамбулом был отказ османского посла падать ниц перед мамлюкским султаном. Произошло это в 1463 г. Спустя полвека над владениями мамлюков нависла серьезная угроза турецкого вторжения.

Готовясь к походу в Египет, Селим I подчинил себе Юго-Восточную Анатолию и захватил Курдистан. Курдским беям пришлось признать власть султана. Турки заняли в этот период такие крупные города, как Диарбекир, Мосул и Мардин. Затем Селим двинул армию против мамлюков. Среди подданных мамлюкских султанов в этот момент очень сильны были антиправительственные настроения. И крестьянские массы, и армия были недовольны султаном Кансухом аль-Гаури. Солдаты явно не хотели воевать, заявляя, что готовы сражаться против европейцев — «неверных», но не против турок — мусульман. Селим I в свою очередь вел дипломатическую игру, поддерживая в мамлюкском султани надежду избежать вооруженно-

го конфликта до тех пор, пока не будет готов нанести удар. В июле 1516 г. в Каире побывало османское посольство, обсуждавшее с султаном торговые дела, в частности вопрос о закупках египетского сахара. А уже 5 августа 1516 г. турецкие войска пересекли границу владений мамлюкского правителя.

24 августа 1516 г. на Дабикском поле (Мардж-Дабик), расположенном в одном дне пути от Халеба, столкнулись силы турок и мамлюков. 60-тысячная армия во главе с султаном Кансухом аль-Гаури сделала попытку преградить путь войскам Селима I. Исход сражения решила турецкая артиллерия, которая по праву считалась в ту пору лучшей в мире. В османском войске были пушки разных калибров, в том числе легкие орудия, которые устанавливались на конных повозках. Артиллерия Селима, укрытая за связанными телегами и деревянными баррикадами, успешно поражала конницу мамлюков, которая была значительно боеспособнее турецкой. К тому же в войске Кансуха аль-Гаури началось возмущение, вызванное известием о том, что султанская гвардия находится в резерве. Часть солдат оставила боевые позиции. Последовавшая за этим атака турок кончилась беспорядочным бегством мамлюков. Когда поражение стало неизбежным, Кансух аль-Гаури принял яд.

После этой битвы жители Халеба, Айнтеба и ряда других сирийских городов, входивших в состав государства мамлюков, изгнали мамлюкские гарнизоны и в конце августа сдались Селиму I. 28 августа 1516 г. турецкий султан вступил в Халеб. Горожане приветствовали победителя. На следующий день в пятничной молитве в мечетях Халеба Селим I был увенчан титулом «Служитель обоих священных городов». Этот титул носили ранее правители Египта, и он означал, что Селим I принимает на себя роль духовного и светского главы всех мусульман, для которых священными были города Мекка и Медина, находившиеся во владениях мамлюков. Присвоив себе prerogативы мамлюкских султанов в мире ислама, турецкие султаны стали именовать себя с той поры халифами и требовать от правителей других мусульманских государств признания своих верховных прав.

В течение сентября 1516 г. армия Селима почти беспрепятственно заняла всю территорию Сирии. Повсеместно население выступило против мамлюкского гнета. Сирийцы сами открывали турецким войскам городские ворота. Дамаск встречал султана османов 9 октября 1516 г. Кортёж Селима двигался по улицам, устланным шелко-

выми тканями. К концу ноября турецкая армия завершила оккупацию Сирии и Палестины. Впереди был поход на Каир.

Новый султан мамлюков, Туманбай, попытался организовать отпор турецкому наступлению, но уже 25 декабря 1516 г. в битве при Бейсане (Палестина) османские войска под командованием Синана Юсуф-паши разгромили значительную часть собранной Туманбаем армии. Через месяц произошли решающие бои в северном предместье Каира Риданийя, где Туманбай создал укрепления и установил около 100 пушек. 22 января 1517 г. силы Туманбая были разбиты. Пушки мамлюков не выстояли против артиллерии Селима, а их войска быстро обратились в бегство, явно не желая гибнуть в бою. Туманбай не смог вдохновить своих воинов даже недюжинной личной храбростью. Турки овладели Каиром, но через несколько дней Туманбай с небольшим отрядом ворвался в город ночью. Начались уличные бои, в которых погибло около 50 тыс. жителей Каира. Когда турки взяли верх, Селим I приказал обезглавить 800 мамлюкских беев. Туманбай еще два месяца пытался бороться с турками, но был предан своими же сподвижниками и выдан Селиму I. 13 апреля 1517 г. последний мамлюкский султан Египта был повешен под аркой ворот Каира.

В августе 1517 г. Селим I покинул Каир, по традиции отправив в Стамбул тысячи ремесленников. Арабский историк Ибн Ийас — современник событий — так описывал добычу Селима I: «Говорят, что, покидая Египет, потомок Османа увез с собой тысячу верблюдов, груженных золотом и серебром, и это не считая добычи, состоявшей из оружия, фарфора, бронзы, коней, мулов и верблюдов и прочего, не говоря уже о великолепном мраморе. Из всего этого он взял самое лучшее, то, чем никогда не имели удовольствия пользоваться его отцы и прадеды».

После ухода из Сирии и Египта Селим поручил управление этими территориями перешедшим на его сторону мамлюкским военачальникам, сохранив за ними некоторую автономию во внутренних делах. Правда, в крупных городах Сирии и Египта он оставил янычарские гарнизоны. В 1521—1522 гг. автономия была ликвидирована, Сирия и Египет превратились в провинции Османской империи во главе с наместниками, непосредственно подчиненными центральной власти.

До отъезда Селима I из Каира его посетил посол правителя Хиджаза, в который входили священные для всех мусульман города — Мекка и Медина. Султану были представлены заверения в пол-

ном признании его в качестве халифа — повелителя всех мусульман. Поддержка мекканских шерифов и их признание имели немалое значение для новоявленного халифа. Поэтому, включив Хиджаз в состав своих владений, Селим I сохранил за его правителем самостоятельность во внутренних делах.

Вскоре у турецких султанов появились новые владения на севере Африки. Крупный порт Алжир и прилегающие к нему земли были в 1516 г. захвачены турецкими пиратами. Их главарь Хайреддин Барбаросса в 1518 г. признал верховную власть султана и получил от Селима I титул бейлербея Алжира.

Завоевания Селима I на Балканах, в Юго-Восточной Анатолии и в Аравии, приобретения в Северной Африке почти вдвое увеличили владения османских султанов. В подвластных им странах было множество районов с плодородными землями, крупнейшие торгово-ремесленные центры. Османская администрация контролировала важные торговые пути — от границ Венгрии и вод Адриатики до Персидского залива. Ликвидация государства мамлюков в Египте и серьезное ослабление Ирана после турецко-иранской войны 1514 г. позволили турецким султанам вновь перенести центр тяжести своих завоевательных операций в Европу.

Селим I умер скоропостижно в возрасте 43 лет в очередном походе. На трон в 1520 г. вступил его сын Сулейман I. Своей первой целью он сделал завоевание Венгрии, конца XV в. подвергавшейся опустошительным турецким набегам. Удача этого похода могла открыть туркам Хорогу для дальнейших завоеваний в Центральной Европе. Кроме того, покорение Венгрии позволило бы Сулейману I установить контроль над Дунаем — важнейшей торговой магистралью в Европе.

В 1521 г. турки осадили Белград, входивший тогда в состав Венгерского королевства. Его гарнизон оборонялся яростно, отбив около 20 атак турецких войск. Пушки Сулеймана, установленные на острове в водах Дуная, непрерывно громили крепостные стены. Силы осажденных иссякали. Когда у защитников осталось в строю всего 400 бойцов, гарнизон вынужден был сдаться. Большая часть пленных была убита турками.

После взятия Белграда Сулейман на некоторое время приостановил военные операции в Венгрии, направив военно-морскую экспедицию — 300 судов с десятитысячным десантом — на остров Родос. Военные корабли родосских рыцарей часто нападали на турецкие суда на путях, соединявших Стамбул с владениями османов в

Аравии. Турки высадились на Родосе в конце июля 1522 г. Осада крепости Родос оказалась затяжной, несколько приступов были отбиты с огромными потерями для турок. Только после усиления осаждающей армии огромным сухопутным войском, в котором было до 100 тыс. воинов, Сулейман смог добиться победы. В конце декабря 1522 г. крепость капитулировала, но успех обошелся туркам в 50 тыс. убитыми. Янычары дотла разорили город, а султан между тем продолжил исполнение страшного установления Мехмеда II о братоубийстве. Узнав, что в городе Родосе скрывается племянник Баязида II (сын его брата Джема), Сулейман повелел найти этого османского принца и казнить вместе с малолетним сыном.

В апреле 1526 г. в Венгрию, охваченную феодальными неурядицами и крестьянскими волнениями, двинулось огромное турецкое войско (100 тыс. воинов и 300 пушек). По Дунаю плыли, сопровождая сухопутную армию, несколько сотен небольших гребных судов с янычарами на борту. Венгерские феодалы так боялись своих крестьян, что не решились вооружить их перед лицом турецкой/ опасности. В июле 1526 г. турки осадили крепость Петервардин. Им удалось подвести под стены подкоп и минировать их. Через образовавшуюся при взрыве брешь турки ринулись в крепость. Петервардин пал, 500 оставшихся в живых защитников были обезглавлены, а 300 человек уведены в рабство.

Главное сражение за земли Венгрии произошло 29 августа 1526 г. у города Мохач, расположенного в равнинной местности на правом берегу Дуная. Венгерская армия намного уступала турецкой в численности и вооружении. У короля Лайоша II было 25 тыс. воинов и всего 80 пушек. У него была возможность усилить свою армию, дождавшись подхода войска из Трансильвании, которое вел венгерский магнат Янош Заполяи. Тем не менее король предпочел немедленно атаковать турок, когда они появились у Мохача. Сулейман позволил венгерской кавалерии прорвать первую линию турецких войск, а когда конные полки короля вступили в сражение с янычарскими частями, турецкая артиллерия неожиданно начала их расстреливать почти в упор. Почти вся венгерская армия была уничтожена. Погиб и сам король. Мохач был разграблен и сожжен.

Победа у Мохача открыла туркам путь к столице Венгрии. Через две недели после этого сражения султан Сулейман вступил в Буду. Город сдался без боя, султан сделал королем Яноша Заполяи, признавшего себя его вассалом. Затем турецкая армия двинулась в обратный путь, уводя с собой десятки тысяч пленных. В обозе нахо-

дились ценности из дворца венгерского короля, в их числе богатейшая библиотека. Путь войск султана до Буда и обратно был отмечен сотнями разоренных городов и сел. Венгрия была буквально опустошена. Людские потери были огромны — страна лишилась примерно 200 тыс. человек, т.е. почти десятой части своего населения.

Когда армия Сулеймана I покинула венгерские земли, между Яношем Запольяи и группой венгерских феодалов, настроенных проавстрийски, началась борьба за королевский трон. Эрцгерцог австрийский Фердинанд I захватил Буду. Запольяи попросил помощи у султана. Это вызвало новый поход Сулеймана в Венгрию.

Произошло это, правда, не сразу, ибо султан некоторое время был занят подавлением крестьянских бунтов в ряде районов Малой Азии, вызванных ростом налогов и произволом откупщиков, занимавшихся их сбором. Особенно значительным было выступление крестьян в Киликии (1525), где повстанцы захватили многие районы, вплоть до Сиваса, и несколько раз наносили поражение султанским войскам. Восстание в Киликии было подавлено в 1526 г., после того как султан направил в этот район новые карательные отряды. В том же году крестьянское восстание вспыхнуло в районе Малатьи. В нем участвовало до 30 тыс. человек. Они разгромили войско султана, направленное на подавление восстания. Только после того, как бейлербей Карамана сумел внести раскол в ряды повстанцев, посулив части их руководителей возврат земельных владений и полное прощение, удалось подавить восстание. Те руководители повстанцев, которые продолжали борьбу до конца, были схвачены и повешены.

После завершения карательных операций в Малой Азии Сулейман I начал готовиться к походу в Венгрию, намереваясь восстановить власть Яноша Запольяи и нанести удар по Австрии. В сентябре 1529 г. турецкая армия, поддержанная отрядами Запольяи, взяла Буду и восстановила на венгерском троне султанского ставленника. Затем султанские войска двинулись к Вене. С конца сентября до середины октября 1529 г. турки штурмовали стены Вены, но столкнулись с мужеством и организованностью ее защитников. Их было всего 20 тыс. Артиллерия крепости насчитывала лишь 70 пушек, но крепостные стены были весьма мощными. Сулейман бросил на штурм Вены 120-тысячное войско, имевшее 300 пушек. В водах Дуная на борту большой турецкой флотилии находились десантные части. Турки вновь прибегли к подкопам и минированию стен, но безуспешно. Правда, 9 октября после взрыва двух мин, заложенных в подкопах, в крепостной стене образовались большие бреши.

Три дня турки пытались здесь проникнуть в город, но были отбиты. 14 октября султан приказал идти на последний, решающий штурм. Однако и он не привел к успеху. Между тем в лагере турок стал заметно ощущаться недостаток в продовольствии. Дело шло к зиме, в войсках, особенно в янычарских частях, зрело недовольство. К этому времени потери турок составили около 40 тыс. человек, а город продолжал стойко сопротивляться. 16 октября Сулейман дал армии приказ отходить от Вены. Это было крупное поражение турецкого оружия, хотя на обратном пути войска султана разорили немало городов и крепостей, увели в плен 10 тыс. человек. Стойкость и мужество защитников Вены спасли Австрию и другие европейские страны от ужасов турецкого завоевания.

В 1530 г. между Османской империей и Австрией велись переговоры о мире, но Сулейман не признал Фердинанда венгерским королем. В 1532—1533 гг. Сулейман в четвертый раз совершил поход в Венгрию, но наступление было остановлено войсками Карла V — испанского короля и императора Священной Римской империи. 23 июля 1533 г. в Стамбуле был подписан австро-турецкий мирный договор, по которому Западная и Северо-Западная Венгрия отошла к Австрии, обязавшейся платить за это ежегодную дань султану и не нападать на Восточную Венгрию, где власть находилась в руках султанского вассала Яноша Запольяи. Этот договор практически означал раздел Венгрии.

Во второй половине 30-х годов турецкие войска продолжали вести завоевательные операции в Юго-Восточной Европе. В 1538 г. была вновь разорена Молдова. Правителем Молдовы Сулейман I сделал своего ставленника из местных бояр, обязавшегося регулярно платить ему дань. После этого Сулейман I закрепился на бессарабских землях между Прутом и Днестром, создав здесь плацдарм для походов в земли Украины, которые в ту пору были под властью правителей Польши. В те же годы турки воевали в основном на море, против Карла V, папы римского и Венеции. В течение двух лет (1537—1539) турецкий флот под командованием Хайредина Барбароссы разорил и обложил данью более 20 островов в Адриатическом море, принадлежавших венецианцам. Турки разорили также многие города и села в Далмации. В одном из морских сражений они разбили наголову эскадру союзников. В результате этой войны (1535—1540) к Османской империи были присоединены некоторые далматинские города, а венецианцам пришлось выплатить султану большую денежную контрибуцию.

Хотя с середины 30-х годов главным театром военных действий вновь стала Азия, где началась длительная война с Ираном, борьба с Австрией за контроль над Венгрией продолжалась. В 1540—1547 гг. войска султана опять вели бои в Венгрии. В 1541 г. они взяли Буду, а в 1543 г. — крепость Эстергом. В Буде был размещен янычарский гарнизон, на всей территории Венгрии, захваченной турками, начала функционировать турецкая администрация. Сулейман принимал послов Фердинанда в королевском дворце в Буде. Борьба за венгерские земли на том этапе завершилась договором, подписанным в Эдирне в 1547 г. На этот раз венгерское королевство было расчленено на три части — Западная и Северная Венгрия осталась под властью Габсбургов, Центральная Венгрия управлялась турецким наместником, а восточные земли, в том числе Трансильвания, оказались в вассальной зависимости от султана.

Борьба за Трансильванию была основным содержанием австро-турецких войн 1551—1562 и 1566—1568 гг., во время которых турки взяли ряд больших крепостей — Темешвар (1552), Эгер (1553) и Сигетвар (1566). Отчаянное сопротивление туркам оказал гарнизон крепости Эрлау. После 38 дней осады турецкие войска отказались от намерения взять ее штурмом. В целом войны этих лет не изменили существенно границу между владениями османских султанов и Габсбургов на венгерских землях.

В годы правления Сулеймана I турецкие войска не раз направлялись в далекие походы на Восток. Между 1533 и 1555 гг. эти походы несколько раз вызывались затяжными войнами между Османской империей и Ираном. В 1533 г. турки заняли Тебриз. Войска шаха Тахмаспа I оказались не в состоянии оказать им серьезное сопротивление. В декабре 1534 г. турецкая армия заняла Багдад. Население встретило Сулеймана I с почестями. В Ираке к тому времени усилились антиишитские настроения. В частности, они нашли отражение в восстании против сефевидского наместника в Центральном Ираке (1529). Повстанцы захватили Багдад, их руководитель Зульфикар-бек дал ключи от города Сулейману I, начал чеканить его имя на местной монете и отправил к нему послов с просьбой принять Ирак под его покровительство. Поскольку султан был в ту пору целиком занят борьбой с Габсбургами, помощь оказана не была, и войскам Тахмаспа удалось разбить повстанцев. Но антиишитские настроения не ослабли. Их подогревало еще и откровенное попустительство Сефевидов португальцам, стремившимся к колонизации побережий Омана и Восточной Аравии. Все эти обстоятельства немало со-

действовали распространению в Ираке османофильских настроений и облегчили Сулейману I борьбу с шахом.

Сулейман пробыл в Багдаде четыре месяца. Он возвратил суннитам руководящие позиции. По его приказу были восстановлены суннитские религиозные святыни. Правда, гонений на местных шиитов не было. Явно стремясь к установлению мира между шиитами и суннитами Ирака, султан пожаловал крупные вакуфные имущества религиозным святыням суннитов и шиитов. Территория Ирака была разделена на принятые в Османской империи административные единицы — эялеты, введена в действие османская система землепользования и налогообложения. В 1535 г. султан покинул Багдад, оставив в Ираке 32-тысячное войско. В Багдаде султан разместил еще и тысячу янычар-мушкетеров. Затем Сулейман направился вновь в Тебриз, где щедро наградил свое войско, выдав всем воинам значительные денежные суммы.

В дальнейшем военные действия против Тахмаспа I были облегчены тем, что против шаха начал борьбу его брат Алкас, наместник Ширвана. В государстве Сефевидов началась и междоусобица среди племен. Когда Алкас был разбит войсками шаха, он укрылся в Стамбуле и попросил поддержки у Сулеймана I. Повод возник, военные действия возобновились. В 1548 г. султанские войска прошли по землям Южного Азербайджана и вновь заняли Тебриз. В том же году турецкие войска взяли после нескольких дней осады крепость Ван и овладели бассейном озера Ван в Южной Армении. Турки вторглись также в Восточную Армению и Южную Грузию. В Иране турецкие части дошли до Кашана и Кума, овладели Исфаханом. Война длилась с переменным успехом еще несколько лет. Лишь в мае 1555 г. в Амасье был заключен мир, по которому Османской империи отошел Ирак, а Азербайджан остался в составе Ирана. Под власть султана отошли западные области Армении и Грузии, восточные же — под власть шаха. С той поры на протяжении нескольких веков Армения и Грузия оказались под пятой Османской империи и Ирана, что принесло армянам и грузинам неисчислимые бедствия.

В 30—50-х годах XVI в. флот султана вел борьбу с португальцами. В 1538 г. турки захватили Аден, откуда была организована военно-морская экспедиция к берегам Индии, не имевшая, впрочем, успеха. В 1547—1554 гг. турецкий флот не раз вступал в сражения с кораблями португальцев, громил их фактории. В 1552 г. турецкая эскадра из 30 кораблей с десантом в 16 тыс. воинов направилась из Суэца к берегам Омана. После двухнедельной бомбардировки турки

овладели Маскатом — крупной крепостью португальцев. Но в августе 1554 г. в морском бою неподалеку от Маската португальцы разгромили турецкую эскадру. Владычество на море в этом районе осталось за Португалией.

В 1541 г. Карл V, поддерживавший Австрию в ее борьбе с Османской империей, сделал попытку нанести туркам удар в Северной Африке. Испанская армада из 500 кораблей с десантным войском из 24 тыс. человек 19 октября 1541 г. остановилась на рейде города Алжира. Турецкий наместник Хасан-ага располагал не более чем 10 тыс. вооруженных защитников. 25 октября войска Карла V подошли к стенам города, намереваясь начать осаду. Но тут вмешалась природа. К вечеру началась страшная буря, треть испанских кораблей была сорвана с якорей и разбилась о прибрежные скалы. Во время шторма испанцы потеряли всю артиллерию, люди были измотаны бурей и проливным дождем. Отсырел порох, что практически вывело из строя огнестрельное оружие. И все же Карл V и его военачальник герцог Альба решили бросить войска на штурм Алжира. Все атаки были отбиты с большими потерями для осаждавших. Продолжавшиеся три дня ливни вконец измучили десантные войска, исчерпаны были и продовольственные запасы. Потеряв 150 судов и 12 тыс. солдат, Карл V был вынужден дать приказ отплывать домой. После этой неудачи Испания практически примирилась с установлением турецкого господства в Алжире.

Подчинение Йемена османскому господству оказалось долгим процессом. В 1517 г. Йемен попал во власть мамлюков, бежавших из захваченного турками Египта. Османские султаны с той поры не раз посылали в Йемен военные экспедиции, то вмешиваясь в борьбу мамлюков с шиитской сектой зейдитов, то оказывая помощь султанату Касиридов в Хадрамауте (Южная Аравия) против агрессии португальцев. После захвата Адена и неудачной экспедиции в Индию турецкие войска в 1538 г. заняли весь Йемен и ввели там турецкую административную систему. Йемен был присоединен к владениям султана, а правитель Хадрамаута стал вассалом Сулеймана I. Однако население горных районов Йемена не поддерживало власть турок. В 1547—1548 гг. в различных областях Йемена и Хадрамаута произошли восстания, но турецкие войска подавили эти выступления.

Тем не менее, положение турецких властей в этих районах не было достаточно прочным. В 60-х годах XVI в. им приходилось не раз еще сталкиваться с антиосманскими выступлениями в Йемене

и Хадрамауте. В 1569 г. турецкие войска вели крупные карательные операции против зейдитов. Когда после девятимесячной осады (с августа 1569 до середины мая 1570 г.) пала крепость Каукабан (близ Саны), глава зейдитов вынужден был признать сюзеренитет османских султанов. Но в целом положение турок в Йемене и в последующие годы не было устойчивым. Покорение страны не было полным, султанские власти обладали лишь общим военно-политическим контролем над многими областями Йемена и Хадрамаута.

В 1555 г. войска Сулеймана I вторглись в Судан. В 1556—1557 гг. Судан был поставлен под власть султана. Затем турецкие войска оккупировали все Красноморское побережье Африки. В 1558—1559 гг. турецкая армия несколько раз совершала поход по землям Эфиопии и установила контроль над территорией Северной Эритреи. Турецко-эфиопская война 1572—1589 гг. шла с переменным успехом и не принесла султанам новых территориальных приобретений в этом районе.

30—70-е годы XVI в. были отмечены также борьбой Османской империи за господство в Тунисе. Летом 1534 г. турецкая эскадра, в которой было более 80 боевых кораблей, с восьмитысячным экспедиционным корпусом под командованием Хайредин Барбароссы подошла к г. Тунису, после короткого сражения столица Хафсидов пала. Остальные города Туниса были сданы туркам без боя. В 1535 г. султан разместил в ряде городов турецкие гарнизоны. В том же году против турок выступили бедуинские племена, но в битве под Кайруаном пушки султанской артиллерии обратили их в паническое бегство. После этого и они признали власть Сулеймана I.

В этот момент в тунисские дела вмешался Карл V. Он направил к берегам Туниса большой флот (400 судов, в их числе 90 боевых галер) и тридцатитысячную армию. В июле 1535 г. войска Карла V выиграли сражение у турок, которыми командовал Хайредин Барбаросса. 21 июля испанцы заняли Тунис. Они безжалостно разграбили город, разорили мечети, школы и библиотеки. Захватчики устроили подлинную бойню, не щадили даже женщин и детей. В эти дни погибла треть населения города. Десятки тысяч людей были увезены в рабство. После захвата столицы испанцы заняли весь северо-восток Туниса, в том числе г. Бизерту. В августе 1535 г. армада Карла V покинула Тунис, но в ряде приморских городов остались испанские гарнизоны.

В дальнейшем борьба Испании и Османской империи длительное время была связана с противоборством различных группировок

туниССкой знати, искавших покровительства у турок или у испанцев. Почти три десятилетия были заполнены вооруженными столкновениями, в которых не раз участвовали испанские и турецкие войска. Только после разгрома мальтийских рыцарей и взятия турками Триполи в Ливии (август 1551 г.), когда под власть султана перешла почти вся Триполитания, возникла возможность восстановления османского господства в Тунисе. На пути к новому овладению Тунисом было немало значительных событий, в их числе четырехмесячная осада мальтийских крепостей турецкими войсками в 1565 г., которая стоила туркам 20 тыс. убитыми, но не принесла им победы. Туркам пришлось эвакуироваться с Мальты, когда на помощь мальтийским рыцарям подошла большая испанская эскадра.

В 1570 г. султан Селим II, наследовавший в 1566 г. Сулейману I, снарядил морскую экспедицию для завоевания острова Кипр, принадлежавшего венецианцам. Началась война с Венецией, ареной которой стали захваченные венецианцами острова в Эгейском и Ионическом морях и земли Венеции на восточном побережье Адриатики. Венецианцев в борьбе против агрессии османов поддерживали король Испании Филипп II и папа римский. По инициативе папы была образована «Священная лига», в которой объединились для войны с Османской империей Венеция, Испания, Мальта, Генуя, Савойя и ряд других государств Италии. Военные действия шли с переменным успехом три года, но эта война ознаменовалась чувствительнейшим поражением турок на море.

7 октября 1571 г. у входа в залив Патраикос, у города Лепанто (Греция), произошло морское сражение, одно из самых известных в мировой истории. Во всяком случае, то был последний крупный бой гребных флотов. Объединенный флот «Священной лиги», состоявший в основном из кораблей Испании и Венеции, вступил в сражение с турецкой эскадрой. Турки располагали 230 галерами, а флот католических государств насчитывал 208 кораблей. Бой был упорным, потери с обеих сторон были очень велики. Один из очевидцев событий писал впоследствии: «Море на месте сражения вдруг показалось бойцам красным от человеческой крови». В этом бою потерял левую руку будущий знаменитый испанский писатель Мигель Сервантес, находившийся на одном из кораблей союзников. Турецкая эскадра была разгромлена наголову. Турки потеряли 200 кораблей и 30 тыс. убитыми и ранеными, союзники — 10 галер и немногим более 7 тыс. воинов.

Поражение турок произвело на Европу ошеломляющее впечатление. В Италии и Испании служили благодарственные молебны.

Впрочем, битва при Лепанто не сыграла решающей роли в войне Османской империи со «Священной лигой»: восстановив в короткий срок боеспособность своего флота, турки все же выиграли эту войну. По мирному договору между Венецией и Османской империей (март 1573 г.) венецианцы вынуждены были отдать туркам Кипр и уплатить большую контрибуцию. Однако победа в битве при Лепанто имела огромное морально-политическое значение для дальнейшей борьбы европейских держав с турецкой экспансией. В Европе стал развеиваться миф о непобедимости турок, их военном превосходстве. Сервантес писал, что в сражении при Лепанто «рассеялось заблуждение, в коем пребывали весь мир и все народы, полагавшие, что турки на море непобедимы». Битва при Лепанто показала впервые всей Европе, что наступательная мощь Османской империи начинает иссякать.

После окончания войны со «Священной лигой» султан Селим II вновь начал военные операции в Тунисе. В начале лета 1574 г. он направил туда сорокатысячное войско. Экспедиционная эскадра турок состояла более чем из 300 судов, в том числе 230 боевых галер. 12 июля турецкие войска после упорного боя, длившегося весь день, ворвались в город Тунис. Затем была взята крепость Ла-Гуетте, где стоял семитысячный испанский гарнизон, а также крепость Аль-Бастиун (август — сентябрь 1574 г.).

Почти все защитники погибли в боях, пленные были казнены. Захват этих крепостей и покорение Туниса турками привели к полной утрате испанцами своих владений на севере Африки. Испанский король Филипп II был вынужден пойти на перемирие с султаном (1581).

Захват турками Туниса практически завершил длительную борьбу за раздел Западного Средиземноморья. Ситуацию образно охарактеризовал великий везир султана Селима II, сказавший в беседе с послом Венеции: «Вы нам отрезали бороду у Лепанто, мы вам — руку в Тунисе; борода отрастет, рука — никогда». Действительно, борьба в Западном Средиземноморье после падения Туниса практически прекратилась. Силы турок с этого времени вновь оказались прикованы к борьбе с Австрией и Ираном.

Вначале преемник Селима II султан Мурад III (1574—1595) двинул турецкую армию на Восток. На этот раз целями похода турок было завоевание Закавказья и западного побережья Каспийского

моря, а также установление контроля над волго-каспийским торговым путем, с тем чтобы прервать торговые связи Ирана с Россией. Последнюю цель турки ставили уже десятилетием раньше, когда войска Селима II, поддержанные силами крымского хана, сделали в 1569 г. попытку занять Астрахань. Но эта попытка не имела успеха, войска султана и крымского хана были разгромлены русским военным отрядом под командованием князя Серебряного. В 1578 г. войска султана обрушились на Восточную Грузию, Восточную Армению и Азербайджан. Вновь народам Закавказья пришлось испытать все тяготы и страдания, связанные с нашествием врага. Турки разрушали и жгли города и села, убивали и угоняли в рабство тысячи мирных жителей.

Военные действия шли вначале с переменным успехом. В августе 1578 г. войска султана разгромили армию шаха в битве при Чилдыре, но в ноябре потерпели поражение в сражении под Шемахой. На некоторое время это приостановило турецкое наступление, но уже в 1579 г. турки, поддержанные большой армией крымского хана, начали вновь разорять Восточную Армению и Ширван. В 1583 г. им удалось захватить Шемаху и Баку. В 1585—1588 гг. османские войска установили контроль над всем Азербайджаном. В очередной раз воины султана овладели Тебризом и полностью его разорили.

Наконец 21 марта 1590 г. этот этап ирано-турецких войн завершился подписанием в Стамбуле мирного договора. Мир достался сефевидскому Ирану дорогой ценой. К Османской империи отошли Восточная Армения и Восточная Грузия, Курдистан, почти весь Азербайджан. Такой успех объяснялся не только военным превосходством турок, в частности в артиллерии и регулярной пехоте, но и непрерывной междоусобной борьбой иранских феодалов и народными восстаниями в Иране, вызванными непомерными налогами.

На рубеже XVI—XVII вв. Османская империя вела также длительную войну с Австрией (1592—1606). Она была продолжением векового спора между султанами и династией Габсбургов за обладание северной частью Балканского полуострова и Венгрией.

Военные действия шли в те годы, когда в Анатолии бушевали крестьянские восстания, на подавление которых султан Мехмед III (1595—1603) был вынужден направлять крупные карательные экспедиции. Значительные силы были в это время заняты и подавлением антитурецких выступлений в Румелии.

Война с Австрией началась наступлением войск султана. В октябре 1596 г. они нанесли поражение соединенным австро-венгер-

ским силам в битве у Керестеша (близ Эгера). В последние годы успех не сопутствовал ни одной из сторон. Война измотала и Австрию, и Османскую империю, а султану нужно было высвободить силы для ликвидации внутренних неурядиц.

В результате 11 ноября 1606 г. в Ситватороке (Венгрия) был подписан мирный договор, который никому не принес новых территорий. Османская империя согласилась освободить Австрию от ежегодной дани в обмен на единовременную выплату крупной денежной компенсации. Через несколько лет султан предоставил австрийским подданным право свободной торговли в своих владениях. Можно сказать, что если битва при Лепанто была первым вестником ослабления военной мощи османов, то Ситваторокский мир был первым признаком внешнеполитических неудач империи.

XVI в. был эпохой наивысшего могущества Османской империи, которая только к концу этого столетия начала явно ощущать слабости в своем социально-экономическом и политическом развитии, проявившиеся с особой силой в XVII в. и ставшие причиной начала ее упадка.

Часть II

ОТ МОГУЩЕСТВА К УПАДКУ

Глава 5

СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ

Османская империя, созданная в результате завоевательных походов турецких султанов, занимала на рубеже XVI—XVII вв. огромную территорию в трех частях света — в Европе, Азии и Африке. Управление этим гигантским государством с разноплеменным составом населения, разнообразными климатическими условиями и хозяйственно-бытовыми традициями было делом непростым. И если турецким султанам во второй половине XV в. и в XVI в. удавалось в целом решать эту проблему, то главным слагаемым успеха были: последовательная политика централизации и укрепления политического единства, хорошо организованная и отлаженная военная машина, теснейшим образом связанная с тимарной (военно-ленной) системой землевладения. И все эти три рычага обеспечения могущества империи прочно удерживались в руках султанов, олицетворявших всю полноту власти не только светской, но и духовной, ибо султан носил титул халифа — духовного главы всех мусульман-суннитов.

Резиденцией султанов с середины XV в. вплоть до крушения Османской империи был Стамбул — центр всей системы управления государством, средоточие высших органов власти. Французский исследователь истории османской столицы Робер Мантран с полным основанием видит в этом городе воплощение всей специфики государства османов. «Несмотря на многообразие территорий и народов, находившихся под властью султана, — пишет он, — на протяжении всей своей истории османская столица, Стамбул, была воплощением империи вначале благодаря космополитической природе своего населения, где, однако, турецкий элемент был главенствующим и преобладающим, а затем благодаря тому, что она представля-

ла собой синтез этой империи в виде ее административного и военного, экономического и культурного центра».

Став столицей одного из самых сильных государств эпохи Средневековья, древний город на берегах Босфора в очередной раз в своей истории превратился в политический и экономический центр мирового значения. Он вновь стал важнейшим пунктом транзитной торговли. И хотя великие географические открытия XV—XVI вв. привели к перемещению главных путей мировой торговли из Средиземного моря в Атлантику, черноморские проливы оставались важнейшей торговой артерией. Стамбул в качестве резиденции халифов приобрел значение религиозного и культурного центра мусульманского мира. Бывшая столица восточного христианства стала основным бастионом ислама. Мехмед II перенес свою резиденцию из Эдирне в Стамбул только зимой 1457/58 г. Но еще до этого он приказал заселить опустевший город. Первыми новыми жителями Стамбула стали турки из Аксарая и армяне из Бурсы, а также греки из Морей и с островов Эгейского моря.

Новая столица не раз страдала от чумы. В 1466 г. в Стамбуле ежедневно гибло от этой страшной болезни по 600 жителей. Мертвецов не всегда успевали хоронить вовремя, ибо в городе не хватало могильщиков. Мехмед II, который в этот момент вернулся из военного похода в Албанию, предпочел переждать страшную пору в македонских горах. Менее чем через десять лет на город обрушилась еще более опустошительная эпидемия. На этот раз весь двор султана перебрался в Балканские горы. Эпидемии чумы бывали в Стамбуле и в последующие века. Десятки тысяч жизней унесла, в частности, эпидемия чумы, свирепствовавшая в столице в 1625 г.

И все же число обитателей новой турецкой столицы быстро увеличивалось. Уже к концу XV в. оно превысило 200 тыс. Чтобы оценить эту цифру, приведем два примера. В 1500 г. лишь шесть европейских городов имели население численностью более 100 тыс. — Париж, Венеция, Милан, Неаполь, Москва и Стамбул. В регионе Балкан Стамбул был самым большим городом. Так, если Эдирне и Салоники в конце XV — начале XVI в. насчитывали по 5 тыс. хозяйств, облагаемых налогами, то в Стамбуле уже в 70-х годах XV в. было более 16 тыс. таких хозяйств. А в XVI в. рост населения Стамбула был еще более значительным. Селим I переселил в свою столицу много валахов. После завоевания Белграда в Стамбуле обосновалось много ремесленников-сербов, а покорение Сирии и Египта привело к появлению в городе сирийских и египетских ремесленни-

ков. Дальнейший рост населения был предопределен быстрым развитием ремесла и торговли, а также широким строительством, которое требовало множества рабочих рук. К середине XVI в. в Стамбуле насчитывалось от 400 до 500 тыс. жителей.

Этнический состав жителей средневекового Стамбула был разнообразен. Большую часть населения составляли турки. В Стамбуле появились кварталы, заселенные выходцами из городов Малой Азии и названные по именам этих городов — Аксарай, Караман, Чаршамба. В короткий срок в столице сложились и значительные группы нетурецкого населения, преимущественно греческого и армянского. По приказу султана новым жителям предоставлялись дома, опустевшие после гибели или увода в рабство их прежних жителей. Новоселам предоставлялись различные льготы с целью поощрения занятий ремеслом или торговлей.

Самой значительной группой нетурецкого населения были греки — выходцы из Мореи, с островов Эгейского моря и из Малой Азии. Греческие кварталы возникали вокруг церквей и резиденции греческого патриарха. Поскольку православных церквей было около трех десятков и они были разбросаны по всему городу, кварталы с компактным греческим населением возникли постепенно в разных районах Стамбула и в его пригородах. Стамбульские греки играли важную роль в торговле, рыболовстве и мореходстве, занимали прочные позиции в ремесленном производстве. Большинство питейных заведений принадлежало грекам. Значительную часть города занимали кварталы армян и евреев, также селившихся, как правило, вокруг своих молитвенных домов — церквей и синагог — либо вблизи резиденций духовных глав своих общин — армянского патриарха и главного раввина.

Армяне составляли вторую по численности группу нетурецкого населения столицы. После превращения Стамбула в крупный перевалочный пункт они стали активно участвовать в международной торговле в качестве посредников. Со временем армяне заняли важное место в банковском деле. Весьма заметную роль играли они и в ремесленном производстве Стамбула.

Третье место принадлежало евреям. Вначале они занимали десяток кварталов у Золотого Рога, а затем стали селиться в ряде других районов старого города. Появились еврейские кварталы и на северном берегу Золотого Рога. Евреи традиционно участвовали в посреднических операциях международной торговли, играли важную роль в банковском деле.

В Стамбуле было немало арабов, преимущественно выходцев из Египта и Сирии. Поселились здесь и албанцы, в большинстве своем мусульмане. В турецкой столице жили также сербы и валахи, грузины и абхазцы, персы и цыгане. Здесь можно было встретить представителей практически всех народов Средиземноморья и Ближнего Востока. Еще более пестрой картину турецкой столицы делала колония европейцев — итальянцев, французов, голландцев и англичан, занимавшихся торговлей, врачебной или аптекарской практикой. В Стамбуле их обычно именовали «франками», объединяя под этим названием выходцев из разных стран Западной Европы.

Интересны данные о мусульманском и немусульманском населении Стамбула в динамике. В 1478 г. в городе было 58,11% мусульман и 41,89% немусульман. В 1520— 1530 гг. это соотношение выглядело так же: мусульман 58,3%, а немусульман 41,7%. Путешественники отмечали примерно то же соотношение и в XVII в. Как явствует из приведенных данных, Стамбул весьма отличался по составу населения от всех других городов Османской империи, где немусульмане были обычно в меньшинстве. Турецкие султаны в первые века существования империи как бы демонстрировали на примере столицы возможности сосуществования завоевателей и покоренных. Впрочем, это никогда не заслоняло разницу в их правовом статусе.

Во второй половине XV в. турецкие султаны установили, что духовными и некоторыми гражданскими делами (вопросы брака и развода, имущественные тяжбы и пр.) греков, армян и евреев будут ведать их религиозные общины (миллеты). Через глав этих общин султанские власти взимали также различные налоги и сборы с немусульман. Патриархи греко-православной и армяно-григорианской общин, а также главный раввин иудейской общины были поставлены в положение посредников между султаном и немусульманским населением. Султаны покровительствовали главам общин, оказывали им всевозможные милости в качестве платы за поддержание в их пастве духа покорности и повиновения.

Немусульманам в Османской империи был закрыт доступ к административной или военной карьере. Поэтому большинство жителей Стамбула — немусульмане обычно занимались ремеслом или торговлей. Исключение составляла небольшая часть греков из богатых семей, живших в квартале Фанар на европейском берегу Золотого Рога. Греки-фанариоты находились на государственной службе, преимущественно в должностях драгоманов — официальных переводчиков.

Султанская резиденция была центром политической и административной жизни империи. Все государственные дела решались на территории дворцового комплекса Топкапы. Тенденция к максимальной централизации власти выразилась в империи уже в том, что все основные государственные ведомства располагались на территории султанской резиденции или рядом с ней. Этим как бы подчеркивалось, что особа султана является средоточием всей власти в империи, а сановники, даже самые высшие, лишь исполнители его воли, причем их собственная жизнь и имущество целиком зависят от властелина.

В первом дворе Топкапы были расположены управление финансами и архивами, монетный двор, управление вакуфами (землями и имуществом, доходы от которых шли на религиозные или благотворительные цели), арсенал. Во втором дворе находился диван — совещательный совет при султани; здесь же помещалась султанская канцелярия и государственная казна. В третьем дворе находились личная резиденция султана, его гарем и личная казна. С середины XVII в. один из дворцов, сооруженных рядом с Топкапы, стал постоянной резиденцией великого везира. В непосредственной близости от Топкапы были устроены казармы янычарского корпуса, где обычно размещалось от 10 тыс. до 12 тыс. янычар.

Поскольку султан считался верховным вождем и главнокомандующим всех воинов ислама в священной войне против «неверных», сама церемония восшествия турецких султанов на престол сопровождалась обрядом «опоясания мечом». Отправляясь на эту своеобразную коронацию, новый султан прибывал к мечети Эйюба, расположенной на берегу залива Золотой Рог. В этой мечети шейх почитаемого ордена дервишей мевлеви опоясывал нового султана саблех легендарного Османа. Возвращаясь в свой дворец, султан выпивал у янычарских казарм традиционную чашу шербета, приняв ее из рук одного из высших янычарских военачальников. Наполнив затем чашу золотыми монетами и заверив янычар в неизменной готовности бороться против «неверных», султан как бы заверял янычарское воинство в своем благорасположении.

Личная казна султана в отличие от государственной обычно не испытывала нехватки средств. Она постоянно пополнялась самыми различными способами — данью из вассальных дунайских княжеств и Египта, доходами от вакуфных учреждений, бесконечными подношениями и подарками.

На содержание султанского двора тратились баснословные суммы. Дворцовая челядь исчислялась тысячами. В дворцовом комплексе жило и кормилось более 10 тыс. человек — придворные, султанские жены и наложницы, евнухи, слуги, дворцовая стража. Особенно многочислен был штат придворных. Здесь были не только обычные придворные чины — стольники и ключники, постельничие и сокольничие, стремянные и егеря, — но и главный придворный астролог, хранители шубы и чалмы султана, даже стражи его соловья и попугая!

В соответствии с мусульманской традицией султанский дворец состоял из мужской половины, где находились покои султана и все официальные помещения, и женской, называвшейся гаремом. Эта часть дворца была под неослабной охраной черных евнухов, глава которых имел звание «кызлар агасы» («господин девушек») и занимал одно из высших мест в придворной иерархии. Он не только всевластно распоряжался жизнью гарема, но и ведал личной казной султана. В его ведении были также вакфы Мекки и Медины. Глава черных евнухов был особой, приближенной к султану, пользовался его доверием и обладал весьма большой властью. Со временем влияние этого лица стало столь значительным, что его мнение оказывалось определяющим при решении важнейших дел империи. Не один великий везир был обязан своим назначением или смещением главе черных евнухов. Бывало, правда, что и начальники черных евнухов кончали плохо. Первой персоной в гареме была султанша-мать («вали-де-султан»). Она играла немалую роль и в политических делах. Вообще гарем всегда был средоточием дворцовых интриг. Многие заговоры, направленные не только против высших сановников, но и против самого султана, возникали в стенах гарема.

Роскошь султанского двора была призвана подчеркнуть величие и значимость повелителя в глазах не только его подданных, но и представителей других государств, с которыми Османская империя имела дипломатические отношения.

Хотя турецкие султаны обладали неограниченной властью, случалось, что они сами становились жертвами дворцовых интриг и заговоров. Поэтому султаны всячески стремились обезопасить себя, личная охрана должна была постоянно ограждать их от неожиданного нападения. Еще при Баязиде II было установлено правило, запрещавшее вооруженным людям приближаться к особе султана. Более того, при преемниках Мехмеда II любое лицо могло приблизиться к султану только в сопровождении двух стражников, бравших

его под руки. Постоянно принимались меры, исключавшие возможность отравления султана.

Поскольку братоубийство в династии Османа было узаконено еще при Мехмеде II, на протяжении XV и XVI вв. десятки принцев окончили свои дни, иные в младенческом возрасте, по воле султанов. Однако даже такой жестокий закон не смог оградить турецких монархов от дворцовых заговоров. Уже в период царствования султана Сулеймана I двое его сыновей, Баязид и Мустафа, были лишены жизни. Это было результатом интриги любимой жены Сулеймана султанши Роксоланы, которая столь жестоким способом расчищала путь к престолу для своего сына Селима.

От имени султана страной управлял великий везир, в резиденции которого рассматривались и решались важнейшие административные, финансовые и военные дела. Осуществление своей духовной власти султан перепоручал шейх-уль-исламу — высшему мусульманскому духовному лицу империи. И хотя этим двум высшим сановникам самим султаном была доверена вся полнота светской и духовной власти, реальная власть в государстве сплошь и рядом сосредоточивалась в руках его приближенных. Не раз бывало, что государственные дела вершились в покоях султанши-матери, в кругу близких ей лиц из придворной администрации.

В сложных перипетиях дворцовой жизни важнейшую роль неизменно играли янычары. Янычарский корпус, на протяжении нескольких столетий составлявший основу турецкой постоянной армии, был одной из прочнейших опор султанского трона. Султаны стремились завоевать сердца янычар щедростью. Существовал, в частности, обычай, по которому султаны должны были при вступлении на престол делать им подарки. Этот обычай со временем превратился в своеобразную дань султанов янычарскому корпусу. С течением времени янычары сделались чем-то вроде преторианской гвардии. Они играли первую скрипку почти во всех дворцовых переворотах, султаны то и дело смещали высших сановников, не угодивших янычарской вольнице. В Стамбуле находилось, как правило, около трети янычарского корпуса, т.е. от 10 тыс. до 15 тыс. человек. Время от времени столицу потрясали бунты, которые обычно возникали в одной из янычарских казарм.

В 1617—1623 гг. янычарские бунты четыре раза приводили к смене султанов. Один из них, султан Осман II, был возведен на трон в четырнадцатилетнем возрасте, а через четыре года убит янычарами. Это произошло в 1622 г. А через десять лет, в 1632 г., в Стамбу-

ле вновь вспыхнул янычарский бунт. Возвратившись в столицу из неудачного похода, они осадили султанский дворец, а затем депутация янычар и сипахи ворвалась в покои султана, потребовала назначения угодного им нового великого везира и выдачи сановников, к которым у бунтовщиков были претензии. Мятеж удалось подавить, как всегда уступив янычарам, но их страсти уже так разбушевались, что с наступлением священных для мусульман дней рамазана толпы янычар с факелами в руках носились ночами по городу, угрозами поджога вымогая деньги и имущество у сановников и зажиточных горожан.

Чаще всего рядовые янычары оказывались простым орудием в руках противостоявших друг другу дворцовых группировок. Глава корпуса — янычарский ага — был одной из самых влиятельных фигур в султанской администрации, его расположением дорожили высшие сановники империи. Султаны с подчеркнутым вниманием относились к янычарам, периодически устраивая для них всевозможные развлечения и зрелища. В самые трудные для государства моменты никто из сановников не рисковал задерживать выплату жалованья янычарам, ибо это могло стоить головы. Прерогативы янычар оберегались так тщательно, что дело доходило порой до печальных курьезов. Однажды случилось так, что главный церемониймейстер в день мусульманского праздника по ошибке допустил к целованию мантии султана командующих кавалерией и артиллерией ранее янычарского аги. Рассеянный церемониймейстер немедленно был казнен.

Янычарские бунты были опасны и для султанов. Летом 1703 г. восстание янычар окончилось свержением с престола султана Мустафы II.

Бунт начался довольно обычно. Его зачинщиками стали несколько рот янычар, которые не пожелали выступить в назначенный поход в Грузию, сославшись на задержку в выплате жалованья. Бунтовщики, поддержанные значительной частью янычар, находившихся в городе, а также софтами (учащимися духовных школ — медресе), ремесленниками и торговцами, оказались практически хозяевами столицы. Султан и его двор находились в это время в Эдирне. В среде сановников и улемов столицы начался раскол, часть примкнула к мятежникам. Толпы бунтовщиков громили дома неудобных им сановников, в том числе дом стамбульского градоначальника — каймакама. Один из ненавистных янычарам военачальников, Хашим-заде Муртаза-ага, был убит. Руководители мятежников назначили на высшие посты новых сановников, а затем послали к султану

в Эдирне депутацию, потребовав выдачи ряда придворных, которых они считали повинными в расстройстве государственных дел.

Султан попытался откупиться от бунтовщиков, направив в Стамбул большую сумму для выплаты жалованья и выдачи денежных подарков янычарам. Но это не принесло желаемого результата. Мустафе пришлось сместить и отправить в ссылку неугодного мятежникам шейх-уль-ислама Фейзуллах-эфенди. Одновременно он собрал в Эдирне верные ему войска. Тогда янычары 10 августа 1703 г. двинулись из Стамбула на Эдирне; уже в пути они провозгласили новым султаном брата Мустафы II — Ахмеда. Дело обошлось без кровопролития. Переговоры между командирами бунтовщиков и военачальниками, возглавлявшими султанские войска, закончились фетвой нового шейх-уль-ислама о низложении Мустафы II и восшествии на престол Ахмеда III. Непосредственные участники бунта получили высочайшее прощение, но, когда волнения в столице улеглись и правительство опять контролировало положение, некоторые из главарей мятежников были все же казнены.

Мы уже говорили, что централизованное управление огромной империей требовало значительного правительственного аппарата. Руководители основных государственных ведомств, среди которых первым был великий везир, вместе с рядом высших сановников империи составляли совещательный совет при султани, именовавшийся диваном. Этот совет обсуждал государственные вопросы особой важности.

Ведомство великого везира именовалось «Баб и али», что означало дословно «Высокие врата». На французском языке — языке дипломатии того времени — это звучало как «La Sublime Porte», т.е. «Блистательные [или Высокие] врата». В языке же российской дипломатии французское «Porte» превратилось в «Порту». Так «Блистательная Порты» или «Высокая Порты» надолго стало в России наименованием османского правительства. «Портой Оттоманской» порой называли не только высший орган светской власти Османской империи, но и само турецкое государство.

Пост великого везира существовал с момента основания османской династии (учрежден в 1327 г.). Великий везир всегда имел доступ к султану, он вершил государственные дела от имени суверена. Символом его власти была хранившаяся у него государственная печать. Когда султан приказывал великому везиру передать печать другому сановнику, это означало в лучшем случае немедленную отставку. Нередко этот приказ означал ссылку, а порой и смертный

приговор. Ведомство великого везира руководило всеми государственными делами, в том числе и военными. Его главе подчинялись руководители других государственных ведомств, а также бейлербеи (наместники) Анатолии и Румелии и сановники, управлявшие санджаками (губерниями). Но все же власть великого везира зависела от многих причин, в том числе таких случайных, как прихоть или каприз султана, интриги дворцовой камарильи.

Высокий пост в столице империи означал необычайно большие доходы. Высшие сановники получали от султана земельные пожалования, приносившие колоссальные денежные суммы. В результате многие высшие сановники накапливали огромные богатства. Например, когда сокровища великого везира Синан-паши, умершего в конце XVI в., попали в казну, их размеры настолько поразили современников, что рассказ об этом попал в одну из известных турецких средневековых хроник.

Важным государственным ведомством было управление кадиаскера. Оно осуществляло руководство органами юстиции и суда, а также школьными делами. Поскольку в основе судопроизводства и системы обучения лежали нормы шариата — мусульманского права, ведомство кадиаскера подчинялось не только великому везиру, но и шейх-уль-исламу. До 1480 г. существовало единое ведомство кадиаскера румелийского и кадиаскера азиатского.

Финансами империи управляло ведомство дефтердара (букв. «хранителя реестра»). Управление нишанджи было своего рода протокольным департаментом империи, ибо его чиновники оформляли многочисленные указы султанов, снабжая их искусно выполненной тугрой — монограммой правившего султана, без которой указ не получал силы закона. Вплоть до середины XVII в. ведомство нишанджи осуществляло также связи Османской империи с другими странами.

Многочисленные чиновники всех рангов считались «рабами султана». Многие сановники и в самом деле начинали свою карьеру настоящими рабами на дворцовой или военной службе. Но и получив высокий пост в империи, каждый из них знал, что его положение и жизнь зависят только от воли султана. Примечателен жизненный путь одного из великих везиров XVI в. — Лютфи-паши, который известен как автор сочинения о функциях великих везиров («Асафнаме»). Он попал во дворец султана мальчиком в числе детей христиан, принудительно набравшихся для службы в янычарском корпусе, служил в личной гвардии султана, сменил ряд постов в яны-

чарском войске, стал бейлербеем Анатолии, а затем Румелии. Женат Лютфи-паша был на сестре султана Сулеймана. Это помогало карьере. Но он лишился поста великого везира, как только осмелился поврать со своей высокорожденной супругой. Впрочем, его постигла далеко не худшая участь.

К казням в средневековом Стамбуле были привычны. Табель о рангах отражалась даже в обхождении с головами казненных, которые обычно выставлялись у стен дворца султана. Отрубленной голове везира полагалось серебряное блюдо и место на мраморной колонне у дворцовых ворот. Менее крупный сановник мог рассчитывать лишь на простую деревянную тарелку для своей слетевшей с плеч головы, а уж головы рядовых проштрафившихся или безвинно казненных чиновников укладывались без всяких подставок на землю у стен дворца.

Особое место в Османской империи и в жизни ее столицы занимал шейх-уль-ислам. Высшее духовенство, улемы, состояло из кадиев — судей в мусульманских судах, муфтиев — исламских богословов и мюдеррисов — преподавателей медресе. Сила мусульманского духовенства определялась не только его исключительной ролью в духовной жизни и администрации империи. Оно владело огромными земельными угодьями, а также разнообразным имуществом в городах.

Только шейх-уль-ислам обладал правом толковать любое решение светских властей империи с точки зрения положений Корана и шариата. Его фетва — документ, одобряющий акты высшей власти, — была необходима и для султанского указа. Фетвы санкционировали даже низложение султанов и их восшествие на престол. Шейх-уль-ислам занимал в османской официальной иерархии место, равное великому везиру. Последний ежегодно наносил ему традиционный официальный визит, подчеркивая уважение светских властей главе мусульманского духовенства. Шейх-уль-ислам получал огромное жалованье от казны.

Османская бюрократия не отличалась чистотой нравов. Уже в указе султана Мехмеда III (1595—1603), изданном по случаю его восшествия на престол, говорилось о том, что в прошлом в Османской империи никто не страдал от несправедливости и вымогательства, ныне же сводом законов, гарантирующих справедливость, пренебрегают, а в делах административных присутствуют всевозможные несправедливости. С течением времени коррупция и злоупотребле-

ние властью, продажа доходных местечек и безудержное взяточничество стали очень распространены.

По мере роста могущества империи османов многие европейские государи стали проявлять все большую заинтересованность в дружественных отношениях с нею. Стамбул часто принимал иностранные посольства и миссии. Особенно активны были венецианцы, чей посол побывал при дворе Мехмеда II уже в 1454 г. В конце XV в. начались дипломатические отношения Порты с Францией и Московским государством. А уже в XVI в. дипломаты европейских держав вели в Стамбуле борьбу за влияние на султана и Порту.

В середине XVI в. возник сохранившийся до конца XVIII в. обычай обеспечивать иностранные посольства на время их пребывания во владениях султанов довольствием от казны. Так, в 1589 г. Высокая Порта выдавала персидскому послу сто баранов и сто сладких хлебов в день, а также значительную денежную сумму. Послы мусульманских государств получали содержание в большем размере, нежели представители христианских держав.

В течение почти 200 лет после падения Константинополя иностранные посольства располагались в самом Стамбуле, где для них было отведено специальное здание, называвшееся «Эльчихан» («Посольский двор»). С середины XVII в. послам были предоставлены резиденции в Галате и Пере, а в Эльчихане располагались представители государств — вассалов султана.

Прием иностранных послов проводился по тщательно разработанному церемониалу, который должен был свидетельствовать о мощи империи османов и могуществе самого монарха. Высоких гостей стремились поразить не только убранством султанской резиденции, но и грозным видом янычар, которые в таких случаях тысячами выстраивались перед дворцом в качестве почетного караула. Кульминацией приема был обычно допуск послов и их свиты в тронный зал, где они могли приблизиться к особе султана лишь в сопровождении его личной охраны. При этом по традиции каждого из гостей вели к трону под руки двое из стражей султана, отвечавших за безопасность своего господина. Богатые подарки султану и великому везиру были непременным атрибутом всякого иностранного посольства. Нарушения этой традиции были редки и, как правило, дорого обходились виновникам. В 1572 г. французский посол так и не удостоился аудиенции у Селима II, ибо подарков от своего короля он не привез. Еще хуже обошлись в 1585 г. с австрийским послом, также явившимся ко двору султана без подарков. Его просто заточили в

темницу. Обычай подношения даров султану иностранными послами просуществовал до середины XVIII в.

Сношения иностранных представителей с великим везиром и другими высшими сановниками империи также были обычно сопряжены с множеством формальностей и условностей, а необходимость делать им дорогие подарки оставалась до второй половины XVIII в. нормой деловых отношений с Портой и ее ведомствами.

При объявлении войны послов сажали в темницу, в частности в казематы Едикуле, Семибашенного замка. Но и в мирное время случаи оскорбления послов и даже физического насилия над ними или произвольного тюремного заключения не были явлением чрезвычайным. К представителям России султан и Порты относились, пожалуй, уважительнее, чем к прочим иностранным послам. За исключением заточения в Семибашенный замок при возникновении войн с Россией русские представители не подвергались публичным унижениям или насилиям. Первый московский посол в Стамбуле, стольник Плещеев (1496), был принят султаном Баязидом II, а ответные грамоты султана содержали уверения в дружбе Московскому государству, да и весьма добрые слова о самом Плещееве. Отношение султана и Порты к российским послам в последующие времена, очевидно, определялось нежеланием ухудшать отношения с могущественным соседом.

Однако Стамбул был не только политическим центром Османской империи. «По своему значению и как резиденция халифа Стамбул стал первым городом мусульман, столь же сказочным, как и древняя столица арабских халифов, — отмечает Н. Тодоров. — В нем было сосредоточено огромное богатство, которое составили добыча победоносных войн, контрибуции, постоянный приток налогов и других поступлений, доходы с развивавшейся торговли. Узловое географическое положение — на скрещении нескольких основных торговых путей по суше и морю — и привилегии в снабжении, которыми Стамбул пользовался на протяжении нескольких веков, превратили его в крупнейший европейский город».

Столица турецких султанов обладала славой красивого и процветающего города. В великолепный природный рисунок города хорошо вписались образцы мусульманского зодчества. Новый архитектурный облик города возник не сразу. Обширное строительство велось в Стамбуле долгое время, начиная со второй половины XV в. Султаны позаботились о восстановлении и дальнейшем укреплении

городских стен. Затем начали возникать новые здания — султанская резиденция, мечети, дворцы.

Гигантский город естественным образом распадался на три части: собственно Стамбул, находившийся на мысу между Мраморным морем и Золотым Рогом, Галата и Пера на северном берегу Золотого Рога и Ускюдар на азиатском берегу Босфора, третий крупный район турецкой столицы, выросший на месте древнего Хрисополя. Основную часть городского ансамбля составлял Стамбул, границы которого определялись линиями сухопутных и морских стен бывшей византийской столицы. Именно здесь, в старой части города, сложился политический, религиозный и административный центр Османской империи. Здесь находились резиденция султана, все правительственные учреждения и ведомства, важнейшие культовые сооружения. В этой части города по традиции, сохранившейся с византийских времен, располагались крупнейшие торговые фирмы и ремесленные мастерские.

Очевидцы, дружно восхищавшиеся общей панорамой и местоположением города, были столь же единодушны в разочаровании, возникавшем при более близком знакомстве с ним. «Город внутри не соответствует своему прекрасному внешнему облику, — писал итальянский путешественник начала XVII в. Пьетро делла Валле. — Напротив, он довольно безобразен, поскольку никто не заботится о том, чтобы держать улицы в чистоте... из-за небрежности жителей улицы стали грязными и неудобными... Здесь очень мало улиц, по которым легко могут проехать... дорожные экипажи — ими пользуются только женщины и те лица, которые не могут ходить пешком. По всем остальным улицам можно ездить только верхом или идти пешком, не испытывая при этом большого удовлетворения». Узкие и кривые, в большинстве своем неощенные, с непрерывными спусками и подъемами, грязные и мрачные — такими выглядят в описаниях очевидцев почти все улицы средневекового Стамбула. Только одна из улиц старой части города — Диван Иолу — была широкой, сравнительно опрятной и даже красивой. Но то была центральная магистраль, по которой султанский кортеж обычно проезжал через весь город от Адрианопольских ворот до дворца Топкапы.

Путешественников разочаровывал вид многих старых зданий Стамбула. Но постепенно, по мере расширения Османской империи, турки воспринимали более высокую культуру покоренных ими народов, что, естественно, отражалось и на градостроительстве. Тем не менее, в XVI—XVIII вв. жилые дома турецкой столицы выгляде-

ли более чем скромно и отнюдь не вызывали восхищения. Европейские путешественники отмечали, что частные дома стамбульцев, за исключением дворцов сановников и богатых купцов, представляют собой малопривлекательные сооружения.

В средневековом Стамбуле насчитывалось от 30 тыс. до 40 тыс. зданий — жилых домов, торговых и ремесленных заведений. В подавляющем большинстве это были одноэтажные деревянные дома. Вместе с тем во второй половине XV—XVII вв. в османской столице было сооружено немало зданий, ставших образцами османской архитектуры. Это были соборные и малые мечети, многочисленные мусульманские духовные училища — медресе, дервишские обители — текке, караван-сарай, здания рынков и различных мусульманских благотворительных учреждений, дворцы султана и его вельмож. В первые же годы после завоевания Константинополя был выстроен дворец Эски Сарай (Старый дворец), где 15 лет располагалась резиденция султана Мехмеда II.

В 1466 г. на площади, где некогда находился древний акрополь Византия, было начато сооружение новой султанской резиденции — Топкапы. Она оставалась местопребыванием османских султанов до XIX в. Строительство дворцовых зданий на территории Топкапы продолжалось в XVI—XVIII вв. Главную прелесть дворцовому комплексу Топкапы придавало его расположение: он находился на высоком холме, буквально нависая над водами Мраморного моря, его украшали прекрасные сады.

Мечети и мавзолеи, дворцовые здания и ансамбли, медресе и текке были не только образцами османской архитектуры. Многие из них стали и памятниками турецкого средневекового прикладного искусства. Мастера художественной обработки камня и мрамора, дерева и металла, кости и кожи участвовали во внешней отделке зданий, но особенно их интерьеров. Тончайшая резьба украшала деревянные двери богатых мечетей и дворцовых зданий. Изумительной работы изразцовые панно и цветные витражи, искусно выполненные бронзовые канделябры, знаменитые ковры из малоазиатского города Ушака — все это было свидетельством таланта и трудолюбия многочисленных безымянных умельцев, создавших подлинные образцы средневекового прикладного искусства. Во многих местах в Стамбуле были сооружены фонтаны, строительство которых считалось у мусульман, высоко чтивших воду, делом богоугодным.

Своеобразный облик придавали Стамбулу наряду с мусульманскими культовыми сооружениями знаменитые турецкие бани. «По-

сле мечетей, — отмечал один из путешественников, — первые предметы, поражающие приезжего в турецком городе, — здания, увенчанные свинцовыми куполами, в которых сделаны в шахматном порядке отверстия с выпуклыми стеклами. Это «гаммамы», или общественные бани. Они принадлежат к лучшим произведениям архитектуры в Турции, и нет городишка, такого жалкого и бездельного, где бы не было общественных бань, открытых с четырех часов утра до восьми вечера. В Константинополе их до трехсот».

Бани в Стамбуле, как и во всех турецких городах, были для жителей также местом отдыха и встреч, чем-то вроде клуба, где после омовения можно было многие часы проводить в беседах за традиционной чашечкой кофе.

Подобно баням неотъемлемую часть облика турецкой столицы составляли рынки. В Стамбуле было много рынков, в большинстве своем крытых. Существовали рынки по продаже муки, мяса и рыбы, овощей и фруктов, мехов и тканей. Был и специальный рынок пряностей, называвшийся Египетским базаром. Обычно рынки представляли собой лабиринты улочек и переулков со сводчатыми крышами.

Стамбул был крупнейшим центром работоторговли. Невольничьи рынков в городе было несколько. Здесь продавали военнопленных и обращенных в рабство жителей покоренных стран, в том числе русских и украинцев, уведенных с родных земель крымскими татарами. Через невольничьи рынки Стамбула ежегодно проходили десятки тысяч рабов.

Среди торговых центров средневекового Стамбула особое место занимали бедестаны — массивные каменные здания с железными воротами и решетками. В XVI в. в городе было три бедестана. Французский путешественник XVI в. С. Морис так описывал первый стамбульский бедестан, сооруженный в 1461 г.: «Это место в Константинополе, где золотых дел мастера, ювелиры и торговцы тканями, затканными золотом, и другими ценными вещами выставляют для продажи свои товары. Оно состоит из двух больших крытых помещений, окруженных стенами толщиной 6 футов. В стенах имеются четверо двойных дверей (одни против других), соединенных сводами. Сами помещения также сводчатые, а купол поддерживается двадцатью четырьмя колоннами. Там есть множество маленьких лавочек, устроенных в стенах и пилястрах, — нечто вроде шкафов в 6 футов шириной и 4 фута длиной; перед ними стоят маленькие столики, чтобы выставлять товары на продажу».

Некоторые стамбульские рынки, в частности сохранившийся до наших дней Крытый рынок (Капалы Чарши), создавались на базе больших рынков, созданных некогда в Константинополе.

Власти Стамбула строго регламентировали весь процесс снабжения столицы — от закупки продуктов у производителей до доставки в город и продажи его на рынках. В немалой мере забота властей о снабжении объяснялась боязнью народных волнений, вызванных нехваткой продовольствия. Пекари Стамбула обязаны были постоянно иметь запас муки на один-два месяца. Хлеб они должны были выпекать хорошего качества. Продажа сырого или подгоревшего хлеба могла стоить палочного наказания тому, кто его выпекал. Один из европейцев, побывавший в Стамбуле в середине XVI в., отмечал, что турки — жители столицы ежедневно требуют в пекарнях только свежее выпеченный хлеб.

Стамбул потреблял огромное количество мяса. Например, в 1674 г. в город было доставлено и забито около 200 тыс. буйволов, почти 4 млн. овец и около 3 млн. ягнят. Только двору султана и янычарам, расквартированным в столице, в том же году понадобилось 325 тыс. овец и ягнят. На рынках Стамбула в большом количестве продавались также разнообразные овощи, молоко и молочные продукты. Цены на зерно и мясо строго регламентировались с учетом качества продуктов и времени года.

Столица была крупнейшим торговым и ремесленным центром империи. В середине XVII столетия в Стамбуле насчитывалось более 23 тыс. ремесленных мастерских, в которых трудилось около 80 тыс. человек. Число лишь крупных торговцев, преимущественно оптовиков, превышало 15 тыс. В их владении находилось почти 32 тыс. магазинов, лавок и торговых складов.

Стамбул славился работами ювелиров и граверов, чеканщиков и оружейников. Столица была и главным центром производства оружия. В столичных мастерских производились популярные в Европе кожаные изделия, изготавливались отличные бархатные и шелковые ткани, великолепная парча. Среди наиболее квалифицированных ремесленников было много немусульман, главным образом греков и армян.

Весь торговый и ремесленный люд Стамбула был объединен в цехи. Изготовление многих видов изделий было специализировано. Швейное производство было представлено 19 цеховыми организациями, кожаное — 35, оружейное — 36, строительное — 44. Даже булочники и кондитеры были объединены в 29 корпораций. Цехо-

вая регламентация строго ограничивала круг лиц, имевших право открывать в городе мастерские или лавки. Такое право предоставлялось только мастерам. Общими вопросами деятельности цехов ведали избравшиеся мастерами цеховые советы. Подлинным главой цеха был староста — кет-хюда.

Стамбульский порт был крупным центром международной торговли. В гавани Золотого Рога постоянно находились сотни судов из разных стран. Порт османской столицы был также значительным центром транзитной торговли. Через него шел в Европу поток товаров, доставлявшихся из Малой Азии. Это обстоятельство, как и само местоположение города, разделенного морскими водами на три части, привело к созданию целой армии лодочников. Перевоской людей и грузов через Босфор и Золотой Рог было занято в XVI—XVII вв. около 15 тыс. лодочников.

Управление таким огромным городом было сложной задачей. Обычно по средам заседания дивана под председательством великого везира были специально посвящены рассмотрению вопросов жизни Стамбула. После этого заседания великий везир в сопровождении пышного эскорта производил инспекцию рынков. Его сопровождали кадии (мусульманские судьи) основных районов города, янычарский ага, главы цехов и многочисленные чиновники столичной администрации.

Городскую администрацию возглавлял назначавшийся великим везиром каймакам. Все вопросы судопроизводства находились в компетенции кадиев, которым были подчинены чиновники, инспектировавшие деятельность торговых и ремесленных цехов. Полицейская служба в столице была подчинена по районам крупным военачальникам. Специальные полицейские чины, именовавшиеся «асес-баши», отвечали за безопасность и порядок в городе в темное время суток. В каждом квартале ночная охрана была возложена на сторожа, который подчинялся асес-баши. Уголовная полиция была довольно многочисленной, имела и тайных агентов. В средневековом Стамбуле убийства были явлением сравнительно редким. Одна из причин этого заключалась, вероятно, в том, что если убийцу не удавалось обнаружить, то жители квартала, где произошло преступление, должны были платить крупный денежный штраф.

Префект Стамбула, шехир-эмини, руководил всем, что относилось к делам строительства, отвечал за ремонт зданий, а также за снабжение города водой. Без разрешения подчиненного префекту главного архитектора, мимар-баши, в столице нельзя было ничего

строить. Существовала в городе и специальная служба, отвечавшая за чистоту улиц, но большинство улиц имело весьма грязный вид.

Средневековая столица Османской империи не отличалась значительным развитием науки, литературы и искусства. И все же в этом городе чиновников и воинов, ремесленников и торговцев прошла жизнь некоторых видных деятелей турецкой средневековой культуры. Во второй половине XV в. здесь жил теолог, математик и астроном Лютфи Такади, создавший труд о классификации наук. Изучение им греческих философов и общение с современниками — стамбульскими учеными-греками было, возможно, одной из причин того, что Лютфи Такади был признан еретиком и казнен. Во второй половине XV в. в Стамбуле работал соратник знаменитого узбекского астронома и математика Улугбека, Али Кушчи, организовавший здесь первую в Османской империи математическую школу.

В первой половине XVI в. в Стамбуле стало известно имя турецкого мореплавателя Пири Рейса; в 1517 г. он преподнес султану Селиму I свой труд — карту мира, составленную по многим другим картам, в том числе по карте, принадлежавшей самому Колумбу. Подробнейшее описание Стамбула XVII в. оставил Эвлия Челеби, чей многолетний труд «Книга путешествий» — ценный источник по истории и географии Османской империи и многих европейских и азиатских стран. Современник Эвлии Челеби турецкий энциклопедист Хаджи Хальфа вошел в историю как составитель трактата о мерах по ликвидации неурядиц в государственных делах. Его перу принадлежало много исторических сочинений, а также громадная библиография книг на арабском, персидском и турецком языках, содержавшая труды 8 тыс. авторов.

В период Средневековья в Стамбуле жило немало поэтов, обычно придворных. Но лишь несколько имен вошли в историю турецкой литературы. Это были, в частности, Бақы (1527—1600) — талантливый лирик, любимец султана Сулеймана I и его преемников, а также блестящий сатирик Нефи (1572—1.635). Сатирические стихи Нефи, обличавшие бездарных и корыстолюбивых сановников, стоили поэту жизни. С согласия султана Мурада IV один из задетых сатириком везиров пригласил его в свой дом, и там поэт был подло убит.

Основные черты жизни османской столицы, особенности ее быта в целом совпадали с тем, что было характерно для всех провинций Османской империи. Автор «Записок янычара» Константин из Островицы, писавший во второй половине XV в., весьма образно характеризовал централизацию османской системы государствен-

ного управления: «Порядок и управление в Турецкой земле, прежде всего, зиждутся на том, что султан все замки во всех своих землях, заняв их янычарами или своими воспитанниками, крепко держит в своей руке, никакого замка ни одному из вельмож не отдавая; и тот город, который имеет укрепление и замок в нем, султан, заняв своими людьми, также держит сам». Действительно, даже в самых далеких провинциях империи военно-административная, финансовая, судебная и духовная власть на местах целиком и полностью принадлежала султану-халифу.

Все население Османской империи четко разделялось на две основные группы. Первая называлась «аскери» («военные») и включала тех, кто олицетворял власть султана, — придворных всех рангов, собственно военных, гражданских чиновников и представителей мусульманского духовенства («улема»). Это был правящий класс страны. Лица, входившие в его состав, не были непосредственно связаны с производством, не платили налогов. Вторую группу составляло податное население, как мусульманское, так и немусульманское; оно именовалось «райя» (*араб.* «подданные», «паства»). С середины XVII в. этот термин стал употребляться преимущественно по отношению к немусульманам. Райя был класс непосредственных производителей, его трудом кормилась вся масса османских феодалов, собиравшиеся с него налоги составляли основу доходов государственной и личной султанской казны.

Внутри каждой из этих групп существовало, разумеется, деление на различные категории. Райя была мусульманская, немусульманская, кочевая или оседлая, крестьянская или ремесленная. Аскери, в свою очередь, состояли из двух групп — «людей меча» (собственно военные) и «людей пера» (чиновники султанской администрации). В XVI в., когда в османском обществе прежняя иерархия, основанная на функциональных критериях, постепенно стала заменяться иерархией, построенной на принципе материального положения, традиционное деление аскери на «людей меча» и «людей пера» становилось все менее реальным. Но не менялось веками соотношение между правящим классом и податным населением.

Уже при первых трех султанах их владения делились на несколько десятков округов — санджаков (другое название — лива), которые первоначально входили в две области — бейлербейства Румелия и Анатолия. По мере расширения территории империи число бейлербейств росло, к концу правления Сулеймана I их было уже 16. Увеличивалось и число санджаков. В конце XV в. их было около 60,

а в середине XVI в. их стало вдвое больше. При Мура-де III (1574—1595) империя была разделена на эялеты, которые заняли место прежних бейлербейств. Страна делилась на 21 эялет, которые объединяли около 250 санджаков. Санджаки, в свою очередь, делились на уезды — каза, которые исчислялись сотнями. К XVIII в. их было уже около 1800. Каза состоял обычно из небольшого города с окрестностями. Самой маленькой административной единицей была волость — нахийе, из которых и составлялись уезды.

К XVI в. империя османов представляла собой огромное государство, отличавшееся исключительным разнообразием историко-культурных традиций и этноса. Это был поистине конгломерат рас и народностей. Управление таким государством, в частности функционирование провинциальных органов власти, требовало создания гибкой административной системы, а также эффективной структуры контроля над всеми доходами. Аппарат фискального учета уже в XV в. был в империи достаточно развит: все владения и доходы, население и налогообложение тщательно учитывались. На основе этого учета постепенно кодифицировались практически все стороны жизни Османского государства, в том числе важнейшие аспекты функционирования провинциальной администрации. При этом учитывались особенности провинций, что нашло отражение в создании специальных законоположений, в которых отражалась специфика местных условий. Кодификация провинциальной жизни приобрела окончательные черты в XVI в., в период правления Сулеймана I Законодателя, когда вся система османского военно-политического устройства уже полностью сложилась.

В Османском государстве весьма тщательно учитывались все земли и приносимые ими доходы на каждой из вновь завоеванных территорий. С этой целью повсеместно велись дефтеры — писцовые книги. Такие реестры составлялись обычно каждые 30 лет, но порой и чаще. Поводом могло быть как воцарение нового султана, пожелавшего провести учет своих владений и доходов, так и административное мероприятие центральных властей, в том числе проверка причин неожиданного уменьшения поступлений в казну из той или иной провинции.

Дефтеры были важнейшим государственным документом. Они оформлялись обычно в двух экземплярах после каждой очередной переписи владений и доходов. В них самым подробным образом фиксировались размеры тимарных владений и структура приносимых ими доходов; они содержали также перечни всех деревень,

учитывавшие всех мужчин — женатых и холостых, т.е. лиц, непосредственно отвечавших за выполнение хозяйственных и налоговых обязательств. Один экземпляр дефтера отсылался в Стамбул, в управление дефтердара, для учета правильности поступлений из провинции в государственную казну, другой экземпляр служил провинциальной администрации в качестве учетного документа, фиксирующего доходы на очередной год. Когда в составе тимарных владений в том или ином санджаке происходили перемены, связанные со сменой владельца, сведения об этом тут же направлялись для утверждения в столицу, причем в обоих экземплярах дефтеров производились соответствующие исправления в виде пометок на полях.

Все сколько-нибудь существенные вопросы землепользования и налогообложения регулировались провинциальными законоположениями — канун-наме, которые составлялись и утверждались для каждого санджака в отдельности. Например, канун-наме санджака Бурсы, относящееся к 1487 г., содержало точные размеры всех налогов, а также определение возможных особых ситуаций, при которых эти налоги могут увеличиваться или уменьшаться. Канун-наме определяло и сезон, в который должны были взиматься те или иные налоги, в соответствии с условиями земледелия и временем сбора урожая разных культур. Определялись конкретно и права тимариотов по отношению к податному населению. В законоположении санджака Бурса, подобно канун-наме других санджаков, точно фиксировались основные правила, относящиеся к системе землепользования. Особые статьи оговаривали принципы и размеры налогообложения кочевых племен.

Канун-наме фиксировало даже сумму налога за невесту (ресми-арусане), который определялся в 60 акче за девицу и 40 акче за женщину. При этом оговаривалось, что бедные платят половину, а лица среднего достатка — три четверти указанных сумм. В законоположении указанного санджака определялись права тимариотов по сбору штрафов (джераим), а также обязанности санджак-беев по пресечению уголовных преступлений, причем в специальном параграфе перечислялись размеры штрафов и виды наказаний за такие преступления.

Законоположения других санджаков могли быть короче или пространнее, материал в них мог быть расположен в иной последовательности и содержать конкретные положения, связанные с условиями хозяйственной жизни в этих санджаках. Но главные их черты были одинаковы — в канун-наме фиксировались размеры налогооб-

ложения и землепользования, права тимариотов и их обязанности, статус различных групп податного населения, общие обязанности администрации санджаков.

Тенденции к централизации государственного управления, характерной для Османской империи в XV—XVI вв., хорошо соответствовала тимарная система, которая была, в сущности, основой военно-административного и социально-экономического устройства государства. Обычное тимарное владение включало одну-три деревни, приусадебное хозяйство самого держателя, пахотные земли, виноградники, сады и огороды. Тимарами считались владения, дававшие в год до 20 тыс. акче дохода. Большинство тимаров приносило их держателям от 3 тыс. до 10 тыс. акче, а немалое число мелких тимаров давало и менее 3 тыс. акче в год. Земельные наделы, приносящие от 20 тыс. до 100 тыс. акче в год, зеаметы, находились в руках у крупных тимариотов, значительных должностных лиц и военачальников. Самые крупные владения, именовавшиеся хассами, давали их держателям более 100 тыс. акче годового дохода. Это были хассы самого султана и членов его семьи, а также владения везиров и других высших сановников государства. Так, хасс великого везира давал при султанине Мехмеде II доход в 1,2 млн. акче, а хасс каждого бейлербея — 1 млн. акче. Дефтердар империи обладал хассом, приносившим ему в ту пору 600 тыс. акче годового дохода.

Правители бейлербейств и санджаков, будучи султанскими чиновниками, теряли свои владения, лишаясь поста, что случалось очень часто. Что же касается рядовых тимариотов, то они при условии точного соблюдения воинских обязанностей (в среднем мелкий тимариот должен был выставить от 2 до 6 вооруженных и снаряженных воинов, а крупный тимариот — не менее 15 воинов) могли передавать свои владения по наследству, из поколения в поколение. Конечно же, наследники вместе с тимаром брали на себя и все военные и финансовые обязательства перед султаном и казной. Основная масса тимариотов, всеми своими корнями связанная с кочевыми племенными традициями и не расположенная к созидательной хозяйственной деятельности, в первые века Османской империи весь смысл своего существования видела в бесконечных захватнических войнах, которые вела империя. Именно эти войны приносили тимариотам богатую добычу, а некоторым из них открывали дорогу к военной и государственной карьере. Тимариоты составляли основную массу сипахийской кавалерии, которая наряду с янычарской пехо-

той на протяжении XV—XVI вв. была ударной военной силой государства османов.

Доходы тимариотов всех рангов составлялись из налоговых поступлений с крестьянского податного населения. Юридически крестьяне империи считались свободными, но на практике существовало множество таких ограничений и такая система штрафов, которые имел право взимать тимариот с крестьянина за уход с земли или отказ от ее обработки, что свобода крестьян была весьма ограниченной, их прикрепление к земле так или иначе было реальностью. Так, канун-наме Гелиболу, относящееся ко времени Сулеймана I Кануни, гласило, что если райя (феодално-зависимый крестьянин) того или иного тимара «оставит свою деревню и уйдет в тимар другого сипахи (тимариота. — Ю.Л.), то сипахи того тимара, куда он пришел, пусть проведет расследование и, узнав, из какой он деревни, пусть сообщит тому сипахи и крестьянам, чтобы они приехали и взяли этого райята. Если же это близко, то пусть отошлет его со своим человеком». Законоположение санджака Айдын за 1528 г. содержало, в частности, право тимариота отобрать землю у райя, который в течение трех лет не обрабатывал пригодный для земледелия участок.

Наибольшей полнотой власти в своих владениях располагали крупные феодалы в приграничных землях и главы кочевых племен, в частности курдских. Именно вождям курдских племен были дарованы султанами владения, называвшиеся юрдуками и оджаклыками. Они лишь тогда переходили в руки другого владельца, когда в живых не оставалось ни одного из законных наследников.

На рубеже XV—XVI вв. в Османской империи имелись и безусловные феодальные частные владения, именовавшиеся мюльками. Обычно мюльковые земли принадлежали членам правящей династии, крупным сановникам и военачальникам, представителям старой феодальной знати в бейликах Анатолии, покоренных османами. Такие владения возникали в результате дара султана, чаще всего за особые заслуги или как проявление его благорасположения. Мюльковые владения гарантировали сановнику крупные доходы и положение в османском феодальном обществе даже в случае утраты им государственной должности. Мюльки бывали разных размеров, наиболее крупные занимали огромную площадь, включали много деревень. Так, один из крупных сановников XVI в., Рустем-паша, был владельцем десятков поместий (чифтликов) в Румелии и Анатолии. В мюльковую собственность могло входить и недвижи-

мое имущество в городах. О характере права собственников мюлькового имущества можно судить по тому, что при строительстве крупных мечетей в Стамбуле в XVI—XVII вв. не раз бывали случаи, когда казна специально выкупала земельные участки или попадавшие в связи со строительством под снос здания у их владельцев. Мюльковая собственность могла свободно продаваться или передаваться по наследству, обладание ею не связывалось с какой-либо государственной службой.

Огромные земельные владения и масса недвижимого имущества в городах империи находились в ведении мусульманского духовенства. Это были неотчуждаемые владения, именовавшиеся вакуфами и складывавшиеся в результате передачи в распоряжение мусульманских религиозных учреждений части владений султанов, а также многих мюльковых земель. Владения, переданные в вакуф, гарантировали учредителям вакуфа определенную долю дохода и право пользования этими доходами для его наследников. Стремление многих собственников гарантировать устойчивые доходы под защитой религиозных учреждений привело к тому, что к XIX в. вакуфные земли составляли почти треть всех обрабатывавшихся земель в Османской империи. Поля и сады, жилые дома и богоугодные заведения, мельницы и караван-сарай, многие другие виды недвижимого имущества оказались в ведении духовных феодалов. Это придало мусульманскому духовенству еще большую силу и влияние.

Основой экономики Османской империи на протяжении всей ее шестивековой истории было сельское хозяйство. Труд крестьян обеспечивал все — доходы государственной казны и тимариотов, военное могущество государства и потребности армии, бюрократии и духовенства. Поскольку концентрация земельных владений в руках феодалов была в Османской империи весьма высокой (в конце XV в., например, тимарные земли были в руках всего 10 тыс. владельцев), от обычного тимариота, а тем более от владельцев зеаметов и хассов находились в феодальной зависимости крестьяне десятков, а порой и сотен деревень.

Для Османской империи не было характерно крупное поместное хозяйство, ибо военно-ленная феодальная знать разных рангов сама хозяйство не вела, будучи занята своими воинскими обязанностями и большую часть времени проводя в захватнических походах султанов. Землю обрабатывали крестьяне, которые получали участки от феодалов на условиях издольщины — обязательства отдавать землевладельцу определенную часть урожая. Площадь земельных

участков, которые тимариоты должны были выделять своим крестьянам, определялась законом в размере от 6 до 16 гектаров на семью. Обычно размер надела зависел от качества земли, передаваемой в обработку. При первоначальной передаче участка крестьянин должен был платить тимариоту специальный денежный сбор — тапу. Законы предусматривали наследственный порядок пользования земельными участками, причем при передаче надела по наследству тапу уже не взимался.

Чрезвычайно разнообразны были природные условия провинций Османской империи. Европейские провинции отличались плодородием почв. В большинстве районов этой части империи обширные земельные массивы с конца XVII в. использовались под посевы кукурузы, которая шла не только в пищу людям, но и на корм скоту. Разводили в этих краях также рожь и пшеницу, ячмень и овес, многие садовые и бахчевые культуры, различные сорта табака. Главной тягловой силой здесь были буйволы. Огромные стада домашнего скота, в основном овец, коз и свиней, составляли еще один источник благосостояния края. В изобилии была здесь домашняя птица, широко было распространено пчеловодство.

Основной житницей азиатской части Османской империи была Западная Анатолия. Земля давала там богатые урожаи пшеницы, ржи, овса и ячменя, кукурузы и различных бобовых культур, льна, мака, аниса, почти всех основных садовых и бахчевых культур, в том числе цитрусовых.

В Западной Анатолии, как и во многих других районах Малой Азии, традиционно процветавшей отраслью сельского хозяйства было шелководство. Весьма развито было и скотоводство, в котором преобладало разведение различных пород овец и коз.

В Центральной и Восточной Анатолии менее распространено было плодоводство, но значительны были посевы пшеницы, ржи, ячменя, хлопчатника, табака, мака и кунжута. Главной же отраслью сельского хозяйства в этой части Османской империи были овцеводство и разведение коз, в том числе знаменитых своей шерстью ангорских. Здесь основными тягловыми животными были буйволы и волы.

Главным орудием земледельца на всей территории империи был деревянный плуг — карасапан, имевший лишь одну железную деталь — заостренный сошник. Карасапан с упряжкой из двух волов или буйволов на протяжении нескольких веков оставался своеобразной эмблемой османского сельского хозяйства.

Крестьяне в Османской империи постоянно были обременены разного рода тяжелыми повинностями. Многие деревни не только поставляли рабочих на рудники и в копи, но и направляли работников на благоустройство дорог, мостов и караван-сараяев. Сотни деревень поставляли продовольствие ко двору султана. И хотя за это их освобождали от ряда налогов, бремя таких повинностей было очень тяжким. После отправки продовольствия в Стамбул крестьянам с трудом удавалось свести концы с концами и дотянуть до нового урожая.

Основным налогом была десятина — ашар, взимавшаяся с урожая пшеницы, овса, проса и прочих зерновых культур, а также с урожая садовых и огородных культур, кормовых трав, рыбного улова и разработки тех или иных полезных ископаемых. От ашара не мог быть освобожден ни один крестьянин, обрабатывающий свой участок. За сбором ашара велся строгий контроль. В частности, крестьянин не мог вывезти урожай с гумна, пока тимариот не определит размер ашара. Укрытие урожая и его употребление крестьянами в пищу до выплаты ашара и прочих налогов категорически запрещалось законом.

Ашар платили мусульмане. Аналогичным ашару налогом, взимавшимся в пользу феодала, была хараджи мука-семе (долевая подать), которой облагалось немусульманское население. Эта подать обычно составляла от 1/8 до 1/3 урожая. Немусульмане обязаны были платить еще и подушную подать — джизье, которая была своего рода платой за право жительства на земле, принадлежавшей мусульманам, а также выкупом за освобождение от военной службы, право на которую в Османской империи имели только мусульмане.

Кроме натуральных налогов крестьяне облагались рядом денежных сборов. В их числе были поземельный налог, налог с мелкого рогатого скота, мельничные сборы, а также различные более мелкие сборы и штрафы, зависевшие от местных условий и определявшиеся канун-наме той или иной провинции.

Крестьяне обязаны были выполнять и некоторые другие виды барщины. Канун-наме султана Мехмеда II Фатиха, составленный в 1477 г., обязывал крестьян отрабатывать барщину в течение семи дней в году. Кроме того, крестьяне выполняли повинности, связанные с доставкой доли урожая, предназначенной феодалу, в его закрома, а также различные работы по строительству домов тимариотов и обеспечению прочих хозяйственных нужд.

Бичом крестьянства была откупная система взимания налогов — ильтизам. Обычно откупщики приобретали право сбора налогов на несколько лет вперед, уплатив очень большую сумму феодалу — владельцу земли. Стремясь к обогащению, они всеми средствами вынуждали крестьян сдавать ашар и прочие налоги в завышенных размерах. Откупщик-мюльтезим на протяжении веков оставался для крестьянства Османской империи одним из главных источников бед.

Крестьяне, жившие на вакуфных или мюльковых землях, страдали от налогового бремени еще больше тех, кто обрабатывал землю тимариотов. Здесь значительно выше был размер натуральных налогов; например, в мюльках они достигали 1/5 урожая.

Общим несчастьем для крестьян были чрезвычайные поборы и сборы. Наиболее обременительным был авариз — повинность, которую начали налагать на податное население во время войн еще в XV в. Частые войны, которые вела империя османов, сделали авариз почти регулярной повинностью, от которой особенно тяжело приходилось населению вилайетов, близких к местам военных действий. Авариз был многообразен по форме и мог выражаться как в трудовой повинности, так и в поставках продовольствия или уплате определенных денежных сборов. Постепенно авариз вошел в число обычных денежных налогов.

Если тимарная система и строго регламентированный порядок сбора налогов позволяли столице империи держать под контролем сельскую жизнь страны, то столь же точно были кодифицированы отношения столичных властей с городами, являвшимися центрами ремесла и торговли.

Наиболее крупные города входили в состав хассов султана, большинство значительных городов являлись частью того или иного хасса или зеамета крупного сановника — бейлербей или санджакбей, небольшое число городов входило в состав вакуфных владений. При этом города как источники дохода входили в состав хассов или зеаметов и сами по себе, и с прилегающими сельскими местностями. Хассы менялись порой в размерах, что зависело от перемены должностного ранга держателя: хассы султана передавались бейлербейам или санджакбейам либо хассы этих сановников становились султанскими.

Городские доходы складывались из совокупности налогов и сборов, в число которых входили государственные налоги, отдававшиеся на откуп, в том числе поступления от рудников или копей, тамо-

женные и портовые сборы, налоги на сады и виноградники, поземельный налог и джизье.

В истории городов на землях Османской империи была вначале длительная полоса упадка, бывшего результатом разорительных войн. К концу XV в., когда военные и экономические нужды огромного государства сделали для его правителей очевидной необходимость развития ремесла и торговли, положение в городах улучшилось. Этому способствовали постепенная ликвидация феодальных усаобиц, меры властей по охране дорог, строительству караван-сараяв, умеренная налоговая политика в отношении торговцев и ремесленников, государственный контроль над ценами. Не случайно население ряда крупных городов (Эдирне, Анкара, Бурса, Диарбекир, Конья, Скопье, София, Токат) в XVI в. почти удвоилось. Правда, в этот период население во всей империи выросло с 11 — 12 млн. до 22—25 млн., а по некоторым подсчетам — до 30—35 млн. человек. Для сравнения отметим, что население Франции в конце XVI в. составляло 16 млн. В 1520—1580 гг. численность населения Анатолии увеличилась почти на 60%, а в отдельных районах Румелии — более чем на 70%. Для второй половины XVI в. характерен широкий приток в большие города населения из малых городов и сел. Это обстоятельство наложило особенный отпечаток на жизнь крупных городов, ибо в них возникла проблема занятости. Всех пришельцев из деревень и поселков не смогло принять городское ремесленное производство. Появились те самые «лишние люди», которые постоянно пополняли ряды деклассированных элементов, становились одним из источников социальной нестабильности в городах империи.

Главной фигурой административно-судебной системы в провинциальной администрации был мусульманский судья — кади, который контролировал жизнь подданных султана и определял их имущественные права на основе норм шариата — свода мусульманских правовых установлений. Кади был центральной фигурой и в системе городского управления. В его функции входили регистрация актов купли-продажи, разбор всех имущественных споров между жителями, контроль над деятельностью торговых и ремесленных цехов, а также над системой снабжения городов продовольствием. Кади принимал решения о заключении брака и разводе, определял порядок наследования имущества, когда возникала потребность в судебном его разделе.

Ему подчинялись наибы — заместители кади в шариатском суде, а также наибы, выполнявшие круг его обязанностей в малых административных единицах — нахийе. Контроль над цехами и рынками кади и наибы осуществляли с помощью мухтесибов — чиновников, в обязанности которых входил контроль за ценами, верностью мер и весов, а также некоторые полицейские функции. Мухтесибы вели, как правило, дела с откупщиками; после уплаты откупщиком должной суммы они выдавали соответствующий документ на право сбора того или иного налога. Обычно это право предоставлялось сроком на один год.

В крупных городах аппарат управления был весьма разветвленным. Специальный чиновник, субаши, исполнял обязанности начальника полиции, подчиняясь санджак-бею или кади. Если в городе находился военный гарнизон, то важным лицом для горожан становился его командующий, сердар. Его роль в жизни города определялась также и тем, что войска гарнизона выполняли и полицейские функции в рамках деятельности кади. В частности, именно военные подразделения должны были следить за тем, как выполняются те или иные санкции кади. Контроль над деятельностью ремесленных цехов осуществлял специально назначенный чиновник, эмин. Большая группа должностных лиц занималась финансовыми делами. Среди них главной фигурой был дефтердар государственного казначейства и дефтердар тимаров. В канцеляриях бейлербеев и санджак-беев, кади и наивов, дефтердаров и мухтесибов работало множество писарей, кятибов. На содержание этого аппарата управления шли средства, поступавшие за счет специальных сборов.

Характерная черта экономической жизни османских городов заключалась в том, что весьма значительная часть городского имущества представляла собой собственность вакуфов. Тысячи домов и лавок, сотни караван-сараев, ремесленных мастерских, многочисленные пекарни и маслобойни, мыловарни и торговые склады — все это принадлежало вакуфам, что делало их крупнейшим в Османской империи городским собственником. Обычно вакуфное имущество сдавалось внаем от имени лица, управлявшего вакуфом (это мог быть родственник завещателя или иное лицо, назначенное кади). Некоторые виды городской перерабатывающей промышленности были почти монополизированы вакуфами, например маслобойная. Вакуфные маслобойи, ягджи, имели даже особый статут, утвержденный центральной властью, и были практически хозяевами на внутреннем рынке сбыта масла. Вакуфы занимали значительные пози-

ции и в ростовщичестве. Вакуфные капиталы, свободные от угрозы конфискации, постепенно превратились в основной кредитный институт в империи османов. Роль вакуфов в городской жизни была более значительной, чем в аграрной структуре Османской империи. Обладая третью всех земельных фондов, вакуфы очень много значили в системе османского землевладения и землепользования, но в процессе развития денежных отношений и накопления капитала на докапиталистической основе городские вакуфы сыграли несравненно большую роль.

При общей оценке социально-экономической жизни средневекового османского города необходимо учитывать, что Османская империя в первые века своего существования представляла собой исключительно централизованное государственное образование. Города, за исключением столицы — Стамбула, не были независимыми центрами политической власти, являясь лишь административными, экономическими и культурными центрами провинций.

Роль государственного централизма в городской жизни была особенно ощутима в регламентации ремесленного производства и торговли. Централизовано было все, что касалось снабжения городов, особенно крупных административных центров, продовольствием. Этот процесс, от закупки первичных продуктов у непосредственных производителей и до их переработки в городах и продажи на городских рынках, был строго регламентирован. Высокая Порта при этом в немалой степени была озабочена тем, чтобы предотвратить волнения в городах из-за нехватки продовольствия или товаров широкого спроса. Султанские указы определяли порядок сбора и доставки товаров на городские рынки, а также обязанности местных органов властью в обеспечении контроля над исполнением установленного порядка. В результате создавалась такая административно-хозяйственная структура, в которой столица и провинции оказывались теснейшим образом связаны в единую централизованную систему.

Такая связь хорошо прослеживается, например, в торговле пшеницей. Хотя эта торговля не стала монополией государства, она была строго регламентирована. Вывоз зерна за пределы империи разрешался лишь в виде исключения с санкции самого великого везира. Государство определяло районы поставок пшеницы, устанавливало основные их объемы, контролировало деятельность купцов, занимавшихся закупками и перевозкой пшеницы. Главной заботой чиновников, ведавших этим делом, было осуществление контроля над

ценами и организацией процесса доставки. На практике это выглядело так. Стамбульский кади выдавал торговцу разрешение на поставку в столицу зерна из определенной местности. Тамошний кади фиксировал количество пшеницы, закупленной им, отмечал день отплытия судна, перевозившего пшеницу, записывал его название и даже фамилию капитана. Закупочные цены на зерно в столице определял великий везир после обсуждения этого вопроса с местными кади. С учетом конкретных местных условий эти цены устанавливали и кади в других городах. Таким же образом регламентировалась торговля мясом. Оно продавалось по строго определенным ценам, зависевшим от сезона. Лишь цены на овощи, фрукты и молочные продукты не регламентировались. Они устанавливались обычно кади и мухтесибам в зависимости от времени года и транспортных расходов. Но прибыль от продажи этих продуктов питания не могла при любых условиях превышать 10%.

Весьма строгой была государственная регламентация торговли продукцией ремесленного производства. Детально были разработаны цены на обувь и иные кожаные товары, шорно-седельные изделия, ткани, шерстяные изделия, оружие. Существовали точные цены также на сырье и материалы для производства перечисленных товаров. Регламентировался даже труд многочисленных лудильщиков и медников, причем цены на их изделия контролировали мухтесибы. Цены на все виды товаров широкого потребления формировались таким образом, что прибыль не превышала 10%. Лишь продукция отдельных, особенно трудоемких, видов ремесла реализовывалась по таким ценам, чтобы прибыль от их продажи могла достигать 20%.

Развивалась не только внутренняя, но и внешняя торговля. В отличие от торговцев, осуществлявших операции внутри страны, купцы, занимавшиеся внешней торговлей, не были скованы жесткой регламентацией. Они могли свободно вывозить из страны все товары, кроме запрещенных к экспорту (в XVI в. Порты все чаще запрещала вывоз зерна, соли, масла, хлопка, квасцов), свободно определять цены, исходя из условий на иностранных рынках. Импортные операции вели по традиции преимущественно иностранцы. В целом внешняя торговля империи, основными центрами которой были крупные, в особенности прибрежные, города, представляла собой в эпоху Средневековья дело нелегкое, даже опасное. Пираты на море, разбойники на караванных тропах, местные власти с их поборами и вымогательством — все это лишало торговцев уверенности в безопасности их имущества и жизни. Административный произвол, та-

моженные пошлины, сбор которых чаще всего производился через откупщиков, бесчисленные злоупотребления при взимании внутренних пошлин замедляли развитие внешней торговли, а соответственно и рост благосостояния многих городов империи.

В период Средневековья в Османской империи получили развитие многие отрасли ремесленного производства. Во многих районах государства было развито производство тканей, ковров, керамических и кожаных изделий. В городах было немало крупных мастерских, в которых производились изделия из дерева и металла, строительные материалы. Нужды армии обслуживали оружейные и пороховые мастерские.

Крупнейшим центром ремесленного производства был, естественно, Стамбул. Центрами текстильного производства были Амасья, Анкара, Адана, Халеб, Кастамону, Малатья, Салоники, Сивас и ряд других городов империи. Гердес, Демирджик, Конья, Спарта и Ушак славились коврами. В Бурсе производились бархатные и шелковые ткани, значительная часть которых шла на экспорт. Кютахья и Изник были широко известны своими керамическими изделиями.

Деятельность многочисленных ремесленных цехов в городах империи была, как и торговля, тщательно регламентирована, причем регламентация касалась всех ступеней производства, а также процесса реализации готовой продукции. Контроль над деятельностью цеховых ремесленных организаций осуществляли кади. Одобрение кади требовалось даже при избрании кетхюды (старосты цеха) и прочих руководящих лиц цеховой организации, хотя это право было установленной законом прерогативой самого цеха. Османское государство придавало большое значение разработке норм и правил работы цехов. Насколько детальным было вмешательство государства в жизнь ремесленников, свидетельствует тот факт, что центральные власти в XVI в. определяли даже размеры кусков грубой шерстяной ткани — абы, которую производили пловдивские ремесленники. Детально регламентировалась и закупка первичного сырья. В частности, выделанные дубильщиками кожи могли поступать в открытую продажу по строго установленным ценам только после удовлетворения потребностей кожаных цехов в сырье.

В процессе возрождения и развития торговли и ремесла в Османской империи весьма значительную роль сыграли ремесленники и купцы из населения завоеванных земель. В европейской части империи это были греки, болгары, сербы, а в азиатской — армяне, греки, персы. С середины XVI в. в торговле и частично в ремесле ак-

тивно участвовали евреи. В целом было характерно преобладание ремесленников-нетурок в наиболее квалифицированных специальностях. В частности, греки составляли большинство в цехах ювелиров. Но постепенно в течение XV—XVI вв. в среде ремесленников Османской империи заметное место заняли турки, которые преобладали в таких традиционных для них профессиях, как ковроделие, ткачество, оружейное дело, производство обуви.

Наряду с ремесленным производством в Османской империи существовали и некоторые отрасли добывающей промышленности. На рудниках и копях в ряде районов европейской и азиатской частей империи добывались медь и свинец, цинк и ртуть, железо и серебро, каменный уголь и соль. Рудники и копи обычно принадлежали государству, некоторые из них были вакуфным имуществом. Часто добыча полезных ископаемых отдавалась на откуп.

На рудниках и в копях, как правило, использовался принудительный труд крестьян из близлежащих деревень. Добыча велась примитивными методами, часто разработки прекращались, и рудники стояли заброшенными. Добытые полезные ископаемые шли в первую очередь на нужды государственных мастерских — военных, металлообрабатывающих и др. Часть руды и металлов поступала в городские ремесленные цехи, на нужды медников и кузнецов, ювелиров и кожевников, остальное шло на рынок для продажи по установленным ценам.

На обширных землях империи, занимавшей необычайно разнообразными по ландшафту и климату территории в Европе, Азии и Африке (на рубеже XVII—XVIII вв. их площадь превышала 4,5 млн. кв. км), жили и трудились представители многих больших и малых народов, положение которых в качестве подданных турецких султанов на несколько веков определило их жизнь. Османское владычество стало препятствием на пути самостоятельного национального развития нетурецких народов империи. Греки и албанцы, сербы и болгары, армяне и евреи, курды, черкесы и лазы составляли на протяжении всей эпохи Средневековья до 50% населения османской державы. Трудящееся нетурецкое население европейских и азиатских провинций веками испытывало и национальное неравенство. В частности, немусульманские подданные султана платили, как отмечалось, дополнительные налоги и подати. В судах их свидетельства ничего не значили, ибо шариатские суды просто не принимали свидетельства христиан. Немусульмане были лишены доступа в армию, высшие административные посты также занимали мусуль-

мане. Немусульмане больше других страдали от произвола турецких феодалов, откупщиков и сборщиков налогов, самоуправства чиновников провинциальной администрации. Уже во второй половине XV в. была создана упоминавшаяся выше система миллетов, немусульманских религиозных общин, как важное орудие подчинения «неверных» власти султанов. Обладавшие некоторой автономией в области главным образом школьного дела и здравоохранения, миллеты использовались Портой для сбора налогов и податей с немусульманского населения. Через руководство общин султаны и Порта, не раз оказывавшие им милости, обеспечивали покорность немусульманских народов, наиболее успешную реализацию указов и распоряжений центральной власти. Особенно важно было это для тех провинций империи, где нетурецкое население жило компактными массами, а турецкая администрация и военные гарнизоны, а также турецкие феодалы-ленники представляли собой инородный и количественно незначительный элемент. Так было в эпоху Средневековья на Балканах, в Египте и Сирии, в курдских районах Анатолии и в ряде других областей Османской империи. В Морее, например, долговременное турецкое господство не привело к значительному росту турецкого населения — оно составляло не более 5% общей численности населения края.

В таких условиях особенно значительную роль играли янычары. Бюрократический аппарат обеспечивал выполнение султанских указов и распоряжений Порты, опираясь на янычарский корпус. В Болгарии и Венгрии, Валахии и Боснии, Армении и Грузии, Египте и Сирии янычары, размещенные в крепостях, в основном приграничных, были олицетворением господства султанов. В состав пограничных гарнизонов входили также подразделения сипахи, артиллеристы и представители некоторых других контингентов постоянного войска, служившие за жалованье. В середине XVII в. более половины подразделений янычарского корпуса находилось в крепостях (численный состав этих подразделений был равен примерно 20 тыс. человек). Кроме того, янычар не раз посылали из столицы во все значительные населенные пункты страны для обеспечения должного порядка в провинциях. Этих янычар называли «ясакчи» (от турецкого слова «ясак» — запрещение, запрет); они выполняли, по сути дела, полицейские функции, находясь на содержании у местного населения. А поскольку жалованье эти ревнители порядка продолжали получать и в период службы в провинции (направляли туда на определенный срок, обычно на девять месяцев), исполнение полицей-

ских обязанностей почиталось делом прибыльным. Нередки были случаи, когда янычары, пользуясь своей властью, притесняли или даже грабили местное население.

Но главным источником военной силы империи османов, подлинной опорой власти султана над всеми покоренными землями было провинциальное конное ополчение, которое формировалось из воинов, выставлявшихся владельцами тимаров. На рубеже XV—XVI вв. 5506 тимариотов Анатолии выставляли для военного похода около 38 тыс. джебели, а 4500 тимариотов Румелии — 22,5 тыс. таких латников. В последней четверти XVI в. конное ополчение, собиравшееся тимариотами, составляло уже 130 тыс. воинов, вооруженных луками и стрелами, а также копьями, саблями, щитами и железными палицами.

Французский рыцарь Бертрандон де ла Брокьер, побывавший в Османской империи в 1430 г., так описывал вооружение турецкого воина-конника: «Когда [турки] идут на войну, каждый зажиточный носит лук с колчаном и саблю, а рядом с ними хорошую булаву с тяжелым наконечником, насеченным множеством острых шипов, и с короткой рукоятью... Большинство носит и маленький деревянный щит...» Другой путешественник, Форезьен, писал в 1582 г., что турецкие конники были вооружены булавами и секирами, имели по две сабли (одна на боку, другая у седла), а также копья. А уже в конце XVII в. очевидцы отмечали, что конные воины, сохранив тот же набор оружия, были защищены кольчугами и шлемами, изготовленными из дамасской стали. Что касается огнестрельного оружия, то оно было в основном у янычарского пехотного войска.

Провинции империи снаряжали не только конное войско, но и формировали отряды нерегулярной конницы — акынджи (от турецкого «акын» — набег), использовавшиеся для разведки и отдельных операций с целью грабежа и устрашения населения на маршрутах движения армии султана. И в мирное время отряды акынджи постоянно совершали опустошительные набеги на соседние земли, которые намеревался завоевать султан. Автор «Записок янычара» Константин из Островицы (конец XV в.) писал, что всадники из отрядов акынджи за короткое время пребывания на вражеской земле «все захватят, все ограбят, перебьют и уничтожат так, что много лет после этого там не будет кричать петух». Численность акынджи не устанавливалась сколько-нибудь точно, но обычно в их отряды входило несколько десятков тысяч человек. Если к этому прибавить, что регулярные части, находившиеся на жалованье (янычары, оружей-

ники, сипахи и артиллеристы), составляли в середине XVI в. около 50 тыс., а в начале XVII в. более 90 тыс. человек, то станет очевидным, что столица и провинции могли в XVI—XVII вв. выставить в случае войны огромную по тем временам армию. Провинции обеспечивали армию необходимыми средствами. Так, во время похода на Вену в 1529 г. в армии султана было 40 тыс. верблюдов, при которых состояли десятки тысяч погонщиков. Всего для больших походов по всей стране собиралась армия (включая иррегулярные части) численностью до 250 тыс. человек.

Централизация системы административного управления и военной организации Османской империи связывала ее столицу и провинции в один механизм, который на протяжении длительного времени — примерно до начала XVII в. — обеспечивал прочность власти турок на завоеванных землях, экономическую стабильность и военные успехи. Первые ощутимые удары по казавшейся незыблемой власти султанов нанесли крестьянские восстания.

Глава 6

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ВЛАСТЬ СУЛТАНОВ

В XV—XVI вв. Османская империя не раз была ареной мощных крестьянских восстаний, которые создавали опасность для султанов и составлявшей их опору феодально-клерикальной верхушки средневекового турецкого общества. Идеалы социального равенства, столь популярные уже в начале XV в. и вдохновлявшие повстанцев под руководством шейха Бедреддина, впоследствии также не раз поднимали массы на антифеодальную борьбу. К традиционным к тому времени социальным предпосылкам крестьянских восстаний — росту налогового бремени, произволу откупщиков и местной администрации — в первой половине XVI в. прибавился такой важный фактор, как юридическое закрепощение оседлого турецкого и нетурецкого населения империи. Этот процесс, начавшийся еще в XV в., завершился к середине XVI в., что нашло отражение в принятом при султани Сулеймане Кануни законе, который предоставлял турецким феодалам право силой возвращать беглых крестьян на покинутые ими земли. «Собирать райятов, разбежавшихся из тимара, — закон». Таково было установление канун-наме Сулеймана. Как писал в своем сочинении «Книга великого везира» Лютфи-паша, ве-

ликий везир Сулеймана Кануни, что если «райяты из какого-либо места прибудут в другое место, то управитель последнего должен их вернуть на старое место, дабы страна не была опустошена».

Лишение крестьянина права свободной смены места жительства, в частности, права ухода из деревни в город, было, в сущности, лишением крестьян Османской империи личной свободы. И хотя этот процесс не зашел здесь так далеко, как в ряде европейских стран, все же в XVI в. и в Османской империи возникла своя форма закрепощения крестьян, серьезно усилившая степень их феодальной эксплуатации.

Правда, в законе содержалась оговорка, гласившая, что он не распространяется на беглых крестьян, покинувших места своего проживания более 15 лет назад. Также не подлежали возврату на свои прежние земельные участки крестьяне, прожившие в каком-либо городе более 20 лет. Крестьян же, обосновавшихся в Стамбуле, не переселяли обратно в любом случае, независимо от времени бегства с обрабатывавшихся ими земель. Эта черта процесса прикрепления крестьян Османской империи к земле отразилась в быстром росте многих ее городов в XVI в.

Положение о праве тимариотов силой возвращать податных крестьян на покинутые ими земли формировалось и законодательно закреплялось на протяжении первой половины XVI в. В некоторых канун-наме оно фиксировалось уже в первой четверти этого века. В частности, законы Египта (1524) после его завоевания турками содержали положение о том, что крестьянина, покинувшего обрабатывавшиеся им земли, следует «схватить и отправить на прежнее место». Землевладелец (как держатель земли категории мираи, так и мюлькового или вакуфного владения) именовался «хозяином райята», т.е. господином крестьянина, приписанного к определенному земельному участку. Тимариоты обладали правом перевозить крестьян из одного района страны в другой, если это могло содействовать росту доходности их владений. А в соответствии с султанскими указами не раз осуществлялись массовые насильственные переселения крестьян, например из Анатолии в Румелию, для освоения и обработки захваченных земель. В период царствования Сулеймана Кануни ограничениям начали подвергаться даже кочевые племена Анатолии — юрюки, которым кодекс Сулеймана запретил пребывание на одном месте больше трех дней, а в случае выраженного ими желания заняться земледелием позволял им использовать толь-

ко гористые или болотистые земли. Так закон ограждал тимариотов от опустошительного пребывания кочевников в их владениях.

В XVI в. положение крестьянства Османской империи ухудшилось из-за серьезных финансовых затруднений страны. Государственную казну опустошали все возрастающие военные расходы, содержание огромного штата двора султана, центральной администрации. Все чаще в обращение выпускались неполноценные монеты, вследствие чего цена 1 окка серебра возросла с 500 акче в начале века до 1000 акче к концу столетия.

В XVI в. резко повысились цены на продовольствие и предметы первой необходимости. Цены на пшеницу выросли в течение этого столетия более чем в три раза, цены на хлопчатобумажные ткани, мыло — в два-три раза, на мед — в пять раз. Цены на масло к концу века повысились по сравнению с началом века в пять раз, цены на овец — в три раза.

Армия порой сидела без денежного довольствия, а янычары и сипахи не раз отказывались принимать жалованье в порченной монете. В войсках часто возникали волнения, вызванные финансовыми и экономическими неурядицами. Общую картину положения, в котором находилось население империи, турецкий историк второй половины XVI в. и крупный сановник Мустафа Селяники представлял так: «В провинциях государства чрезвычайные налоги довели... народ до того, что ему опротивел этот мир и все, что находится в нем... Управители и судьи стали назойливы... непрерывно один за другим следуют повторяющие одно и то же срочные султанские указы, где говорится: «Пусть будут взяты авариз, нюзуль и кюрекчи (чрезвычайные налоги и сборы на нужды армии и флота. — Ю.П.) или их замены». Чужаки (так автор именует правительственных чиновников разных рангов. — Ю.П.) ходят из дома в дом и берут с бедняков и неимущих по 300 акче, и опять эти доходы не поступают целиком в государственную казну, а часть их застревает между судьями, наибам и чаушами». Селяники красочно описывал произвол султанских чиновников и откупщиков, не упускавших случая, чтобы поживиться за счет податных крестьян. Он писал, что «бейлербеи и беи, являющиеся управителями провинций, по три раза в месяц совершают нашествия на подданных государства», собирая не только большие суммы сверх установленных налогов и сборов, но и буквально разоряя крестьян расходами на свое пребывание в деревнях и поселках. Во время этих поездок потреблялось много мяса, вина и иных продуктов, а еще больше увозилось в обозах чиновников, возвращав-

шихся в свои города. «Подданные страны, — писал Селяники, — на-чисто разорены».

В XVI в. в среде крестьян Османской империи было немало ортакчи (издольщиков). В отличие от крестьян, обрабатывающих земли тимариотов на основе тапу, ортакчи не имели установленных законом прав на владение земельным участком. Кроме того, если крестьянин, обрабатывавший землю тимариота на основе тапу, отдавал ему десятую часть урожая, то ортакчи, как правило, целиком зависевшие от воли феодала, отдавали землевладельцу значительно большую долю урожая. Участь ортакчи была особенно тяжелой.

Издольщина и откупная система налогов, произвол чиновников и откупщиков, барщина и широкое распространение (особенно в период столь частых в XVI в. войн) чрезвычайных налогов и сборов, как денежных, так и натуральных, особенно тягостных, — все это вызывало рост недовольства широких крестьянских масс. Это недовольство выразилось в увеличении числа крестьян, бросавших свои земельные участки и бежавших, несмотря на запрет и страх наказания, в другие места, чаще всего в города. В XVI в. в турецком языке появилось специальное слово для обозначения беглых крестьян. Их называли «чифтбозан», букв. «оставивший свой надел невозделанным», т.е. крестьянин, бросивший свою землю. Чифтбозаны пополняли ряды городских низов, многие из них подавались в шайки разбойников — левендов. Множество молодых крестьян ушло в медресе. Их появление здесь сделало софт зачинщиками и участниками многих волнений и бунтов в городах и селах империи.

На протяжении XVI в. недовольство крестьян не раз выливалось в антиправительственные выступления. Значительное число их было облечено в форму религиозных ересей различного толка. В Османской империи, где господствующим течением в исламе был суннизм, такой идеологической оболочкой для крестьянских восстаний стал шиизм. В частности, среди руководителей восстаний крестьян в Восточной Анатолии в XVI в. был популярен шиитский догмат о грядущем появлении «Махди» (мессии), который принесет простым людям избавление от гнета феодалов и притеснений чиновников. Многие из вожаков взбунтовавшихся крестьян сами выдавали себя за «махди», поднимая обездоленных крестьян на вооруженную борьбу с турецкими феодалами.

Уже первое десятилетие XVI в. принесло султанам немало беспокойства из-за роста недовольства крестьянских масс в Анатолии. В 1508 г. в районе Токата поднял восстание шиитский дервиш Нур

Али Халифа, собравший вокруг себя более 20 тыс. недовольных. В Анатолии этих повстанцев, как и участников других восстаний того времени, проходивших под шиитскими лозунгами, называли «кызылбашами» (красноголовыми), ибо, подобно воинам иранского шаха, они носили чалму, украшенную двенадцатью красными полосками в память о двенадцати почитаемых шиитами имамах. Восстание Нур Али Халифы объединяло движение недовольных крестьянских масс и сепаратистское движение шиитов, стремившихся освободиться от власти османских султанов и стать подданными иранских шахов. Повстанцы были настолько сильны, что несколько раз наносили поражение султанским отрядам, насчитывавшим до 4 тыс. воинов. Нур Али Халифа овладел Токатом. Восстание длилось несколько лет и было с немалой жестокостью подавлено Селимом I, снискавшим после этого славу беспощадного гонителя и истребителя шиитов.

В апреле 1511 г., когда в Центральной Анатолии еще продолжалось восстание Нур Али Халифы, на юго-западе Анатолии, в районе Анталы, вспыхнул новый, еще более мощный и опасный для султана пожар повстанческой борьбы. Повстанцев возглавил кызылбаш, известный под именем Шахкулу («раб шаха», т.е. иранского шаха Исмаила I). Шахкулу (его подлинное имя — Карабыйык-оглу) и его отец своим благочестием и аскетическим образом жизни завоевали в окрестностях Анталы большую популярность, которая позволила им собрать под свои знамена около 20 тыс. человек. Повстанцы требовали освобождения от тягостных налогов, ликвидации произвола и насилия чиновников, призывали население к отказу от повиновения властям. Шахкулу удалось разгромить войско бейлербея Анатолии Карагез Ахмед-паши, а затем одержать над ним еще одну победу у стен Кютахьи; сам бейлербей был взят в плен, а затем убит по приказу предводителя повстанцев. Постепенно огонь восстания распространился до Бурсы. Тогда султан направил против восставших большое войско под командованием великого везира. Отряды Шахкулу заняли укрепленные позиции в районе Кызылкая и почти 40 дней отражали натиск превосходивших сил врага. Но все же повстанцы были вынуждены отступить к Сивасу. В сражении у реки Гекчай (между Кайсери и Сивасом, в июле 1511 г.) потерявший при отступлении из района Бурсы немалое число своих сторонников Шахкулу был разбит и сам погиб в бою. Остатки повстанцев бежали во владения иранского шаха.

Не прошло и десяти лет после поражения восстания под руководством Шахкулу, которого турецкие хронисты окрестили Шайтан-кулу («раб дьявола»), как в Анатолии вспыхнули новые бунты. Традиционные причины недовольства местных крестьянских масс были, вероятно, усилены и в результате уничтожения 40 тыс. шиитов Анатолии, которое было организовано Селимом I в 1513 г.

В апреле 1519 г. в районах Амасьи, Токата и Турхала началось восстание под руководством шейха Джелаля, объявившего себя «махди» и собравшего 20 тыс. воинов. Султан Селим I бросил против бунтовщиков воинские части под командованием румелийского бейлербея. Повстанцы были разбиты, а шейх был схвачен и казнен. Султан жестоко наказал повстанцев: все, кто попал в руки его воинов, были обезглавлены. Но и эти жестокие меры не смогли погасить очаги недовольства. По имени шейха Джелаля бунтовщиков стали именовать «джелаали».

В первой трети XVI столетия произошло еще несколько восстаний. В августе 1526 г. под руководством кызыл-башей Сюкюн-ходжи и Баба Зюннуна вспыхнул бунт крестьян, вызванный налоговым гнетом и притеснениями султанских чиновников. Повстанцы разгромили войско наместника Карамана и заняли значительную территорию в районах Кайсери и Токата. Но в сентябре 1526 г. их разбил наместник Сиваса. Баба Зюннун — основной руководитель повстанцев — погиб в сражении. После этого восстание прекратилось.

Вскоре вспыхнул пожар нового, еще более мощного антисултанского бунта в Анатолии. Произошло это в Киликии. Здесь во главе 30 тыс. крестьян встал дервиш Календер Челеби. Он объявил о своем намерении бороться против османской династии и о создании новой династии. Себя он стал именовать Календер-шахом. Летом 1527 г. войско бейлербея Анатолии было наголову разгромлено повстанцами. Лишь разлад в стане повстанцев и предательство ряда примкнувших к Календеру тимариотов помогли султанским сановникам. Армия Календера быстро поредела в результате тайного сговора анатолийского бейлербея с некоторыми из глав племен и тимариотов, участвовавших в восстании. Отряды Календера были разгромлены правительственными войсками, сам он был взят в плен и обезглавлен. Повстанцы были рассеяны, власть султана в районах, охваченных восстанием, была полностью восстановлена.

Кроме восстания Календера, в этот период произошло еще одно заметное выступление против власти султана в районе Аданы, в ко-

тором участвовало около 5 тыс. человек. Оно было сравнительно быстро подавлено.

Все восстания и бунты первой половины XVI в., имея общую шиитскую окраску, были разнородными по социальному составу. Основную массу их участников составляли измученные налоговым бременем и произволом откупщиков и чиновников крестьяне. В рядах восставших было много кочевников, также недовольных правительством. К восставшим не раз присоединялись и некоторые потомки местных беев, разоренных в процессе установления власти османских султанов в Анатолии, а также лишившиеся по разным причинам своих владений и доходов тимариоты. Именно эта социальная разнородность восстаний мешала их успеху, вносила разлад в ряды повстанцев и облегчала властям борьбу с ними.

Периодические вспышки недовольства крестьян переплелись с бунтами учащихся медресе, остро и чутко реагиовавших на положение бедных слоев крестьянства, к которым они в подавляющем большинстве принадлежали по происхождению. В 70—80-х годах XVI в. антиправительственные выступления софт в Анатолии доставили немало хлопот султану и Порте. В 1576 г. бунты софт, сопровождавшиеся пожарами и кровавыми побоищами, произошли в ряде мест в бассейне реки Ешилъырмак на северо-востоке Анатолии. Особенно опасный для властей характер приняли волнения софт в санджаке Джаник, которые удалось ликвидировать только с помощью сил санджак-бея Амасьи. В Джанике софты не просто бесчинствовали и грабили, но принуждали тимариотов выплачивать им значительные денежные суммы. Вскоре аналогичные события произошли и в районе Амасьи. В 1576—1577 гг. софты бунтовали в Бурсе, Долу, Анкаре, Карахисаре, Коджаэли, Кастамону, Синопе и ряде других городов Анатолии. Население повсеместно поддерживало мятежи софт.

Волнения приобрели настолько опасный для властей характер, что весной 1579 г. султан был вынужден даже издать указ, в соответствии с которым софты, участвовавшие в беспорядках, получали высочайшее прощение, а также обещание, что их самих и их родственников не будут притеснять правительственные чиновники. Несмотря на эти меры, в 1579—1583 гг. софты вновь не раз поднимали бунты. Антиправительственные выступления софт произошли в Амасье, Кастамону, Кютахье, Конье и в ряде других районов. Порта была вынуждена даже вести переговоры с бунтовщиками. В 1584 г. вновь был издан указ, в котором султан заверил софт, что все их жа-

лобы, направленные непосредственно в столицу, будут тщательно рассмотрены. Султан обещал всем бунтовщикам прощение в случае прекращения мятежей. Указ, однако, не удовлетворил софт. Волнения в их среде вспыхивали еще не раз в последние годы XVI в.

В конце столетия Анатолия была охвачена самым мощным в том веке антифеодальным восстанием крестьянских масс. В истории Османской империи это движение крестьян известно под названием «джезалийской смуты». Его непосредственной предпосылкой было резкое ухудшение положения крестьян. Во второй половине XVI в. налоговое бремя стало для крестьян непосильным. Крупные феодалы — владельцы зеаметов и хассов — самовольно увеличивали налоги. Тимариоты, которые оказывались вынужденными увеличивать суммы выплат, в свою очередь, стремились выжать из крестьян, трудившихся на их землях, как можно больше, оставляя им такую малую часть дохода, что те с трудом сводили концы с концами. Неуклонно росли и многочисленные, в основном денежные, государственные налоги. Особенно безудержно увеличивались чрезвычайные налоги. Так, размер одного из таких налогов, периодически взимавшегося на нужды султанского флота, на протяжении XVI в. возрос в семь-восемь раз. К этому надо добавить продолжавшееся падение курса акче и бурный рост цен на продовольствие и предметы первой необходимости. Особенно тяжелым было положение немусульманского крестьянства. Подушный денежный налог, джизье, который взимался только с немусульман, на протяжении столетия — с начала XVI до начала XVII в. — возрос примерно в 15 раз.

Необходимость выплачивать многочисленные денежные налоги и сборы все чаще толкала крестьянина в хищные руки ростовщиков. Последние давали деньги в долг под чудовищные проценты, доходившие до 50—60 в год. Множество крестьян, запутавшихся в сетях ростовщиков, годами бесплатно работали в счет долга в их владениях. У вконец разоренных крестьян ростовщики отбирали землю в возмещение займа. Многие крестьяне принуждены были не только уплачивать тяжкие налоги, но и отдавать большую часть остававшегося в их распоряжении урожая ростовщикам. Все это вело к появлению нового слоя землевладельцев, в основном ростовщиков, ставших собственниками крупных поместий. В чифтликах трудилось немало батраков из числа разорившихся издольщиков. Количество безземельных крестьян во второй половине XVI в. начало резко возрастать, что привело к бегству крестьян из своих сел и упадку сельскохозяйственного производства. Все эти обстоятельства вызвали к

концу столетия продовольственный кризис и многократное повышение цен на продовольствие. В этот период в ряде районов Османской империи наступил голод. Дело доходило до того, что люди ели траву, чтобы спастись от голодной смерти.

Между тем многочисленные войны, которые вела Османская империя, требовали огромных затрат. За период с 1562 по 1609 г. численность наемной армии более чем удвоилась, а расходы на нее выросли почти в три раза. Средства на это давала главным образом жесточайшая эксплуатация издольщиков. Ухудшалось и положение рядовых тимариотов, которые ощущали немалые материальные потери в результате порчи серебряной монеты и роста дороговизны. Поскольку государственная казна то и дело оказывалась пустой (ее не всегда даже хватало на нужды султанского двора и на содержание штата придворных), испытывала материальные невзгоды и армия, находившаяся на жалованье. Солдатам и военачальникам порой по несколько месяцев задерживали выплату денежного довольствия. В этих условиях расквартированные в провинции войска, в особенности янычары, и ранее позволявшие себе поборы и вымогательства, буквально грабили население. Мустафа Селяники сообщает, например, что весной 1592 г. в Стамбул пришла жалоба от населения Эрзурума. В ней говорилось, что «янычарские отряды захватили у нас землю, поселились на ней и чинят препятствия нашим делам и заработкам. Не позволяя нам касаться до съестных припасов, поступающих извне, они сами насильем и несправедливостью, ничего не платя, забирают их в свои руки и продают нам втридорога. Да и прочие военные люди — латники, пушкари и обозники — поселились у нас по причине войны (имеются в виду, вероятно, военные действия против Ирана. — Ю.П.)... и нет границ и пределов разного рода их насилиям и притеснениям... Это явится причиной величайшего мятежа и беспорядка».

И действительно, в начале 90-х годов XVI в. обстановка во многих районах Анатолии была чревата социальным взрывом. Стычки населения с войсками и сборщиками налогов произошли в Эрзуруме, Тебризе, в области Караман и во многих других районах. Анатолия была накануне антиправительственного восстания. И оно вспыхнуло в 1595 г., охватив большую часть Малой Азии и превратившись в серьезную угрозу власти султанов.

Затяжная война с Австрией, начавшаяся в 1593 г., а также восстания в Молдове и Валахии, Сербии и Болгарии против турецкого владычества в последнем десятилетии XVI в. вынудили султана дер-

жать в своих румелийских владениях почти всю армию. Этим воспользовались крестьяне. Один из крупнейших турецких средневековых историков, Кятиб Челеби, живший в первой половине XVII в., писал: «...в Анатолии презренные райя, найдя страну без присмотра, встали на путь грабежа и разбоя. Когда каждый голодранец приобретал таким способом лошадь и штаны, а во главе каждой банды оказывался руководитель, они, вооружившись клинками и иным оружием, грабили и разрушали, нанося оскорбления уважаемым людям». Так историк рисовал бунт крестьян против властей.

Отряды повстанцев действовали в 1595—1596 гг. в Карамане и Сивасе, Марате и Халебе, Дамаске и Урфе, Диярбакыре и Эрзуруме, в ряде других районов. По свидетельству турецких историков начала XVII в., в этот период бунтовщики разгромили даже первую столицу османских султанов Бурсу.

Вскоре восставшие крестьяне получили неожиданного союзника. Одна из кровопролитных битв во время австро-турецкой войны произошла при Керестеше осенью 1596 г. Хотя она закончилась победой войск султана, во время боя в их рядах было отмечено массовое дезертирство. Поэтому султан на следующий день после сражения приказал провести смотр тимариотскому конному ополчению. Он длился три дня, тимариоты, повинные в бегстве с поля боя, были тут же казнены. Около 30 тыс. держателей тимаров и зеаметов, не оказавшихся на месте в момент проверки, были лишены владений.

Бывшие ленники, изгнанные из войска, вернулись в родные места в Анатолии. Здесь они, вместе с тимариотами, которые в нарушение своего долга вообще не явились в армию, стали оплотом для всех, кто по тем или иным причинам был недоволен правительством. В их числе был некий Абдулхалим по кличке Кара Языджи, Черный писарь, которому суждено было стать вождем одного из самых мощных крестьянских восстаний в империи османов.

Большинство историков называют Кара Языджи командиром роты секбанов — одного из подразделений корпуса янычар. Его прозвище могло быть связано с тем, что когда-то он был писарем в своей роте. Оказавшись в числе лиц, лишенных земельных владений, Кара Языджи выступил против султана. Вначале он объединил вокруг себя всех недовольных властями, в том числе безземельных крестьян и лишенных владений мелких тимариотов в провинции Сивас, где он сам раньше имел тимар. Произошло это в 1596 г., а уже через два года Кара Языджи был вождем армии, в рядах которой было от 20 тыс. до 30 тыс. человек.

В рядах повстанцев объединились весьма различные в социальном отношении силы. Основное ядро войска Кара Языджи составляли крестьяне — чифтбозаны, но среди мятежников было и много лишенных владений тимариотов и займов (держателей зеаметов). В рядах повстанцев было также немало дезертиров из султанской армии, действовавшей против австрийцев. Многие мелкие тимариоты примкнули к восставшим, будучи недовольны налоговой или финансовой политикой Высокой Порты. К Кара Языджи присоединились и некоторые бейлербеи и санджак-беи, по разным причинам недовольные центральной властью. В частности, к нему примкнул бывший санджак-бей Амасья Хюсейн-паша, который взбунтовался против центральных властей весной 1599 г.; он привел 8 тыс. воинов. В лагере повстанцев оказались даже три брата крымского хана, не поладившие с правителем Крыма и укrywшиеся от него в Анатолии. Кара Языджи получил также поддержку ряда курдских и туркменских кочевых племен Анатолии, вожди которых были в тот момент недовольны попытками Высокой Порты установить более строгий контроль над кочевниками.

В результате восстание под руководством Кара Языджи приобрело характер широкого выступления, чрезвычайно опасного для власти султана в Анатолии. Под знаменами повстанцев собралось в 1599—1600 гг. более 70 тыс. человек. Основными очагами восстания были Урфа, Амасья, Малатья, Анкара, Теке, Токат, Сивас, Ада-на и Багдад. В каждом из этих районов повстанцы располагали крупным вооруженным отрядом численностью 3—5 тыс. человек. Центром восстания стал район Урфы, где находились силы повстанцев под командованием самого Кара Языджи.

В октябре 1599 г. Кара Языджи захватил город Урфу, где возвестил о том, что во сне ему явился сам пророк, который сообщил, что отныне ему, Кара Языджи, принадлежит «правосудие и государство». Мустафа Селяники писал, что после этого Кара Языджи стал рассылать во все концы империи османов свои указы, снабженные тугрой со словами «Халим-шах Победоносный». Хюсейн-пашу он назначил своим великим везиром.

Султан направил против бунтовщиков большую армию под командованием одного из высших сановников империи — Мехмед-паши. При поддержке войск, находившихся в распоряжении бейлербеев Халеба и Дамаска, а также отрядов некоторых курдских беев Мехмед-паша осадил Урфу. Осада длилась 73 дня. Войско Мехмед-паши усиленно обстреливало крепость из пушек и ружей, несколь-

ко раз неудачно штурмовало ее стены, неся огромные потери. Положение осажденных становилось критическим, боеприпасы были на исходе. Когда у них кончились запасы свинца, Кара Языджи приказал использовать для отливки пуль медные монеты. В конце декабря 1599 г. Мехмед-паша предложил Кара Языджи выдать на суд султана Хюсейн-пашу, а самому прекратить борьбу против правительства в обмен на управление санджаком Амасья. Кара Языджи согласился. Он велел связать Хюсейн-пашу, спустить его с крепостной стены и передать его воинам Мехмед-паши. В столице империи происшедшее было расценено как ликвидация мятежа. Кара Языджи с войском покинул Урфу и направился в пожалованные ему владения, а Хюсейн-пашу доставили в Стамбул, где он был казнен как изменник и зачинщик мятежа.

Легкость, с которой Кара Языджи выдал врагу одного из своих главных соратников, была явным свидетельством серьезных противоречий в среде руководителей повстанцев, социальные устремления которых были весьма различными. Возможно, что этот эпизод был также результатом борьбы между Кара Языджи и Хюсейном за лидерство.

Прибыв в Амасью, Кара Языджи, вместо того чтобы смириться, продолжал выказывать неповиновение султану и Порте. Тогда войска Мехмед-паши сделали попытку ликвидировать отряды Кара Языджи. Одна из кровопролитных схваток произошла в горах неподалеку от Сиваса. Положение Кара Языджи было весьма трудным, но ему на помощь пришла суровая зима, приостановившая военные действия.

Весной и летом 1600 г. Кара Языджи и его брат Дели Хасан энергично готовились к новому выступлению против султанского правительства. Им удалось собрать более 20 тыс. человек. В сентябре Кара Языджи в сражении, состоявшемся неподалеку от города Кайсери, разгромил направленное против него войско под командованием султанского везира Хаджи Ибрагим-паши. Султанское войско потеряло 12 тыс. человек убитыми.

В руки Кара Языджи попала богатая добыча, в том числе военное снаряжение. После этой победы повстанцы стали хозяевами положения на значительной части земель Центральной Анатолии.

Около года после этих событий Кара Языджи вел себя как независимый правитель. Из числа своих приближенных он назначил великого везира и даже шейх-уль-ислама, изгнал султанских чиновников и заменил их своими ставленниками, стал собирать налоги с населения,

а порой и освобождать от уплаты налогов отличившихся в боях воинов. Так, Кара Языджи выдал специальные грамоты об освобождении от всех налогов тем участникам битвы при Кайсери, которые проявили особенную храбрость. Но содержание собственного войска Кара Языджи требовало немалых средств, а потому вождь повстанцев не только не освобождал крестьян от уплаты обычных налогов, но и сам прибегал к чрезвычайным сборам на нужды армии.

В тот период, когда Кара Языджи контролировал значительную территорию в Центральной Анатолии, к нему присоединилось немало местных феодалов, в том числе ряд султанских санджак-беев, которые желали таким способом сохранить свои владения или должности. Сближение Кара Языджи с этой группой участников восстания привело к постепенному возрастанию противоречий между ним и основной массой повстанцев — крестьянами, которые не могли не роптать, видя, как их предводитель окружает себя разного рода сановными людьми и распределяет между ними выгодные посты и должности. Все это скоро сказалось на боеспособности и стойкости армии Кара Языджи.

Между тем султанское правительство тщательно готовило карательную экспедицию против повстанцев. Ее возглавил багдадский бейлербей Хасан-паша. В район Диярбакыра к началу 1601 г. были стянуты войска из Багдада, Халеба, Дамаска и ряда других городов, входивших в состав арабских провинций империи. 15 августа 1601 г. в долине Эльбистан к северу от Мараша произошло кровопролитное сражение между войском Кара Языджи, насчитывавшим 30 тыс. воинов, и армией Хасан-паши. Повстанцы потерпели поражение, потеряв, по данным разных источников, от 10 тыс. до 20 тыс. убитыми. Раненный в сражении, Кара Языджи с небольшим отрядом укрылся в горном районе между Токатом и Трабзоном. Здесь он и умер зимой 1602 г. Есть разные версии его смерти. По одной из них, он был убит людьми из его непосредственного окружения.

Смерть вождя не прервала борьбу повстанцев с правительством. Своим новым руководителем они избрали брата Кара Языджи — Дели Хасана. Ему удалось собрать новое войско из крестьян Центральной и Северной Анатолии. Во главе 20-тысячного войска Дели Хасан весной 1602 г. вступил в бой с армией Хасан-паши и нанес ей серьезное поражение. Бейлербею пришлось искать убежище в Токате. Однако повстанцы вскоре овладели Токатом, захватили казну Хасан-паши, а его самого убили.

Отобранные у бейлербея богатства позволили Дели Хасану умножить ряды своих воинов и улучшить их снаряжение и вооружение. Затем Дели Хасан повернул свою теперь уже 30-тысячную армию на запад. В декабре 1602 г. он некоторое время осаждал Кютахью. Дела складывались удачно для повстанцев, но суровая зима вынудила Дели Хасана прервать осаду и отвести войско на зимовку в район Карахисара.

Султан и Порты всеми средствами стремились потушить огонь восстания в Анатолии. Готовя большое войско для новой карательной экспедиции, султанские военачальники стремились одновременно внести раскол в лагерь повстанцев. Последнее, вероятно, делалось не без успеха. Во всяком случае, летом 1603 г. Дели Хасан представил султану просьбу о прощении всех руководителей восстания, которая была тут же удовлетворена. Сам Дели Хасан и ряд его ближайших сподвижников получили от султана высокие посты. Дели Хасану был пожалован Боснийский санджак, около 400 участников восстания было зачислено в состав регулярных войск султана. В начале 1604 г. Дели Хасан и часть его бывших воинов были направлены в армию, действовавшую против австрийцев.

Некоторые из соратников Дели Хасана пытались продолжать в Анатолии борьбу с правительством, но и они вскоре были подкуплены агентами султана. Движение крестьян, преданное феодалами — руководителями восстания, постепенно теряло свою силу. Большинство крупных отрядов, собранных Дели Хасаном, перестало существовать. Сам Дели Хасан окончил свои дни в конце 1605 г. в Белграде, где был казнен за новую попытку бунта против Порты и тайные переговоры с венецианцами и папой о продаже одной из султанских крепостей в Далмации.

И все же огонь крестьянского восстания не погас. Именно в 1603 г., когда в результате предательства руководителей оно почти прекратилось, в районах Айдына, Сарухана, Бурсы, Аданы, Карамана и в ряде других областей Анатолии возникло сразу несколько новых очагов повстанческого движения. Наряду со сравнительно небольшими отрядами, насчитывавшими до тысячи повстанцев, действовали и крупные соединения численностью от 3—5 до 10—15 тыс. человек. Несколько десятков тысяч крестьян оказалось в войсках бейлербеев Халеба и Карамана, начавших борьбу с центральной властью. В короткий срок численность повстанцев в Анатолии достигла исключительной по тем временам цифры — около 200 тыс.

Особенно опасным для правительства стал очаг восстания в районе к западу от Анкары, где действовали отряды во главе с крестьянином Календер-оглу. К моменту нового подъема повстанческого движения в Анатолии Календер-оглу имел десятилетний опыт вооруженной борьбы. А к лету 1607 г. он уже считался одним из наиболее значительных и авторитетных вождей повстанцев. Под его водительством собралось около 30 тыс. человек. Календер-оглу захватил большую территорию в Западной Анатолии, его отряды достигали берегов Эгейского и Мраморного морей. Зимой 1607/08 г. Календер-оглу провел в захваченной им Бурсе.

Вождь повстанцев не скрывал намерения ликвидировать власть династии Османа в Анатолии. В августе 1608 г., собрав большое войско (от 20 тыс. до 50 тыс. воинов, по данным разных источников), оснащенное 20 пушками, Календер-оглу решил дать бой султанскому полководцу Мурад-паше, командовавшему правительственными войсками, направленными для подавления восстания. 5 августа в долине Аладжа к северо-востоку от Марата произошло сражение, в котором войско Мурад-паши, ядром которого были отборные отряды янычар, одержало полную победу. Повстанцы потеряли в кровопролитном сражении почти две трети своих сил. Календер-оглу пришлось с отрядом в несколько тысяч человек отступить в район Байбурта. Однако там его настигли воины Мурад-паши. Из этой схватки Календер-оглу с трудом вывел лишь отряд в 2 тыс. человек. С ним он вступил во владения иранского шаха. Там их ждал весьма неласковый прием: они были расселены небольшими группами в разных местах на положении рабов шаха.

После разгрома войска Календер-оглу Анатолия оказалась во власти карателей. Мурад-паша огнем и мечом восстанавливал власть султана. Жестокость его не знала границ. Пирамидами из отрубленных голов был отмечен путь карателей летом и осенью 1609 г. За три года пребывания в Анатолии (1607—1609) этот жестокий сановник истребил от 60 тыс. до 100 тыс. человек, не пощадив даже женщин и детей. Однажды Мурад-паша собственными руками задушил на глазах у своих воинов мальчика, схваченного в одном из лагерей повстанцев. Ребенок был повинен лишь в том, что на вопрос о том, как он оказался среди мятежников, ответил, что пришел к ним со своим отцом, которого толкнул на это голод. Взбешенный ответом, сановник повелел тут же казнить ребенка, но даже славившиеся своей жестокостью янычары не решились выполнить такой приказ. Тогда-то Мурад-паша сам расправился с мальчиком, да еще и

пояснил окружающим его слугам и воинам, что ребенок этот должен был быть уничтожен, ибо возвращен он в мятежах и разбое, а в голове у него идеи бунтовщиков.

Понимая, что одними лишь карательными мерами положение изменить невозможно, правительство издало специальные указы, которые предписывали местным властям принять меры для возвращения крестьян на их прежние места жительства, обеспечить условия для развития земледелия, ремесла и торговли. А в октябре 1609 г. султан издал даже «Указ о справедливости» («Адалет-наме»), в котором в числе причин, породивших бунты и мятежи, было названо бедственное положение населения Анатолии.

Напуганное силой и размахом крестьянских восстаний, правительство попыталось ввести в рамки «справедливости» феодальную эксплуатацию крестьянства, несколько сдерживая произвол феодалов и чиновников провинциальной администрации, откупщиков налогов и ростовщиков. Высокая Порта даже сочла необходимым поддерживать крестьян, возвращавшихся на проданные ими в пору обнищания за бесценок земли. Новым владельцам было приказано вернуть крестьянам их земли за ту же ничтожную плату, которую они получили в свое время при ее вынужденной продаже. Все эти меры принесли определенный результат. В 1610—1611 гг. в Анатолии несколько улучшилось положение в земледелии, цены на пшеницу вернулись к уровню 1595 г., когда начались столь долго потрясавшие этот край крестьянские бунты. И все же коренные причины, вызвавшие эти мощные антиправительственные выступления, не были, конечно, устранены. Недовольство анатолийских крестьян и горожан продолжало и в XVII в. оставаться постоянным источником беспокойства для центральных и провинциальных властей.

Со второй половины XVI в. султану и Высокой Порте все больше приходилось сталкиваться с освободительной борьбой балканских народов против османского владычества. Борьбу эту непрерывно вели отряды гайдуков — крестьян, доведенных до отчаяния притеснениями турецких и местных феодалов. Собираясь в отряды численностью в два-три десятка человек, они совершали налеты на султанских чиновников и их прислужников из местного населения. Гайдучество поддерживало веру в угнетенных нетурецких народах Балкан в возможность освобождения от османского ига. Провинциальным властям не раз приходилось выставлять против гайдуков воинскую силу, но обычно мобильные отряды гайдуков, пользовав-

шиеся поддержкой населения края, легко уходили от преследования, вновь нанося удар в самом неожиданном месте.

В последней четверти XVI в. султанской администрации приходилось иметь дело уже не с разрозненными действиями небольших отрядов гайдуков, а с мощными восстаниями в Молдове и Валахии, Болгарии и Сербии, Герцеговине и Черногории, Морее и Албании. Главную силу повстанцев и здесь составляли крестьяне, положение которых резко ухудшилось в период затяжных войн Османской империи на западе и на востоке. Во многих районах Балкан население было доведено до нищеты, множество людей гибло от голода. В такой ситуации постоянно поддерживавшийся гайдуками огонь анти-турецкой борьбы в 70-х годах XVI в. вспыхнул с огромной силой.

В 1572—1574 гг. произошло мощное восстание против власти султана в Молдове и Валахии. Вождь повстанцев господарь Молдовы Ион Лютый нанес несколько поражений правительственным войскам. Движение приобрело такой размах, что султан вынужден был направить в Молдову и Валахию большую армию, поддержанную войском крымского хана. Восстание было жестоко подавлено, но не прошло и десяти лет, как пламя восстания вновь запылало на землях Молдовы и Валахии. На этот раз предводителю повстанцев валашскому господарю Михая Храброму удалось одержать несколько побед над султанской армией, несмотря на то что она почти в пять раз превышала по численности его войско. В 1595 г. вся Валахия была освобождена от турецких поработителей. Султан, силы которого были отвлечены на войну с Австрией, вынужден был даже послать пышное посольство к Михая Храброму для переговоров о перемирии. В 1598—1600 гг. валашский господарь, опираясь на поддержку Австрии, овладел Трансильванией и Молдовой; в интересах борьбы с владычеством османских султанов он вынужден был согласиться на сюзеренитет австрийского императора Рудольфа II. И все же Михай Храбрый потерпел неудачу, Его погубили интриги молдавских и венгерских феодалов, опасавшихся усиления валашского боярства. Трансильванские дворяне организовали в 1601 г. выступление против валашского господаря, ему пришлось спастись бегством. Вскоре Михай Храбрый был убит, после его гибели восстание постепенно угасло.

В 1594—1595 гг. произошли крупные антитурецкие выступления в Сербии и Болгарии. Особенно опасными для турок были действия болгарских гайдуков. Они совершили несколько смелых нападений на турецкие гарнизоны в ряде крупных городов Болгарии.

Порта вынуждена была направить в Сербию и Болгарию карательные экспедиции. Восстания подавлялись самым жестоким образом. Один из европейских путешественников в 1596 г. видел вокруг Софии и Ниша сотни колов, на которых были выставлены с целью устрашения населения головы казненных повстанцев.

Но полностью подавить антитурецкие настроения в Болгарии не удалось. В 1598 г. вспыхнуло восстание в Тырнове, повстанцев поддержало население нескольких других городов Северной Болгарии. Один из участников восстания, которого считали потомком прежних болгарских правителей, был даже провозглашен в Тырнове царем Болгарии. Это восстание было сравнительно легко ликвидировано султанскими властями, ибо от Михая Храброго помощь им получить не удалось, собственных сил для борьбы с войсками султана было мало. Но восстание в Тырнове вошло в историю национально-освободительной борьбы болгарского народа как первая попытка восстановления независимого болгарского государства.

Борьба нетурецких народов Балканского полуострова за освобождение от власти султанов на рубеже XVI—XVII вв. стала одним из серьезных факторов ослабления военной мощи и нарушения политической стабильности государства османов. Если в Анатолии устои османского владычества на протяжении нескольких десятилетий расшатывали мощные крестьянские бунты, то в Румелии их неуклонно ослабляли также крестьянские по своему основному составу антитурецкие освободительные движения. И хотя власть Стамбула еще казалась незыблемой, народные движения в Румелии и Анатолии свидетельствовали о серьезных ударах по могуществу правителей Османской империи, были первыми признаками возникающей слабости этого военно-феодалного государства.

В XVII — начале XVIII в., когда приметы слабости империи стали еще очевиднее, они нашли отражение и в ряде городских народных движений. Городское население Османской империи страдало от все возрастающего налогового бремени и от учащавшихся случаев порчи монеты, еще более ухудшавшей его положение.

В 1651 г. Стамбул стал ареной весьма значительного по масштабам антиправительственного выступления. Поводом для бунта послужила очередная фальсификация монеты, осуществленная по распоряжению Высокой Порты. Тысячные толпы ремесленников и торговцев вышли на улицы столицы, требуя отменить принудительный курс новых акче. Великий везир отказался принять требование бунтовщиков, после чего их ряды начали быстро умножаться. Вскоре

более 50 тыс. столичных ремесленников и торговцев, захватив с собой шейх-уль-ислама, двинулись к резиденции великого везира. Затем они добились встречи с самим султаном. Когда девятилетний Мехмед IV предстал перед возбужденной толпой, цеховые старосты потребовали, чтобы султан распорядился отменить неприемлемый для населения новый курс акче, а также обременительные новые налоги. Приближенные малолетнего султана, видя, что обстановка накалилась до предела, посоветовали султану удовлетворить требования городского люда. Но окончательно бунтовщики успокоились лишь после того, как Мехмед IV сместил всех неугодных им сановников и назначил нового великого везира.

Недовольство городских низов Стамбула не раз давало себя знать и в дальнейшем, но самое крупное восстание в истории Османской империи докапиталистической эпохи вспыхнуло в 1730 г. Важнейшей причиной этого выступления жителей столицы было увеличение взимавшихся с них налогов, которые традиционно были несколько ниже, чем в других районах империи. Порта пошла на это, не найдя иного выхода в условиях упадка сельского хозяйства и, следовательно, сокращения поступлений в казну из сельских местностей. Еще одной причиной было непрерывное падение курса акче, объяснявшееся тем, что в обращении находилось огромное количество неполноценных монет; это вызвало неслыханный рост дороговизны. (В первой трети XVIII в. голодные бунты происходили в ряде городов империи, в частности, в Салониках, Халебе, Триполи.)

Непосредственно же причиной мятежа послужили внешнеполитические обстоятельства. В 1725 г. началась война между Османской империей и Ираном. Вначале она протекала благоприятно для турок, но в 1729—1730 гг. ситуация резко изменилась; армия султана потерпела несколько поражений и вынуждена была освободить ряд ранее захваченных территорий. Именно известие об этих поражениях стало поводом к взрыву.

Обстановку в Стамбуле в тот период тогдашний русский резидент в султанской столице И.И. Неплюев характеризовал в одном из своих донесений так: «Салтан Агмет (Ахмед III, 1703—1730. — 70. 77.)... с начала своего государствования и до окончания был побежден ненасытимой страстью сребролюбия. Во удовольствие тому министры его, оставя правду и суд, всякими мерами и нападками от подданных деньги похищали и ненасыть салтанскую исполняли. За что народ турецкий и всякого рода подданные от излишних вновь налагаемых пошлин

и напрасных нападений в немалом озлоблении находились и ропоты о лихоимстве салтанском и министерском умножались».

Недовольство жителей Стамбула резким ухудшением их материального положения подогревалось раздражением, которое вызывали у них разнузданная роскошь и безумные траты султанского двора, пышные празднества и развлечения знати. Пора эта получила в истории Османской империи название «эпохи тюльпанов». Столь необычное наименование было связано с очередной забавой стамбульской знати, украшавшей свои дворцы чрезвычайно дорогими цветами — тюльпанами, луковицы которых специально доставлялись из Голландии. Султан Ахмед III, его великий везир Ибрагим-паша, многочисленные сановники тратили огромные средства на строительство дворцов и садово-парковых комплексов, где редкие растения соседствовали с мраморными фонтанами, ажурными беседками и бассейнами, в которых плавали диковинные птицы. Деньги на всю эту роскошь черпались не только из казны. Знать не гнушалась и торговых спекуляций. Сам великий везир купал в близлежащих районах пшеницу и продавал ее втридорога, дождавшись того момента, когда ее запасы в Стамбуле истощались.

В конце сентября 1730 г. население столицы было взбудоражено известием о сдаче Тебриза, а затем слухами о бурных событиях в Эрзуруме, где отступавшие от Тебриза войска султана подняли бунт, причиной которого была не столько горечь поражения, сколько скорбь по утраченным ими домам и лавкам в Тебризе, за которые они уплатили казне немалые деньги. Эти вести еще более накалили обстановку в городе, и без того бурлившем от негодования в связи с введением чрезвычайного военного налога, что привело к новому росту цен, разорению части ремесленников и торговцев. Вот в этих условиях и вспыхнуло в Стамбуле восстание ремесленников и городской бедноты.

Застрельщиками антиправительственного мятежа стали янычары, многие из которых участвовали в городской торговле и ремесленном производстве. В большинстве своем они были из числа тех ремесленников и торговцев, которые на рубеже XVII—XVIII вв. пополнили ряды янычар с целью найти в статусе членов влиятельнейшего янычарского корпуса защиту от налогового гнета и притеснений чиновников, обеспечить себе более благоприятные условия для участия в торговле или ремесленном производстве.

Утром 28 сентября янычар Патрона Халил, по происхождению албанец, в свободное от службы время промышлявший торговлей

старой одеждой, с группой единомышленников стал обходить торговцев и ремесленников, призывая их закрыть лавки и восстать против султана и его министров, которые довели народ до столь бедственного положения. Ненависть к властям была так сильна, что уже к полудню вокруг янычар собралось 2 тыс. возбужденных и готовых к действиям горожан. Через сутки число бунтовщиков достигло уже 12 тыс. В числе их руководителей, кроме Патрона Халила, были Кючук Муслу, Али, Кара Йылан, Ахмед, Исмаил и другие торговцы или ремесленники. Муслу и Али, подобно Патрону Халилу, совмещали эти занятия со службой в янычарском корпусе.

Вечером 29 сентября повстанцы захватили Терсане — морской арсенал. После этого янычарские части столицы, два дня занимавшие выжидательную позицию, присоединились к бунтовщикам, так что их общее число увеличилось до 60 тыс. Подобный ход событий вынудил Ахмеда III начать с ними переговоры. Между тем возникли разногласия между улемами и министрами. Кроме того, многие улемы были недовольны великим везиром Ибрагим-пашой как за его неудачи в войне с Ираном, так и за то, что он навязал им своего ставленника в качестве шейх-уль-ислама. Повстанцам благоприятствовала и грызня между ближайшими помощниками Ибрагим-паши.

30 сентября повстанцы освободили из тюрем заключенных, а затем направили группы своих представителей в окрестности Стамбула поднимать и там народ против правительства. К вечеру 30 сентября повстанцы блокировали султанский дворец с суши и моря. Ахмед III попытался спасти свой трон, приказав казнить Ибрагим-пашу и нескольких сановников, вызывавших особую ярость бунтовщиков. Но в ночь на 2 октября восставшие вынудили Ахмеда III, которого они обвиняли в поддержке министров, разоривших страну, уступить престол своему племяннику.

Новый султан, Махмуд I, немедленно принял вождя повстанцев Патрона Халила и поклялся выполнить требования восставшего народа — отменить новые налоги и ликвидировать установленные Портой надбавки к обычным налогам. Но, сделав это, султан тут же начал готовить расправу над руководителями повстанцев. Не сумев соблазнить их высокими постами за пределами столицы, он применил испытанный способ — подкуп. В результате этих действий и под влиянием улемов, вполне удовлетворившихся сменой султана и великого везира, ряды повстанцев в октябре сильно поределели.

26 ноября султан пригласил Патрона Халила и других руководителей восстания в свою резиденцию под предлогом необходимо-

сти обсудить их требования о составе правительства. Но во дворце главарей бунта ждала кровавая расправа. Патрона Халил и его товарищи были убиты, а их трупы были выброшены в море. Многие оставшиеся в живых активные участники восстания были арестованы и сосланы. Вслед за этим в столице, контролировавшейся верными султану войсками, началась охота за повстанцами. За три дня было схвачено и убито более 7 тыс. участников восстания. Оставшиеся в живых попробовали через несколько месяцев отомстить за кровь своих товарищей. В ночь с 24 на 25 марта 1731 г. несколько сотен горожан попытались поднять в столице бунт, собравшись на площади Этмейдан. Им удалось 26 марта собрать вокруг себя более 3 тыс. недовольных. Но на сей раз бунт был немедленно подавлен Портой. Вновь последовали массовые казни.

Как свидетельствует история, на протяжении XVI — начала XVIII в. выступления народных масс не раз угрожали власти султана, но всегда они кончались поражением повстанцев. Эти восстания не имели ясной программы действий, их крайне пестрый социальный состав не позволял обеспечить единство целей и руководства. И все же не раз восставший народ заставлял трепетать султанов и дворцовую камарилью, не раз в пламени бунтов гибли бездарные правители, безжалостно грабившие и притеснявшие простой люд. И хотя победа неизбежно оставалась за правящим феодальным классом, ус- той султанского режима постепенно расшатывались.

Глава 7

ДРЯХЛЕЮЩАЯ ИМПЕРИЯ

Начало упадка Османской державы проявилось значительно раньше той поры, когда расстройство ее государственного и военного механизма дало о себе знать в участвовавших военных неудачах, ослаблении власти султанов и падении международного престижа империи. На рубеже XVI—XVII вв. все более и более очевидными стали признаки распада тимарной системы, представлявшей собой основу социальной структуры османского общества, краеугольный камень его государственности. Разложение тимарной системы вызвало в XVII в. к жизни целую серию социально-политических трактатов, авторы которых, государственные деятели и историки-хронисты, призывали султанов — своих современников восстановить

жизнеспособность этой системы, обеспечить ее успешное функционирование в интересах казны и военной мощи государства.

Наиболее полно и образно состояние тимарной системы и причины ее упадка охарактеризовал Кочибей Гемюрджинский — автор двух трактатов, представленных султанам Мураду IV (в 1631 г.) и Ибрагиму I (между 1640 и 1648 гг.). В первом из своих трактатов, получившем в исторической литературе известность как «Рисале Кочибея», автор обращал внимание султана на то, что причина «возникновения и распространения по лицу земли (султана. — Ю.П.) мятежей и волнений, зол и смятений» заключается в том, «что у владельцев больших и малых поместий, которые и составляли настоящую рать, сражавшуюся за веру и государство, теперь отнято содержание», их земли попали в руки сановников, их слуг и подчиненных, «большие и малые поместья сделались жертвою вельмож». Кочибей, подобно другим турецким авторам того времени, горько сетовал на то, что землями тимариотов завладели приближенные султана, великого везира и прочих сановников, которые, начав вмешиваться во все дела государства, «достояние ратников мусульманских, несколько сот лет тому назад пожалованные им пахотные поля и села, разными путями обратили себе — одни в башмаклыки, другие в арпалыки, иные же в полную собственность». «Всякий из них, — писал Кочибей, — после того как ублажался сам, доставлял несколько больших и малых поместий своим сторонникам, и таким образом лишили ратных людей их содержания. Растащив мусульманскую сокровищницу, они довели государство до настоящего его положения».

Действительно, утрата большинством тимарных владений характера условного держания (т.е. пожалования за воинскую службу) была наиболее опасным в ту пору для Османского государства явлением, угрожавшим разрушением военно-феодальной системы. Средневековый турецкий автор, который был процитирован выше, явно это понимал. Но подлинные причины сложившейся ситуации он, конечно, выявить не мог, объясняя все происходившее на его глазах «усилением и преуспеянием мерзавцев и злодеев», оказавшихся в числе приближенных самого султана, великого везира и многих вельмож. На деле же процесс распада тимарной системы, начавшийся еще в XVI в., был вызван все возрастающими противоречиями, присущими самой этой системе. Она возникла в результате успешных завоевательных войн и была призвана обеспечить как дальнейшие завоевания, так и феодальную эксплуатацию многомиллионных крестьянских масс. Но для того чтобы сельское хозяйство

могло обеспечивать тимариотам определенный твердый доход, что гарантировало государству их военную службу, податное население должно было обладать возможностями для развития сельскохозяйственного производства.

Между тем бесконечные войны, которые вели в XV—XVI вв. султаны, обогащая массу тимариотов, столь тяжким бременем ложились на крестьян, что у них со временем исчезла возможность осуществлять в своих хозяйствах расширенное воспроизводство. Кроме того, успешные войны XV—XVI вв. привели к колоссальному расширению территории империи, что в условиях крайней слабости внутриимперских экономических связей стало еще одной преградой на пути интенсивного развития сельского хозяйства. Ситуация усложнилась также тем, что по мере уменьшения военных успехов турок и соответственно сокращения доли военной добычи тимариотов последние все чаще и чаще под разными предлогами уклонялись от участия в султанских походах. Они начали проявлять интерес к увеличению своих доходов с помощью не только сбора налогов, но и хозяйственной эксплуатации земли и податного населения. Владельцы тимаров начали вводить издольщину, а порой и барщину. К этому их побуждало и постепенное развитие товарно-денежных отношений в империи, что, в свою очередь, способствовало постепенному превращению государственно-феодалного землевладения в частнофеодалное, не связанное с несением воинской службы. Тимарную систему со второй половины XVI в. подрывало и начавшееся использование пехотой огнестрельного оружия, что значительно уменьшило военное значение тимариотской кавалерии.

Распад тимарной системы привел к тому, что в XVI—XVII вв. в Османской империи разгорелась борьба за перераспределение земельного фонда, по-прежнему юридически находившегося в руках государства, между ленниками и умножавшейся бюрократией. Этот сложный процесс проявлял себя по-разному. С одной стороны, происходила поляризация доходов. Среднее звено тимариотов численно резко сократилось, увеличив армию мелких держателей и обогатив владельцев зеаметов. С другой стороны, все чаще и чаще нарушался запрет сосредоточения нескольких тимаров в одних руках. Именно на этой основе стали возникать чифтлики — крупные поместья, владельцы которых не только фактически, но часто и формально были свободны от военных обязанностей перед султаном. Частнособственнические тенденции в немалой степени росли под влиянием роста спроса на продукцию сельского хозяйства империи

османов в странах Западной Европы. Чифтлики, ставшие, в сущности, частными имениями, развивались именно как центры производства товарной продукции.

Власти пытались остановить процесс распада тимарной системы, но делалось это крайне непоследовательно. В конце XVI—XVII вв. Порта не раз проводила переписи тимаров, проверяя добросовестность исполнения тимариотами их фискальных и военных функций и проводя массовые изъятия тимаров в случае нарушения установленного порядка владения. Поскольку эффект от этих проверок бывал незначителен и кратковременен, ибо новые владельцы тимаров быстро перенимали выгодные для них приемы и методы эксплуатации земли и крестьян, Порта пыталась организовать такую систему постоянного контроля и поощрения, при которой тимариоты держались бы в рамках своих обязанностей. Но никакими мерами административного порядка процесс распада тимарной системы, вызывавшийся ее глубинными противоречиями, остановить было невозможно.

Постепенно многие тимариоты разорялись, их владения попадали в руки новой знати, которая шаг за шагом укрепляла свои позиции не только в землевладении, но и в торговле, опираясь на растущие связи с торгово-ростовщическим капиталом. Разорявшиеся тимариоты обычно вливались в быстро увеличивавшуюся прослойку деклассированных элементов. Из этой среды, как правило, комплектовались военные отряды, находившиеся в распоряжении правителей санджаков. Немало бывших тимариотов в конце XVI—XVII в. оказалось просто в разбойничьих шайках, которых много было в ту пору во владениях султана, особенно в Анатолии. Нередко провинциальные власти даже опирались на главарей таких шаяк, назначая их даже на официальные должности. Удивительного в этом, впрочем, было мало. По своим повадкам и приемам управления санджакбеи и провинциальные чиновники разных рангов ничем не отличались от обыкновенных разбойников. Именно о них писал Кочибеи, что, «открывши двери взяточничества, они начали занимать должности санджак-беев и бейлербеев, а также другие государственные должности». От произвола и насилия провинциальных властей население страдало не меньше, чем от бесчинств разбойничьих шаяк. Турецкий поэт-сатирик Вейси, творивший на рубеже XVI и XVII вв., писал о султанских чиновниках:

Если бы ты спросил: кто на свете разбойники и мошенники?
Это, без всякого сомнения, асес-баши и су-баши.

Воровство и хищения, которыми занимался административный аппарат империи, приобрели в начале XVIII в. такие размеры, что, по словам первого российского посла в Стамбуле П.А. Толстого, в казну попадало не более трети собранных сумм. П.А. Толстой писал, что султанские чиновники все свои силы тратят не на улучшение финансовых дел страны, а на расхищение государственной казны, что казнокрадство и произвол, царящие в стране, являются одной из главных причин ее частых финансовых затруднений, которых могло бы не быть, если бы «министры были радетельные, а не грабители». Основательно изучивший нравы турецкой бюрократии посол отмечал: «А радеют турецкие министры больше о своем богатстве, нежели о государственном управлении... Ныне турецкие вельможи получили по желанию своему удобное время к собранию себе несчетных богатств от расхищения народной казны».

Распад тимарной системы, длившийся почти два с половиной века, привел к появлению в провинциях новой социальной прослойки. Уже на рубеже XVI—XVII вв. там появилась группа людей — выходцев из среды феодалов, мусульманского духовенства и состоятельной части городского населения, — обладавшая значительными средствами, вложенными в землю и иное недвижимое имущество, и занимавшаяся торговлей (в том числе покупкой и продажей чифтлик-ков) и ростовщичеством. С разложением тимарной системы эти новые богатеи (их именовали «аянами») сосредоточили в своих руках крупные земельные владения и много недвижимого имущества в городах, стали откупщиками.

Особенно усилились позиции аянов в конце XVII в., когда правительство в поисках выхода из финансовых и экономических затруднений решило предоставлять откупа не на краткий срок, а пожизненно. Такая откупная система, именовавшаяся «маликяне», сделала откупщиков, мюльтезимов, большинство которых составляли аяны, еще более влиятельными фигурами в провинциях.

Уже в XVII в. аяны обладали такими богатствами, что с ними должны были считаться провинциальные власти. Они стали непременными участниками решения всех сколько-нибудь важных вопросов хозяйственной жизни и управления в провинциях. А в XVIII в. аяны оказались и на высших постах в системе провинциального административного аппарата. Нередко они обладали значительно большей властью, чем султанские губернаторы, сменявшие друг друга с поразительной частотой. Кроме того, аяны имели собственную военную силу. На рубеже XVII—XVIII вв. многие румелийские

и анатолийские аяны содержали военные отряды, включавшие сотни людей. В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. аяны выставили для участия в военных операциях около 90 тыс. солдат.

В конце XVIII в. аяны контролировали большую часть провинций Османской империи, многие из них лишь номинально зависели от центральной власти. Примером может быть румелийский аян Али-паша Янинский, ставший к началу XIX в. едва ли не самым крупным на Балканах землевладельцем; его годовой доход составлял 20 млн. курушей (18 млн. франков). Под его властью оказались фактически Албания, Эпир и часть Фессалии. Он открыто выступал против султана, претендуя и на формальную независимость. Длительное время султану пришлось воевать с непокорным аяном. В ряде областей на западе Анатолии во второй половине XVIII в. хозяйничал род аяна Караосманоглу. Члены его семьи и потомки сосредоточили в своих руках огромные богатства и власть в Айдыне и Измире, Менемене и Испарте, ряде других прибрежных районов Западной Анатолии.

Обогащение и возвышение аянов привели к обострению противоречий внутри правящего класса османского общества. В XVIII в. аяны успешно противостояли столичной знати в борьбе за власть и доходы. Их влияние было столь значительно, а могущество столь ощутимо, что Порта делала все возможное, дабы не допустить проникновения аянов на высшие посты в административном аппарате. Султан и Порта сознавали, что аяны с их явными сепаратистскими тенденциями представляют угрозу целостности империи. Но все более и более слабевшая центральная администрация нуждалась в аянах, будучи сама уже не в состоянии решать экономические проблемы и контролировать политическую ситуацию в различных провинциях огромного государства. И все же различия в интересах провинциальной и столичной знати неизбежно вели к их борьбе в социальной и политической сфере, что, в свою очередь, делало внутреннее положение страны в XVII—XVIII вв. еще более неустойчивым, усиливало центробежные тенденции, ослабляло военную мощь султанской державы.

Появление аянов было не единственным важным изменением в правящем слое Османской империи. Многое изменилось и в положении столичной знати. В первые века существования империи османов ее военно-бюрократическая элита формировалась из придворных и янычар. Со второй половины XVII в., когда ведомство великого везира получило независимый статус и государственные дела

не были уже столь тесно переплетены с жизнью двора, постепенно начала складываться и новая социальная группа — столичная бюрократия, в формировании которой роль прежних источников пополнения военно-бюрократической элиты заметно уменьшилась. Во всяком случае, на рубеже XVII—XVIII вв. лишь более четверти чиновников центрального аппарата и только около 40% губернаторов провинций принадлежали до этого к различным службам и ведомствам султанского двора. Все чаще и чаще путем к занятию этих должностей становились родственные связи или покровительство вельмож. Из ближайшего окружения везиров или пашей разных рангов в конце XVII в. вышло 40% высших чиновников центрального аппарата и губернаторов провинций. Так же в значительной степени стал формироваться и высший командный состав армии и флота. Например, если в первой половине XVII в. почти 40% лиц, занимавших пост капудан-паши — командующего флотом, прежде были дворцовыми служащими, то в XVIII в. на этой должности побывало не более 20% представителей этой среды.

Все чаще и чаще путь к высшим должностям в империи лежал через службу в ведомствах Порты. Так, во второй половине XVII в. немногим более половины глав финансового ведомства заняли свой пост, сделав служебную карьеру в рамках именно этого учреждения, а в первой половине XVIII в. подобный путь прошли уже 90% лиц, назначенных на эту высокую должность.

Формирование нового слоя господствующего класса — столичной бюрократии резко обострило борьбу за власть в правящей элите. Таким образом, противоречия между столичной знатью и аянами усугублялись ростом противоречий между различными группировками столичной знати. Пожалуй, единственное, в чем совпадали интересы всех османских сановников и должностных лиц, это коррупция. Стремление министров и иных сановников к личному обогащению, их откровенное взяточничество и казнокрадство отмечали все очевидцы.

Коррупция в среде столичной бюрократии приняла такие размеры и стала столь привычной, что в XVII в. при османском финансовом ведомстве была даже специальная «бухгалтерия взяток». В этом учреждении всерьез занимались учетом взяток, которые получали сановники и чиновники разных рангов. Государственная казна как бы освящала систему взяток («бахшиш»), отчисляя определенную их долю в свою пользу. Неудивительно, что в таких условиях в империи за деньги можно было приобрести любую должность. На-

пример, пост господаря Валахии и Молдовы стоил претенденту от 5 до 6 млн. курушей. Повсеместным явлением стала продажа должностей мусульманских судей (кади). Должность кади стоила в середине XVII в. от 3 до 4 тыс. акче. Но и уплатив эти деньги, лицо не могло быть уверено в том, что будет долго пребывать на купленной должности. В Кайсери был случай, когда купивший должность кади человек потерял ее через два месяца, ибо власти продали ее другому лицу. Тогда он подал жалобу, в которой сетовал на то, что его жалование за два месяца целиком ушло на выплату процентов по долгу ростовщику, у которого были заняты нужные для покупки должности 3 тыс. акче. Вряд ли эта жалоба удивила османских сановников той поры.

Министры Порты брали «подарки» не только у чиновников центральной и провинциальной администрации за продвижение по службе, за доходное место, но и у послов иностранных держав. С помощью подкупа османских должностных лиц удавалось достать копии секретных дипломатических документов, добиться выполнения договоров. Так, российский посол был вынужден дать крупную взятку двум фаворитам султана, чтобы обеспечить выплату Османской империей военной контрибуции России после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, завершившего Русско-турецкую войну 1768—1774 гг.

Одним из самых чудовищных рассадников коррупции и взяточничества был султанский двор. Особенно преуспевали во взяточничестве черные евнухи — стражи султанского гарема. Через них наложницы получали крупные взятки за протекцию в получении высокого поста в столице или провинции, за благоприятное решение просьбы сановника или иностранного посла. Что же касается чиновников всех рангов, то они брали взятки за решение любого вопроса. Особенно усердствовали судьи. Хорошо знавший жизнь Османской империи в середине XVIII в., французский дипломат и инженер барон де Тотт писал в своих воспоминаниях, что первейшей заботой жителей деревни было сокрытие факта преступления от судей, приезд которых был более опасен, чем нашествие воров.

Разложение тимарной системы, обострение противоречий внутри правящего класса, чудовищная коррупция и казнокрадство — все эти симптомы свидетельствовали об одряхлении государственного и социального механизма империи. Ее экономическое и финансовое положение также демонстрировало упадок Османского государства.

Процесс распада тимарной системы в немалой степени стимулировался «революцией цен» в Европе, которая произошла главным образом в результате притока дешевых золота и серебра из Америки, где они были либо награблены конкистадорами, либо добыты с помощью труда рабов. Докатившись до Османской империи, «революция цен» вызвала и там резкий скачок цен. Крупные феодалы-землевладельцы выиграли в такой обстановке от роста цен на продукцию сельского хозяйства. Но средние и особенно мелкие тимариоты от «революции цен» пострадали значительно, ибо их строго регламентированные доходы практически сильно уменьшились на фоне повышения рыночных цен и государственных налогов. Особенно пострадали многомиллионные массы крестьян, на которые всей тяжестью легло бремя резко возросших налогов. Не имея возможности увеличить свои доходы, крестьяне попадали в лапы ростовщиков. Многие вскоре оказывались в такой кабале у ростовщиков, что вынуждены были вначале закладывать землю и имущество, а потом, разоренные вконец, вообще лишались прав на земельные участки. Турецкие средневековые историки и путешественники-европейцы, описывая положение Османской империи в конце XVI. — начале XVII в., сообщали о массовом бегстве крестьян из деревень, о заброшенных селах и массовом голоде среди населения в различных районах страны. Кочибей писал во втором своем трактате, представленном султану Ибрагиму I в 40-х годах XVII в.: «Так как, милостивый мой повелитель, слуги твои, райя, крайне обеднели и разбежались из деревень, то, случись в скором времени война, вести ее будет слишком трудно». Кочибей обращал внимание султана на порчу монеты. «По этой причине, — писал он, — весь народ в волнении. Как райя, так и слуги ваши обнищали». В эти годы в Центральной Анатолии было разорено огромное число крестьян, в ряде районов до 90% податного населения.

Во второй половине XVII — XVIII вв. процесс упадка сельскохозяйственного производства продолжался. Множество непосильных налогов и сборов разоряли крестьянские массы. Десятки тысяч обнищавших крестьян покидали родные села и искали заработок и пристанище в городах. Вольней, французский просветитель, посетивший в 1785 г. ряд арабских провинций империи, писал: «Я удалялся в деревни и изучал положение людей, обрабатывающих землю. И повсюду я видел только грабительство и опустошение, только тиранию и нищету... Каждый день на моем пути встречались заброшенные поля, покинутые деревни...»

Участь крестьян-беглецов была тяжелой. Найти работу и кров в городах было делом весьма непростым, да и феодал-землевладелец мог не только вернуть силой беглого крестьянина, но еще и заставить выплачивать налоги за время его отсутствия. По османским законам, существовал срок на розыск беглецов — десять лет, но на деле это правило не соблюдалось. Но и в тех случаях, когда крестьянин безропотно подчинялся своей доле, у него не было ни технических возможностей, ни стимулов для улучшения способов хозяйствования. Орудия сельскохозяйственного производства были допотопными. А если и удавался крестьянину изредка урожайный год, его достаток не улучшался в условиях полного произвола феодала-землевладельца, султанских чиновников и откупщиков. От их жадных взоров крестьянин не мог скрыть даже редкий свой достаток; так или иначе, его отбирали. Это обстоятельство тоже подметил во время своего путешествия Вольней, писавший: «Народ, стесненный в использовании плодов своего труда, ограничивает свою деятельность пределами первой необходимости. Земледелец сеет ровно столько, сколько нужно, чтобы прожить...»

Немногим лучше было положение промышленности, ремесленного производства и торговли. С конца XVII в. добыча полезных ископаемых все более и более сокращалась. На серебряных копях и золотых разработках в Македонии в XVI в. работало 6 тыс. рудокопов, действовало от 500 до 600 плавильных печей. В XVIII в. число рудокопов уменьшилось более чем в 20, а количество печей — почти в 25 раз. В XVII в. начало сокращаться производство в традиционных областях обрабатывающей промышленности — текстильной, металлообрабатывающей, кожевенной. В таких известных центрах по изготовлению шерстяных и шелковых тканей, как Бурса или Анкара, или в давних центрах керамического производства — Изнике и Кютахье — заметно снизилось производство товаров, несколько веков имевших спрос как на внутреннем рынке, так и за пределами страны. Одной из важных причин этого была крайняя узость внутреннего рынка, объяснявшаяся господством натурального хозяйства в деревне и нищетой крестьянских масс. Но в XVIII в. промышленность в Османской империи все более приходила в упадок и под влиянием постепенно возростающей конкуренции иностранных товаров.

Что касается торговли, то ее состояние определялось полной зависимостью личности и собственности османских купцов от произвола султанской администрации. Между тем иностранные купцы частично были защищены от произвола османских чиновников ка-

питуляционными привилегиями своих государств. Это привело, естественно, к тому, что иностранный капитал постепенно занял преобладающие позиции во многих сферах торговых сношений империи с внешним миром. Да и как могло быть иначе, если губернаторы провинций, чаще всего купившие свою должность и не уверенные в завтрашнем дне, думали не о поощрении торговли, а о наиболее успешном и быстром способе ограбления купцов. Характерный пример содержится в путевых заметках Вольнея. Купечество Халеба в интересах расширения морских торговых операций просило местного пашу «освободить их от налогов на десять лет, чтобы на эти деньги отремонтировать пристань в Искендеруне. Когда купцы попытались аргументировать целесообразность такого решения будущим увеличением доходов края вследствие роста торгового оборота, паша откровенно заявил, что будущее края его не интересует, ибо он в любой момент может оказаться в другом месте, и его волнуют лишь реальные, сегодняшние выгоды. Неудивительно, что в подобных условиях огромные капиталы, накопленные феодалами-землеладельцами или откупщиками, редко вкладывались в торговлю.

Финансовое положение Османской империи в XVII—XVIII вв. тоже неуклонно ухудшалось. В 1648 г. расходы государства составляли примерно 550 млн. акче, а доходы — 360 млн. В последующие годы дефицит бюджета продолжал расти. Только с 1650 г. до начала 60-х годов XVII в. он увеличился со 154 млн. до 175 млн. акче. В поисках средств Порты постоянно прибегала к порче монеты. В первой половине XVII в. делались попытки уменьшить расходы на армию. При султанах Мураде IV (1623—1640) численность регулярного войска, находившегося на содержании казны, уменьшили до 60 тыс. Но его преемники вновь начали увеличивать контингент войск на жалованье, доведя его до 100 тыс. солдат.

Многочисленные войны, которые вела Османская империя на Западе и на Востоке в XVII—XVIII вв., требовали огромных средств. А денег в казне становилось все меньше. Мехмед IV (1648—1687) даже считал нужным собрать совет высших чиновников империи, чтобы обсудить вопрос о причинах постоянно растущей нехватки денег в государственной казне. Удовлетворительного объяснения и тем более решения участники совещания не смогли предложить. Впрочем, это не мешало Мехмеду IV и всем последующим султанам тратить огромные деньги на содержание двора, армии, репрессивного аппарата, на жалованье высшим сановникам империи. А в первой трети XVIII в., в «эпоху тюльпанов», траты султана и вельмож на строи-

тельство роскошных дворцов и парков, организацию увеселений на новый, «европейский» лад стали еще более безудержными.

С середины XVIII в. дряхлая империя оказалась во все возрастающей экономической и политической зависимости от значительно более развитых европейских держав. Соотношение сил между некогда могущественной Османской державой и крупными европейскими государствами столь явно изменилось в пользу последних, что Порта все чаще и чаще вынуждена была идти им на уступки экономического и политического характера. С середины XVIII в. в системе капитуляций происходили существенные изменения. Торговые льготы и преимущества, ранее предоставлявшиеся подданным европейских держав на срок царствования подписавших договоры монархов Европы и властелина Османской империи и носившие характер дарованных султаном привилегий, превратились в постоянные права, не ограниченные временем. Первый договор на такой основе заключила в 1740 г. с Османской империей Франция, затем подобные права получили подданные Австрии, Англии, Голландии и некоторых других европейских государств, заинтересованных в ближневосточной торговле. Эти договоры поставили в крайне невыгодное положение промышленность и ремесло, сельское хозяйство и торговлю Османской империи. Иностранные купцы могли торговать во владениях султана, уплачивая лишь трехпроцентные импортные и экспортные пошлины с объявленной стоимости товаров, тогда как турецкие купцы уплачивали аналогичные пошлины в размере 10%. При этом иностранные купцы в отличие от местных торговцев были освобождены и от уплаты весьма обременительных внутренних пошлин.

На характер торговых связей Османской империи с европейскими державами постепенно значительное влияние оказывало уже с XVI в. и открытие морского пути в Индию и другие страны Южной и Юго-Восточной Азии, что привело к упадку средиземноморской торговли и уменьшению роли Османской державы в транзитной торговле между странами Запада и Востока. Сложилась новая ситуация, при которой место предметов традиционного турецкого экспорта (ткани, кожи и изделия из нее, фаянс и керамика) заняло сырье, вывозившееся в Европу для нужд ее промышленного производства. Одновременно Османская империя все более становилась рынком сбыта товаров европейской промышленности.

Особенно преуспела в этом в XVIII в. Франция, где даже специально возводились текстильные фабрики для производства тканей, в особенности суконных, вывозившихся в больших количествах в

Османскую империю. Успешно торговали во владениях султана тканями, стеклом, металлическими изделиями венецианцы и голландцы. Шведы и голландцы торговали здесь железом и сталью, оловом и свинцом. Менее активны были в ту пору английские купцы, но и они ввозили в империю олово, свинец, сукно и галантерейные товары. Обычно иностранные товары попадали в страну морем через Стамбул, Измир и Искендерун. Из этих крупных портов шли торговые караванные пути во все уголки султанских владений. О крупных торговых колониях европейцев в Стамбуле говорилось выше. В XVIII в. большие торговые колонии англичан и французов, итальянцев и голландцев имелись и в Измире.

Рост экономической зависимости Османской империи от крупных европейских держав происходил в условиях изменения и характера ее политических отношений с ними. С конца XVII в., когда обнаружился очевидный упадок военной мощи Османского государства, ему все чаще приходилось и в политике занимать оборонительные позиции. В XVIII в. оно постепенно становилось объектом дипломатической борьбы держав за преобладающее экономическое и политическое влияние. Англия, Франция и Австрия не раз добивались в XVIII в. вовлечения Османской империи в политические и военные конфликты, участие в которых отнюдь не было в ее интересах. Послы европейских держав в Стамбуле все чаще оказывали дипломатическое давление на султана и Порту, добываясь от них выгодных политических или военных решений. Не раз в центре дипломатической борьбы держав в Стамбуле в XVIII в. находились русско-турецкие отношения (о них речь пойдет в следующей главе).

Английские, французские, шведские, австрийские и прусские дипломаты использовали борьбу между Россией и Османской империей на Балканах и в бассейне Черного моря, чтобы укрепить влияние своих государств на империю османов, обеспечить им экономические и политические выгоды. Пользуясь коррупцией столичной бюрократии, представители европейских держав постоянно стремились образовывать в ее среде группировки, готовые защищать их интересы. Не один высокий сановник Порты за крупную взятку действовал во вред своей стране на дипломатических переговорах или при рассмотрении просьб иноземных купцов и предпринимателей.

Успешное давление европейских держав было значительно облегчено, как отмечалось выше, ослаблением военного могущества Османской империи. Ее армия, некогда наводившая страх на всю Европу, к XVIII в. оказалась, как показали войны конца XVII—XVIII вв.,

гораздо слабее вооруженных сил ее противников. Уже в первой четверти XVII в. наблюдатели отмечали ослабление боевого духа султанского войска. Польский посол в Турции в 1622—1623 гг. князь К. Збаражский писал: «Более достойные и опытные воины видят, что за своеволием не следует наказание, а за хорошую службу — награда, что более, чем воинские доблести, ценится какая-нибудь услуга во дворце, когда каждый воин пограничного гарнизона старается добиться возвышения с помощью какой-либо женщины [из сераля] или евнуха, чем заслугами в глазах военачальника. Постепенно оружие становилось им противным, а поклоны — приятными. Те, кто прибегал к этим приемам, стали жить в роскоши. Начало укореняться пьянство, которое раньше каралось, как человекоубийство. Следуя таким примерам, многие предпочитали откупаться от воинской службы, чего можно было без труда достичь. Дело в том, что везиры, идя на войну, больше денег собирали, чем людей». Польский посол отмечал и то, что жалованье воинам выдавалось нерегулярно, «поскольку из-за щедрых раздач и опустошений уменьшились доходы казны и значительная часть их уходила на дворцовые расходы и роскошь...».

Когда П. А. Толстой составлял в 1703 г. свое описание Османской империи, он много внимания уделил состоянию армии и флота. Он пришел к выводу, что военное ослабление империи османов было следствием ее экономического упадка. Военная техника — пушки, холодное и огнестрельное оружие — все более отставала от Европы. В артиллерии и в XVII, и в XVIII вв. употреблялись снаряды времен XVI столетия и даже мраморные ядра эпохи султана Сулеймана Кануни. В XVIII в. военная техника турецкой армии отставала от европейской по меньшей мере на полтора века.

Тактические свойства турецкой армии также были крайне низкими. Если европейские армии уже знали и постоянно использовали искусство военного маневра, то турки продолжали на поле битвы брать числом, действуя обычно беспорядочной массой. П. А. Толстой писал о турках, что «вся их военная хитрость и сила состоит в их множестве... ежели же их неприятель собьет и принудит отступить, потом уже никоим образом установиться в строй не могут, но бегут и погибают, понеже стройному бою не обыкновенны, и егда неприятель их погонит, тогда отдираются от начальства и оставляют их и бегут невозвратно и видят сами, что тот их воинский строй им не пожиточен и... худ, одначе иностранным обучением гнушаются». П.А. Толстой был прав, турецким правящим кругам понадобилась с того времени почти век, знаменитый их военными поражения-

ми, чтобы преодолеть барьер предубежденности против всего европейского, «гяурского», признать превосходство европейской науки и техники, в том числе военного дела, и начать реформировать свою армию на европейский лад.

В XVIII в. войско Османской империи терпело многие неудачи еще и потому, что во главе его стояли люди, подчас совершенно невежественные в делах военных. Обычно европейскими армиями в ту пору на театрах боевых действий командовали профессиональные полководцы, турецкие же войска по традиции возглавляли великие везиры. Даже общеобразовательный уровень таких главнокомандующих был порою анекдотичен. Когда во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. французский посол предупредил Порту о том, что русская эскадра направилась из Кронштадта в Эгейское море, великий везир этим сведениям верить отказался, будучи твердо убежден в том, что между Петербургом и Средиземным морем морского пути нет. А когда русская эскадра оказалась в турецких водах, пройдя через Гибралтар, Высокая Порта обвинила Венецию в том, что она пропустила русские корабли из Балтийского моря в Средиземное через Адриатическое.

Резко сократилась к XVIII в. и численность султанской армии. В середине XVI в. иррегулярная конница насчитывала 200 тыс. человек, в период русско-турецкой войны должна была составлять 135 тыс., а на деле под знамена султана собралось не более 20 тыс. кавалеристов-тимариотов. Военные отряды местных феодалов, тоже обычно конные, насчитывали в середине XVIII в. 40—50 тыс. человек, но больше походили на разбойничьи шайки, и пользы от них в период военных действий было очень мало. Что касается регулярного войска, основу которого по-прежнему составлял янычарский корпус, то и его боевая мощь резко упала. Во второй половине XVIII в. в списках янычар, получавших жалованье, значилось 75 тыс. человек, тогда как непосредственно в военных операциях участвовало не более 18 тыс. янычар. Остальные предпочитали заниматься теми вполне мирными профессиями, которые уже в XVII в. начали избирать себе многие янычары, нарушая прежние запреты на участие в ремесле или торговле.

К XVIII в. часть янычар уже официально входила в состав торговых-ремесленных цехов, в цеховые советы. Янычарские офицеры разных рангов обзаводились лавками, держали постоянные дворы, становились ростовщиками. И все это делалось не только при сохранении получаемого из казны жалованья, но и с использованием прав, кото-

рые давало пребывание в янычарском корпусе. Ведь янычар — торговец или ремесленник — был наилучшим образом защищен в своих деловых операциях от административного произвола. Время комплектования корпуса по системе «девширме» к XVIII в. ушло в прошлое, ряды янычар пополняли их дети, а также турки — ремесленники или торговцы, стремившиеся попасть на жалованье и под защиту корпуса. Янычарские воинские билеты, эсаме, стали предметом купли и продажи, ибо они давали право на получение жалованья.

В корпусе янычар можно было даже приобрести за деньги должность, дав, разумеется, взятку соответствующему должностному лицу.

Естественно, в таких условиях большая часть янычар к боям была совершенно не подготовлена. О боеспособности янычар российский посол П.А. Толстой писал, что воины сии лишь «суть именуемы и защищаемы тем именем, а войны не знают». Зато они, превратившись в подобие преторианской гвардии, были непременными участниками дворцовых смут и интриг, свержали и возводили на престол султанов, смещали великих везиров и министров. Корпус был оплотом феодально-клерикальной реакции. Религиозный фанатизм янычар постоянно использовало мусульманское духовенство в борьбе за сохранение своих привилегий, против всяких попыток нововведений.

Остальные виды войск тоже были весьма далеки от совершенства. Артиллерийские части по организации и оснащенности техникой далеко отстали от европейского уровня. Регулярная кавалерия в немалой степени утратила свою боевую силу, да и численность ее сократилась. Флот в начале XVIII в. был в лучшем состоянии, чем сухопутные войска, хотя и значительно уступал по боевым качествам военно-морским силам государств Западной Европы. В военное время флот султана обычно усиливался кораблями турецких корсаров.

Между тем на протяжении XVII—XVIII вв. империи османов не раз пришлось вести вновь войны на Западе и на Востоке. И хотя порой успех бывал на стороне турок, победоносному движению султанских войск явно пришел конец. Все чаще султану и Порте приходилось думать не о наступлении, а об обороне.

Первая ощутимая военная неудача постигла Османскую империю уже на рубеже XVI—XVII вв. в войне с Австрией. Она разгорелась в 1593 г. Австрия действовала в союзе с Трансильванией, Молдовой и Валахией, опиралась и на поддержку Франции. С самого начала войны султанские войска начали терпеть поражение за по-

ражением. Затем, правда, туркам удалось одержать несколько побед над австрийскими войсками (сражения под Эрлау и на реке Тисе в 1596 г.). Затем военные действия почти десять лет длились с переменным успехом. В конце концов обе стороны, измотанные затяжной войной, пошли на мир. 11 ноября 1606 г. в венгерском городе Ситватороке был подписан австро-турецкий мирный договор. Он не принес ни одной из держав территориальных приобретений, но султану пришлось отказаться от ежегодной дани с Австрии. Ему пришлось пойти еще на одну важную уступку — австрийский монарх был признан им по договору императором, а не именовался, как ранее, «господином Вены». Эта на первый взгляд протокольная деталь отражала важные изменения в отношениях османских султанов с правителями европейских держав. Ситваторокский договор был одним из первых дипломатических документов, зафиксировавших начало ослабления могущества Османской империи.

В самом начале века неудачно для империи сложилась и война с Ираном (1603—1612). Впервые за целое столетие военная инициатива перешла к сефевидскому Ирану. Шахским войскам удалось в 1603 г. овладеть Тебризом, а в 1603—1607 гг. вновь поставить под власть Исфахана Восточную Армению и Восточную Грузию, Азербайджан, Лурестан и часть Курдистана. Поражения настолько деморализовали султанское войско, что нередкими были случаи перехода целых воинских частей на иранскую сторону. Война закончилась подписанием в Стамбуле мирного договора, по которому сефевидский Иран закрепил за собой завоеванные земли. Султан и Порты, для которых еще не стали привычными поражения и территориальные уступки, попробовали вскоре взять реванш. В 1616—1618 гг. между Османской империей и Ираном возобновились боевые действия, но они не принесли успеха туркам. В конечном счете им пришлось подписать новый мирный договор с Ираном, который подтвердил условия Стамбульского договора 1612 г. Но и на этот раз мир оказался непрочным. Новая ирано-турецкая война (1623—1624) окончилась новыми территориальными потерями для Османской империи. Шахские войска овладели всем Ираком, под властью шаха оказались Мосул и Басра, а также священные для шиитов Неджеф и Кербела.

После смерти шаха Аббаса I положение Ирана ухудшилось, и султан Мурад IV решил начать войну против сефевидской державы. В 1635 г. его войска вторглись в Армению и Северный Иран, овладели Ереваном, Нахичеваном и Тебризом. Однако туркам не всегда

удавалось закреплять свои военные успехи, так как они настолько опустошали захваченные территории, что скоро сами стали испытывать острейший недостаток в продуктах питания. Османская армия временно даже отступила, но затем вновь начала наступательные операции. В сентябре 1639 г. шах вынужден был подписать с султаном мир, по которому Ирак остался за Османской империей. Но ирано-турецкая граница в Закавказье, несмотря на военные удачи турок, не изменилась.

Миф о непобедимости султанских полчищ был развеян не на Востоке, а на Западе. Началось с тяжелых поражений на море, напавших редкую для XVI в. неудачу турок в битве при Лепанто. В июне 1651 г. турецкий флот, имевший в своем составе более 100 кораблей, был разбит эскадрой венецианцев, насчитывавшей 60 кораблей. А в июле 1656 г. морские силы Венеции разгромили турецкий флот у самого входа в Дарданеллы, блокировали проливы и захватили ряд находившихся под властью султана островов (Тенедос, Лемнос, Самофракия). Около 80 турецких боевых кораблей было либо потоплено, либо захвачено венецианцами. Правда, через несколько лет туркам удалось нанести поражение венецианскому флоту, отвоевать острова и ликвидировать опасную для снабжения Стамбула блокаду проливов.

Поражения в сражениях на море не были случайными. Об этом свидетельствовал характер войны Османской империи с коалицией европейских держав в 1683—1698 гг.

Вначале это была война с Австрией, являвшаяся продолжением давней борьбы за земли Венгрии. Военные действия начали турки, использовав в качестве повода обращение за поддержкой к султану венгерских феодалов, сражавшихся с Габсбургами. Армия султана, поддержанная войском крымского хана, почти в два с половиной раза превышала по численности австрийскую. Эта огромная армия (более 170 тыс. человек) двинулась на Вену и в середине июля осадила ее. Столицу Австрии защищало не более 13 тыс. солдат и ополченцев. И все два месяца осады они стойко отражали атаки турецких войск. Между тем к защитникам спешила помощь. В ночь на 12 сентября 1683 г. польский король Ян Собеский во главе 25-тысячной армии разгромил у стен Вены султанское войско. Оно потеряло 20 тыс. убитыми, оставило на поле боя 300 пушек и знамена, ставшие добычей победителей. Турки начали стремительно отступать к Буде. На этом пути армия Яна Собеского, буквально гнавшая турок от Вены, навязала султанской армии еще одно сражение, у Дуная,

в котором турки вновь были разгромлены. Эти события имели историческое значение, ибо продемонстрировали всей Европе, что турок побеждать можно. Именно победы Яна Собеского стимулировали создание в 1684 г. «Священной лиги» в составе Австрии, Польши, Венгрии и Мальты — союза борьбы с Османской империей. В 1686 г. к этому союзу присоединилась Россия.

Образование «Священной лиги» создало опасную для империи военную ситуацию. В результате численного перевеса сил союзников, их превосходства в вооружении и тактике султанские войска вновь потерпели ряд поражений в Восточной Венгрии, Морее и Далмации. В 1686 г. они сдали союзникам Буду. А в 1687 г. турки были разгромлены в битве при Мохаче, в тех местах, где за 150 лет до этого они одержали победу над войсками короля Венгрии. Далее события развивались столь же плачевно для турок. Почти вся Морея была занята войсками венецианцев, а австрийцы в 1688 г. захватили Белград. Поражения султанских войск вселили в народы Балкан надежды на освобождение от османского ига. Начались восстания против султанского владычества в Болгарии, антитурецкие выступления происходили в Валахии. В 1689 г. австрийские войска действовали уже в болгарских землях, взяли Видин.

Положение Османской империи стало критическим. Тем не менее, ей удалось еще на несколько лет оттянуть окончательное поражение. Как это часто бывало в войнах Османской империи с европейскими державами, ей помогали их же противоречия и соперничество. Франция, опасаясь резкого усиления Австрии, организовала крупную военную демонстрацию на Рейне, что заставило Австрию срочно перебросить туда часть своих войск из Венгрии. У султана и Порты возникла желанная передышка для сбора новых войск и их оснащения. После этого турецким войскам удалось вытеснить австрийцев из Болгарии, Сербии и Трансильвании. И все же вскоре союзники вновь начали громить султанские войска. Наконец в сентябре 1697 г. произошло решающее сражение этой долгой войны. Австрийцы нанесли султанской армии сокрушительный удар в битве при Зенте у реки Тисы. Турки потеряли только убитыми 30 тыс. человек, в битве погиб великий везир, а командовавший войсками султан Мустафа II (1695—1703) с трудом спасся бегством. Османской империи после этого поражения пришлось просить мира. В 1698 г. в Карловицах начались мирные переговоры между представителями султана и государств, входивших в «Священную лигу». В январе 1699 г. Австрия, Польша и Венгрия заключили мирные договоры

с Османской империей. Россия продолжала переговоры с султаном до лета 1700 г.

События войны 1683—1698 гг. показали, что Османская империя перестала быть грозой для своих европейских соседей. Карловицкий мир принес большие территориальные потери Османской империи. Почти все венгерские земли, принадлежавшие державе султана, отошли к Австрии. Она же получила Трансильванию и почти всю Славонию. Польше досталась часть турецких владений в Правобережной Украине и Подолия. Морея осталась за Венецией. Венецианцы приобрели также ряд крепостей в Далмации и несколько островов Архипелага. Вместе с этими огромными территориями были потеряны и большие доходы, поступавшие оттуда в государственную казну. И наконец, ничем не измерить было ущерб, нанесенный военному престижу империи османов.

В 1714—1718 гг. Османская империя воевала с Венецией и Австрией. Вначале турки имели успех в войне с венецианцами, но, когда на стороне Венеции выступила Австрия, они вновь начали терпеть поражения. Австрийский полководец Евгений Савойский в 1716—1717 гг. несколько раз побеждал в сражениях султанские войска в Венгрии и Сербии. Австрия захватила часть Сербии с Белградом и некоторые другие территории. Дипломатическое вмешательство Англии и Голландии, боявшихся усиления Австрии, привело к заключению в июле 1718 г. Пожаревацкого мирного договора. К Австрии отошли часть Сербии (включая Белград), Банат, Северная Босния и часть Валахии. Австрийские купцы получили ряд льгот в торговле во владениях султана. Австрийцы приобрели в Османской империи капитуляционные права, подобные тем, что ранее получили французы и англичане. Возврат султану Мореи и ряда островов Архипелага (по договору с Венецией, подписанному одновременно с австро-турецким) был весьма слабым утешением для Османской империи, потерявшей огромную территорию на Балканах. Впрочем, предприимчивые венецианцы сумели все же добиться и новых льгот для своих купцов. Таким образом, война 1714—1718 гг. вновь напомнила о том, что время могущества Османской империи прошло.

Не слишком удачно для турок сложилась и очередная война с Ираном (1724—1736). Султан и Порта вознамерились в условиях ослабления сефевидского Ирана взять на Востоке реванш после тяжелых неудач на Западе. В 1724 г. турецкие войска вторглись в Армению и Восточную Грузию, заняли Ереван и Тбилиси. Это едва не привело к войне с Россией, которая получила к тому моменту согла-

сие иранского шаха на уступку ей западного и южного побережий Каспийского моря. Кроме того, Россия издавна выступала в защиту единоверных грузин и армян. Но положение России, истощенной длительной войной со шведами, не позволяло ей обострять отношения с Османской империей. В конце концов, летом 1724 г. в Стамбуле был заключен русско-турецкий договор о разделе иранских владений в Закавказье. Турция получила восточные области Грузии и Армении, Тебризское, Казвинское и Шемахинское ханства. К России отошли прикаспийские города и провинции.

Вскоре после подписания этого договора турецкие войска начали наступательные операции в Западном Иране и овладели Хамаданом. В 1725 г. они захватили Казвин, а затем, после нелегкой осады, и Тебриз. Иранскому шаху в 1726 г. удалось все же одержать победу над султанскими войсками, находившимися уже на подступах к Исфахану. В 1727 г. был заключен ирано-турецкий договор на выгодных для Османской империи условиях. Иран уступил ей не только те земли в Закавказье, которые султан уже считал своими по русско-турецкому договору 1724 г., но и признал власть империи османов в Хузестане и Зенджане, Казвине и Тегеране. Таким образом, Иран уступал Османской империи чуть ли не половину своей территории.

Но успех турок оказался недолговечным. Талантливый иранский полководец Надир, в конце 20-х годов XVIII в. ставший фактическим правителем страны, добился перелома в войне в пользу Ирана. В 1730 г. он изгнал султанские войска из Хамадана, Керманшаха и Южного Азербайджана. В 1733 г. армия Надира разгромила турок в битве при Киркуке, в 1734—1735 гг. его войска заняли Северный Азербайджан, Восточную Грузию и Северную Армению. Походы войск Надира, так же как и турецкие завоевания, приносили тяжелейшие страдания народам Закавказья. Их земли опустошались, десятки тысяч мирных жителей уводились в рабство. В 1736 г. в Эрзуруме был подписан ирано-турецкий мирный договор, по которому Османской империи пришлось вернуть Ирану все принадлежавшие ему области, которые отошли ей по ранее заключенным договорам или были захвачены в войне 1724—1736 гг. Престижу Османской империи снова был нанесен большой урон.

В 30—40-х годах XVIII в. империя османов вновь дважды воевала — с Австрией и Россией в 1735—1739 гг. и с Ираном в 1743—1746 гг. Война с Австрией привела к возвращению Османской империи Баната, северных районов Боснии и Сербии, а также части Вала-

хии. Ирано-турецкая война не передвинула границы между Ираном и Османской империей. В целом положение не изменилось, турки вновь не добились крупных успехов. Их отдельные удачи были случайными на фоне все большего падения военного могущества империи. Сокрушительные поражения турецких войск в русско-турецких войнах конца XVIII в., о которых речь пойдет в следующей главе, сделали очевидным полный упадок военной мощи Османского государства.

Во второй половине XVIII в. возникает так называемый Восточный вопрос. Его суть состояла в том, что нараставшее с каждым десятилетием стремление нетурецких народов Османской империи к освобождению в условиях резкого ослабления ее военного могущества и власти Порты внутри самой империи сделало положение этих народов объектом международной политики. И хотя в европейских международных отношениях «Восточный вопрос» как термин и постоянный предмет интереса держав появляется несколько позже (в 20-х годах XIX в.), уже к концу XVIII в. судьбы нетурецких подданных султана все чаще зависели не только от позиции Порты, но и от отношений Турции с европейскими державами. В борьбе этих держав за преобладающие экономические и политические позиции в Османской империи положение нетурецких подданных стало играть немалую роль. Оно не раз служило поводом для вмешательства европейской дипломатии во внутренние дела султанской державы, не раз влияло на решение вопросов войны и мира. Возникновение Восточного вопроса было, таким образом, еще одним проявлением все возрастающей слабости страны.

Пути восстановления и укрепления мощи Османской империи, прежде всего военной, ее правящие круги начинают искать в начале XVIII в. Прежде всего у них возник интерес к жизни и достижениям передовых для того времени европейских стран. В 1720 г. по повелению султана Ахмеда III во Францию отправилось посольство во главе с Челеби Мехмед-эфенди; ему было поручено внимательно ознакомиться с экономикой, культурой и наукой Франции. Примечательно, что секретарем посольства был сын Мехмед-эфенди, Мехмед Сайд, ставший впоследствии одним из основателей первой турецкой типографии.

Посольство пробыло во Франции два года. Члены посольства изучили государственное устройство и общественно-политическую жизнь Франции, осмотрели фабрики и фортификационные сооружения, побывали на военном смотре, посетили королевскую Ака-

демию наук, оперу и обсерваторию, ботанический сад, знакомились с бытом французов. Все виденное Мехмед-эфенди в весьма живой форме изложил в «Сефаретнаме» («Книге о посольстве»). Этот труд во многом способствовал зарождению идеи «европеизации» Османского государства в среде турецкой феодально-бюрократической элиты, дал толчок некоторым преобразованиям в культуре и быту, в частности стимулировал возникновение книгопечатания на турецком языке.

«Сефаретнаме» было прочтено вслух во дворце султана в его присутствии. Это сочинение стаю настолько популярно среди придворных и высшей бюрократии, что ходило по рукам в списках. Всем своим содержанием оно внушало читателю мысль о значимости достижений западной науки и культуры и о пользе их применения в Османской империи. Правда, оно же вызвало среди невежественной столичной знати то безудержное увлечение европейской роскошью, о котором шла речь выше («эпоха тюльпанов»).

Инициатором отправки посольства и наставником посла был великий везир Ибрагим-паша Невшехирли (он занимал этот пост в 1718—1730 гг.), один из первых крупных османских государственных деятелей, осознавших необходимость сломать барьер предубежденности против всего европейского, начать серьезно знакомиться с достижениями европейских стран в организации государственных и военных дел, в развитии науки и техники. Ибрагим-паша покровительствовал распространению в своей стране знаний по математике, астрономии, естествознанию. Он создал в Стамбуле несколько библиотек, в том числе во дворце султана, организовал специальную комиссию для перевода на турецкий и арабский языки выдающихся трудов деятелей науки Запада и Востока. В это время на арабский язык были переведены три книги «Физики» Аристотеля, на турецкий и арабский — западноевропейские медицинские трактаты, с персидского и арабского на турецкий был переведен ряд значительных исторических трудов.

В ту пору появились и первые проекты военных преобразований. В 1716 г. французский офицер де Рошфор предложил Порте использовать иностранных инструкторов и специалистов для реорганизации турецкой армии. Разумеется, в условиях существования весьма еще политически сильного корпуса янычар и неизбежности противодействия янычар и мусульманского духовенства таким реформам предложение это и не могло быть принято. Но идеи де Рошфора были использованы позже, когда поступивший на ту-

рецкую службу и принявший ислам француз граф Бонневаль (Ахмед Хумбараджи-паша) основал в Стамбуле артиллерийскую школу. Это было первое турецкое светское учебное заведение, где преподавались точные науки, в частности математика и инженерное дело. Но попытки Бонневалья сделать какие-либо практические шаги для создания в Османской империи армии европейского типа не дали никаких результатов. Впоследствии Бонневаль писал в мемуарах, что турецкая армия была для обстрелянного войска слабым соперником. «В пятидесяти тысячах французов или немцев, — отметил бывший граф, — больше солдат, нежели в двухстах тысячах турок». Иронии в сказанном было гораздо меньше, чем правды, о чем свидетельствовали многие войны Османской империи с европейскими державами в конце XVII—XVIII вв.

Крупным событием в процессе поисков путей обновления Османской империи стало введение книгопечатания на турецком языке. Упоминавшийся выше Мехмед Сайд, секретарь побывавшего во Франции турецкого посольства, с работой парижских типографий ознакомился весьма основательно. В «Сефаретнаме» парижские типографии были описаны, причем преимущества книгопечатания были отмечены особо. Когда посольство возвратилось в Стамбул, Мехмед Сайд начал обсуждать план создания турецкой типографии с человеком, который уже несколько лет был увлечен этой идеей.

То был Ибрагим Мютеферрика — венгр из Трансильвании, в самом конце XVII в. захваченный турками в плен и проданный в рабство на стамбульском невольничьем рынке. Он принял ислам и получил таким образом свободу. Ставший Ибрагимом юный венгр изучил турецкий, персидский и арабский языки. Латынь и греческий он уже знал ранее, ибо до 18 лет учился в протестантской школе. Ибрагим был одаренным человеком, обладал широкими познаниями. Попав во дворец султана в качестве «мютеферрика» (дворцовые служащие, выполнявшие одновременно функции дворцовой стражи и слуг для особых поручений), он не раз был переводчиком и связным Порты во время переговоров с европейскими державами, выполнял и ответственные дипломатические поручения. Идея создания турецкой типографии появилась у него в период, совпавший с подготовкой отправки посольства во Францию. Уже в 1719 г. Ибрагим Мютеферрика изготовил из самшита клише, с которого отпечатал карту Мраморного моря. В 1724 г. он отпечатал с досок и карту Черного моря.

Объединение усилий Ибрагима Мютеферрика, имевшего разно-сторонние знания, и Мехмеда Сайда, приобретшего в Париже нуж-ные сведения о типографском деле и имевшего значительные связи в Порте и нужные средства, сделало идею создания в Стамбуле ти-пографии для печатания книг арабским шрифтом реальной. С 1724 г. они стали работать вместе. Чрезвычайно важно, что их проект был поддержан великим везиром Ибрагим-пашой.

В 1726 г. Ибрагим Мютеферрика представил великому везиру записку, названную им «Способ книгопечатания». В ней он обос-новал целесообразность введения книгопечатания превосходством этого способа над рукописным воспроизведением необходимых для распространения знаний научных трудов и литературных произве-дений. Ибрагим Мютеферрика писал, что книгопечатание позволит увеличить число книг по истории и философии, астрономии и мате-матике, словарей. Он обращал внимание на легкость размножения книг типографским способом, большую точность и дешевизну печ-чатных книг в сравнении с рукописными. Он видел в книгопечата-нии верный способ распространения знаний, средство ликвидации невежества даже в отдаленных уголках империи. Наконец, Ибрагим Мютеферрика считал нужным наладить печатание книг арабским шрифтом, чтобы мусульмане не отставали от европейских стран, где уже печатались книги на арабском, персидском и турецком языках. В заключение он призывал султана поддержать идею создания типо-графии для печатания арабским шрифтом, подчеркивая, что от это-го выиграют мусульманские народы в разных странах, а престиж ос-манских султанов в мусульманском мире увеличится.

После вручения этой записки главе Порты на Ибрагима Мюте-феррика и Мехмеда Сайда посыпался град обвинений со стороны клерикальной реакции. Переписчики рукописей, хаттаты, устроили даже своеобразную демонстрацию, организовав траурное шествие по улицам Стамбула; они несли большой гроб, в который сложили свои письменные принадлежности. Но все же разрешение на откры-тие типографии при энергичной поддержке великого везира Ибра-гим-паши было дано. Фетва шейх-уль-ислама санкционировала из-дание печатным способом словарей, а также сочинений по логике, естественным наукам, истории, географии и космографии. Эта фет-ва была получена только в результате упорства Ибрагим-паши, ко-торый пригрозил колебавшемуся шейх-уль-исламу его отставкой.

5 июля 1727 г. Ахмед III издал указ об открытии первой турец-кой типографии. Султан ограничил ее права запретом печатать кни-

ги религиозного содержания (Коран, его толкования, сочинения по мусульманскому праву и т.д.). Это была явная уступка мусульманскому духовенству, которое решительно возражало против «осквернения» религиозных книг. Духовенство, таким образом, сохраняло контроль над распространением трудов религиозного содержания. Да и для хаттатов — значительной прослойки лиц, принадлежавших к духовному сословию, — сохранялся основной объем их деятельности.

В декабре 1727 г. типография, находившаяся в доме Ибрагима Мютеферрика, начала свою работу. Печатные станки и иное оборудование были привезены из Франции и Австрии, кое-что было приобретено в стамбульских армянских типографиях, имевших уже большой опыт книгопечатания (первая армянская типография в Стамбуле была основана еще в 1565 г.). Основные расходы по оборудованию типографии взяла на себя государственная казна. Первая книга вышла в свет 31 января 1729 г. Это был арабо-турецкий словарь, который был отпечатан тиражом в 1000 экземпляров. Тираж разошелся очень быстро, и вскоре был напечатан ряд книг по истории, написанных как мусульманскими, так и европейскими авторами, а также «Турецкая грамматика», составленная монахом-иезуитом Холдерманом. Всего в 1729—1742 гг. типография Ибрагима Мютеферрика издала 17 сочинений по истории, географии, математике, астрономии, естествознанию. Их общий тираж превышал 12 тыс. экземпляров. Это было исключительно важным событием в общественной жизни Османской империи, в развитии образования, науки и культуры в стране, мусульманское население которой веками было отгорожено от научных знаний барьером религиозного фанатизма. Запрет печатания религиозных книг сделал еще значительнее результаты работы типографии Ибрагима Мютеферрика, целиком работавшей на публикацию светских книг научного содержания.

После смерти Ибрагима Мютеферрика в 1745 г. его типография практически прекратила работу. Книгопечатание на турецком языке было продолжено лишь в конце XVIII в. Но свою историческую роль первые турецкие книгопечатники — Ибрагим Мютеферрика и Мехмед Сайд — сыграли.

Как уже отмечалось, деятельность типографии Ибрагима Мютеферрика стала наиболее существенным итогом поисков путей обновления Османской империи, начатых ее правящими кругами. Ибрагим-паша пытался упорядочить дела в административном аппарате империи, улучшить ее финансовое положение, повысить боеспособность султанской армии. С этой целью Порты не раз проводила про-

верку выполнения тимариотами своих обязанностей, добивалась усовершенствования налоговой системы, стремилась к созданию новых частей в артиллерии и новых типов военных кораблей, привлекая отдельных иностранных инструкторов. Но все это не дало тогда сколько-нибудь заметных результатов, ибо крайне немногочисленные реформаторы не имели ясной программы и цели, были непоследовательны в своих действиях. Зато произведенное ими увеличение налогов усилило недовольство султаном и Портой в массах. Это недовольство переросло в описанное выше восстание городских низов Стамбула в 1730 г., стоившее трона Ахмеду III и жизни великому везиру Ибрагим-паше.

Тем не менее была пробита брешь в консервативном застойном мышлении: наиболее дальновидные представители правящих кругов осознали необходимость реформ с использованием государственно-го и научно-технического опыта европейских государств. Наиболее полно эти идеи были изложены в трактате Ибрагима Мютеферрика «Основы мудрости в устройстве народов», изданном его типографией в 1732 г. тиражом в 500 экземпляров.

Трактат этот, по форме напоминавший турецкие средневековые социально-дидактические трактаты, в которых рассматривалось положение страны и предлагались меры для его улучшения, по содержанию был страстным призывом к широким реформам на основе европейского опыта, к развитию науки и культуры с учетом достижений европейских стран. В сочинении Ибрагима Мютеферрика впервые в турецкой литературе были кратко описаны различные способы управления государством, в том числе демократический, при котором управление находится в руках выборных лиц. Автор трактата представал перед турецким читателем как убежденный сторонник просвещенной монархии. Он обрушивался на беспорядки и несправедливость, свойственные абсолютистским режимам, обличал зло кровопролитных войн, высоко оценивал роль научных знаний в жизни общества. Основной же практической задачей автора трактата было стремление доказать крайнюю необходимость военной реформы на основе опыта европейских держав. Ибрагим Мютеферрика утверждал, что «отсутствие хорошего устройства и нужной организации» в армии любого государя приводит к оскудению казны, следствием чего становится «опустошение страны».

Ибрагим Мютеферрика был убежден в превосходстве мусульманского вероучения над христианским. Военные неудачи империи он объяснял, в частности, «небрежным выполнением заповедей ша-

риата». Таким образом, автор записки полагал, что нормы и институты ислама вполне пригодны для обеспечения прогресса в условиях XVIII в. Эту идею защищали все османские реформаторы и в конце XVIII—XIX вв.

Но не это было главным. Ценность труда Ибрагима Мютеферрика состояла в пропаганде совершенно новых для турецкого общества той поры идей о возможности и необходимости заимствования опыта передовых европейских государств. Кроме того, трактат турецкого первопечатника, обращенный к образованной части общества, создавал начальные предпосылки возникновения в стране общественного мнения.

Хотя в первой половине XVIII в. эти идеи не удалось реализовать, они не были забыты, их продолжала обсуждать столичная бюрократия. И когда очередные военные неудачи Османской империи заставляли ее правящие круги искать выход из экономических и военных затруднений, они вновь обращались к идеям обновления государства, возникшим в начале XVIII в. Так, когда Русско-турецкая война 1768—1774 гг. еще раз обнаружила крайнюю отсталость османской армии, Порты решила вернуться к военным реформам и усовершенствовать армию по европейскому образцу. В Османскую империю были приглашены иностранные военные инструкторы и специалисты. Сын венгерского эмигранта, французский подданный барон де Тотт — дипломат и инженер — занимался сооружением укреплений в Дарданеллах. Под его руководством были созданы новые части полевой артиллерии и отряды стрелков, введено употребление штыка. Правда, эти нововведения никак не затронули янычарского корпуса, по-прежнему составлявшего ядро армии, ибо фанатичные янычары не допускали никаких новшеств, да еще под присмотром инструктора-«неверного». Но некоторые мероприятия этого периода дали реальный и важный с точки зрения будущего страны эффект. То было создание военных учебных заведений. В 1771 г. по инициативе того же де Тотта были открыты военные школы для артиллеристов, фортификаторов и навигаторов, в которых значительное внимание уделялось преподаванию математики. В 1773 г. в Стамбуле было создано Султанское морское инженерное училище, первыми преподавателями которого были французские инженеры-фортификаторы, приглашенные на службу Портой.

Ярким свидетельством того, что мысль о необходимости реформы армии, возникшая в первой трети XVIII в., продолжала занимать умы государственных деятелей, служит памфлет турецкого дипло-

мата второй половины XVIII в. Гиритли Ахмеда Ресми-эфенди «Сок достопримечательного», содержащий описание событий Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Автор, участник войны, высказывал самые резкие суждения о турецких министрах, которые втянули страну в войну, не взвесив предварительно все политические и военные обстоятельства. О приближенных султана Ахмед Ресми писал так: «То ли дело наши государственные мудрецы! Не дал им Аллах ни ума, ни опытности — чтение истории не их занятие...» Он называл их бахвалами, пустословами и невеждами, не умеющими «предвидеть никаких последствий». Ахмед Ресми критиковал Порту за безответственное покровительство польским эмигрантам, принесшее огромные траты, за поддержку воинственных настроений крымских ханов, которые не в состоянии даже собрать сколько-нибудь боеспособное войско. Он приводил вопиющие примеры безответственности сановников при подготовке армии к боевым действиям, головоутиательства и казнокрадства в деле ее снаряжения и снабжения. В неудачах Османской империи в Русско-турецкой войне Ахмед Ресми винил министров и военачальников, чьи поразительные некомпетентность и безответственность свидетельствовали о полном расстройстве государственных и военных дел. И хотя в памфлете не говорилось прямо о реформах, все его содержание, весь его пафос были направлены на то, чтобы внушить читателю мысль о необходимости серьезных преобразований во многих сферах жизни страны — в административном управлении и военном деле, в народном образовании и финансах. Наконец, в этом памфлете есть еще одна черта, появившаяся скорее всего как результат размышлений над горьким опытом отнюдь не победоносных войн империи в XVIII в. Ахмед Ресми многократно призывал к мирным отношениям между государствами, к умению «в нужном случае жить с неприятелем в мире и дружеских отношениях». В его памфлете прозвучало весьма нечастое в турецкой средневековой литературе осуждение войн, которые несут народу одни страдания.

Итак, XVIII век — век дальнейшего ослабления Османской империи, век военных поражений и экономических неурядиц, век падения международного престижа империи — принес первые размышления о путях выхода из тяжелейшего кризиса, которые переживала некогда могущественная держава. Они вылились в целую эпоху реформ конца XVIII — середины XIX в. Но не будет преувеличением сказать, что важнейшим фактором быстрого развития наметившейся тенденции к проведению реформ стали русско-турецкие войны XVIII в.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И РОССИЯ

На рубеже XVII—XVIII вв. отношения с Россией становятся одним из внешнеполитических факторов, оказывавших значительное влияние на общее положение Османской империи. И хотя характер открытого военного противостояния русско-турецкие отношения приобрели только в XVIII в., острые конфликтные ситуации не раз бывали и в более ранний период — в XVI—XVII вв.

Первым известным нам официальным русским дипломатическим лицом, вошедшим в контакт с турками, был московский дьяк Федор Курицын. Произошло это довольно неожиданно. Дьяк был направлен с посольством ко дворам короля Венгрии Матьяша Хуньяди и воеводы Валахии Стефана. Когда он в 1484 г. возвращался из этой поездки в родные края, в районе Аккермана его взяли в плен турки. Впрочем, местный паша отнесся к Курицыну вполне доброжелательно и, отпуская на родину, просил передать великому князю московскому, что турецкий султан ищет с ним дружбы. В 1488 г. крымский хан сообщил Ивану III, что султан ищет «дружбы и братства» и хочет видеть русских купцов в турецких владениях, в частности в Кафе и Азове.

Начало непосредственных сношений между империей османов и Московским государством датируется 1492 г., когда Иван III послал через крымского хана грамоту «турскому салтану» Баязиду II. В ней речь шла о произволе азовского паши по отношению к русским купцам, которых этот султанский сановник принуждал к тяжелым работам («ров копати и камень на город носить...»), а также к продаже привезенных товаров за полцены. Иван III писал, что при таких условиях Москва не будет посылать русских купцов во владения султана турецкого. В ответ на это послание Баязид II в 1494 г. снарядил турецкое посольство к Ивану III, но до Москвы оно не добралось, будучи задержано великим князем литовским Александром, который не был заинтересован в русско-турецком сближении.

Прошло несколько лет, в течение которых турецкий султан и великий князь московский продолжали изучать возможность установления прямых контактов между их государствами. Наконец в 1496 г. из Москвы в Стамбул было отправлено посольство во главе со стольником Михаилом Плещеевым. Иван III поручил Плещееву

провести с турками переговоры об улучшении условий для торговли русских купцов в Азове и Кафе, а также в прочих владениях султана турецкого. Плещеев привез в Москву ответные грамоты от султана Баязида II, в которых он заверял Ивана III, что стремится к дружбе, готов обмениваться посольствами, приглашает купцов русских торговать в его владениях. В специальной грамоте султан писал, что он прикажет своим провинциальным властям, в частности в Кафе и Азове, не притеснять русских купцов и не чинить произвола в отношении их товаров.

Иван III, продолжавший настойчиво стремиться к защите интересов русской торговли, шедшей через Азов и Кафу, весной 1499 г. направил в Стамбул новое посольство, на этот раз для урегулирования статуса русских купцов во владениях султана. Посольство во главе с Алексеем Голохвастовым тронулось в путь по Дону вместе с очередным купеческим караваном. В грамоте, которую Голохвастов отвез Баязиду II, великий князь приглашал турецкое посольство в Москву. В феврале 1500 г. посол вернулся к своему господину с грамотой от султана, в которой тот заверял великого князя московского, что русским купцам в городах султана будет предоставлена свобода торговли.

Когда в 1512 г. на трон вззошел новый султан, Селим I Грозный, из Москвы в Стамбул прибыло посольство во главе с Михаилом Алексеевым. Селим I отправил великому князю московскому Василию III грамоту с заверениями в дружественном расположении и готовности обеспечить русским купцам беспрепятственную торговлю в своих владениях. С посольством Михаила Алексева, вернувшимся в Москву весной 1514 г., прибыл и первый султанский посол — Камал. Во время его пребывания в Москве обсуждался вопрос о набегах на русские земли крымских ханов и отрядов турок из Азова. Для того чтобы положить конец этим непрекращавшимся набегам, было снаряжено новое посольство ко двору султана во главе с Василием Коробовым. Оно отправилось из Москвы в марте 1515 г. Вместе с ним возвратился в Стамбул и Камал. Посольство Коробова вернулось на родину в феврале 1516 г. Оно привезло султанскую грамоту, в которой Селим I еще раз подтвердил склонность к дружбе с великим князем московским и готовность обеспечить русским купцам полную свободу торговли в своих владениях. Но слова эти не во всем подкреплялись делами: набеги на русские земли продолжались, да и отношения султана с Крымским, Казанским и Астраханским ханствами, с ногайцами часто обретали антирусскую направленность.

Между тем в Москве так и не появилось ответное посольство из Стамбула. Василий III решил снарядить новое посольство к султану, но его ждала горькая участь: посол Дмитрий Степанов был убит татарами по пути в османские владения. Весной 1519 г. из Москвы в далекий путь двинулось еще одно посольство, во главе с Борисом Голохвастовым, которому было поручено выразить султану недоумение по поводу столь длительной задержки с прибытием турецкого посольства в Москву. Голохвастов вернулся в январе 1521 г. с ответной грамотой Селима I, подтверждавшей готовность к дружеским отношениям и торговле, хотя уже в то время султан и Порты вынашивали планы расширения турецкого влияния в Казани и Астрахани, направляли военные экспедиции на Дон.

В 1521 г. в связи со смертью (1520) Селима I и восшествием на престол султана Сулеймана из Москвы в Стамбул отправилось посольство, которое возглавлял Третьяк Губин. Наряду с обычными в подобных случаях поздравлениями новому султану московский посол имел поручение обратить внимание правителя Османской державы на неуместность притязания с его стороны и со стороны крымского хана на Поволжье и Казанское ханство. Когда посольство Губина возвратилось в Москву, с ним прибыло и турецкое посольство.

На протяжении первых нескольких десятилетий русско-турецких отношений они ограничивались обменом послами и грамотами, хотя московские послы пытались склонить султана к заключению письменного договора о дружбе. В 1523 г. в Стамбул было, в частности, направлено специальное посольство Ивана Брюхова с поручением склонить султана Сулеймана I к «учинению договорной записи», в которой были бы зафиксированы положения о дружественных отношениях сторон, регулярном обмене послами, свободе торговли. Султан, однако, уклонился от оформления такого договора.

После этого почти полвека в русско-турецких отношениях царил затишье, периодически происходил обмен посольствами, велась взаимная торговля. Но по мере роста военных затруднений турок на западе правители Османской империи все чаще обращали свои взоры на север и восток. Уже султан Сулейман I Кануни, потерпевший поражение под стенами Вены, стал подумывать о войне против Ирана и Московского государства.

Первым значительным проявлением нового, антирусского политического курса османских султанов стала попытка турок овладеть Астраханью, которая в 1556 г. была присоединена к Москве.

Весной 1568 г. султан Селим II отправил крымскому хану, своему вассалу, приказание идти походом на Астрахань, взяв с собой и турецкий отряд с артиллерией, находившийся в Кафе. Хан Девлет-Гирей не очень спешил с началом похода, понимая все его трудности и возможные последствия. Но султан был настойчив, а его военачальники в июле 1568 г. перебросили из Стамбула в Кафу еще 50 пушек и нескольких специалистов по рытью подкопов. Готовясь к походу на Астрахань, турки даже отправили на галерах в Азов 3 тыс. землекопов, задумав прорыть канал между Доном и Волгой. Подготовка к походу шла всю зиму и весну 1569 г. Наконец в начале июня 1569 г. из Азова и Кафы выступили в поход на Астрахань несколько тысяч янычар с артиллерией. Это было начало первого военного конфликта между русским государством и Османской империей.

Турецкие военачальники рассчитывали на помощь крымского хана, который должен был подкрепить их силы 30-тысячным конным войском. Но хан не спешил с выступлением. После полутора месяцев похода туркам пришлось отказаться от попыток волоком перебросить суда и пушки из Дона в Волгу. В результате турецкое войско подошло к Астрахани без осадной артиллерии и без достаточных запасов продовольствия и снаряжения. В середине сентября турки попытались сделать подкопы под стены крепости, но этому помешала близость воды. Между тем из Астрахани интенсивно обстреливали осаждавших, нанося им немалый урон. В этот момент к Астрахани подошел русский отряд под командованием князя Серебряного. Он совершил успешное нападение на лагерь осаждавших и присоединился к защитникам города.

Надвигалась зима, в лагере турок началось брожение янычар, не желавших зимовать у стен крепости. Янычары заявили, что уйдут от стен Астрахани вместе с войском крымского хана, которое на зиму намеревалось вернуться в Крым. В такой ситуации турецкому командующему Касым-паше пришлось начать отход от Астрахани. В конце сентября турки, предав огню пригороды, двинулись в обратный путь. Через месяц, в конце октября, к Азову подошло не более трети турецкого войска, предпринявшего поход на Астрахань. В Азове туркам отнюдь не обрадовались, тем более что за несколько недель до этого там взорвался пороховой погреб, что вызвало большие разрушения и пожар, от которого пострадал почти весь город. Остатки турецкой военной экспедиции морем были отправлены в Кафу, но и на этом пути их ожидала неудача. Разыгрался сильный шторм, погубивший немало судов и значительное число людей.

В Стамбул в конечном счете добралось не более 700 участников астраханской экспедиции.

В последней четверти XVI в. дипломатические отношения между Османской империей и Россией продолжались в форме обмена посольствами. Послы Ивана IV Иван Новосильцев (конец 1569 г.) и Андрей Кузьминский (1572 г.) имели поручение не просто обеспечить восстановление дружественных отношений, но и отвести притязания султана на Астрахань и Казань, показать ему неуместность попыток направить свою экспансию на Кавказ. В грамоте, присланной Ивану IV с Кузьминским, султан все же требовал отдать ему Астрахань, а Девлет-Гирею — Казань. Но Московское государство проявило твердость. Впрочем, султану не удалось осуществить свои экспансионистские планы, поскольку все силы империи были в 70—80-х годах XVI в. отвлечены на длительную войну с Ираном и более затяжную войну с Австрией.

В первой половине XVII в. отношения между русским государством и Османской империей поддерживались посредством довольно регулярного обмена посольствами. Стамбул посетили посольства Петра Мансурова и дьяка Самсонова (1615), Ивана Кондырева (1622), Семена Яковлева и подьячего Петра Евдокимова (1628), Андрея Совина и дьяка Михаила Алфимова (1630), Афанасия Пронищева и дьяка Тихона Бормосова (1632), Якова Дашкова и дьяка Матвея Сомова (1633), Ивана Коробьина и дьяка Сергея Матвеева (1634), Ильи Милославского и дьяка Леонтия Лазаревского (1643), Степана Телепнева и дьяка Алферия Кузовлева (1645), Богдана Лыкова (1647). Не менее частыми в ту пору были приезды султанских послов в российскую столицу. Целью этой дипломатической активности были не только торговые вопросы или вручение грамот в связи со сменой монархов на османском или российском престоле. Чаще всего приезд посольств вызывался необходимостью выяснить позиции сторон по отношению к донским казакам, периодически совершавшим набеги на земли крымских ханов и создававших угрозу владениям османских султанов на малоазиатском побережье Черного моря. В 30-х годах едва ли не главным объектом дипломатической деятельности стал Азов, который в 1637 г. захватили донские казаки. Длительные переговоры по этому вопросу завершились в 1642 г. уходом казаков из Азова по требованию царя, всячески стремившегося поддерживать с Османской империей мирные отношения. Турки поставили в Азове сильный гарнизон в 26 тыс. человек, значительно укрепили его оборонительные сооружения и снабдили их

артиллерией. Султан и Порта рассматривали Азов как важный опорный пункт для борьбы за устье Дона и для наступления на земли русского государства.

Десятилетие с 1651 по 1660 г. было отмечено приостановкой дипломатических сношений между Стамбулом и Москвой. В эти годы Швеция пыталась втянуть султана в войну против России. Спад дипломатической активности сторон был вызван также ухудшением отношений из-за частых нападений войск крымского хана на русские земли, а также из-за набегов донских казаков на черноморские города султана. В 1660 и 1666 гг. столицу Османской империи вновь посетили царские представители, а в 1667 г. в Стамбул отправилось посольство Афанасия Нестерова и дьяка Ивана Вахrameева.

В те годы в центре дипломатических переговоров оказались украинские земли. В 1666—1672 гг. шла война между Польшей и Османской империей за обладание Украиной. В 1672 г. турецкая армия опустошила Правобережную Украину. Это была уже открытая агрессия государства османов против России, ибо в 1654 г. произошло воссоединение Украины с Россией. В такой обстановке началась в 1676 г. русско-турецкая война. Стотысячное войско султана и крымского хана вторглось в 1677 г. на территорию Украины и сделало попытку захватить Киев. В августе 1677 г. турецко-татарская армия была разгромлена русской армией под Чигирином в боях за днепровскую переправу. Летом 1678 г. турки под командованием великого везира вновь переправились через Днестр и подошли к Чигирину. Великий везир решил взять город штурмом. Месяц героически сопротивлялся небольшой гарнизон Чигирина превосходящим силам осаждавших, но в середине августа туркам удалось все же овладеть городом. Подошедшие вскоре на помощь гарнизону Чигирина русские части в середине августа вели упорные бои с армией султана. В результате турки вынуждены были отступить от Чигирина. И все же полностью изгнать турецкие войска с Правобережной Украины России тогда оказалось не под силу.

В январе 1681 г. в Бахчисарае было подписано перемирие между Россией и Османской империей сроком на 20 лет. По его условиям Россия сохранила за собой Левобережную Украину и Киев. Правобережная Украина отошла к Османской империи. Правда, султан и крымский хан приняли условия не строить здесь городов и селений. Обещал султан также прекратить набеги отрядов крымского хана на русские земли, но последующие события показали, что это была лишь дипломатическая уловка. Турецкие войска и отряды крымско-

го хана и после 1681 г. часто совершали набеги на земли русского государства. Постоянная угроза агрессии со стороны Османской империи и ее крымского вассала побуждала Россию к принятию действенных мер. В числе этих мер были три неудачных похода русских войск в Крым (1686, 1687 и 1695 гг.). Более успешной оказалась вторая азовская экспедиция Петра I, во время которой русские войска после двухмесячной осады в июле 1696 г. овладели Азовом.

Азовский поход Петра I был предпринят в обстановке войны Османской империи со «Священной лигой», в которой турецкая армия потерпела ряд поражений. Порта была принуждена просить мира. Об условиях Карловицкого мирного договора 1699 г. речь шла выше. Переговоры о мире между Россией и Османской империей затянулись до лета 1700 г., когда в Стамбуле был подписан русско-турецкий договор, закрепивший за Россией Азов и близлежащие районы. Договор налагал запрет на набеги крымского хана на русские земли и предоставлял России право иметь в султанской столице своего постоянного дипломатического представителя, обладающего всеми правами и привилегиями послов иных держав в Стамбуле.

Первым постоянным российским послом в империи османов стал граф П. А. Толстой, пробывший на этом посту с 1702 по 1714 г. Свою деятельность П. А. Толстой начал в условиях существенно изменившегося характера русско-турецких отношений. На рубеже XVII—XVIII вв. внимание европейских государств было отвлечено от турецких дел крупным международным конфликтом — борьбой за испанское наследство. Она вылилась в войну держав (1701—1714) за преобладание в Европе, а также на море и в колониях. Именно этот новый международный конфликт подтолкнул государства, входившие в «Священную лигу», к переговорам с турками, закончившимися Карловицким миром. В таких условиях для Петра I, искавшего для своей страны выход к морю первоначально на южных границах, представилась весьма благоприятная возможность решить эту жизненно важную проблему посредством отвоевания земель, захваченных Швецией в начале XVII в., что должно было обеспечить России выход к балтийским берегам. Война со Швецией, получившая название Северной войны (1700—1721), диктовала России необходимость мирных отношений с южным соседом. Поэтому главной задачей первого российского посла в Стамбуле и было обеспечение мира с Османской империей. В инструкции, данной П.А. Толстому Петром I, подчеркивалось, что задача посольства состоит в установлении добрососедских отношений между Россией и Османской им-

перией, обеспечении мира между ними — «лучшее и состоятельное оного мира охранение».

П.А. Толстой действовал в сложной обстановке. Он находился под неослабным надзором янычар. Высокая Порта отнеслась к посольству с недоверием. И все же П.А. Толстому — одному из самых умных и образованных людей Петровской эпохи, опытному и тонкому дипломату — удалось постепенно наладить довольно тесные контакты с султанским двором и ведомствами Высокой Порты. Посол и его помощники тщательно изучили положение в стране, собрали множество ценных сведений о внутренней политике в империи и о ее внешнеполитических и внешнеторговых связях. П.А. Толстой составил весьма подробное описание Османской империи, представляющее и в наши дни ценнейший источник для изучения ее состояния в конце XVII — начале XVIII в.

И все же мирный период в русско-турецких отношениях оказался не очень длительным. Опасаясь усиления своего могучего северного соседа, Порта, как правило, становилась на сторону врагов Российского государства. Кроме того, ее пугала реальная перспектива поддержки Россией зарождавшегося стремления славянских народов Османской империи к свободе, ибо она видела в России покровителя христианских подданных султана. Поэтому, несмотря на все дипломатическое искусство П.А. Толстого, на готовность проявлять максимальную уступчивость (в частности, в вопросах о ликвидации русского флота в Азове или уничтожении русской крепости в Каменном Затоне, разграничении приднепровских областей и земель у Азова со стороны Кубани), правительство Османской империи продолжало совершать явно недружелюбные по отношению к России действия. Когда в знаменитом Полтавском сражении (27 июня 1709 г.) шведский король Карл XII потерпел полное поражение, султан Ахмед III предоставил ему убежище. Свое пребывание во владениях султана Карл XII использовал для нагнетания напряженности в русско-турецких отношениях. Его интриги в немалой степени побудили султана занять враждебную позицию по отношению к России, что привело в конечном счете к войне.

В середине октября 1710 г. Петр I, серьезно озабоченный ухудшением русско-турецких отношений, обратился к Ахмеду III с посланием, в котором указал, что причину этого ухудшения видит в «содержании неприятеля нашего короля шведского в державе вашей при, границах». Петр I призвал султана срочно выслать Карла XII за пределы Османской империи, а также обратил его внимание на

то, что, если это не будет сделано, России придется принять необходимые меры для защиты своих южных границ. Султан не дал ответа на послание Петра I. 9 ноября П.А. Толстой направил свое последнее донесение в Москву, сообщая о явных приготовлениях турок к войне.

В эти дни в Стамбуле начали циркулировать распространявшиеся шведскими дипломатами слухи о скором нападении России на Османскую империю. Шведы подстрекали Порту к военному конфликту с Россией, суля поддержку Швеции и Польши. Их поддерживали английские, французские и австрийские дипломаты в Стамбуле. Наконец, к войне с Россией султана энергично подталкивал крымский хан Девлет-Гирей, прибывший в Стамбул в конце сентября 1710 г. Свой визит в османскую столицу он использовал для того, чтобы убедить султана в том, будто Россия готовится к войне с Османской империей. Как отмечал в своих записках о русско-турецких отношениях один из служащих янычарского корпуса, Хасан Кюрдю, крымский хан уверял Ахмеда III, что Петр I стремится к захвату Стамбула и готов вот-вот напасть на турецкие владения. 9 ноября 1710 г. султан объявил России войну. Русский посол П.А. Толстой был заключен в один из казематов Семибашенного замка.

Когда 20 декабря 1710 г. известие о войне пришло в Петербург, Петр I срочно начал переброску армейских соединений на юг, отозвав их с театра Северной войны. Вместе с тем Петр сделал попытку предотвратить военное столкновение, направив Ахмеду III послание, в котором вновь предлагал мир при условии высылки шведского короля из владений султана. Ответа на это послание дано не было. В конце декабря войско крымского хана вторглось на Украину. Татары разорили значительные области, но, достигнув Харькова, отошли обратно в Крым. Эти события показали безнадежность поисков мирного решения конфликта. 22 февраля 1711 г. Россия объявила войну Османской империи.

Россия рассчитывала на помощь балканских народов, а потому, хотя военные приготовления были произведены по всей русско-турецкой границе — от Кубани до Молдовы, — главная задача была возложена на армию фельдмаршала Шереметева, переброшенную к границе Молдовы из Прибалтики. 30 мая конница Шереметева пересекла границу. Господарь Молдовы Кантемир перешел на сторону России. Но приказ Петра поспеть к Дунаю раньше турок Шереметев не выполнил, что в немалой мере предопределило стратегические преимущества османской армии, переправившейся в начале июня

через Дунай и встретившей русские войска на правом берегу Прута в местности между урочищем Станилешти и Фальчи. В это время к армии Шереметева присоединились гвардейские и пехотные полки во главе с царем. 8 июля началась артиллерийская перестрелка.

Силы сторон были неравными. У Петра I было 38-тысячное пехотное и конное войско, тогда как в армии султана насчитывалось 100—120 тыс. человек. Турки получили еще и подкрепление в виде 40-тысячного конного войска крымского хана. В результате положение русской армии оказалось необычайно опасным. Перед лицом столь значительно превосходивших турецких сил господари Молдовы и Валахии не решились оказать поддержку войску Петра I, так что русские солдаты остались без продовольствия. Армия к тому же лишилась корма для лошадей, ибо трава в этих местах была либо уничтожена саранчой, либо заблаговременно сожжена неприятелем. Военный совет русской армии 8 июля решил, оценив сложившуюся ситуацию, отступить вдоль долины Прута. Но турки навязали бой отходившим русским войскам. 9 июля началось большое сражение. Вечером русская армия была окружена. Янычарские части несколько раз штурмовали позиции русской армии, успевшей к моменту начала битвы частично защитить окопами или рогатками свой лагерь в долине Прута. В описании самого Петра I эти атаки выглядели так: «Вышеописанная пехота турецкая, хотя и нестройная, однако ж зело жестоко билась. И ежели б по своему людству фронтом везде атаквала, то б небезопасно было, ибо перед нашим войском, токмо все в 31 544 пехоты и 6692 человека безконных стояла, множественным числом людей превосходила. Но понеже в одном только месте то чинили, то с нашей стороны свежими людьми тут же его подкрепляли». К ночи атаки янычар прекратились. Но артиллерийская перестрелка не прекращалась всю ночь.

Военачальники Петра I на ночном совете предложили царю самим атаковать противника ночью, сбить его с позиций и в случае успеха операции на рассвете начать общее наступление. Но Петр отклонил это предложение как явно нереальное: солдаты и лошади не отдыхали уже трое суток, провианта и боеприпасов было крайне недостаточно. Атаковать в таких условиях было просто бессмысленно. Между тем турецкое командование, убедившись в бесплодности атак янычар, решило добиться перевеса в сражении непрерывным обстрелом русских позиций. Огонь турецких пушек, которые вели стрельбу с довольно близкого расстояния, нанес большой урон русским войскам. 10 июля военный совет русской армии решил предло-

жить туркам перемирие, а в случае отклонения этого предложения всей армией атаковать неприятеля. Турецкое командование, плохо представляя себе реальное соотношение сил, приняло предложение о перемирии.

12 июля 1711 г. был подписан русско-турецкий мирный трактат. Карл XII, прибывший в ставку великого везира, который командовал войсками султана, попытался помешать мирным переговорам. Но эта попытка успеха не имела, великий везир Балтаджи Мехмед-паша подписал мирный договор. Условия договора были тяжелыми для России. Она согласилась возвратить султану Азов, срыть новые крепости (Таганрог, Каменный Затон и ряд других), не вмешиваться в польские дела, пропустить Карла XII в его владения, не покровительствовать донским казакам и запорожцам и не иметь своего посла в столице султана. Наконец, договор лишал Россию важного для нее права черноморской торговли, русские купцы должны были ограничиваться сухопутными торговыми операциями. Но главное состояло в том, что удалось спасти русскую армию, окруженную у Прута. Да и условия договора долгое время не выполнялись. Султан тянул с отправкой шведского короля на родину, а Петр I, воспользовавшись этим, оставил часть своей армии в польских землях, не сдавал туркам Азов и не приказывал срыть указанные выше русские крепости. Окончательно русско-турецкие отношения были нормализованы в 1713 г. подписанием Адрианопольского мирного договора, что позволило России вновь сосредоточить свои усилия на борьбе за побережье Балтийского моря.

Мирный трактат был заключен, несмотря на противодействие французского посла в Стамбуле, всячески старавшегося подтолкнуть султана и Порту к возобновлению войны с Россией. К этому же султана подстрекали и дипломатические представители Австрии и Венеции. В какой-то момент в окружении султана верх взяли сторонники антирусской политики. В декабре 1712 г. был даже обнародован указ султана об объявлении войны России. Однако военные действия начаты не были, а к весне 1713 г. турецкие власти вновь начали переговоры о мире. Русский посол П. А. Толстой в конце марта был освобожден из заточения, в котором он находился с начала ноября 1712 г., и перевезен в Эдирне (Адрианополь). В мае там начались русско-турецкие переговоры о подписании мирного трактата.

Адрианопольский мирный договор был подписан 24 июля 1713 г. Срок его действия был определен в 25 лет. Он повторял в основном положения мирного договора 1711 г. Договор предусматривал вывод

русских войск из Польши, высылку Карла XII из Османской империи, отказ России от покровительства донским казакам и запорожцам, передачу туркам Азова, запрещение обеим сторонам строить новые крепости на месте разрушенных Каменного Затона и крепости в устье реки Самары. Ряд пунктов договора касался разграничения пограничных земель. Условия Адрианопольского мирного договора подтвердил «на вечные времена» русско-турецкий договор, заключенный 5(16) ноября 1720 г. (Константинопольский «вечный мир»). Однако не прошло и трех лет, как Россия и Османская империя вновь оказались на грани вооруженного конфликта. Поводом стали вторжение турецких войск в Грузию, захват ими Тбилиси и подготовка дальнейшей турецкой экспансии в Закавказье. Это произошло в 1723 г., вскоре после окончания персидского похода Петра I, в результате которого Россия установила свою власть в Дагестане и Северном Азербайджане. Таким образом, экспансия турок в Закавказье привела к столкновению интересов Османской империи и России. В 1724 г. 30-тысячное войско султана буквально опустошило земли Ереванского ханства. В июне турки ворвались в Ереван, который около двух месяцев стойко защищали вооруженные жители города и крестьяне окрестных деревень. Учинив в Ереване кровавую резню, султанские войска вторглись в Грузию. Повсеместно армяне и грузины оказывали упорное сопротивление захватчикам, но силы были неравными. Именно в эту трудную для народов Закавказья пору они обратили свои взоры к России, надеясь на ее помощь и защиту. Однако Петр I, лишь недавно завершивший длительную Северную войну, не мог позволить себе втянуть страну в войну с турками в Закавказье. В свою очередь, Порты, натолкнувшись на упорное сопротивление народов Закавказья и испытывавшая очередные внутренние неурядицы и экономические трудности, готова была к компромиссу. Таким компромиссом стал русско-турецкий договор от 12 (23) июня 1724 г., который привел к разделу между Россией и Османской империей бывших владений иранских шахов на Кавказе. Города и провинции на западном и южном побережьях Каспийского моря отошли к России, восточные же области Грузии, значительная часть армянских и азербайджанских земель остались под властью османских султанов.

Последующее десятилетие до середины 30-х годов XVIII в. было сравнительно мирной полосой в русско-турецких отношениях. Тем не менее и в этот период отношения между Россией и Османской империей отнюдь не были дружественными. Постоянным источни-

ком напряженности были опустошительные набеги отрядов крымского хана на южнорусские земли. В Петербурге между тем росло стремление не только положить конец разбоям султанского вассала, но и добиться изменения ряда крайне невыгодных России положений русско-турецких договоров 1720 и 1724 гг. К новому столкновению подталкивала Стамбул и Петербург и французская дипломатия. Перед лицом возможного военного конфликта с султаном правительство Анны Иоанновны пошло на улучшение отношений с иранским шахом, заключив с ним в 1735 г. союзный договор и вернув Ирану все прикаспийские земли, в том числе Дербент и Баку. Реакцией султана и Порты на этот договор стал поход войска крымского хана в Закавказье через русские земли, которые орда Девлет-Гирея безжалостно разорила. Действия хана были прямым нарушением русско-турецкого договора 1724 г.

Поход Девлет-Гирея фактически стал началом новой Русско-турецкой войны. Осенью 1735 г. 40-тысячная русская армия была направлена в Крым, но из-за нехватки провианта и бездорожья этот поход не принес успеха. В апреле 1736 г. Россия официально объявила войну Османской империи. В Крым была отправлена новая военная экспедиция. Русские войска захватили Бахчисарай, но затем оставили Крым. В том же году русские войска заняли Азов.

Летом 1737 г. положение Османской империи осложнилось вступлением в войну Австрии на стороне России. Русские войска захватили Очаков, провели ряд удачных военных операций в Крыму. Османская империя запросила мира. Начались переговоры, но позиции сторон согласовать не удалось, и военные действия были продолжены. В 1739 г. туркам удалось освободить территории, занятые австрийцами на Балканах, а также принудить русские войска покинуть Очаков. Правда, Россия взяла реванш в Молдове, захватив Яссы. Вскоре, однако, Австрия вышла из войны. 1 сентября 1739 г. в Белграде был подписан сепаратный австрийско-турецкий мирный договор. России тоже пришлось пойти на мирные переговоры, которые завершились подписанием в Белграде 18 сентября того же года русско-турецкого мирного договора. Россия получила Азов, но с условием ликвидировать его оборонительные укрепления. По договору 1739 г. Россия могла иметь своего постоянного представителя в столице Османской империи. Вместе с тем договор обязал русских купцов вести черноморскую торговлю, используя для этого только турецкие суда. Наконец, турецкая дипломатия добилась от России такой важной уступки, как признание независимости Большой

и Малой Кабарды, которые до заключения договора 1739 г. находились под покровительством российского императорского дома.

В 1740—1741 гг. Россия и Османская империя обменялись чрезвычайными посольствами. Российским послом в Стамбуле был назначен генерал-аншеф А.И. Румянцев — видный дипломат и военный деятель петровского времени. Он уже бывал в Османской империи в качестве участника переговоров 1711—1712 гг. и чрезвычайного посла при ратификации русско-турецкого договора 1724 г. Посольству А.И. Румянцева впервые султаном был предоставлен статус «великого европейского посольства».

20 мая посольство двинулось в далекий путь через Москву и Киев. В октябре на границе между Россией и Османской империей оно встретилось с чрезвычайным турецким посольством, следовавшим в Петербург. В конце 1740 г. русское посольство прибыло в селение Ешилькей (Сан-Стефано), находившееся недалеко от султанской столицы. Но только 26 марта состоялся его торжественный въезд в Стамбул. Причин такой задержки было несколько. Возник длительный спор с турками относительно средств, выделяемых на содержание посольства. Порты намеревалась предоставить сумму, которая была меньше той, что получило австрийское посольство. А. И. Румянцев настаивал на том, чтобы ему было выделено столько же, сколько положили австрийцам. Кроме того, он требовал, чтобы при въезде посольства в столицу во главе торжественной процессии шел чауш-баши — заместитель великого везира. Между тем, принимая австрийского посла, Порты определила чауш-баши место в стороне от него, а затем и сзади. Задержку вызвало и появление в Стамбуле случаев заболевания чумой. Зато в день торжественного въезда А.И. Румянцева в столицу султана аккредитованные здесь европейские дипломаты глазам своим не верили, видя чауш-баши в процессии в 20 шагах впереди российского посла. Эта уступка Порты свидетельствовала о ее желании наладить русско-турецкие отношения.

31 марта 1741 г. российский посол был благожелательно принят султаном, а затем начались переговоры. Они завершились подписанием 27 августа 1741 г. конвенции, ставшей завершающим документом русско-турецкого урегулирования, начатого в Белграде в 1739 г. На церемонии присутствовали великий везир и другие высшие сановники, члены посольства. Завершилась церемония обменом подарками и торжественным ужином. Для ее участников состоялось и театральное представление. Через два месяца посольство А. И. Румянцева отбыло на родину.

Турецкое чрезвычайное посольство тоже медленно двигалось к столице Российской империи. Вступив в пределы России в середине октября 1740 г., турецкий посол Мехмед Эмин-паша со свитой в 300 человек явно не спешил, дотошно обсуждая с русскими представителями, сопровождавшими посольство, детали аудиенции у матери юного Ивана VI, Анны Леопольдовны. Зиму посольство провело в Москве. Лишь 10 июля 1741 г. Мехмед Эмин-паша совершил торжественный въезд в Петербург. Вдоль всего пути следования посольства от Александро-Невской лавры до самого дома, отведенного послу, шпалерами стояли три полка гвардии и пять армейских полков. Солдаты приветствовали турецкого посла, отдавая ему «честь ружьем с музыкой и барабанным боем». 12 июля посол вручил свои верительные грамоты Анне Леопольдовне.

Во время русско-турецких переговоров началась новая русско-шведская война. В этой ситуации французский посол в Петербурге маркиз Шетарди пытался настроить

Мехмеда Эмина на затяжку переговоров с Россией, но это ему не удалось. Подписание русско-турецкой конвенции в Стамбуле, а также стремление Порты к миру в условиях осложнившихся отношений Османской империи с Ираном позволили благоприятно завершить пребывание турецкого чрезвычайного посольства в Петербурге. В результате переговоров 1740—1741 гг. Россия добилась, в частности, удовлетворения своего давнего требования о том, чтобы российский государь именовался во всех турецких официальных бумагах императором.

После завершения миссии А.И. Румянцева постоянным российским дипломатическим резидентом при Высокой Порте с 1742 г. стал А.А. Вешняков. В июле 1745 г. он умер от тяжелой болезни и был похоронен в Терапии, предместье Стамбула, где находилась летняя резиденция российских послов. Его сменил А.И. Неплюев, сын известного дипломата И.И. Неплюева, занявшего пост российского резидента в султанской столице еще в 1721 г. Именно тогда впервые побывал в Стамбуле девятилетний Адриан Неплюев, которому суждено было четверть века спустя продолжить в Стамбуле дело отца. А.И. Неплюев занимал пост российского резидента до своей преждевременной кончины в 1750 г.

В период деятельности А.А. Вешнякова и А.И. Неплюева в составе постоянной русской миссии работали знающие свое дело дипломаты и переводчики. Работники миссии тесно общались с представителями различных ведомств Порты, активно противодейство-

вали антирусским интригам Франции и Швеции в Стамбуле. Много внимания уделялось изучению молодыми сотрудниками миссии турецкого разговорного языка. Архивные документы, дошедшие до наших дней, свидетельствуют о том, что российские резиденты и их помощники основательно знали положение дел в Османской империи, хорошо ориентировались в сложной борьбе европейских держав за преобладающее влияние на султана и Порту. В апреле 1747 г., в период резидентства А.И. Неплюева, была подписана русско-турецкая конвенция, подтверждавшая положения соглашения от 27 августа 1741 г. Этот документ, который А.И. Неплюев разрабатывал и согласовывал с Портой с осени 1746 г., сыграл важную роль в сохранении мира между Османской империей и Россией во все более усложнявшейся международной обстановке (русско-шведская война и второй этап войны за австрийское наследство). Деятельность русской дипломатии в середине XVIII в. была в целом направлена на обеспечение мира с Османской империей. В немалой степени именно ее усилиями мирные отношения не нарушались более четверти столетия. Ухудшение русско-турецких отношений наступило в начале 60-х годов XVIII в. Объяснялось это несколькими причинами. Россия продолжала ощущать постоянную угрозу нападения отрядов крымских и ногайских татар, находившихся в зависимости от османского султана. Их разорительные набеги опустошали южные области России. Другой причиной роста напряженности в русско-турецких отношениях была проблема плавания русских судов в Черном море и их выхода через черноморские проливы в Средиземное море. Черноморская проблема особенно обострилась в связи с быстрым экономическим развитием России в первой половине XVIII в. Запрет на плавание русских судов в Черном море, наложенный Прутским договором 1711 г., все больше препятствовал развитию экономики Российского государства. Наконец, ухудшению русско-турецких отношений немало способствовало то обстоятельство, что многие подвластные султану народы Балкан и Кавказа все чаще обращали свои взоры к России, видя в ней своего избавителя от османского владычества. С просьбой о помощи в борьбе за освобождение от власти султана к царскому правительству обращались в ту пору грузины, черногорцы, сербы. Греки в 1765 г. даже заверяли императрицу Екатерину II в том, что в случае русско-турецкого вооруженного конфликта русскую армию поддержит 50-тысячное греческое войско.

Все это постепенно накаляло обстановку. Российское правительство старалось отдалить неизбежное военное столкновение с Османской империей. Талантливый русский дипломат А.М. Обресков, в течение почти 20 лет занимавший пост российского резидента в Стамбуле, немало потрудился для сохранения мира в русско-турецких отношениях, которые с середины 60-х годов настойчиво стремилась свернуть на путь военного конфликта пользовавшаяся значительным влиянием при дворе султана группировка сторонников войны с Россией.

В этой обстановке любой повод мог привести к войне. Таким поводом стал происшедший летом 1768 г. незначительный пограничный инцидент. Один из русских военных отрядов преследовал группу конфедератов — сторонников антирусской партии в Польше. В пылу погони отряд пересек русско-турецкую границу, ибо конфедераты стремились укрыться во владениях султана, и разорил земли во владениях крымского хана. И хотя русские военные власти признали недопустимость нарушения границы и наказали командира отряда, Порта потребовала от А.М. Обрескова, чтобы все русские войска были немедленно выведены из Польши. А.М. Обресков, естественно, заявил, что он не уполномочен принимать подобные решения и должен снести с своим правительством. В ответ на это Порта арестовала резидента и всех 14 сотрудников российской миссии. А.М. Обресков оказался в одном из мрачных казематов Семибашенного замка. В длительном заточении он проявил незаурядное мужество и твердость духа. Весной 1769 г., уже во время начавшейся русско-турецкой войны, он в качестве пленника проделал с турецкой армией путь от Стамбула до Бендер. Затем его посадили в крепость города Димотики, где он полгода находился в крайне тяжелых условиях. Измученный заключением и болезнью, А.М. Обресков был освобожден в мае 1771 г., когда начались русско-турецкие мирные переговоры. Знания и опыт А.М. Обрескова весьма пригодились на переговорах, в которых он участвовал как один из двух российских уполномоченных.

Войну России султан Мустафа III объявил 4 октября 1768 г. Правда, Османская империя к войне явно не была готова, ее армия смогла начать боевые операции лишь весной 1769 г. Но уже в январе этого года по указанию султана глубокие рейды в русские земли начали отряды крымского хана. Крым-Гирей был, правда, в ту пору в немилости у Мустафы III, но, когда военное столкновение с Россией стало неизбежным, султан вернул свое расположение. Умело избегая

боев с регулярными войсками, отряды Крым-Гирея разоряли южнорусские земли, уводили в плен жителей.

В апреле 1769 г. бои между русскими и турецкими войсками начались на Дунайском фронте. В конце сентября русская армия заняла Хотин, а в ноябре овладела молдавской столицей Яссы. В том же месяце русские войска захватили столицу Валахии — Бухарест. На Кавказском фронте русская армия также добилась успеха, завоевав Кабарду.

Военное преимущество России уже на этом этапе войны было очевидным. Хотя султан выставил против России 600-тысячное войско, оно во всем, кроме численности, сильно уступало русской армии. Дисциплина и боеспособность солдат, военное искусство командного состава, вооружение были на чрезвычайно низком уровне. Особенно слаба была турецкая артиллерия, располагавшая в основном орудиями малого калибра. Крайне плохо обстояло дело и со снабжением войсковых частей продовольствием. Уже в первый год войны турецкие солдаты вели полуголодное существование, их кормили таким плохим хлебом, что он вызывал отвращение даже своим внешним видом.

Кампания 1770 г. вновь принесла успех России. В сентябре 1770 г. русская армия взяла Бендеры. На Кавказском фронте русские и грузинские войска овладели важными крепостями в Имеретии — Кутаиси, Багдади и Шоранани. Чрезвычайно успешно действовали в Средиземном море три русские эскадры, направленные туда с Балтики. Весной 1770 г. адмирал Г.А. Спиридов высадил десант в Морее. Объединенные силы русских и греков овладели Миситрией и Наваринской крепостью. Правда, турецким войскам удалось подавить восстание греков в Морее. Но русские флотоводцы нанесли сильнейшие удары турецкому флоту. 24 июня 1770 г. одержали победу в бою в Хиосском проливе, а через два дня настигли турецкую эскадру в бухте Чесма (Чешме) у побережья Малой Азии. Хотя у турок было больше кораблей и они не уступали русским в артиллерии, российские флотоводцы в ночь на 26 июня в Чесменском сражении почти полностью уничтожили флот турок. Один из командующих русскими эскадрами так описывал финал боя: «Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех судах, которые еще не загорелись... Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду». Турки в панике оставили крепость и город Чешме. После этой победы русский флот блокировал Дарданеллы, прервав морские коммуникации противника. Оказавшись вблизи султанской столицы, русский флот

стал и серьезным фактором морального воздействия на турецких военачальников и Порту.

В дальнейшем русские войска одержали новые важные победы. В кампании 1771 г. главным событием стало занятие Крыма. Это был сильнейший удар по Османской империи, дотоле считавшей Черное море своим внутренним морем. Успешно шли дела и на дунайском фронте, где были заняты придунайские крепости Журжа и Исакчи; в этих сражениях турки лишились почти всей своей артиллерии. В мае 1772 г. турецкое командование вынуждено было пойти на перемирие. В свою очередь, Россия перед лицом начавшихся народных волнений, вылившихся в крестьянскую войну под руководством Емельяна Пугачева (1773—1775), была заинтересована, несмотря на свой явный военный перевес, в заключении мира. В конце июля 1772 г. в Фокшанах начались мирные переговоры. Они были продолжены осенью в Бухаресте, длились несколько месяцев, но закончились неудачей.

В апреле 1773 г. военные действия возобновились с новой силой. Весной и летом 1774 г. произошли события, предопределившие исход войны. В начале мая русские войска форсировали Дунай. 2 мая они заняли Пазарджик. Главные силы Дунайской армии под командованием фельдмаршала П.А. Румянцева — сына главы чрезвычайного русского посольства в Стамбуле в 1740—1741 гг. — двинулись к Шумену, где находилась основная часть турецкой армии во главе с великим везиром. Центральным событием этой операции стало сражение при Козлудже 9 июня 1774 г. Русский корпус под командованием А.В. Суворова, имея в своем составе только 8 тыс. солдат, наголову разгромил 40-тысячную армию турок, обратив противника в бегство. Наступление русских войск на Балканах развивалось стремительно. 20 июня Порты предложила перемирие.

В июле 1774 г. в ставке П.А. Румянцева, расположившейся в деревне Кючук-Кайнарджи, начались русско-турецкие переговоры. 10 (21) июля был подписан мирный договор. Он отразил явное экономическое и военное превосходство Российского государства над Османской империей, зафиксировал принципиальные перемены не только в русско-турецких отношениях, но и в международном положении Османской державы.

Договор практически ликвидировал угрозу России, исходившую постоянно из Крыма. Крымское ханство было объявлено независимым, Россия признала лишь духовную власть султана над крымскими татарами в качестве халифа всех мусульман. К России ото-

шла часть Черноморского побережья с крепостями Керчь, Еникале и Кинбурн.

Молдова и Валахия получили автономию, причем договор запрещал туркам селиться на молдавских и валахских землях. Кючук-Кайнарджийский мир зафиксировал чрезвычайно важную для России победу — право свободного мореплавания для русских торговых судов во всех морях, омывающих берега Османской империи. Решение черноморской проблемы, давшее также русским торговым судам выход через проливы в Средиземное море, было важным событием для Российского государства. Оно сыграло большую роль и в дальнейшем развитии международных отношений.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор предоставил России те же права, которые ранее по капитуляциям получили Англия и Франция. Россия могла впредь иметь своих консулов в любых городах во владениях султана. Договор определил также выплату Османской империей значительной денежной контрибуции. Важным в плане исторической перспективы судеб ряда славянских народов был тот пункт договора, который признал за Россией право защищать интересы христианского населения в Османской империи. Наконец, существенное значение для всех христианских подданных султана имели включенные в мирный договор положения об амнистии борцам за освобождение от турецкого ига, о праве переселения в другие страны, гарантии свободы богослужения.

Кючук-Кайнарджийский договор свидетельствовал не только об усилении России. Он продемонстрировал перед всем миром резко возросшую слабость некогда могущественной Османской империи, выявил ее экономическое и военно-техническое отставание от европейских стран. Тем не менее, в окружении султана и в Высокой Порте нашлась влиятельная группа сановников, которая вопреки очевидной слабости своей страны попыталась ревизовать положения мирного договора 1774 г., в первую очередь добиваясь восстановления власти султана над Крымом. Под влиянием этих сил в 1775 г. ставленник султана Девлет-Гирей при военной помощи турок завладел ханским престолом. Османская империя перестала выплачивать контрибуцию. Из Стамбула стали раздаваться голоса, требующие возвращения Кинбурна.

19 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест о присоединении Крыма, Таманского полуострова и земель до реки Кубань к Российскому государству. Правительство Российской империи исходило при этом из фактов непрерывного нарушения турецкой сто-

роной положений Кючук-Кайнарджийского мира о статусе Крыма. Султан был вынужден дать официальное согласие на присоединение всех этих земель к России, но воинственность антирусской партии в Стамбуле после этого более усилилась. Опираясь на мусульманское духовенство, эта партия разжигала фанатизм мусульманского населения Османской империи, призывала к войне с «неверными», овладевшими землями ислама. Ряд европейских держав, в частности Англия, Пруссия, Голландия и Швеция, со своей стороны, подталкивали султана и Порту к войне.

24 августа 1787 г. Османская империя объявила России войну. Русский посол и его сотрудники вновь оказались в Семибашенном замке. В сентябре 1787 г. турки атаковали Кинбурн, но были разбиты русскими войсками под командованием А.В. Суворова. В 1788 г. русские войска одержали ряд значительных побед, захватив Хотин и Очаков. Черноморский флот в сражениях у Очакова и у Синопа в 1788 г. продемонстрировал свои высокие боевые качества, разгромив турецкие эскадры. Правда, в 1788 г. туркам удалось нанести поражение Австрии, выступившей на стороне России, но это не изменило общего хода войны.

Победы Суворова в битвах при Фокшанах и при Рымнике закрепили военный успех России. В сражении при Рымнике 22 сентября 1789 г. А. В. Суворов разгромил 100-тысячную армию турок, которая потеряла 20 тыс. убитыми и ранеными. Осенью 1789 г. русские войска захватили Аккерман и Бендеры. Почти одновременно австрийцам удалось овладеть Белградом и рядом других крепостей. Однако события в Европе, связанные с французской буржуазной революцией 1789 г., привели к выходу Австрии из войны. Русские войска же продолжали громить турок.

22 декабря 1790 г. крепость Измаил, укрепленная под руководством французских и прусских фортификаторов и имевшая 35-тысячный гарнизон, была штурмом взята войсками под командованием А. В. Суворова. В 1791 г. русская армия и флот одержали ряд новых побед. Вооруженные силы султана были на грани полного истощения. Порте вновь пришлось просить мира. 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) в Яссах был подписан мирный договор. Он подтверждал положения Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России и все прочие русско-турецкие соглашения, за исключением тех их статей, которые изменялись договором. К России отошли земли между Бугом и Днестром, отныне русско-турецкая граница стала проходить по Днестру.

Бессарабию и Молдову Россия вернула под власть султана. Османская империя обязалась впредь не претендовать на Грузию. Таким образом, Ясский договор не только закрепил все, что было достигнуто Россией в войне 1768—1774 гг., но и принес ей новые территориальные выгоды и политические преимущества.

Итоги русско-турецких войн конца XVIII в. знаменовали важные перемены в русско-турецких отношениях, а также в положении, которое Россия занимала в Европе. В то же время они столь четко выявили экономическую и военную слабость Османской империи, что для самых твердолобых консерваторов в султанском окружении и в Порте стала очевидной необходимость серьезных реформ в государственном и военном механизме страны.

Часть III

ПОИСКИ СПАСЕНИЯ И КРАХ ИМПЕРИИ

Глава 9

РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

На рубеже XVIII—XIX вв. Османская империя находилась в состоянии глубочайшего социально-экономического и политического кризиса. Страна нуждалась в переменах, и реформатором суждено было стать Селиму III, занявшему султанский трон сравнительно молодым человеком (ему было 28 лет) в 1789 г. Год его восшествия на престол весьма символично совпал с годом Великой французской революции, оказавшей столь сильное воздействие на судьбы мира.

Значительное влияние на реформаторские планы Селима III имел отчет чрезвычайного турецкого посольства, направленного в 1791 г. в Вену. Его глава Ратиб-эфенди, пробывший в Вене более семи месяцев, помимо дипломатического задания имел специальное поручение султана детально ознакомиться со всеми сторонами государственной жизни Австрийской империи и с постановкой военного дела в этой стране и в ряде других европейских держав. Обширный доклад Ратиб-эфенди об итогах его миссии содержал массу сведений об армиях Австрии, Франции, России и Пруссии, о государственном устройстве Австрии, системе налогообложения, банковском деле, таможенной системе этой страны. Ратиб-эфенди отмечал, что многие беды Османской империи проистекают от превосходства европейских держав в военной области, а также в сфере экономики и внутренней политики.

В центр своей деятельности Селим III поставил военные реформы. Они, как, впрочем, и вся серия осуществленных Селимом III реформ, получили название «низам-и джедид» («новый порядок»). Прежде всего султан и его непосредственное окружение сделали попытку укрепить традиционные рода войск османской армии — феодальное конное ополчение (сипахи), формировавшееся ленниками, и

постоянное янычарское пехотное войско. В конце 1792 г. Селим III издал указ, который требовал строжайшего соблюдения всех правил, касающихся участия ленников в войнах государства. В нем в самых решительных выражениях напоминалось о военных обязанностях тимариотов и займов. Указом вводилась смертная казнь для тех, кто нарушал порядок распределения ленов и обязанности ленников.

Селим III не ограничился изданием указа. Он повелел подвергать конфискации с целью пополнения государственной казны свободные лены и лены тех, кто нарушал положения указа. Кроме того, он разрешил превращать лены в маликяне после уплаты казне соответствующей суммы. В результате немалое число тимариотов, став фактическими хозяевами своих земель, полностью избавились от военной повинности, а самое главное — усилили ту социальную прослойку, которая была заинтересована в полной ликвидации тимарной системы.

Корпус янычар ко времени царствования Селима III стал явным источником военной слабости империи, опорой феодальной и клерикальной реакции, постоянным участником дворцовых переворотов. По словам одного из прогрессивно настроенных сановников Селима III, Челеби Мустафы-эфенди, в среде янычар было немало людей, которые и ружья-то в руках не держали, а заряжая его, порох клали поверх пули. О боевых качествах янычар он язвительно писал, что в битве они просто недисциплинированная толпа. Мустафа-эфенди называл янычар паникерами в бою, храбрыми лишь в грабежах. Попытки предшественников Селима III реорганизовать корпус янычар и укрепить его военную мощь не приносили никаких результатов. В окружении Селима III нашлись люди, которые рекомендовали ему осуществить военную реформу, вновь сделав ставку на организационное укрепление и повышение боеспособности янычарского корпуса. Но Селим III поддержал другую группу приближенных, которая считала необходимым создать совершенно новую, по-европейски организованную армию. Авторы этой идеи предложили султану пригласить для организации нового войска 50—100 европейских офицеров и направить группу молодых турок в европейские армии для получения военных знаний и нужных навыков.

С первых же шагов своей реформаторской деятельности Селим III опирался на научно-техническую помощь Франции. В октябре 1792 г. республиканское правительство направило в Стамбул по просьбе Порты инженера и группу ремесленников. В 1796 г. французский посол доставил в султанскую столицу около 100 мастеров-

ремесленников, а также отряд канониров. Все это было использовано султаном и его единомышленниками при подготовке к осуществлению военной реформы. Сказанное не означает, что турецкий султан положительно воспринял революцию во Франции. Напротив, он отнесся к ней крайне недружелюбно, а весть о казни Людовика XVI, с которым находился в личной переписке, встретил с ужасом. Селим III и Порта далеко не сразу решились принимать в Стамбуле послов новой Франции.

В первой половине 1793 г. Селим III издал указ о создании пехотного корпуса, организованного и обученного по европейскому образцу. Были также изданы указы об учреждении специальной военной кассы, через которую должны были идти средства на финансирование вновь создаваемой военной организации, об упорядочении и улучшении организации в частях канониров, минеров и оружейников.

Поскольку было очевидно, что сразу невозможно заменить всю старую военную организацию, реформаторы уделили значительное внимание традиционным военным формированиям. Был издан указ о необходимости повышения дисциплины в рядах феодального ополчения. Вновь были приняты меры по повышению боеспособности янычарского корпуса: например, несколько раз в неделю стали проводиться занятия по различным видам военного дела. Наводить порядок в янычарском корпусе было очень трудно. Так, когда уполномоченные султана попытались проверить, кто из янычар действительно проходит службу в рядах корпуса, они были просто убиты. Янычарская вольница все еще рассчитывала сохранить свое особое положение в армии и государстве.

Главным итогом военной реформы явилось, бесспорно, создание нового войска. Его численность была определена в 12 тыс. человек. При этом предполагалось 1600 человек разместить в столице империи, а остальные части — в ряде городов европейской и азиатской Турции, исходя из того, что их численность будет колебаться в пределах от 800 до 1500 человек. Было намечено начать дело с подготовки и обучения стамбульского контингента.

Учитывая сложившиеся традиции и не желая обострять отношения с янычарским корпусом, реформаторы предпочли внешне не выделять создаваемое войско. Его официально включили в состав корпуса бостанджи (дворцовой стражи). На деле же входящие в него части были совершенно самостоятельными военными единицами. Солдат «корпуса дворцовых стрелков» — так их официально

именовали — расположили в Левенд-Чифтликке, бывшем владении капудан-паши Хасана (прежде там размещались левенды — морские пехотинцы). По повелению Селима III для них были построены отличные казармы. В Левенд-Чифтликке же началась их воинская подготовка. Султан и его ближайшие помощники придавали ей особое значение, подчеркивая это неоднократными посещениями войсковых учений. В самом Левенд-Чифтликке и на азиатском берегу, в Ускюдаре, были созданы военные городки, строительство которых стоило немалых денег. В новом войске ввели свою форму и знаки различия. Войско делилось на батальоны, батальоны — на роты. Обучением солдат ведали либо принявшие ислам офицеры-европейцы, либо турки, получившие военную подготовку в Европе (таких было значительно меньше).

Новый корпус создавался, несмотря на все усилия реформаторов, медленно. Лишь к 1804 г. его численность достигла 12 тыс. человек. Все эти годы Селим III не оставлял надежды улучшить состояние старой армии, пытался внедрить европейские методы военной подготовки в частях сипахи, однако ощутимого успеха не добился. Султану и его приближенным все время приходилось с огромным трудом преодолевать традиционную предубежденность против всего европейского. Даже заимствование европейского вооружения для нужд нового войска реформаторы вынуждены были подкреплять цитатой из Корана: «Одерживайте победы над неверными тем же оружием, при помощи которого они побеждают вас».

Европейские методы воинского обучения, новое вооружение и строгая дисциплина дали некоторые результаты. Уже во время осады Акки Бонапартом (1799) и в период египетской кампании новые военные формирования показали неплохие боевые качества. Подразделения участвовали также в карательной экспедиции в Румелии в 1804 г., когда правительство умирало отряды кырджалиев.

Селим III добился усиления боеспособности турецкой артиллерии. Артиллерийские части получили орудия нового образца, в арсенал Топхане были приглашены европейские инженеры, мастера и инструкторы, по большей части французы. Новый артиллерийский корпус насчитывал 800 человек.

Султану-реформатору и его помощникам удалось за сравнительно короткий срок создать значительный по силам флот. К концу царствования Селима III он насчитывал более 100 кораблей, в том числе более 40 линейных кораблей и фрегатов. Среди капитанов к

этому времени было немало людей, имевших нужное специальное образование. Флот Селима III считался одним из лучших в Европе.

Военные реформы Селима III повлекли за собой более широкие контакты с европейской наукой и культурой, привели к дальнейшему развитию светского образования в Османской империи. Было расширено морское инженерное училище, а в 1793 г. открыто аналогичное учебное заведение для подготовки армейских фортификаторов и артиллеристов. Здесь прошли военную и общеобразовательную подготовку сотни юношей. Им преподавали педагоги-французы или турки, получившие европейское образование.

Военные реформы постепенно сказывались на состоянии экономики и культуры. В связи с возрождением флота возобновились или расширились разработки на многих медных рудниках и в угольных копях. Для нужд пороховых заводов была увеличена добыча селитры. Власти построили ряд новых мануфактур и новый оружейный завод. На турецкий язык был переведен ряд европейских, главным образом французских, трудов по военному делу и математике. В 1792 г. возобновила свою деятельность бездействовавшая десятилетия первая турецкая типография, а в 1795 г. была открыта и новая — при армейском инженерном училище.

Основной целью Селима III и его ближайшего окружения было, конечно, восстановление былой военной мощи империи. Но в процессе военных реформ постепенно появлялось сознание острой необходимости развивать экономику и торговлю, упорядочить систему налогообложения, укрепить центральную власть. С этим были связаны стремление султана к экономии средств, робкие и малоэффективные попытки поощрить развитие текстильной промышленности. Султан принял меры для улучшения продовольственного обеспечения столицы, распорядился создать специальное правительственное ведомство, занимавшееся снабжением хлебом. Политика султана-реформатора не смогла сколько-нибудь существенно повлиять на состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли. Но она свидетельствовала о том, что в правящих кругах страны постепенно зрело понимание важности экономических реформ.

Реформы стоили немалых денег, а средств не хватало. Их начали искать путем введения новых налогов. Была создана специальная «казна новых доходов», из средств которой финансировались все военные реформы. Новые налоги были введены на такие важные продукты сельского хозяйства, как шелк, хлопок и табак. Бремя налогов увеличивалось бесконечными злоупотреблениями сбор-

щиков налогов. В результате новые налоги настроили крестьянство и массы горожан против реформ и их инициаторов. Недовольство масс разжигалось фанатичным духовенством и феодалами-сепаратистами в провинциях. Последние были особенно раздражены тем, что султан-реформатор стремился укрепить авторитет центральной власти, сделать ее контроль над провинциями реальным. Султан издал специальный указ, определявший порядок управления в провинциях, назначения губернаторов и их служебные функции. Этот закон подчеркивал подотчетность всего провинциального административного аппарата султану и центральным властям.

В самый разгар проведения военных реформ Румелия стала ареной бесчинств кырджалиев. Их поддерживали и заодно с ними действовали некоторые феодалы-сепаратисты, в частности видинский аян Осман Пазванд-оглу.

Султану пришлось приложить немало усилий для подавления сепаратистов. Много хлопот приносили султану и анатолийские аяны, также выступавшие против реформ.

В ряду событий, усложнивших деятельность реформаторов и общее положение империи, была франко-турецкая война 1798—1802 гг. В числе важнейших операций французов была военная экспедиция в Египет под командованием Наполеона Бонапарта. В июле 1798 г. пал Каир. Однако султан решился вступить в войну против Франции лишь тогда, когда Высокая Порта добилась поддержки России. В сентябре 1798 г. русская эскадра стала на якорь в водах Босфора. Объединенными силами русского и турецкого флотов от французов были освобождены Ионические острова. В январе 1799 г. Турция заключила союзные договоры с Россией и Англией.

Тем временем положение французов в Египте, где они столкнулись с сильным сопротивлением арабов, серьезно ухудшилось. Не в их пользу изменилась и ситуация в Средиземном море, где господствовали русский и английский флоты. В Сирии войска Бонапарта потерпели неудачу, а вскоре, несмотря на отдельные успехи (победа над турками при Абукире), положение французской армии в Египте стало критическим. Большая турецкая армия двинулась через Сирию в Египет, и вскоре турецкие войска встали лагерем вблизи Каира. В марте 1801 г. сменивший Бонапарта Клебер напал на турецкую армию и разгромил ее. Правда, в Каире тут же вспыхнуло восстание против французских оккупантов. Хотя оно было подавлено, положение экспедиционного корпуса стало безнадежным. В июне 1801 г.

французы в Каире сдались на милость окруживших город английских и турецких войск.

В 1802 г. Османская империя заключила мирный договор с Францией, по которому вернула себе все потерянные ею в ходе войны в Египте земли. Французским подданным были возвращены льготы и привилегии, в частности в торговле, которыми они обладали раньше. Франция была признана наиболее благоприятствуемой нацией. Она приобрела те торговые и таможенные льготы, которых были лишены даже союзники Турции по закончившейся войне — Англия и Россия.

Реформаторам в Османском государстве серьезно мешали не только внешнеполитические осложнения. В начале XIX в. резко пошло на подъем национально-освободительное движение в балканских провинциях империи. Усилилась партизанская борьба против турецкого владычества в Греции, где карательные меры султанского правительства не приносили ощутимых результатов. Начались вооруженные антитурецкие выступления в Болгарии и Черногории. Освободительное движение черногорцев было столь сильным, а их противостояние турецким войскам столь успешным, что Селим III вынужден был признать Черногорию независимой.

В 1804 г. антитурецкое восстание вспыхнуло в Сербии. Грубый произвол турецкой администрации, в особенности бесчинства янычар, стали в Сербии настолько ненавистны, что восстание быстро распространилось по всей стране. Возглавил его вожак гайдуков Карагеоргий. Повстанцам удалось захватить в свои руки ряд городов. В 1805—1806 гг. султанские войска не раз терпели поражения от повстанцев. В конце декабря 1806 г. отряды Карагеоргия заняли Белград. А вскоре началась русско-турецкая война (1806—1812), позволившая сербам получить поддержку России.

Антитурецкие выступления происходили не только в балканских провинциях империи. В 1805 г. против османского наместника выступили жители Каира, антитурецким движением были охвачены некоторые районы Центральной Аравии.

В таких условиях Селим III и его сподвижники еще раз попытались увеличить численность и повысить боеспособность новых воинских формирований. В своих планах султан опять опирался на Францию, дружественные отношения с которой были восстановлены после неудачи египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. В 1806—1807 гг. французский посол в Стамбуле генерал Гораций Себастиани был едва ли не главным советником Селима III в вопросах

реформ. Французский офицер Жюшери де Сен-Дени стал главным инспектором саперных войск в турецкой армии. В разных правительственных ведомствах работали французские военные эксперты, инструкторы, инженеры и мастера.

В 1805 г. султан пошел на неожиданную меру — распорядился начать принудительный набор солдат для новых войсковых контингентов, что сразу же вызвало резкий отпор населения. Высокой Порте пришлось отказаться от этого новшества.

Весной 1806 г. султанское правительство начало перебрасывать в Румелию подразделения новых регулярных войск, а в июле того же года туда прибыл большой их контингент под командованием Кади-паши. Общая численность армии Кади-паши, в которую влились формирования, ранее отправленные в Румелию, составляла около 30 тыс. человек. Когда эта армия приблизилась к Эдирне, местные янычары подняли мятеж против султана и Порты, преградив новым войскам путь к городу и потребовав сместить чиновников — сторонников реформ. Мятежники даже установили артиллерийские батареи на дороге, ведущей к Эдирне. Известие о янычарском бунте и о его поддержке в других районах Румелии вызвало панику в Стамбуле. Султан пошел на уступки реакционерам, отозвав в столицу из Румелии контингент новых войск. Слабость правительства использовали противники реформ. Улемы стали открыто проповедовать, что реформы противоречат установлениям Корана и шариата.

Позиции султана и его сторонников резко ослабила начавшаяся осенью 1806 г. Русско-турецкая война. Армию по традиции возглавил великий везир — сторонник реформ Хильми Ибрагим-паша. Обязанности великого везира были возложены на Кесе Муса-пашу, который был тайным врагом султана и противником реформ. Вместе с группой других реакционно настроенных сановников он организовал заговор против Селима III. Опираясь на поддержку ямаков — солдат вспомогательных войск, заговорщики 25 мая 1807 г. выступили против султана. Нерешительность Селима III лишь подогрела пыл мятежников. 29 мая Селиму пришлось отречься от престола, на трон был возведен султан Мустафа IV, устраивавший реакционеров как безвольностью, так и консервативностью. Начались казни министров и приближенных низложенного султана, отличившихся в проведении реформ. Янычары разыскивали скрывшегося активного сторонника реформ, главу нового финансового ведомства, созданного Селимом III, Хаджи Ибрагим-эфенди. Ему отрубили голову на стамбульской площади Баязид. Был схвачен и личный секретарь бывше-

го султана Ахмед Фаиз-эфенди. Он также был убит. На Этмейдан (Мясную площадь) янычары одну за другой доставляли отрубленные головы реформаторов из числа сподвижников Селима III.

Многие внутренние и внешние причины предопределили неудачу реформаторской деятельности Селима III. В числе наиболее значительных причин были крайне узкая социальная база реформаторов, сила и сплоченность реакции, безраздельное господство идеологии феодального клерикализма, слабость центральной власти в условиях феодального сепаратизма, рост антитурецких национально-освободительных движений и сложная международная обстановка.

После драматических событий 29—30 мая ямаки стали подлинными хозяевами столицы. Они и янычары контролировали все действия султана и Порты. Ситуацию хорошо иллюстрирует такой случай. Когда Мустафа IV сместил шейх-уль-ислама Атаулла-эфенди, фактического патрона янычарской вольницы, янычары взбунтовались и в течение 36 часов принудили султана восстановить его в должности. После этого с султаном просто перестали считаться. Янычары вели себя в столице, по образному выражению турецкого историка, писавшего о янычарском корпусе в 20-х годах XIX в., «как горячие скакуны, носившиеся на воле по лугам беспорядка».

Сторонники реформ, которым удалось уцелеть во время бунта ямаков, не потеряли надежды вернуть трон Селиму III. Их возглавил аян Рущука (Русе) Мустафа-паша Байрактар. В прошлом янычар и провинциальный помещик, не принадлежавший поначалу к числу активных сторонников реформ, Байрактар был приближенным влиятельного в Румелии аяна Рущука Исмаила Терсеникли-оглу. Последний сделал свой округ фактически независимым от Порты, хотя и проявлял к султану верноподданнические чувства. К реформам Селима III он относился двойственно, признавая необходимость военных преобразований, но выступая против жесткой централизации, которой хотел добиться султан-реформатор. После смерти Терсеникли-оглу Селиму III удалось постепенно наладить хорошие отношения с Байрактаром, ставшим руцукским аяном и обладавшим значительным собственным войском.

После майского переворота Байрактар защитил от янычар сторонников реформ в Силистре. Вскоре ставка Байрактара в Русе стала местом сбора всех оставшихся в живых сторонников Селима. Под руководством Байрактара здесь была создана тайная группа, участники которой вознамерились вернуть престол Селиму. Им благоприятствовала обстановка на русско-турецком фронте, где летом

1808 г. было длительное затишье. В июле 1808 г. 15-тысячная армия, собранная Байрактаром, двинулась из Русе на Стамбул.

Ранним утром 13 июля 250 всадников под командованием Хаджи Али-аги скрытно подошли к босфорскому форту Румели-Фанар, где находилась резиденция Кабакчи Мустафы — главаря ямаков. Воины Хаджи Али-аги внезапно ворвались в гарем Кабакчи и убили его. Отрубленную голову всесильного предводителя ямаков отвезли Байрактару. Налет произвел ошеломляющее впечатление на Мустафу IV и его министров. 21 июля в столицу прибыл сам Байрактар. Он был ласково принят султаном, а шейх-уль-ислам Атаулла-эфенди даже нанес ему визит. В тот же день Байрактар посетил Порту, причем вместо обычной пышной свиты его сопровождал вооруженный до зубов военный отряд. По настоянию Байрактаара султан сместил Атаулла, сослав в отдаленные уголки империи ряд улемов — его единомышленников, убрал ряд неугодных повстанцам реакционных саяновников.

28 июля в Стамбул вошло все войско Байрактаара. В тот же день Байрактар занял здание Высокой Порты и сместил великого везира Челеби Мустафа-пашу. Затем Байрактар и его воинские части двинулись ко дворцу султана, намереваясь восстановить Селима на троне. Но по приказу Мустафы IV его приближенные зверски убили Селима. Султан велел убить и последнего отпрыска династии, своего брата Махмуда, но тому удалось спастись. Поэтому, когда сторонники Селима III захватили султанский дворец, им оставалось только одно — возвести на престол Махмуда II, которому со временем суждено было энергично продолжить реформы Селима III.

После переворота в руках Байрактаара сосредоточилась вся военная и гражданская власть, на все ключевые посты были назначены его сторонники. Виновников гибели Селима III постигла участь казненных недавно сторонников реформ. Сотни активных участников майского мятежа ямаков также были преданы казни.

Байрактар и его единомышленники продолжили военные реформы Селима III. В частности, было решено восстановить рекрутский набор для новых воинских формирований. Власти энергично наводили порядок в столице и в Эдирне — очаге янычарского своеволия. Новый янычарский ага — ставленник Байрактаара — ежедневно казнил в Эдирне по 50—100 янычар из числа замешанных в недавних бунтах.

Однако недолго было суждено Байрактару пребывать у власти. В ночь с 14 на 15 ноября 1808 г. в столице вспыхнул бунт янычар.

Для Байрактара это оказалось полнейшей неожиданностью. Впрочем, он сам помог своим врагам, ибо был крайне жесток не только с сановниками, но и с простым народом, не соблюдал скромности в личном поведении, окружал себя роскошью. Более 12 часов героически защищался Байрактар, забаррикадировавшись в каменной башне. Он сам взорвал башню, выстрелив в бочку с порохом, когда сопротивление стало бессмысленным. После этого озверевшие толпы янычар расправились почти со всеми единомышленниками погибшего Байрактара. Утром 16 ноября мятежники и примкнувшие к ним горожане двинулись к султанскому дворцу, чтобы восстановить на престоле Мустафу IV. Лишь решительные действия Махмуда II и нескольких верных ему сановников, в числе которых был и сторонник Байрактара капудан-паша Рамиз, спасли положение. Махмуд II приказал немедленно казнить Мустафу. Таким образом, Махмуд остался единственным представителем османской династии. Это обстоятельство могло сохранить ему трон и в случае победы янычар.

Султан двинул против бунтовщиков части новых войск. По численности они значительно уступали им, но были хорошо организованы и потому смогли нанести им внушительные удары. Тем не менее, янычары потребовали от султана немедленной казни лиц, которых они считали сторонниками ненавистных им реформ, и упразднения новых военных формирований. Султану пришлось пойти на уступки, он лишь осмелился помочь бежать сановникам, казни которых добивались янычары.

Итак, реформы начала XIX в. оказались в целом малоуспешными. Но дальнейшая история Османской империи показала, что дело, начатое Селимом III, не погибло. Во всяком случае, вассал султана египетский хедив Мухаммед Али сумел осуществить военную реформу и в короткий срок обзавелся по-европейски обученным войском. Идеи и практика этого периода подготовили почву для последующих преобразований.

Реформаторские усилия султанов и Порты протекали в дальнейшем в весьма сложной ситуации. Внешнеполитические обстоятельства и стремление нетурецких народов империи к независимости постоянно побуждали правителей к действиям, направленным на восстановление военной мощи государства и поиски средств экономического и культурного прогресса. Вместе с тем борьба нетурецких народов и усиление экономического и политического влияния европейских держав одновременно входили в число важнейших факторов, затруднявших деятельность реформаторов.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. также оказала немалое воздействие на внутривосточное развитие Османской империи. Вначале военные действия не принесли серьезного успеха ни одной из сторон. Правда, русские войска заняли Молдову и Валахию и нанесли туркам крупное поражение в сражении под Бухарестом. В августе 1807 г. было подписано перемирие. Поскольку достигнуть мирного соглашения не удалось (это стало очевидным после встречи русской и турецкой делегации в Яссах в марте 1809 г.), военные действия возобновились. Кампания 1809—1811 гг. оказалась успешной для русской армии. Русские войска под командованием фельдмаршала М. И. Кутузова нанесли летом и особенно осенью 1811 г. ряд ощутимых ударов по турецким войскам на Дунайском фронте. Особенно удачными были операции русских войск в районах Слободзеи и Рушчука. У Слободзеи попавшая в окружение крупная группировка турецких войск под командованием великого везира Ахмед-паши была вынуждена капитулировать.

Сербские повстанцы, постоянно получавшие помощь от русского военного командования, также нанесли туркам ряд поражений, в частности в октябре 1811 г. в сражении при Нише. После побед армии М.И. Кутузова положение на сербско-турецком фронте решительно изменилось в пользу повстанцев. Дислоцированные здесь турецкие воинские части были настолько деморализованы победами русских войск, что прекратили военные действия против сербов; среди них началось массовое дезертирство. Все эти обстоятельства, дополнявшиеся угрозой антитурецкого выступления в Болгарии, вынудили Порту пойти на мирные переговоры с Россией.

Мир был подписан в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г. Россия получила Бессарабию; русско-турецкая граница в этом районе проходила отныне по реке Прут, до соединения ее с Дунаем, а затем по Килийскому руслу Дуная до Черного моря. Договор восстанавливал власть турецкого султана в Молдове и Валахии, однако обеспечивал княжествам привилегии, которые им были предоставлены согласно Ясскому договору 1791 г. Сербия получила по договору 1812 г. определенную автономию в вопросах внутреннего управления. За Россией было при этом закреплено право контролировать исполнение Османской империей тех положений договора, которые касались Сербии. Бухарестский мир объективно стал важным шагом на пути к национальному освобождению сербского народа. Договор содержал и ряд других существенных положений. За Россией остались все области Закавказья до реки Арпачай, Аджарских гор и Черного моря.

Наконец, договор обеспечил России нейтралитет Османской империи в надвигавшейся войне с империей Наполеона. Что касается Турции, то, заключив договор о мире с Россией, она получила возможность заняться внутренними делами.

Больше всего султана и Порту тревожила борьба балканских народов за национальное освобождение.

Воспользовавшись тем, что Россия была отвлечена войной с наполеоновской Францией, летом 1813 г. султан приказал своей армии вторгнуться в Сербию. Вскоре туркам удалось вновь подчинить своей власти все сербские земли. Они бесчинствовали: грабили и убивали мирных жителей, жгли села и уводили людей в неволю. В ответ на это в ноябре 1814 г. в нескольких округах Центральной Сербии вспыхнуло антитурецкое восстание. Турецким властям удалось подавить его, множество видных его участников было казнено. В апреле 1815 г. пламя восстания вновь охватило Сербию. Это восстание оказалось шире и значительнее по силе, чем выступления 1814 г. В рядах восставших находилось около 40 тыс. человек. Порты бросила против них значительную армию, в том числе соединения под командованием великого везира. Сербам удалось нанести ряд поражений турецким войскам. Однако решающим фактором явилась поддержка восставших сербов Россией, потребовавшей от Порты выполнения положений Бухарестского мирного договора, касавшихся Сербии.

Длительные переговоры между руководителями сербских повстанцев и султанскими властями завершились в 1816 г. соглашением, подтверждавшим право сербов на частичную автономию в делах внутреннего управления. Но турецкие гарнизоны остались в сербских крепостях.

Соглашение, так и не утвержденное султаном, скоро стало нарушаться турецкими властями.

Еще одним важным звеном в цепи освободительных движений народов Балканского полуострова стало антитурецкое восстание в Молдове и Валахии в 1821 г., вызванное стремлением крестьян избавиться от тягот барщины, постоянно возраставшего налогового гнета и национальных притеснений. Вождем восставших крестьян стал Тудор Владимиреску — выходец из состоятельной валашской крестьянской семьи. В январе 1821 г. Тудор Владимиреску поднял знамя восстания в Олтении, причем его участники выдвинули требования социального характера. Руководители повстанцев отменили несправедливые налоги и поборы, а крестьяне даже стали захватывать помещичьи земли.

Восстание вызвало в Стамбуле серьезное беспокойство. В середине мая 1821 г. турецкие войска вступили на территорию Валахии и Молдовы. Заняв без сопротивления Бухарест, каратели не остановились перед жесточайшими репрессиями. Вскоре ареной расправы над повстанцами, да и просто над мирными жителями городов и сел стала вся территория Дунайских княжеств. В нарушение положений Бухарестского мирного договора 1812 г. Порты сместила неугодных султану господарей и оккупировала княжества, расположив здесь свои гарнизоны.

Поход турецких войск в Молдову и Валахию стал одной из попыток султана и Порты подавить национально-освободительное движение на Балканах. Но остановить этот процесс было уже невозможно. В 1821 г. против турецкого владычества выступили греки.

Восстание было подготовлено обществом «Филики Этерия». Оно вспыхнуло в Морее, но в короткий срок распространилось на всю континентальную Грецию и острова Эгейского и Адриатического морей. Момент для него был весьма благоприятным, так как в это время Порты вела настоящую войну против непокорного феодала Али-паши Янинского, который создал на подвластной ему территории (Южная Албания, часть континентальной Греции и Македонии), по сути дела, самостоятельное удельное княжество. В состав правительственных войск, направленных против Али-паши, были включены и гарнизоны многих городов Морей, что облегчило выполнение плана этеристов.

Датой начала восстания в Морее считается 6 апреля 1821 г., когда греческие партизаны-клефты напали на владения турецких феодалов. Очень быстро огонь восстания охватил ряд городов и селений. Повстанцы заняли Патру (Патрас), Коринф, Аргос и ряд других городов. Вскоре к ним присоединились жители ряда крупных островов, в частности Спеце, Псары, Идры. Главную силу движения составляли крестьяне.

Султан и Порты ответили на это кровавой расправой с греческим населением империи. В столице была учинена резня, во время которой погибло около 10 тыс. греков. Убийства и погромы произошли также во многих городах Анатолии. Гонениям и насилию подверглись в эти дни и другие христианские народы империи.

Жесточайшие репрессии султанских властей только подлили масла в огонь восстания, которое охватывало все новые районы Греции. В октябре 1821 г. после пятимесячной осады повстанцы овладели административным центром Морей Триполисом. К началу 1822 г.

восставшие были хозяевами почти всей Морей, значительной территории в Центральной Греции и ряда греческих островов.

В январе 1822 г. в Эпидавре было создано Национальное собрание, которое приняло конституцию, провозгласившую независимость Греции. Тогда же было сформировано правительство независимой Греции во главе с известным просветителем Александром Маврокордато. После этих событий восстание распространилось на ряд районов Фессалии и Македонии.

Все попытки султана и его правительства справиться с восстанием наталкивались на ожесточенное сопротивление греков. И хотя султанские войска порой одерживали победы и жесточайшим образом расправлялись с мирным населением, в частности на острове Хиос в апреле 1822 г., решающих успехов туркам добиться не удалось. В июле 1822 г. Махмуд II бросил крупные воинские соединения на подавление главного очага восстания. Но ожесточенные бои в Морее окончились поражением турок. Весьма затруднила для Порты борьбу с повстанцами война с Ираном (1821—1823).

Не добившись успеха, Махмуд II решил обратиться за военной помощью к своему вассалу — правителю Египта Мухаммеду Али. Тот предоставил султану для борьбы с греческими повстанцами по-европейски обученную армию и достаточно современный флот, но взамен потребовал передать Морею в управление своему сыну Ибрагиму, который возглавил египетскую военную экспедицию в Грецию.

Прибытие войск Ибрагим-паши в Грецию резко изменило ситуацию. В ноябре 1824 г. силы Ибрагим-паши разгромили греческих повстанцев на Крите, в феврале 1825 г. захватили Наварин. Летом 1825 г. войска Ибрагима подавили героическое сопротивление повстанцев в большей части Морей, а в июне овладели Триполисом. Греческие патриоты повсеместно мужественно сопротивлялись. Около года продолжалась защита порта и крепости Месолонгион в Западной Греции. Этот город пал лишь в конце апреля 1826 г.

Пока шли бои в Греции и дипломатические баталии по греческому вопросу на международных встречах, в столице Османской империи назревало исключительно важное для судеб этого государства событие. Султан Махмуд II решился на ликвидацию одного из основных бастионов феодально-клерикальной реакции — корпуса янычар. Военные действия в Греции с особой наглядностью продемонстрировали крайне низкие боевые качества турецких войск, в частности янычар, на фоне современной, по-европейски обученной армии Мухаммеда Али. Султан поспешил с проведением военной реформы

также потому, что опасался, и не без оснований, роста самостоятельности и военного могущества своего египетского вассала.

Весной 1826 г. султан и Порты утвердили проект создания новых пехотных частей, «корпуса эшкинджи», который должен был быть организован и обучен по европейской военной системе; планировалось, что он будет состоять из 8 тыс. солдат и офицеров. Проект был одобрен фетвой шейх-уль-ислама. Изданный затем султанский указ содержал и положение о том, что каждая из частей янычарского корпуса обязана выделить для новых воинских формирований по 150 солдат. В короткий срок в новое войско было зачислено 5 тыс. новобранцев. Летом 1826 г. в Стамбуле начались первые военные занятия формирований «корпуса эшкинджи». Султан принял также меры по увеличению численности корпуса артиллеристов. Все это немедленно вызвало противодействие янычар, увидевших в создании нового войска еще одно посягательство на свои традиционные привилегии».

Бунт янычар начался в Стамбуле 15 июня 1826 г., через две недели после издания указа султана о формировании «корпуса эшкинджи». Бунтовщики, числом от 10 тыс. до 20 тыс., начали громить дома тех высших сановников, которых считали инициаторами проведения военной реформы; они призывали жителей столицы присоединиться к мятежу. Но горожане не поддерживали янычар, в которых видели источник смуты и причину поражений в Греции. Махмуд II и его окружение проявили решительность. Около 14 тыс. солдат из «корпуса эшкинджи» и верных султану артиллерийских частей было быстро собрано для подавления бунта. Между тем янычары, уверенные в том, что их требования по традиции будут удовлетворены, заявили, что хотят немедленной ликвидации «корпуса эшкинджи» и выдачи на их суд лиц, которых они считают зачинщиками реформ. Ультиматум янычар был в резкой форме отвергнут великим везиром. После этого наступили драматические часы. Уже не янычары, а глашатаи султана и Порты начали призывать население подняться против янычар, которые фетвой шейх-уль-ислама были признаны изменниками, заслуживающими смерти. Часть горожан получила оружие и встала на сторону верных Махмуду II войск. Вскоре площадь Этмейдан, на которой собрались бунтовщики, была окружена верными султану войсками.

Янычары отказались сложить оружие и повиниться. Тогда заговорили пушки. Они буквально в упор расстреливали непокорных. Мятежники гибли тысячами на площади, а затем в казармах, где по-

пытались укрыться от артиллерийского обстрела. По приказу султана казармы с находившимися в их стенах бунтовщиками были преданы огню. По всему Стамбулу шла охота за оставшимися в живых бунтовщиками. Бунт был подавлен за несколько часов. Всего погибло в часы мятежа или было казнено по решению специальных судов не менее 7 тыс. янычар, а около 15—20 тыс. янычар было высла-но из столицы.

17 июня 1826 г. собрание высших сановников приняло историческое для Османской империи постановление о ликвидации янычарского корпуса. По этому поводу был издан специальный указ султана. В провинциях власти уничтожили десятки тысяч янычар.

Однако репрессии не ликвидировали все очаги янычарского недовольства. В октябре 1826 г. в столице вспыхнул мятеж тех янычар, которые по султанскому указу были зачислены в «корпус эшкинджи». С мятежниками, правда, расправились решительно и быстро, казнив 800 человек и сослав в глубинные районы Анатолии 2 тыс. Попытки янычар воспротивиться ликвидации корпуса и отмене своих былых привилегий отмечались и в ряде провинций, но властям во всех случаях удалось подавить эти выступления.

С уничтожением корпуса янычар не были, конечно, устранены все препятствия на пути прогресса Османской империи, но реакции был нанесен весьма ощутимый урон. Махмуд II ликвидировал также подразделения ямаков и упразднил регулярную сипахийскую конницу. Оба эти формирования были, подобно корпусу янычар, постоянным источником смуты и противодействия любым новшествам. Султан решился поднять руку и на могущественный мусульманский дервишский орден бекташи, с которым янычарский корпус был связан вековыми узами. Решение о ликвидации ордена было принято высшими светскими и духовными сановниками империи во главе с шейх-уль-исламом. В июле — августе 1826 г. руководители ордена были публично казнены, а все дервишские обители разрушены. Имущество ордена было конфисковано в пользу казны.

Летом 1826 г. султан издал указ о создании новых пехотных частей, которые также надлежало подготовить по европейскому образцу. Он повелел сформировать восемь полков нового войска численностью 12 тыс. человек. Для их обучения использовались иностранные военные инструкторы, в первую очередь французские. Кроме того, большая группа турецкой молодежи была послана для обучения в военные учебные заведения Франции. Но в провинциях комплектование нового войска и рекрутирование солдат шло весьма нелегко.

Создание новой армии происходило в условиях продолжавшихся боев с повстанцами в Греции. Войска Ибрагим-паши продолжали свирепствовать в греческих городах и селах. В июне 1826 г. они овладели Афинами, которые были оплотом повстанцев. Все более нарастал кризис в русско-турецких отношениях. Вскоре по инициативе России державы в ультимативном тоне потребовали от султана предоставить Греции автономию. Султан отклонил этот ультиматум. Военный конфликт стал неизбежен. Первое столкновение произошло на море.

В начале сентября Ибрагим-паша привел из Морей свои корабли в Наваринскую бухту, где уже находился турецкий флот. Английская эскадра адмирала Кодрингтона блокировала выход из бухты, с тем, чтобы предотвратить возможное нападение турецко-египетского флота на греков. Вскоре туда подошла французская эскадра, а затем и русская. 20 октября 1827 г. соединенный флот вошел в бухту. Обстановка была накалена до предела. Союзники имели 26 кораблей, а турки более 80. У англо-франко-русского флота был, правда, перевес в линейных кораблях. Сражение было упорным, на долю русских моряков выпала его главная тяжесть. Турецко-египетский флот был разгромлен, было потоплено 55 кораблей. Союзники не потеряли ни одного корабля, хотя их флотилия тоже была изрядно потрепана.

Поражение турок было столь ошеломляющим, что известие о нем вызвало уныние в султанском дворце и в Порте.

После этого события части Ибрагим-паши были эвакуированы из Греции, а на берегах Морей появились французские войска. В конце декабря 1827 г. Османская империя объявила войну России. Султан и Порта видели в России главного виновника гибели своего флота и неудач в Греции. В апреле 1828 г. русское правительство ответило объявлением войны Османской империи. В конце апреля 150-тысячная русская армия форсировала Прут и заняла Дунайские княжества.

Осенью 1828 г. русский флот блокировал Стамбул, нарушив снабжение столицы. В это же время вновь усилилась борьба греческих патриотов против турок в Морее. В марте 1829 г. Англия, Франция и Россия подписали соглашение с греческим государством, признав, правда, над ним сюзеренитет султана. Махмуд II не признал это соглашение. Судьбу Греции решили победы русского оружия на балканском и кавказском театрах военных действий весной 1829 г.

20 августа 1829 г. русская армия овладела Эдирне (Адрианополисом), открыв себе дорогу на Стамбул. На Кавказском фронте рус-

ские войска также одержали ряд побед, заняв такие крупные города, как Эрзурум, Байбурт и Муш. И все же русские войска не двинулись к турецкой столице, ибо этот шаг был чреват опасным для России столкновением с коалицией европейских держав, которые имели в Османской империи свои интересы. 2 (14) сентября 1829 г. в Эдирне был подписан мирный договор между Россией и Турцией. Он закрепил присоединение к России тех грузинских и армянских земель, которые были освобождены русскими войсками. Договор обеспечил предоставление автономии Греции и Сербии, а также вывод войск султана из Дунайских княжеств. Автономные права Молдовы и Валахии были существенно расширены: турки были лишены права здесь жить и владеть недвижимым имуществом.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и ее последствия сыграли исключительно важную роль в судьбах балканских народов. «А кто решил исход борьбы во время греческого восстания? — писал Ф. Энгельс. — Не янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы». В феврале 1830 г. было достигнуто русско-англо-французское соглашение о полной независимости Греции. Султан и Порта признали его только под усиленным нажимом держав. 24 апреля независимость Греции была объявлена указом султана. Не меньшую роль русско-турецкая война сыграла и в исторических судьбах Сербии. 26 августа 1830 г. Махмуд II вынужден был специальным указом предоставить Сербии статус автономного княжества. Все эти события укрепили и в Болгарии дух антитурецкой борьбы и усилили надежду болгар на национальное освобождение.

Война с Россией крайне ослабила Османскую империю. Это проявилось, когда вскоре возник конфликт между Махмудом II и его формальным вассалом — наместником Египта Мухаммедом Али. Поводом для открытого столкновения послужило требование Махмуда II о выплате денег в счет египетской дани. Могущественный вассал не только отверг это требование, но и стал претендовать на управление Сирией.

Осенью 1831 г. Мухаммед Али начал военные действия против султана. Его войска заняли всю Сирию и Киликию. Затем они вторглись в Анатолию. Турецкая армия вдвое превосходила по численности силы Ибрагим-паши, но была плохо подготовлена к боям. В результате разгоревшаяся 21 декабря на заснеженной равнине у Коньи

битва через семь часов закончилась полным поражением турецкой армии. Командовавший ею великий везир был взят в плен. Реальной стала угроза движения египетских войск на Стамбул и падения османской династии.

В такой ситуации Махмуд II решил принять предложенную российским императором Николаем I военную помощь. В феврале 1833 г. в Босфор вошла русская эскадра. Четыре линейных корабля, пять фрегатов и два корвета под общим командованием адмирала М. П. Лазарева встали на якорь перед летней резиденцией российского посольства в Бююкдере под Стамбулом. Около 10 тыс. русских солдат расположились лагерем в долине Хюнкяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора. Русские войска в буквальном смысле слова преградили египетской армии марш на Стамбул.

В мае 1833 г. в Кютахье было подписано турецко-египетское соглашение, предусматривавшее сохранение за Мухаммедом Али власти над Египтом, Сирией и Палестиной, Киликией. Добившись таких выгод, египетский наместник обещал по-прежнему признавать сюзеренитет султана. После этого русские войска покинули турецкую территорию. Политические позиции России в Османской империи были серьезно укреплены подписанием 8 июля 1833 г. русско-турецкого союзного договора. Турецко-египетский конфликт, угасший на некоторое время, обострился в 1838 г., когда египетский наместник вновь перестал платить дань и потребовал придать его власти наследственный характер.

Весной 1839 г. султан стал готовиться к войне. В конце мая турецкие войска начали военные действия против египтян. 24 июня произошла решающая битва под Низибом в Северной Сирии. Турецкая армия под командованием Хафиз-паши насчитывала около 40 тыс. солдат, силы египтян под водительством Ибрагим-паши превосходили ее на 10 тыс. солдат. Кроме того, в войсках султана почти не было квалифицированных офицеров. Похоже было, что турецкий главнокомандующий больше полагался на астрологов, которых держал при своем штабе для предсказания дня победной битвы. Как и следовало ожидать, звезды не помогли. Ибрагим-паша умело произвел обходной маневр, зашел в тыл турецким войскам и 24 июня навязал им бой в выгодной для себя позиции. Турецкая армия была полностью разгромлена. Флот султана в результате предательства его командующего перешел на сторону Ибрагим-паши.

Однако Мухаммеду Али не было суждено воспользоваться плодами победы. В июле 1839 г. в конфликт вмешались великие держа-

вы. Длительные дипломатические переговоры привели к решению о военных санкциях держав против египетского паши. Летом 1840 г. началась военная интервенция Англии и Австрии в Сирии. Войска Мухаммеда Али потерпели здесь ряд поражений. В декабре 1840 г. в Лондоне Османская империя подписала соглашение с союзными державами, которое стало для нее гарантией покорности египетского вассала.

В таких условиях европейским державам удалось навязать султану выгодную для них систему торговых отношений. В 1838 г. Англия заключила с Османской империей торговый договор, который освобождал английских купцов от внутренних торговых пошлин и предоставлял им право покупать и продавать товары во всех владениях султана по рыночным ценам. В 1838—1846 гг. подобные договоры заключили с Османской империей Франция, Голландия, Пруссия, Испания, Швеция и Россия.

Обстоятельства сложились так, что Махмуд II не узнал о разгроме своих войск под Низибом: он умер спустя шесть дней после этой битвы. На трон вступил Абдул Меджид I, которому суждено было продолжить реформаторские мероприятия Махмуда II.

После завершения первого этапа турецко-египетского конфликта Махмуд II решил воспользоваться военной передышкой для того, чтобы продолжить начатые реформы. Их необходимость доказали начальные результаты столкновения с Мухаммедом Али. В 1831 г. была проведена перепись населения с целью выявления числа возможных новобранцев, а также числа налогоплательщиков. Последнее обстоятельство было весьма важно, ибо создание и оснащение нового войска требовали весьма значительных средств. Набор рекрутов вызвал недовольство крестьянских масс. Новое войско длительное время оставалось весьма немногочисленным. В конце 20-х годов в столице и провинциях было не более 15 тыс. солдат нового регулярного войска. При этом их экипировка и вооружение были весьма далеки от европейских образцов.

Важным мероприятием в системе военных реформ Махмуда II стала организация пехотных редифных (территориальная милиция) войск. В августе 1834 г. был издан специальный указ о создании этих частей во всех провинциях, по одному батальону в каждом санджаке. Предусматривалось, что эти формирования будут использоваться только в военный период. Новые регулярные части, султанская гвардия и редифные подразделения составили новый контингент сухопутных войск Османской империи. В середине 30-х годов

постепенно стали формироваться и регулярные кавалерийские части. В 1836 г. общая численность турецкой регулярной армии достигла примерно 70 тыс. человек. Махмуд II начал строить новый флот, чтобы восполнить потери в Наваринском сражении, но не достиг значительных результатов.

В числе важных реформ Махмуда II была и ликвидация тимарной системы, которая в конце XVIII — начале XIX в. находилась в состоянии полного упадка, превратившись в тормоз развития страны. По указу султана реформу тимарной системы, лишившую феодалов-ленников их наделов — тимаров и зеаметов, начали осуществлять в 1831 г. Она была завершена в конце 30-х годов. Во всех провинциях у прежних владельцев-ленников было изъято около 2500 наделов. Управление этими землями и сбор налогов в них стало на основе откупной системы осуществлять государство. Примечательно, что султан и Порты пошли на большие затраты, чтобы сгладить недовольство бывших ленников. Казна ежегодно выплачивала последним в виде пенсий 60 млн. пиастров, что в 3,5 раза превышало сумму расходов на содержание новых воинских формирований.

Махмуд II осуществил и полную реорганизацию административного управления империей. В 1834 г. были созданы новые провинциальные административные единицы, упорядочены взаимоотношения центральных и провинциальных властей. Султан пытался также ликвидировать злоупотребления при сборе податей и налогов. В 1834 г. был даже издан указ, потребовавший от чиновников и сборщиков налогов прекратить притеснение налогоплательщиков. Правда, многие из названных мероприятий Махмуда II остались на бумаге, ему так и не удалось ликвидировать произвол провинциальных властей, а также давно ставшую традиционной практику покупки государственных должностей.

В 1834—1839 гг. султан-реформатор предпринял шаги, направленные на создание новой, более близкой к европейской структуры органов центральной власти империи. Были образованы министерства внутренних и иностранных дел, финансов. В 1837 г. Махмуд II создал совет министров. С 1838 г. великого везира, садразамы, стали именовать «баш векиль», т.е. «премьер-министр». Немало было сделано в те годы и для упорядочения деятельности государственного аппарата.

Махмуд II осуществил также ряд реформ в области культуры и быта. Прежде всего, был открыт ряд новых военных учебных заведений, организованных по европейским образцам и с помощью европейских специалистов. В 1838 г. по инициативе султана и его еди-

номышленников был подготовлен специальный доклад, в котором говорилось о настоятельной необходимости реформы начального образования. И хотя духовенство упорно сопротивлялось попыткам создать светскую систему образования, первая светская школа, рюштие, возникла в Османской империи в 1840 г., правда, уже после кончины вдохновителя этой идеи. При жизни Махмуда II появилась школа гражданских чиновников, была открыта школа переводчиков. В них основательно преподавали иностранные языки, некоторые точные науки. Одновременно Махмуд II продолжал посылать молодых турок для обучения в Европу.

Важным новшеством в области культуры и быта стало при Махмуде II издание первых турецких правительственных газет, вначале на французском, а затем и на турецком языке. Начало европеизации быта проявилось в появлении в нескольких крупных городах первых больниц европейского типа, в организации почтовой службы. Хотя реформы эти носили крайне ограниченный характер, не затрагивая жизни основной массы населения, в условиях страны, жившей по канонам Средневековья, они были предвестниками будущих, более глубоких культурных сдвигов.

Реформы Махмуда II явились важным этапом в процессе европеизации Османской империи, ее экономического и культурного прогресса. Их естественным, логическим продолжением стали начавшиеся на рубеже 30—40-х годов XIX в. реформаторские мероприятия, вошедшие в историю Турции под названием танзимата (по-турецки «танзимат» как раз и означает «реформы»).

Отправной точкой этих реформ стал указ султана — Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. С подготовкой и провозглашением этого указа связано имя крупнейшего турецкого государственного деятеля эпохи реформ Мустафы Решид-паши. Его деятельность весьма характерна для той новой прослойки османской бюрократии, которая все более и более сознавала, что проведение реформ европейского типа — путь к спасению и упрочению империи. Родившийся в семье мелкого служащего, Мустафа Решид начал карьеру в качестве мелкого чиновника одной из правительственных канцелярий и вскоре выдвинулся благодаря недюжинным способностям. В формировании его личности и взглядов особую роль сыграло то обстоятельство, что он стал дипломатом. В 1834 г. он был назначен посланником в Париже, в 1836 г. стал послом в Лондоне.

Во Франции и в Англии он внимательно изучал их государственное устройство и политическую жизнь. К моменту назначения на

пост министра иностранных дел Решид был убежденным сторонником реформ. Прибыв в Стамбул, он подал султану записку, в которой перечислил ряд мер, необходимых для улучшения положения в экономике; он также предложил отменить пагубную систему откупов при взимании налогов. В 1838 г. Мустафа Решид-паша возглавил по поручению Махмуда II только что созданный совет для выработки проекта новых реформ.

Хотя новая, значительная по замыслу серия реформ была подготовлена прежде всего в интересах внутривластного и социально-экономического развития страны, при ее разработке учитывался и внешнеполитический аспект. Дело в том, что после тяжелого поражения в конфликте с Египтом Османская империя попала в зависимость от европейских держав. Решид-паша и его сторонники считали, что нужно предпринять такие реформаторские шаги, которые бы показали всей Европе, что в стране может быть установлен либеральный режим. Ему удалось добиться санкции султана Абдул Меджида на подготовку указа о реформах.

Ставший в истории Турции знаменитым Гюльханейский (назван так по месту провозглашения на площади перед султанским дворцом Гюльхане) хатт-и шериф («благословенный указ») был обнародован 3 ноября 1839 г. В нем содержалось обещание гарантировать безопасность жизни, чести и имущества всех подданных империи, обеспечить справедливый способ взимания налогов, ликвидировать откупную систему, навести порядок в рекрутском наборе и сократить срок солдатской службы. Указ декларировал гласность судебных процессов и прекращение практики конфискации имущества осужденных. Гюльханейский акт торжественно провозгласил равенство подданных империи в их правах и обязанностях без различия вероисповедания.

После издания этого указа Решид-паша и его единомышленники приступили к практическим действиям. В 1840 г. был принят новый уголовный кодекс. Его положения были направлены на укрепление гарантий прав личности, обеспечение законности, ликвидацию административного и судебного произвола. В центрах вилайетов и санджаков были созданы совещательные советы (меджлисы) с участием немусульман, что, по замыслу реформаторов, должно было ограничить самоуправство провинциальных властей. Было объявлено об отмене откупной системы взимания налогов. Все эти новшества вызвали активное сопротивление реакционных сил, прежде всего мусульманского духовенства. Борьба между сторонниками

и противниками реформ была настолько острой, что весной 1841 г. Решид-паша был вынужден выйти в отставку. После этого Порты стала отменять акты реформаторов. Однако внешнеполитические факторы заставили султана и его окружение вернуться к прежнему курсу. Англия и Франция по дипломатическим каналам выразили желание видеть продолженной политику реформ. В октябре 1845 г. Решид-паша вновь стал министром иностранных дел, а в сентябре 1846 г. занял пост великого везира. Политика реформ была возобновлена с новой силой.

В 1845—1849 гг. был издан ряд законов, регулировавших вопросы землевладения, в 1846 г. — закон об обязанностях и правах государственных чиновников, а также важный для культурного развития страны закон о создании светских школ. В 1847 г. был учрежден уголовный суд, действовавший на основе нового уголовного законодательства. В 1848 г. начала функционировать сеть коммерческих судов. В 1854 г. правительство создало смешанные суды для разбора уголовных дел между мусульманами и немусульманами.

Реформаторы постоянно наталкивались на ожесточенное сопротивление феодально-клерикальной реакции. В 1848 г. Решиду даже пришлось на несколько месяцев покинуть пост великого везира. Реальный результат реформ этого периода оказался ограниченным. Практика показала, что меджлисы, созданные при губернаторах провинций с целью ограничения их самоуправства, не смогли стать эффективно действующими органами. Меры, направленные против лихоимства и коррупции чиновничьего аппарата, также не улучшили положение. Коррупция оставалась повсеместным явлением. Реформаторы не смогли отменить систему откупов при сборе налогов. Они лишь приняли ряд постановлений, которые могли бы обеспечить ликвидацию произвола местной администрации при взимании налогов. Эта уступка показывает, насколько слабы были реформаторы.

Тем не менее в сфере образования в те годы были предприняты важные шаги. В 1846 г. был издан закон о начальном и среднем светском образовании; было принято и решение о создании университета. На практике вопросы эти решались очень медленно: отсутствовали кадры учителей для светской школы, не были созданы учебники. И все же постепенно облик мектебов — начальных школ, изъятых из ведения духовенства, изменился; появились первые десятки средних школ первой ступени — рюштие. Расширились специальные учебные заведения, в частности военно-инженерное и военно-медицинское училища.

Достойно удивления, что реформаторы ничего не сделали для облегчения национального и социального гнета в областях с нетурецким населением. Правда, в 1850 г. был принят закон о допуске немусульман в армию, но он остался на бумаге. Между тем провинциальный административный аппарат и турецкие помещики-феодалы своим произволом постоянно доводили нетурецкое население до взрывов недовольства.

Реформы коснулись и экономической жизни страны. Они расширили права арендаторов государственных земель. Реформаторы стремились стимулировать промышленное предпринимательство, но в условиях господства полуфеодальных и местами даже феодальных производственных отношений сдвиги в экономической жизни были относительно незначительными.

Развитие реформаторского движения приостановила Крымская война 1853—1856 гг., сыгравшая очень большую роль в исторических судьбах Османской империи. В числе причин ее возникновения было англо-русское и франко-русское соперничество.

Внешним поводом для возникновения политического, а затем и военного конфликта великих держав на Ближнем Востоке стал вопрос о «святых местах». Еще в мае 1850 г. начался затяжной спор между Францией и Россией о приоритете католической и православной церквей в «святых местах» христианства, в Иерусалиме и Вифлееме. В январе 1852 г. царскому правительству удалось добиться султанского фирмана, признававшего преимущественное право православной церкви в «святых местах». Франция, в свою очередь, добилась вскоре признания в «святых местах» прав католической церкви в ущерб православной.

В этой ситуации Николай I решил усилить давление на султана и его правительство. В Стамбул весной 1853 г. была направлена чрезвычайная миссия во главе с князем Меншиковым. Ей было поручено не только в ультимативном порядке обеспечить преимущественные права православной церкви в «святых местах», но и добиться признания за Российской империей права покровительства всем православным подданным султана. Последнее требование было равнозначно установлению протектората царского правительства над значительной частью подданных султана. Абдул Меджид и Порта отклонили требования Николая I. 21 мая 1853 г. миссия Меншикова и весь состав российского посольства покинули Стамбул. Возникла угроза военного конфликта.

Николай I, ошибочно полагавший, что Англия и Франция открыто не вмешаются в русско-турецкий военный конфликт, принял решение начать войну с Турцией. 2 июля 1853 г. русские войска форсировали Прут и вскоре, не встретив сопротивления, заняли всю территорию Дунайских княжеств.

Турецкое правительство потребовало, чтобы русские войска были выведены из княжеств. Однако русское командование отклонило любые попытки переговоров. Началась война.

Вначале военные действия развернулись на Дунае и на Кавказском театре. Крупные сражения произошли на левом берегу Дуная. Они не принесли ощутимых результатов ни одной из сторон. Англо-французские морские силы провели демонстрацию в поддержку турок: их соединенная эскадра встала на якоря в Мраморном море. 18 (30) ноября 1853 г. в Синопской бухте русская эскадра под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова почти полностью уничтожила турецкую эскадру. На Кавказском фронте турецкая армия была наголову разбита 1 декабря 1853 г. в сражении у села Башкадыклар (между Карсом и Александрополем).

Когда возникла угроза разгрома Османской империи, западные державы, опасаясь усиления России и потери своих позиций на Ближнем Востоке, решили открыто вмешаться в конфликт. После Синопской битвы английская и французская эскадры вошли в Черное море. В марте 1854 г. Англия и Франция заключили с Османской империей союзный договор и вскоре после этого объявили России войну.

Союзники начали военные действия в середине апреля 1854 г. Их войска оккупировали Пирей. Англо-французские вооруженные силы появились и на Дунайском фронте, где русские войска увязли в затяжных боях с турками.

Затем державы попытались склонить Россию к миру на своих условиях. В марте — июне 1854 г. в Вене заседала специальная конференция, обсуждавшая условия мирного соглашения. Но успеха достичь не удалось. Начались бои на основных театрах военных действий — в Крыму и в Закавказье.

Крымская кампания вошла в историю благодаря героической обороне Севастополя, который был осажден 120-тысячной англо-франко-турецкой армией и союзным флотом. Почти год самоотверженно сражались с врагом не только русские войска под командованием П.С. Нахимова и В.А. Корнилова, но и все население города. Союзникам удалось взять Севастополь в сентябре 1855 г., но дорогой ценой — они потеряли более 70 тыс. солдат и офицеров.

Значительно более успешно для русской армии развивались события на Кавказском фронте, где в ноябре 1855 г. была захвачена крепость Карс. Полной неудачей для турок окончилась и операция по вторжению в Мингрелию. В боях на территории Мингрии турецкие части были разгромлены русскими войсками во взаимодействии с грузинскими ополченцами. Длительные бои на Кавказском фронте почти полностью лишили султана анатолийской части его армии.

Ход войны диктовал противникам необходимость заключения мира. При посредничестве Австрии в конце 1855 г. начались переговоры. 25 февраля 1856 г. в Париже открылся мирный конгресс. Учитывая, что Россия может выдвинуть на обсуждение участников конгресса вопрос о положении православного населения Турции, Франция и Англия рекомендовали султану издать до начала конгресса указ о равноправии подданных империи — мусульман и немусульман. 18 февраля 1856 г. был издан хатт-и хумаюн («высочайший указ») султана, который подтверждал все положения Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. Гарантировались все льготы и привилегии немусульманских общин, декларировались допуск всех подданных империи без различия вероисповедания к занятию должностей на государственной службе и право поступления в гражданские и военные школы. Указ провозглашал равноправие подданных империи при рассмотрении дел в судах и равенство в правах всех налогоплательщиков, а также устанавливал, что немусульмане будут впредь допускаться на военную службу.

Мирный конгресс, в котором участвовали Россия, Франция, Англия, Австрия, Пруссия, Турция и Сардиния, завершился договором о мире, который был подписан 30 марта 1856 г. По условиям договора Россия теряла южную Бессарабию и устье Дуная. Турция получала Каре в обмен на Севастополь, Россия и Турция лишались права иметь на Черном море военные флоты. Договор сохранял сюзеренитет султана над Сербией, Молдовой и Валахией.

Англия, Франция и Австрия, со своей стороны, заключили соглашение, которое содержало их обязательство обеспечить гарантии независимости и целостности Османской империи в рамках положений подписанного договора. Державы заявили в этом документе, что будут рассматривать нарушение Парижского трактата как повод к войне. В текст указанного соглашения было включено упоминание о султанском хатт-и хумаюне 1856 г. Таким образом, этому указу был придан характер международного обязательства Османской империи, а державы получили постоянный повод для вмешательства в ее

внутренние дела под предлогом обеспечения положений хатт-и хумаюна и защиты немусульманских подданных султана.

Итоги Крымской войны для Османской империи были крайне неутешительны. Она потеряла почти всю армию. Стране был нанесен огромный экономический ущерб, в полном расстройстве оказались ее финансы. В годы войны были сделаны первые шаги на пути финансового закабаления Османской империи европейскими державами. В 1854 г. Порты взяла заем у Англии и Франции.

Средств этих хватило ненадолго, уже в августе 1855 г. банкирский дом Ротшильда предоставил Османской империи новый заем. Условия займов были для империи крайне невыгодны.

После окончания Крымской войны, обнажившей социальные пороки Османской империи, ее правящие круги сделали еще одну попытку обеспечить прогресс экономики и культуры с помощью реформ. Отправным пунктом нового этапа танзимата стал хатт-и хумаюн 1856 г., который, в частности, провозгласил намерение Порты провести ряд экономических реформ, в первую очередь ликвидировать злоупотребления при сборе налогов.

Реформы 50—60-х годов осуществлялись под руководством двух видных представителей новой бюрократии — Али-паши и Фуад-паши. Они были сподвижниками Решид-паши, а после его кончины занимали неоднократно посты великого везира и министра иностранных дел. Али и Фуад выступали за умеренные реформы в сфере администрации, юстиции и просвещения. В них они видели средство сохранения и укрепления Османской империи, господствующего положения турок в государстве, ослабления национально-освободительных движений и ликвидации иностранного вмешательства во внутренние дела страны.

В 1858 г. был издан закон о земле, положения которого закрепляли результаты ликвидации тимарной системы, содействовали становлению буржуазного правопорядка в системе землевладения и землепользования. Этому же служили и меры Порты по расширению права наследования земельных владений, которые были осуществлены в 60-х годах в развитие закона 1858 г.

В 1871 г. был издан указ о новом порядке взимания ашара (десятины) с торгов. Было установлено, что не сданная на откуп часть ашара взимается непосредственно сборщиками, находящимися на государственной службе. Но указ не внес существенных перемен в положение крестьян-налогоплательщиков. Вообще реформы в об-

ласти экономики оказались в целом весьма ограниченными или малорезультативными.

В тот период Порты осуществила и ряд мероприятий, воспрепятствовавших развитию турецкой промышленности. В 1861—1862 гг. с рядом европейских держав были подписаны торговые договоры, которые предоставляли им право свободного ввоза и вывоза товаров, подтверждали все их капитуляционные привилегии и устанавливали такие низкие таможенные пошлины, которые делали турецкую промышленность беззащитной перед лицом конкуренции европейских товаров.

Реформы серьезно затронули сферу законодательства. В августе 1858 г. вступил в действие новый уголовный кодекс, в основу которого легли принципы французского уголовного права. 3 августа 1861 г. стал действовать первый в истории Османской империи коммерческий процессуальный кодекс. В 1860 г. было объявлено о создании в столице империи и в некоторых провинциальных центрах специальных коммерческих судов, действующих вне юрисдикции мусульманского духовенства. Одновременно судебных функций были лишены цехи, эснафы.

Борьба между сторонниками реформ и консерваторами постоянно давала о себе знать во всех областях, но с особым упорством реакция отстаивала свои позиции в сфере гражданского права. Консерваторам удалось одержать верх, новый гражданский кодекс, который начал частями публиковаться с 1869 г., целиком покоился на нормах мусульманского права и почти не имел следов влияния западного гражданского права.

Порта провела и ряд реформ в сфере судопроизводства. По закону о вилайетах, принятому в ноябре 1864 г., судебная власть была отделена от административной. Было предусмотрено увеличение числа светских судов. Вместе с тем сохранение преобладающего положения шариатских судов в сфере судопроизводства свидетельствовало о недостаточности усилий реформаторов на пути европеизации Османской империи и об отсутствии у них стремления к обеспечению подлинного равноправия всех народов империи, в том числе немусульманских.

В 60-х годах был осуществлен ряд мероприятий, направленных на централизацию власти. Закон о вилайетах 1864 г. предусматривал строгое соблюдение принципа централизации власти, жесткий контроль Порты над деятельностью провинциальной администрации. Вновь были созданы совещательные органы при губернаторах

провинций — меджлисы, в состав которых вошли не только официальные должностные лица, но и выборные представители от мусульманского и немусульманского населения. В 60—70-х годах в крупных городах появились муниципалитеты.

Указом султана были утверждены специальные регламенты, определившие статус немусульманских религиозных общин — греко-православной, армяно-григорианской и еврейско-эспаньольской. Отныне светскими делами общин должны были руководить гражданские советы при их главах. Но советы практически ставились под контроль султанской администрации, которая стремилась превратить эти органы в свое орудие в борьбе за подавление национально-освободительных устремлений нетурецких народов.

Танзиматские преобразования распространились и на центральные органы власти. В 1868 г. был создан Государственный совет, на который была возложена задача подготовки государственных законов и важнейших правительственных постановлений. В состав совета были включены и представители немусульманского населения. Через этот совет прошел ряд важных законопроектов, касавшихся административной и судебной системы страны. В 60-х годах были созданы новые министерства — юстиции, просвещения, общественных работ, по делам вакуфов. После Крымской войны начались новые реформы в армии. Они завершились законом 1869 г. о реорганизации армии по французскому образцу. Немало в эти годы было сделано и для оснащения флота.

Реформы затронули также сферу просвещения. Органический закон о всеобщем образовании, изданный в 1869 г., отразил перемены в развитии светской школы всех ступеней — рост числа средних светских школ, рюштие, открытие ряда новых гражданских средних учебных заведений, в том числе первого в стране лицея (он начал функционировать осенью 1868 г.). Но дело подвигалось медленно. Мало государственных средств выделялось на нужды народного образования, не хватало учителей и учебников. Сфера просвещения, наряду с областью законодательства, особенно гражданского, была ареной ожесточенного сопротивления реформам со стороны феодально-клерикальной реакции.

Наконец, реформы коснулись и некоторых других сторон культурной жизни страны. Результативной оказалась деятельность Османского научного общества, учрежденного в 1861 г. по инициативе известного просветителя Мюниф-эфенди; оно издавало свой журнал. Вскоре возникли и другие научные ассоциации, в том числе Об-

щество любителей изящной словесности (1861 г.) и Медицинское общество (1865), также издававшее свои журналы. В 60—70-х годах стало бурно развиваться книгоиздательское дело. Но особенно большую роль в культурной жизни сыграли первые органы турецкой частной прессы, которые содействовали распространению в образованной части турецкого общества идей борьбы за политический, экономический и культурный прогресс Османской империи. В их издании принимали участие видные литераторы и просветители, в частности Ибрагим Шинаси и Намык Кемаль. В этих газетах порой звучала резкая критика политики Порты, что свидетельствовало о новых явлениях в общественно-политической жизни. Сдвигам в публицистике сопутствовало и появление новых жанров в художественной литературе — романов, рассказов и драм. 60—70-е годы были и периодом становления турецкого профессионального театра. Первую профессиональную группу создал в 1868 г. в Стамбуле Акоп Вартовьян. Она стала выступать в квартале Гедик-паша, который и дал название театру.

В целом эпоха танзимата отмечена некоторыми положительными сдвигами в политико-административной, экономической и культурной жизни страны. Но достигнутые результаты никак не соответствовали потребностям развития огромного многонационального государства в условиях середины XIX в. И потому недовольство султаном и его правительством стало нарастать во многих социальных слоях. Его выразителем стала молодая турецкая интеллигенция — феодально-бюрократическая по происхождению, но уже буржуазная по умунастроениям. В этой социальной среде впервые зародились идеи превращения Османской империи в конституционную монархию с целью обеспечения социально-политического и культурного прогресса страны.

Глава 10

ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИЯ

В середине XIX в. Османская империя находилась в состоянии затяжного социального и политического кризиса. Реформы эпохи танзимата не смогли остановить разложение основ турецкого феодального государства и его распад. Некогда могущественная держава представляла собой экономически отсталую сельскохозяйст-

венную страну с низким уровнем развития производительных сил. Путешественник-европеец, побывавший в Османской империи в 70-х годах XIX в., писал: «Сельское хозяйство в Турции еще стоит на той же ступени, что и более чем 2000 лет назад: примитивный плуг, незнание с системой удобрений... молотба зерна, как во времена Моисея». Подобная картина сохранилась в воспоминаниях многих европейцев, посещавших самые разные районы страны.

Повсеместно крупные помещики владели большей и лучшей частью земель, сдавая их обычно в аренду крестьянам на основе издольщины. При дележе урожая помещик беззастенчиво грабил полностью зависевшего от него арендатора. Издольщина не только была крайне обременительна для крестьян, но и крайне отрицательно влияла на развитие сельского хозяйства страны в целом. В отдельных районах империи, особенно в восточных ее частях, наряду с издольщиной сохранились еще и такие средневековые способы феодальной эксплуатации крестьянства, как барщина и оброк.

Прогрессу сельского хозяйства серьезно мешала налоговая система. Основным сельскохозяйственным налогом оставался ашар. Взимание этого натурального налога, как правило, отдавалось правительством на откуп. Произвол откупщиков, превращавших ашар, десятину, в четверть или даже треть урожая, разорял крестьян и вел к уменьшению производства продуктов сельского хозяйства. Произвол откупщиков отмечали даже турецкие официальные лица, сами склонные к самоуправству и насилию над населением. Так, бейрутский губернатор писал в те годы в одном из своих донесений в Стамбул: «Ашар этого района, так же как и других районов, продается откупщиком с торгов. В результате вместо одной десятины народ платит несколько... Население, чтобы избежать притеснений откупщиков, то есть чтобы после отдачи откупщику всех плодов насаженных ими деревьев не платить еще штрафа деньгами, срубило и уничтожило по меньшей мере 15 тыс. масличных деревьев».

Другие налоги — поземельный, налог на скот и прочие — взимались правительственными чиновниками, также чинившими беззакония. Российский консул в Эрзуруме отмечал в 1872 г., что в разных деревнях одного уезда один и тот же налог «взимается иначе, в различном размере, в иные времена года и при иных условиях». Произвол налоговых чиновников был безудержным. При взимании налога со строений хижина бедняка, не стоившая и 400 курушей, оценивалась в 7—8 тыс. курушей. Различные сорта табака облагались одинаковым налогом; даже дикая яблоня, росшая на земле, обрабаты-

ваемой крестьянином, не избегала обложения налогом в несколько курушей. Налоговый гнет усиливался процветавшим в стране ростовщичеством. В середине 70-х годов XIX в. в османских тюрьмах за налоговые недоимки томилось около 40 тыс. человек. Да и как могло быть иначе, если, по данным английского консула в Трабзоне, в тот период у крестьянина к концу года оставалось за вычетом расходов по хозяйству и на питание не более 120 курушей, а сумма налогов, которые он должен был выплатить, доходила до 240 курушей.

Были и другие серьезные причины, мешавшие прогрессу сельскохозяйственного производства, — крайняя неразвитость транспортной сети, наличие внутренних таможенных барьеров, сохранение натурального хозяйства в глубинных районах Анатолии. Длина всех железных дорог империи составляла в 70-х годах лишь 1600 километров, в Анатолии было всего две небольшие железнодорожные линии. Шоссеиных дорог почти не было, а грунтовые находились, как правило, в очень плохом состоянии.

Бедственным было и состояние промышленности. Ее уровень был таков, что Османская империя покупала в Европе почти все предметы потребления, за исключением продукции сельского хозяйства. Страна не имела предприятий сталелитейной промышленности и машиностроения. В жалком состоянии были немногочисленные предприятия добывающей промышленности. Согласно официальным данным Порты, из 250 открытых месторождений различных руд разрабатывалось лишь 30. Уровень техники на горнозаводских предприятиях был столь низок, что при переработке руды терялось от 20 до 40% металла. В полный упадок пришли и такие некогда развитые отрасли, как текстильное производство. А.Д. Мордтманн, хорошо знавший состояние турецкой экономики, писал в середине 70-х годов, что шелковая промышленность во многих районах Османской империи буквально парализована и что из страны вывозились лишь коконы и шелк-сырец. Резко упало производство изделий из шелка и шерсти в таких традиционных центрах, как Дамаск, Халеб и Бейрут. Во много раз сократилось производство шелка в Бурсе и Диярбакыре, откуда еще в начале века большое число шелковых тканей и изделий шло на экспорт.

В эпоху танзимата указами султана не раз гарантировалась безопасность жизни и имущества подданных империи. На практике же именно отсутствие подлинных гарантий жизни и собственности было и в 60—70-х годах важнейшей причиной, препятствовавшей промышленному развитию страны, развитию капиталистических от-

ношений в экономике. Местное промышленное производство буквально подавлялось административным произволом, бесчисленными налогами и сборами, сохранявшимися внутренними таможенными пошлинами. Сама попытка организации промышленного предприятия была, как правило, связана со столь мучительной бюрократической процедурой, что охота к таким затеям у предпринимателей пропадала довольно быстро. Обычно они сразу же сталкивались с требованием губернатора провинции уплатить за концессию непомерно большую сумму. Если губернатор не получал при этом и сам крупную взятку, он вообще мог объявить просьбу о концессии невыгодной для развития края. Управу на местных чиновников можно было найти разве только что с помощью еще большей взятки должностному лицу в соответствующем ведомстве Порты. Вообще в XIX в. повсеместным явлением стали незаконные поборы и взяточничество. Продавалось и покупалось практически все — от важнейших постов в центральном и провинциальном аппарате до рядовых, но доходных должностей в судебном ведомстве и полиции, от имперских орденов до мелких привилегий торгово-ремесленным цехам. Неуверенность в завтрашнем дне усиливала произвол чиновников всех рангов — они стремились набрать побольше в наименьший срок.

В числе причин промышленной отсталости Османской империи в XIX в. были и такие факторы, как сохранение цехов с присущей им феодальной организацией производства и налоговая политика правительства. Шелкоткачество, например, облагалось десятиной с сырья, 12%-ными внутренними пошлинами и рядом мелких сборов. Виноделы должны были также платить десятинный сбор с сырья, 10%-ный налог за право производства, 8%-ный сбор за право ввоза сырья из-за границы. Немудрено, что местные предприниматели предпочитали вкладывать средства не в промышленное производство, а в откупа или ростовщичество.

Существовали серьезные внешние факторы, препятствовавшие развитию экономики страны. Иностранный капитал стремился превратить Османскую империю в рынок сбыта европейских промышленных товаров и источник дешевого сельскохозяйственного сырья. Именно в результате конкуренции иностранных товаров пришли в упадок центры производства шелковых и шерстяных тканей в Бурсе, Диярбакире, Халебе и Дамаске, в ряде других городов империи. Начав завоевание внутреннего рынка страны в начале XIX в. с прибрежных, главным образом западных, районов, иностранный капитал с середины века постепенно начал проникать и во внутренние

районы империи. На основе режима капитуляций иностранные товары облагались крайне низкими ввозными пошлинами. Они были свободны от внутренних пошлин. В торговых договорах с европейскими державами, заключенных в 1861—1862 гг., были подтверждены все капитуляционные права иностранцев в Османской империи, в том числе право ввозить и вывозить любые товары, кроме тех, производство которых являлось государственной монополией (оружие, соль и табак), с импортными пошлинами всего в 8%. В таких условиях местное промышленное производство оставалось беззащитным перед лицом иностранной конкуренции.

Проникновение иностранного капитала в экономику Османской империи ощутимо усилилось в 60—70-х годах. В тот период были заложены основы для превращения страны в полуколонию. С середины 50-х годов Порты постоянно погашала дефицит государственного бюджета с помощью внешних займов. К 1876 г. Османская империя получила 14 займов, ее внешний долг составлял 277 млн. лир (более 6 млрд. фр.). Выплата долга обеспечивалась обычно передачей иностранным банкам ряда статей государственного дохода. Так султанское правительство постепенно утрачивало контроль над финансами страны. В 70-х годах около половины бюджетных расходов Османской империи шло на погашение долга и на выплату процентов по займам. Финансовое положение страны быстро ухудшалось, огромный бюджетный дефицит имел постоянную тенденцию к росту.

К подчинению страны иностранному капиталу вело и безоглядное предоставление концессий иностранным предпринимателям и банкирам. В середине века англо-французский капитал получил несколько концессий на строительство железных дорог. Условия концессионных соглашений были крайне невыгодны для Османской империи. Порты обычно принимала на себя обязательство выплачивать концессионерам так называемые километрические гарантии — разницу между реальным и гарантированным правительством валовым доходом на километр построенной железной дороги. В результате железнодорожное строительство, столь нужное для развития экономики страны, усиливало ее финансовую зависимость от иностранного капитала. Иностранные предприниматели получили в середине XIX в. и ряд других концессий — на разработку природных ископаемых, учреждение банков. В 1856 г. англо-французским капиталом был создан Оттоманский банк. Он получил статус государственного банка Османской империи.

Рост зависимости страны от иностранного капитала нашел отражение и во внешней торговле страны. С середины XIX в. постоянным стал значительный дефицит внешнеторгового баланса. Страна стала рынком сбыта и источником сырья для иностранного капитала. Основные предметы вывоза составляло сельскохозяйственное сырье — шерсть, хлопок, шелк-сырец, табак, опиум. Ввозились же самые разнообразные промышленные изделия.

В 50—60-х годах с развитием сети железных дорог иностранные предприниматели подчинили себе и всю местную промышленность по обработке сельскохозяйственного сырья. Ряд фабрик по обработке шелка-сырца и хлопка-сырца принадлежал, например, в разных районах империи французским предпринимателям.

Несмотря на столь трудное экономическое положение, султан и Порты расточительно распоряжались доходами страны. Баснословные суммы тратились на содержание султанского двора, строительство дворцов, покупку за границей новейшего вооружения. Только за годы правления султана Абдул Азиза (1861—1876) на сооружение дворцов было истрчено более 7 млн. лир (161 млн. фр.). В те же годы огромные средства расходовались на пополнение флота, причем большинство кораблей заказывалось за границей. Так, полученные займы суммы в значительной мере возвращались в сейфы иностранных кредиторов. Расточительство султана и Порты дополнялось казнокрадством в военных ведомствах, махинациями поставщиков снаряжения и продовольствия для армии и флота. Впрочем, коррупция была нормой деятельности всех правительственных ведомств в столице и провинции. Взяточничество и хищения, вымогательство и протекционизм, пренебрежение к закону были характерны для всех областей административной жизни империи и в XIX в. Жизнь ее подданных была и после проведения реформ весьма мало защищена от произвола бюрократического аппарата.

Внутриполитическое положение страны в 60—70-х годах было весьма напряженным. Резкое обесценение турецкой лиры и рост дороговизны привели к снижению жизненного уровня самых различных слоев населения. Усиление налоговой эксплуатации, бывшее, в частности, следствием финансового закабаления страны, все более ухудшало положение крестьянских масс. Недовольство правительством часто проявлялось как в городе, так и в деревне. Например, в начале 60-х годов в турецкой столице вспыхнули волнения, вызванные ростом дороговизны; они едва не превратились в настоящее восстание против правительства. В середине 60-х годов дало себя знать не-

довольство в частях столичного гарнизона. Были случаи отказа солдат от повиновения при использовании войск против жителей столицы, протестовавших против роста налогов и дороговизны. Роптали также средние и мелкие чиновники, месяцами не получавшие жалования. Российский посол в Стамбуле отмечал в 1867 г., что возбуждение среди жителей столицы — христиан и мусульман — столь значительно, что возможность беспорядков, направленных против двора султана и его министров, представляется вполне реальной.

В середине XIX в. продолжало набирать силу национально-освободительное движение нетурецких народов Османской империи. Болгары и сербы, греки и армяне, босняки и герцеговинцы не раз поднимались на борьбу против османского ига. Эта борьба все более и более расшатывала и без того уже не очень прочное здание империи. Султан и его правительство стремились любой ценой не допустить отделения от империи какой-либо из захваченных в период Средневековья территорий, сохранить власть турок над покоренными некогда народами.

Внешнеполитическое положение империи было в середине XIX в. также весьма неблагоприятным. После Крымской войны она все более и более теряла самостоятельность во внешней политике. Европейские державы постоянно и по любому поводу вмешивались и во внутренние дела некогда могущественной державы султанов. Она не стала колонией и не была разделена между колониальными империями Запада только потому, что соперничество держав постоянно мешало прямому захвату ими территорий Османской империи. Она стала ареной непрекращавшейся дипломатической борьбы империалистических государств за преобладающее экономическое и политическое влияние. Под предлогом помощи в проведении реформ либо под видом защиты той или иной группы немусульманских подданных султана ведущие европейские державы через своих послов в Стамбуле вмешивались в дела страны, стремясь усилить свои позиции в экономике, обеспечить себе преимущества в сфере политики. При этом дело не ограничивалось порой давлением на дипломатов. В ход шла и военная интервенция, как это было в 1860 г., когда державы послали войска в Ливан для «замирения» края во время друзско-маронитской резни.

Социальное развитие народов Османской империи происходило в новое время в крайне сложных экономических и политических условиях. В стране неуклонно шло развитие товарно-денежных отношений. Оно приводило к формированию капиталистических от-

ношений, прежде всего в городе. Наряду с широко распространенным мелкотоварным производством возникали и развивались мануфактуры и отдельные предприятия фабрично-заводского типа, с которыми были связаны торговцы — поставщики сырья, уже заинтересованные в промышленном развитии. В 60—70-х годах известный рост обнаружила, в частности, и военная промышленность, было основано несколько государственных фабрик по производству обмундирования и снаряжения для армии. В известной мере процессу зарождения и развития капиталистических отношений способствовали реформы. Весьма существенным его фактором стало втягивание Османской империи в международную торговлю, что вело к росту товарности сельского хозяйства в тех областях, которые были связаны с внешним рынком.

Из-за отсутствия железных дорог процесс зарождения и развития капиталистических отношений протекал в прибрежных, в основном европейских, провинциях. Но отмечался он и в Малой Азии. В силу исторически сложившихся обстоятельств здесь преобладала нетурецкая, в основном греческая и армянская, буржуазия. Но постепенно укреплялись позиции и турецкой торговой буржуазии, появлялась и начинала делать первые шаги турецкая промышленная буржуазия. Так, в 60-х годах в Эрзурумском вилайете в руках нарождавшейся турецкой буржуазии находилась почти вся мелкая торговля и некоторые отрасли промышленности. Ряд крупных турецких землевладельцев начали проявлять интерес к производству для рынка в связи с возросшим спросом на сельскохозяйственное сырье. Многие крупные земельные собственники стали активно участвовать и в торговых операциях.

В результате постепенного развития товарно-денежных отношений и в сельском хозяйстве появились первые ростки капиталистических форм хозяйствования. Во всяком случае, в западных районах Анатолии в 60-х годах стали возникать отдельные крупные помещичьи хозяйства, в которых нашли применение сельскохозяйственные машины и наемный труд. Особенность роста товарности сельского хозяйства в Османской империи в эту пору состояла в том, что он происходил не под влиянием внутреннего спроса, а в результате развития экспорта. Так, экспорт хлопка, опиума, изюма, ряда садовых культур возрос в 50—70-х годах XIX в. в несколько раз. Значительно увеличился и вывоз шелка-сырца. Такой характер развития товарности сельского хозяйства свидетельствовал о начале превра-

щения страны в аграрно-сырьевую базу иностранного капитала, об усилении зависимости Османской империи от европейских держав.

Вместе с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности происходило образование единого внутреннего рынка. Однако этот процесс тормозился крайним недостатком путей сообщения и существованием системы внутренних таможенных пошлин. Значительно успешнее и быстрее он протекал в балканских провинциях империи, в частности в Болгарии, где в тот период сложились экономические предпосылки образования нации.

Первые же шаги зарождавшейся турецкой буржуазии продемонстрировали ее полное социальное и политическое бесправие перед лицом султанской бюрократии и иностранного капитала. В результате в среде турецкой буржуазии возникло недовольство режимом, стало крепнуть стремление добиться условий, благоприятных для укрепления ее экономических позиций, для экономического и культурного прогресса страны. Выразителем этих идей стала молодая турецкая интеллигенция, ряды которой относительно быстро пополнялись после проведения реформ в области просвещения и культуры. Так в Османской империи в 60-х годах зародилось конституционное движение.

Некоторые исследователи склонны считать первой попыткой установления в Османской империи режима конституционной монархии заговор против султана Абдул Меджида в 1859 г., вошедший в историю под названием «Кулелийского инцидента» (по названию армейских казарм Кулели в Ченгелькее, одном из районов Стамбула, где содержали арестованных заговорщиков).

Это был необычный дворцовый заговор. В нем участвовали представители мусульманского духовенства, офицеры, в том числе младшие, а также учащиеся медресе, несколько представителей солдат и рабочих арсенала. Среди заговорщиков могли быть отдельные представители образованного офицерства и чиновничества, которые высказывали идею о целесообразности установления режима конституционной монархии. Во всяком случае, известно, что заговорщики хотели не только низложить султана, но и как-то изменить политику правительства. Заговор этот был раскрыт, его участников судили и отправили на очень длительные сроки в каторжные работы.

Можно соглашаться или не соглашаться с высказанным выше мнением о характере «Кулелийского инцидента», но бесспорно одно: непосредственные идейные предпосылки конституционного движения возникли как прямой результат деятельности одной из первых

турецких частных газет, «Тасвир-и эфкяр» («Выразитель идей»), и ее создателя Ибрагима Шинаси. Этот человек внес большой вклад в турецкую литературу, публицистику и общественно-политическую мысль. Он сформулировал на страницах своей газеты ряд очень важных для этого времени идей — о праве народа иметь и выражать свое мнение по проблемам жизни страны, о важности общественного мнения в государственных делах, значении внедрения достижений Европы во все области жизни Османской империи. Шинаси писал о важности светского законодательства и об ответственности правителя за свои действия.

Взгляды Ибрагима Шинаси и их пропаганда через печать сыграли немалую роль в формировании взглядов молодой турецкой интеллигенции. В 1862—1864 гг. в тесном помещении редакции «Тасвир-и эфкяр», расположенном над типографией, в которой печаталась газета, регулярно происходили встречи единомышленников, людей, стремившихся к серьезным переменам в общественной и политической жизни страны. Здесь бывали не только литераторы и журналисты, но и образованные представители крупного чиновничества и офицерства. Сюда заглядывали и сановники, склонные к реформаторским идеям. Тут рождались самые прогрессивные в Османской империи той поры идеи. Именно здесь получили идейную закалку будущие лидеры первых турецких конституционалистов.

Начало конституционного движения следует датировать июнем 1865 г., когда в Стамбуле было создано тайное общество, целью которого был прогресс страны.

Вечером 6 июня на даче крупного сановника Сагыр Ахмед-бея в Еникее (пригород Стамбула) его сын Мехмед-бей, внук одного из великих везиров, встретился со своими друзьями. Пятеро молодых людей обсудили вопрос о тайном собрании лиц, которых они намеревались вовлечь в задуманное ими нелегальное общество. Это собрание состоялось под видом пикника на следующий день, 7 июня 1865 г. Там и было принято решение о создании общества, которое стало именовать себя «Союзом патриотизма». Некоторое время спустя оно приняло название «Общество новых османов», под которым и вошло в историю.

Эта тайная политическая организация насчитывала в своих рядах 245 членов. В конспиративных целях она была разбита на группы по семь человек. Руководителями и идеологами общества были видные представители молодой турецкой интеллигенции, в их числе выдающийся писатель и публицист Намык Кемаль — соратник Иб-

рагима Шинаси, известные литераторы и публицисты Зия-бей и Али Суави. Среди активных членов общества было немало выходцев из семей высшей бюрократии, получивших новое светское, а порой и европейское образование. С обществом были связаны многие крупные чиновники и военные, в том числе один из крупнейших государственных деятелей империи Ахмед Мидхат-паша. «Новые османы» вербовали своих сторонников, как правило, среди образованной части офицеров армии и флота, учителей новой светской школы, чиновников разных рангов, литераторов и журналистов.

В первое время «Общество новых османов» не имело определенной политической программы. Его членов объединяло лишь стремление найти средства для обеспечения экономического и политического прогресса страны. Они были крайне недовольны политикой Порты, в особенности ненавистен был им тогдашний великий везир Али-паша. Один из современных турецких историков весьма образно характеризовал «новых османов» в начальный период их деятельности: «Новые османы» были едины не в том, чего они хотели, а в том, чего они не желали. В том, что они не желали Али-паши, все 245 были единодушны». Сохранившиеся воспоминания членов общества свидетельствуют о том, что у них действительно не было на первых порах ни единства взглядов, ни четкой программы. Диапазон их воззрений был очень широк — от веры в «добротного» монарха-реформатора до идей парламентаризма.

В марте 1867 г. «новые османы» отпечатали и распространили в Стамбуле открытое письмо находившегося в эмиграции во Франции крупного сановника империи, египетского принца Мустафы Фазыл-паши. Этот документ был опубликован в начале 1867 г. в Париже на французском языке. Он содержал призывы к ликвидации произвола и деспотизма султанских чиновников, созданию условий для развития ремесла, торговли и сельского хозяйства, оздоровлению финансов и прекращению иностранного вмешательства во внутренние дела страны. В этом публицистическом произведении, ставшем своеобразным первым программным документом «новых османов», все надежды возлагались на либерального монарха, окруженного честными и преданными интересам государства сановниками. В письме Фазыл-паши были весьма туманные намеки и на конституционное правление, когда он обращал внимание султана на «свободный порядок» жизни европейских государств. Возможно, идеи конституционализма возникли у отдельных членов общества уже в тот период. Примечательно, что в основу устава тайного общества был поло-

жен устав карбонариев, борющихся за национальное освобождение и за уничтожение феодально-абсолютистских режимов в итальянских государствах.

Весной 1867 г. группа членов общества, в том числе наиболее значительные его идеологи, эмигрировали в Европу. Решение об эмиграции было принято в ответ на репрессивные меры против ряда газет, с которыми были близко связаны руководители «новых османов».

В марте Порты закрыла газету «Тасвир-и эфкяр». Такой же участи подверглась газета «Мухбир» («Корреспондент»), которую с января 1867 г. издавал публицист Али Суави, также ставший видным деятелем «Общества новых османов». Правительство стало принимать меры против либеральных журналистов. Намык Кемаль был направлен помощником губернатора в Эрзурум, а Зия-бей получил назначение начальником округа на остров Кипр. В мае 1867 г. Кемаль и Зия бежали из Стамбула на французском пароходе «Босфор». Побег был организован близким к «новым османам» издателем французской газеты в Стамбуле Жаном Пьетри, действовавшим в контакте с Мустафой Фазыл-пашой, который обещал оказать помощь Кемалю и Зие в эмиграции. Почти одновременно с помощью агентов того же Фазыл-паши из Кастамону, где он находился в ссылке, бежал в Европу Али Суави.

Другая группа членов общества организовала заговор против правительства Али-паши. Предполагалось поднять мятеж во время традиционного посещения Абдул Азизом резиденции правительства, принудить сместить Али-пашу и назначить нового великого везира. В случае отказа султана заговорщики не исключали возможности его низложения. Они установили контакт с принцем Мурадом — наследником престола, имевшим либеральную репутацию. Сделано это было через Намыка Кемалья, который одно время был воспитателем сына Мурада. Заговор, однако, был раскрыт в результате предательства одного из его участников. В мае — июне были арестованы несколько десятков членов и приверженцев «Общества новых османов» — чиновники, преподаватели медресе и светских школ, журналисты. В числе арестованных были также командующий стамбульским гарнизоном генерал Омер Наили-паша (венгр по происхождению, участник революции 1848 г. в Венгрии, принявший ислам и отличившийся на турецкой военной службе) и помощник министра полиции Мустафа Асым-паша. На этом работа общества в столице

была практически прекращена, центрами деятельности «новых османов» стали Лондон и Париж, куда бежали многие их лидеры.

Эмигрировавшие в Европу «новые османы» вскоре начали при материальной поддержке Мустафы Фазыл-паши издавать на турецком языке свои газеты. Большую роль в пропаганде их идей сыграли газеты «Мухбир» (ее издание продолжил в Лондоне в 1867—1868 гг. Али Суави) и «Хюрриет» («Свобода»), которую Намык Кемаль и Зиябей в 1869—1870 гг. издавали в Лондоне, а позже в Женеве. «Хюрриет» стала в полном смысле слова органом «Общества новых османов». Именно на ее страницах были сформулированы такие важнейшие политические требования «новых османов», как превращение Османской империи в конституционную монархию и созыв палаты депутатов. Газета критиковала правительство за неудачи реформ, выступала за ограничение прав султана и ответственность Порты перед законом. В статьях, опубликованных в «Хюрриет», была впервые в Османской империи сформулирована идея о необходимости разделения законодательной и исполнительной власти, выдвинут принцип создания палаты депутатов. Издатели «Хюрриет» стремились теоретически обосновать совместимость идей конституционализма с нормами мусульманского права. Все эти крайне важные для турецкого либерально-конституционного движения идеи нашли отражение и в ряде других публицистических работ лидеров и идеологов «новых османов», изданных в эмиграции.

Вместе с тем в прессе и политической публицистике «новых османов» было выражено стремление сохранить империю и власть султана над покоренными народами. Идеологи «новых османов» сформулировали доктрину османизма, согласно которой все подданные султана независимо от вероисповедания — «османы», «дети одной родины». Они утверждали, что конституционное правление принесет справедливость и равенство всем подданным, резко выступали против национально-освободительных движений нетурецких народов.

Газеты «новых османов», их политические памфлеты и публицистические брошюры нелегально доставлялись в Османскую империю. Спрос на эти издания у образованной части османского общества был высок.

Жизнь в эмиграции сыграла чрезвычайно важную роль в формировании идейных и политических воззрений «новых османов». Там они познакомились с прогрессивной литературой Франции, с книгами Руссо и Вольтера, Монтескье и Гюго, Вольнея и Ламарти-

на. Ряд их произведений Намык Кемаль и Зия перевели на турецкий язык, познакомив передовых представителей турецкой интеллигенции и новой бюрократии с сочинениями, в которых содержалась острая критика абсолютизма.

В начале 70-х годов Порты позволила лидерам «новых османов» вернуться на родину. В 1871—1872 гг. некоторые из них возвратились в Стамбул. Но уже в июне 1872 г. Намык Кемаль начал издавать здесь газету «Ибрет» («Назидание»), которая вскоре стала рупором «новых османов», распространителем идей конституционализма. Популярность одного из главных идеологов «новых османов» была столь велика, что выход в свет первого номера его новой газеты стал крупным событием в общественной жизни столицы. В этот день в городе царил необычное оживление. Номер быстро был раскуплен, затем было отпечатано еще 5 тыс. экземпляров. Всего было продано очень большое по тем временам число экземпляров этого номера — 25 тыс. Газета печатала статьи с резкой критикой правительства, популяризировала идеи свободы и конституции. В условиях реакционного абсолютистского режима она осмелилась даже выступить в защиту Парижской коммуны. Спрос на «Ибрет» рос неуклонно, многие стамбульцы начинали свой день с покупки популярной газеты.

Дело кончилось обычными гонениями на издателей. Намыка Кемалья отправили начальником округа в Гелиболу, его соратников тоже выслали из Стамбула. Издание газеты на время прекратилось, но в декабре 1872 г. Намык Кемаль вернулся в столицу и продолжил издание «Ибрет». Популярность Кемалья и его единомышленников росла. В конце марта 1873 г. Порты окончательно запретила издание «Ибрет», а ее редактор был сослан на остров Кипр. Вместе с ним из столицы был выслан ряд других журналистов и публицистов из числа сторонников «новых османов». Но остановить распространение их идей среди турецкой интеллигенции было уже невозможно. Деятельность «новых османов» подготовила почву для борьбы за конституционную реформу.

Конституционное движение возникло в условиях, когда одним из наиболее важных внутривосточных процессов в Османской империи стала национально-освободительная борьба балканских народов. Она во многом определяла как внутривосточную жизнь страны, так и характер ее внешних связей. В балканских провинциях империи, где преобладало христианское население, в тот период уже сформировался экономически и политически весьма активный

слой буржуазии. В результате антитурецкая борьба народов Балкан стала с конца 50-х годов превращаться в борьбу за выход из состава империи и возрождение национальных государств. В 1861 г. на территории Дунайских княжеств было провозглашено единое независимое Румынское государство. В 1860—1862 гг. антитурецкое и антифеодальное восстание крестьян полыхало в Боснии и Герцеговине. В 1862 г. турецкие войска покинули территорию Сербии.

В 1868—1869 гг. тяжелую и кровопролитную борьбу против турецких властей вело население Крита, стремившееся присоединить этот остров к Греции. Порта жестоко расправилась с критскими повстанцами. В 60—70-х годах усилилась и антитурецкая борьба болгарского народа. В начале 70-х годов Порта обрушила жесточайшие репрессии на болгарских борцов за освобождение.

С ростом освободительного движения балканских народов совпало резкое обострение экономического и политического кризиса Османской империи. С лета 1873 г. до весны 1875 г. ряд областей Анатолии, особенно Кастамону, Анкара и Кайсери, были в результате сильной засухи и неурожая поражены голодом. В некоторых деревнях жители вымерли полностью, во многих погибло до 70—80% населения. В 1874 г. из-за отсутствия кормов в Анатолии произошел массовый падеж скота. Погибло более 2 млн. лошадей и голов крупного рогатого скота, полмиллиона ангорских коз, шерсть которых была важным предметом экспорта. Летом на юго-востоке Анатолии, в Сирии и Ливане вспыхнула эпидемия холеры. Голод и болезнь унесли жизни нескольких сотен тысяч людей. В 1874—1875 гг. неурожай и падеж скота вызвали голод и в ряде районов Европейской Турции — целые села остались без пищи и семян для посева. Катастрофическое ухудшение экономического положения страны привело осенью 1875 г. к объявлению Портой частичного финансового банкротства. Внешние займы имели следствием огромный рост бюджетного дефицита. В 1875/76 бюджетном году доходы страны оказались уже почти наполовину меньше расходов. В поисках выхода из финансового тупика Порта непрерывно увеличивала налоги. Уже в конце 1874 г. она распорядилась повысить размер ненавистного народу натурального налога — ашара с 10 до 12,5%.

Действия Порты, усугубленные произволом сборщиков налогов, вызвали возмущение крестьянских масс в разных районах империи, еще более разожгли пламя национально-освободительных движений на Балканах. Волна антитурецких крестьянских восстаний охватила в 1875 г. Боснию и Герцеговину. Осенью 1875 г. в очередной раз

поднялся на борьбу болгарский народ, мощное восстание вспыхнуло в Старой Загоре. А в апреле 1876 г. антитурецкое восстание охватило всю Болгарию. В мае 1876 г. произошли волнения в Македонии, в ходе которых в Салониках были убиты консулы Франции и Германии. 13 мая представители России, Австрии и Германии приняли так называемый «берлинский меморандум», который требовал от Порты заключить перемирие с повстанцами в Боснии и Герцеговине и признать право иностранных консулов наблюдать за проведением необходимых реформ. Османская империя оказалась перед угрозой реального вмешательства европейских держав.

В таких условиях активизировались сторонники конституционных реформ, которых возглавлял видный государственный деятель Ахмед Мидхат-паша. Он занимал посты генерал-губернатора крупных провинций, был председателем Государственного совета и великим везиром. Вместе с тем этот человек был единомышленником «новых османов». Сторонники конституции начали борьбу с правительством в блоке с некоторыми представителями феодально-клерикальных кругов, в частности с большинством учащихся стамбульских медресе — софтами.

Слухи о грозящем вмешательстве держав подогревали антиправительственные настроения в среде софт. В столице шли толки о том, что султан Абдул Азиз, боясь своего народа, попросил русского царя прислать 30-тысячное войско в Стамбул для охраны его особы и трона. Толпы софт ежедневно митинговали во дворах мечетей. Их вожаки все время совещались с агентами Мидхат-паши. По указанию Мидхата банкир наследного принца Мурада грек Христати снабжал софт деньгами. Софты стали вооружаться, за несколько дней в оружейных лавках столицы было раскуплено около 15 тыс. ружей и пистолетов. Заинтересованное в росте антирусских настроений, английское посольство в Стамбуле основательно помогло деньгами вооружению софт. В столице стали распространяться листовки с призывами к смене султана, а также к аресту и казни его министров как «изменников богу и родине».

9 мая 1876 г. на площади Баязидие собралось около 5 тыс. софт и их учителей — ходжей из разных мечетей Стамбула. Они передали султану через военного министра требование сменить великого везира Махмуда Недим-пашу, имевшего репутацию сторонника русской ориентации, и крайне непопулярного шейх-уль-ислама Хасана Фехми-эфенди. Пока во дворце обдумывали сложившуюся ситуацию, волнения софт 10 мая возобновились с новой силой. Ораторы

ры на митингах призывали к оружию. Число демонстрантов быстро росло, к ним присоединилась значительная часть мусульманского населения столицы. Правительство было так напугано размахом движения, что не рискнуло бросить против толпы воинские части. Многочисленная колонна демонстрантов двинулась к зданию Порты. Раздавались угрозы по адресу шейх-уль-ислама и великого везира. «Софты, в числе от 5 до 6 тысяч, — вспоминал один из очевидцев событий, — показались на главной улице, ведущей от моря к зданию Порты. Под их лохмотьями видно было оружие, умышленно плохо скрываемое». Великий везир укрылся в иранском посольстве, а шейх-уль-ислам вынужден был искать убежища у родственников. Султан направил для переговоров с демонстрантами своего главного адъютанта и первого секретаря. Софты подтвердили требование о смене высших сановников империи, но отказались послать во дворец свою делегацию.

Вечер 10 мая и ночь на 11 мая прошли в тревожном ожидании дальнейших событий. Утром 11 мая софты вновь начали митинговать. Число демонстрантов продолжало расти. Повсеместно слышны были требования назначить великим везиром Мидхат-пашу. Султану пришлось пойти на перемены в правительстве, но новым великим везиром был назначен консервативно настроенный Мехмед Рюштю-паша. Мидхат вошел в новый кабинет в качестве министра без портфеля.

Между тем опасность массовых волнений сохранялась. Стремясь избежать этого, а также предотвратить назревавшее вмешательство держав, группа военных и гражданских деятелей решила низложить султана Абдул Азиза. В ночь на 30 мая 1876 г. учащиеся стамбульской военной школы под командованием активного сторонника «новых османов» Сулейман-паши и части стамбульского гарнизона окружили султанский дворец Долмабахче с суши. С моря султанскую резиденцию блокировал броненосец «Масудие». Заговорщики легко разоружили дворцовую охрану. Абдул Азиз вместе с семьей был отправлен под стражей во дворец Топкапы. Тем временем в здании сераске-рата — военного министерства — собрались высшие сановники, сюда же прибыл принц Мурад. Была оглашена фетва шейх-уль-ислама, узаконившая низложение Абдул Азиза. Все министры принесли присягу Мураду V.

Принявшие участие в заговоре сторонники «новых османов» и их лидер Мидхат-паша рассчитывали, что смогут добиться от нового султана провозглашения конституции. Однако этого не произош-

ло, султан ограничился амнистией сосланных «новых османов». Намык Кемаль и другие видные конституционалисты возвратились в столицу и включились в резко оживившуюся после переворота общественно-политическую деятельность.

Борьба за провозглашение конституции продолжалась летом и осенью 1876 г. Мидхат-паша, вновь занявший пост председателя Государственного совета, уже в июне разработал проект конституции. Проект обсуждался в еще более сложной политической обстановке, вызванной войной Сербии и Черногории против Турции в поддержку боснийских и герцеговинских повстанцев, а также сменой султана.

В конце августа вместо заболевшего тяжелым расстройством нервной системы Мурада V трон занял Абдул Хамид II, отнюдь не проявлявший склонности поддержать конституционалистов. И все же он был вынужден перед лицом все возраставшей угрозы вмешательства держав согласиться на публичное обсуждение проекта конституции. В сентябре такое обсуждение состоялось в Порте на чрезвычайном совете с участием высших сановников государства и представителей всех религиозных общин, а затем проект был передан султану. В октябре указом султана была создана конституционная комиссия под председательством Мидхата; в ее состав вошли идеологи «новых османов» Намык Кемаль и Зия. Последний был назначен председателем рабочего комитета комиссии, который готовил закон о выборах в будущую палату депутатов.

В конституционной комиссии и в правительстве развернулась острая борьба по вопросу о правах султана, которые феодально-клерикальные круги стремились сохранить в полной неприкосновенности. В ноябре комиссия закончила работу и проект был вновь передан султану. Этот проект предусматривал созыв двухпалатного парламента и вводил пост премьер-министра. Абдул Хамид и его окружение сочли, что конституция недостаточно обеспечивает права суверена. Под этим предлогом султан стал настаивать на пересмотре проекта. После повторного рассмотрения проекта в Порте султан вновь прибегнул к тактике оттяжек.

Дело решили внешнеполитические обстоятельства. В конце июня — начале июля 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи, поддержав повстанцев в Боснии и Герцеговине. Хотя турки и одержали победу, ситуация для Порты очень усложнилась. Державы по предложению России решили провести в Стамбуле конференцию своих уполномоченных для обсуждения вопроса об условиях мира между воюющими сторонами. В октябре Россия в

ультимативной форме потребовала от Османской империи, войска которой готовились к маршу на Белград, прекратить военные действия против Сербии. Порты пошла на двухмесячное перемирие, но в турецкой столице начали готовиться к возможному вооруженному столкновению с Россией. 11 декабря в Стамбуле начались предварительные консультации держав (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии и России) по выработке проекта автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии, который предполагалось осуществить под наблюдением держав — участниц будущей Стамбульской (Константинопольской) конференции. Ее официальное открытие было намечено на 23 декабря.

Когда стало ясно, что на конференции турецким уполномоченным предстоит иметь дело с согласованным державами проектом автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии, Абдул Хамид — ловкий и хитрый политик — дал согласие на провозглашение конституции и даже назначил 19 декабря Мидхат-пашу великим везиром. Правда, воспользовавшись крайней напряженностью момента и стремлением Мидхата любой ценой обеспечить издание конституции, султан добился включения в ее текст печально знаменитого добавления к ст. 113, которое дало ему неограниченное право высylать за пределы империи любое негодное ему лицо.

23 декабря 1876 г. в Стамбуле стояла ненастная погода. Несмотря на дождь, у здания Порты собралось множество людей, пришедших на официальную церемонию провозглашения первой в истории Турции конституции. Около часа дня перед собравшимися появился первый секретарь султана, вручивший Мидхату монарший указ о провозглашении конституции. Указ зачитал главный секретарь Порты. Абдул Хаида II на церемонии не было. Указ гласил, что конституция совместима с законами шариата, является продолжением реформ, начатых султаном Абдул Меджидом, и обеспечит равенство и свободу всем подданным империи. После чтения указа прозвучала молитва за здоровье султана, а затем прогремел салют из 101 орудия. Его эхо громко отдалось под сводами зала, где в эти же часы началась работа конференции держав. Турецкий представитель торжественно объявил о принятии конституции, которая дарует равные права всему населению империи и делает излишними труды участников открывающейся конференции. Но представители держав настаивали на рассмотрении вопросов повестки дня. Тем не менее, турецкие представители заняли на конференции непримиримую пози-

цию, отвергая со ссылкой на конституцию все предложения держав о реформах на Балканах.

Конституция 1876 г. торжественно провозгласила личную свободу и равенство перед законом всех подданных империи без различия вероисповедания, гарантировала безопасность движимой и недвижимой собственности, неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов и податей на основе закона, безусловное запрещение барщины, конфискаций и штрафов. Конституция декларировала свободу печати, объявила об обязательном начальном образовании. Конституция определила, что в стране будет действовать двухпалатный парламент, состоящий из сената, члены которого будут пожизненно назначаться султаном, и палаты депутатов, которую будет избирать мужское население империи из расчета 1 депутат на 40 тыс. жителей. Депутатами могли быть избраны подданные империи, владеющие турецким языком и достигшие 30-летнего возраста. В права палаты по конституции входило обсуждение и утверждение государственного бюджета, а также рассмотрение и утверждение законопроектов, касающихся финансов и положений конституции. В конституции были, наконец, определены права и обязанности министров и чиновников империи, а также принцип гласности и независимости судов. Важной чертой первой турецкой конституции было объявление Османской империи единым целым, которое не подлежит ни под каким предлогом расчленению. Этот пункт прямо был направлен против освободительной борьбы нетурецких народов. Конституция 1876 г. объявляла всех подданных империи «османами».

Конституция весьма мало ограничила власть султана, но сам факт торжественного провозглашения личной свободы гражданина и установления парламентарного режима был, бесспорно, важным событием в истории страны, в которой безраздельно царил средневековый абсолютизм.

Творцы первой турецкой конституции не имели широкой классовой опоры. Они добились ее провозглашения, используя благоприятно сложившиеся для них политические факторы. Население провинций, как турецкое, так и нетурецкое, встретило конституцию без энтузиазма. Отсутствие у конституционалистов прочной социальной базы позволило султану Абдул Хамиду вскоре расправиться с их лидером.

Столкновения между султаном и Мидхатом начались сразу же после назначения последнего великим везиром. Мидхат не раз спо-

рил с султаном при решении важных государственных дел. В частности, он выражал несогласие с репрессиями против некоторых столичных газет, требовал отставки министра финансов, выдавшего султану крупную сумму из государственной казны без согласования с кабинетом министров. Однако Абдул Хамид пренебрегал советами и требованиями главы конституционалистов. 30 января 1877 г. Мидхат направил султану смелое письмо, напоминая ему о конституционных правах министров и подданных, о необходимости обеспечить свободу и возрождение страны. Он упрекал султана в том, что, не поддерживая предложения правительства, Абдул Хамид сам мешает укреплению государства. 5 февраля Мидхат был арестован и доставлен на борт султанской яхты «Иззеддин». Ее капитан получил приказ отвезти бывшего великого везира в любой иностранный порт по его выбору. Этот акт произвола султан оправдывал ссылкой на допущение к ст. 113 конституции.

Репрессии против Мидхата и ряда других видных деятелей конституционного движения не вызвали массовых выступлений в их защиту. Правда, в марте 1877 г. сторонникам Мидхата удалось организовать демонстрацию софт за его возвращение на пост великого везира, но власти легко расправились с демонстрантами. Были произведены многочисленные аресты, наиболее рьяных смутьянов выслали из столицы. Впрочем, конституцию султан отменить не решился, она продолжала действовать, и на ее основе в 1877—1878 гг. состоялись, в условиях начавшейся в апреле 1877 г. русско-турецкой войны, две сессии парламента.

Палата депутатов, избранная в марте 1877 г., оказалась послушной султану и Порте. Но при обсуждении ряда законопроектов — например, об управлении вилайетами, об организации муниципалитетов, о бюджете, о печати — ряд депутатов позволили себе резкую критику по адресу администрации, выявляя злоупотребления чиновников. В мае 1877 г. палата потребовала у правительства объяснений причин тяжелых поражений турецкой армии в войне с Россией. На сессии палаты второго созыва дело дошло до того, что депутаты стали ставить вопрос о доверии великому везиру и ряду министров. Палата смогла даже добиться от султана смены кабинета министров.

Когда катастрофическое поражение турецких войск стало очевидным и перед русской армией была практически открыта дорога на Стамбул, султан Абдул Хамид в середине февраля 1878 г. распустил палату депутатов на неопределенный срок. Конституция фор-

мально не была упразднена. Но мрачным парадоксом истории стал тот факт, что именно первый в истории Турции конституционный монарх вскоре превратил страну в арену кровавых злодеяний. Поражение конституционного движения имело значительные последствия. Реакционным силам и иностранному капиталу удалось после этого еще на несколько десятилетий законсервировать феодальные социальные и культурные институты. Но активное участие в конституционном движении стало для молодой турецкой буржуазии первой пробой сил в борьбе за свои права и прогресс страны.

Провал Стамбульской конференции заставил Россию обратиться к другим средствам, чтобы обеспечить решение проблем балканских народов Османской империи. По ее инициативе в марте 1877 г. в Лондоне была созвана конференция шести держав (России, Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии), на которой был подписан протокол, требовавший от Порты решительно улучшить положение христианских подданных султана. Но турецкое правительство отклонило предложение держав, в очередной раз полагаясь на расхождения в их позициях. Решение Порты вызвало резкую реакцию в Петербурге, и 4 апреля 1877 г. Россия объявила Османской империи войну.

Военные действия одновременно развернулись на Балканском и Кавказском фронтах, причем центральные события происходили на балканском театре. Русские войска с боями форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии. В июне они захватили Шипку — важнейший укрепленный перевал в горах Стара-Планина. Летом 1877 г. начались упорные бои за Плевну — стратегический узел дорог. Русские войска несколько раз штурмовали Плевну, в начале декабря 1877 г. турецкий гарнизон города капитулировал. Успешными оказались действия русских войск и на Кавказском фронте. В мае 1877 г. они взяли Ардаган, в августе вошли в Сухуми, а в ноябре 1877 г. после ночного штурма овладели Карсом — одной из наиболее значительных турецких крепостей в Анатолии.

В январе 1878 г. русские войска, поддержанные болгарам и сербам, заняли Софию. Вскоре от турецких поработителей была освобождена вся территория Болгарии. Русские войска двинулись на Эдирне. 20 января они овладели этим городом, открыв дорогу на турецкую столицу. Султан был вынужден начать переговоры о перемирии, которое и было подписано 31 января 1878 г. Турция обязалась принять условия мира, выработанные Россией. Державы пытались повлиять на ход русско-турецких переговоров, с тем чтобы

рассмотрение проблем балканских народов было перенесено на общеевропейскую конференцию. Англия даже провела военно-морскую демонстрацию в Мраморном море. Ответом на нее было движение русских войск на Стамбул и занятие ими селения Ешилькей (Сан-Стефано), расположенного в 12 километрах от столицы. Здесь 3 марта 1878 г. и был подписан русско-турецкий мирный договор. Он определил полную независимость Сербии и Черногории, установил для Болгарии статус автономного княжества. Порта взяла на себя обязательство предоставить автономию Боснии и Герцеговине. Россия вернула себе Южную Бессарабию, потерянную ею по условиям Парижского договора 1856 г. Сан-Стефанский мирный договор закрепил власть России в Ардагане, Баязиде, Батуме и Каре.

Военные и дипломатические успехи России вызвали противодействие европейских держав, боявшихся усиления ее влияния на Балканах и на Ближнем Востоке. России пришлось согласиться на проведение в Берлине общеевропейского конгресса для обсуждения вопросов, связанных с русско-турецким мирным договором. Готовясь к этому конгрессу, Англия заключила тайный договор с Османской империей, направленный против России.

Берлинский конгресс (в нем участвовали делегации России, Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Италии и Османской империи) открылся 13 июня 1878 г. 13 июля был подписан Берлинский трактат, который изменил в ущерб России и славянским народам Балкан положения Сан-Стефанского договора. Хотя он подтвердил независимость Румынии, Сербии и Черногории, границы Черногории оказались урезанными. Австро-Венгрия приобрела право оккупировать Боснию и Герцеговину. Болгария была разделена, причем Северная Болгария была объявлена автономным княжеством, а Южная, под названием Восточная Румелия, вновь была поставлена под власть султана при условии управления генерал-губернатором из христиан. Из азиатских приобретений России за ней остались Батум, Ардаган и Карс. Порта обязалась провести реформы в областях, населенных армянами. В целом Берлинский конгресс был победой противников России. Отныне преобладающее влияние в Османской империи и на Балканах получали Англия и Австро-Венгрия. И все же западным державам не удалось полностью ликвидировать важные для исторических судеб балканских народов результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг. На Балканах возникли значительно более благоприятные условия для социального и национального прогресса.

Война 1877—1878 гг. с новой силой продемонстрировала социальную и политическую отсталость Османской империи, гнилость султанского режима. После этой войны феодально-клерикальные круги сделали все для ликвидации остатков либерально-конституционного движения. В Османской империи три десятилетия господствовал деспотический режим Абдул Хамида II, вошедший в историю под названием «зулум», что в переводе с турецкого означает «гнет», «тирания». В стране наступили мрачные времена. В социально-политическом отношении она была отброшена далеко за рубеж эпохи реформ.

Глава 11

КРОВАВЫЙ СУЛТАН

В конце XIX в. процесс превращения Османской империи в полуколонию европейских государств завершился. Произошло это в эпоху империализма, когда между великими державами началась острейшая борьба за господство над миром. В.И. Ленин писал, что эпоха империализма создает «целый ряд переходных форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразие форм зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости». Именно такой страной стала некогда столь могущественная Османская империя.

Турция продолжала быть одной из наиболее отсталых аграрных стран. Европейских путешественников по-прежнему поражала на редкость примитивная техника земледелия. Крупное землевладение сочеталось с мелким землепользованием, почти повсеместно использовалась издольная аренда, тормозившая развитие сельскохозяйственного производства. В некоторых районах Восточной Анатолии крестьяне, как и сотни лет назад, несли барщинные повинности. Трудящиеся продолжали страдать от налогового бремени. При этом шесть седьмых всей суммы государственных налогов падало на крестьянство. В конце XIX в. ашар был вновь увеличен до 12,5% урожая, а произвол откупщиков превращал этот губительный для крестьян налог в 30 и 40%. Откупщик и ростовщик были и в эту пору наиболее зловещими фигурами в сельской жизни. Не меньше

страдал крестьянин и от произвола султанской администрации, использовавшей сбор налогов для личного обогащения.

В конце XIX в. сельское хозяйство Османской империи находилось в сильной зависимости от иностранного капитала. Производство зерновых, в первую очередь пшеницы, не выдерживало иностранной конкуренции. Дело дошло до того, что Стамбул и ряд других прибрежных городов страны получали зерно и муку из-за рубежа. Иностранный капитал приобрел в некоторых отраслях сельского хозяйства позиции организатора и хозяина производства. Созданная иностранным капиталом специальная организация получила от Порты монополию на производство и экспорт турецкого табака. Она была полновластным хозяином в табачководческих районах империи. Будучи заинтересован в дешевом сельскохозяйственном сырье, иностранный капитал стремился к сохранению обеспечивающих эту дешевизну полуфеодалных и феодальных методов эксплуатации крестьян.

В годы правления Абдул Хамида II промышленность страны, обладавшей огромными богатствами, по-прежнему находилась в жалком положении. Новым было лишь то, что к концу столетия добывающую промышленность уже «освоили» иностранные, главным образом английские и французские, компании, получившие концессии на разработку полезных ископаемых. Иностранные предприниматели получали высокие прибыли за счет льгот концессий и крайней дешевизны рабочей силы.

Сталеплавильных и машиностроительных заводов Османская империя не имела. Русский исследователь писал в начале XX в.: «Металлургических заводов в Турции нет, и из 3 млн. пудов добываемой ежегодно руды всех наименований для местного потребления остается не более 100 тыс. пудов. Остальное, побывав на заграничных заводах, возвращается на родину в переработанном виде и стоит втридорога». В конце XIX в. во всей империи было лишь пять литейных и железоделательных мастерских, всего шесть лесопильных предприятий. В стране было несколько десятков небольших хлопчатобумажных, ковровых и суконных фабрик, ряд предприятий мукомольной промышленности, а также государственные военные заводы Стамбула. Все промышленные предприятия были сосредоточены в столице и в нескольких крупных городах европейской части империи и прибрежных районов Анатолии. Остальные районы империи промышленности в современном смысле слова вообще не имели. Российский консул в Эрзуруме так описывал в 1885 г. промышленное развитие

края: «Промышленность в здешнем вилайете находится в более или менее первобытном положении и служит лишь для удовлетворения самых неприхотливых требований местного населения. Фабрик и заводов в смысле европейском в вилайете не имеется».

Вместе с тем в стране постепенно развивались капиталистические отношения. Однако почти все сколько-нибудь значительные предприятия находились в руках иностранного капитала или компрадорской буржуазии. В начале XX в. турецкой национальной буржуазии принадлежало всего 15% промышленных предприятий. Значительной была доля в промышленности инациональной буржуазии, которая обычно ограждала себя и организуемое ею производство от произвола султанских чиновников, разорительных налогов и пошлин, принимая подданство какой-либо из европейских держав.

20 декабря 1881 г. была создана «Администрация оттоманского публичного долга». Эта организация получила право с помощью собственного аппарата собирать в различных районах Османской империи ряд государственных налогов и пошлин с целью обеспечить выплаты долгов иностранным кредиторам. В 1882 г. в ее распоряжение были переданы доходы от табачной и соляной монополий, гербовый сбор и сбор от спирта, право сбора ашара в ряде крупных городов и провинций. В дальнейшем этот список продолжал быстро расти.

Создание «Администрации оттоманского публичного долга» означало фактическое установление иностранного контроля над экономикой и финансами страны. Административный совет организации состоял из представителей Англии, Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии, Оттоманского банка и местных кредиторов Порты. Ее аппарат рос очень быстро, превысив в 1890 г. 4,5 тыс. человек, а к 1908 г. достигнув почти 10 тыс. служащих. Этот аппарат — откровенное орудие иностранной экспансии — числился на турецкой службе, и его содержание дорого обходилось казне.

Российский посол в Стамбуле Нелидов писал в 1890 г., что совет «Администрации оттоманского публичного долга» обладал силой, являвшейся политическим фактором. Двумя годами позже он отмечал, что экономика империи постепенно переходит в руки иностранцев и что государственной казне грозит полное истощение. Дело идет к тому, писал Нелидов, что в недалеком будущем османское финансовое ведомство вообще будет заменено каким-либо международным учреждением. Формально этого все же не случилось,

но к началу XX в. реальным хозяином финансов Османской империи стали иностранные банки — кредиторы.

Пагубную политику пополнения казны за счет кабальных внешних займов Порты непрерывно продолжала и в царствование Абдул Хамида II. С 1886 по 1908 г. было заключено 11 займов на сумму более 800 млн. фр. Получение займов, как правило, обуславливалось согласием Порты выполнить те или иные требования держав — предоставить новые концессии, передать европейским промышленникам выгодные заказы, а иногда и признать территориальные претензии.

В финансово-экономическом закабалении страны все большую роль играли иностранные банки с разветвленной сетью филиалов в провинциях. Один только Оттоманский банк, сохранявший статус государственного банка империи, имел к 1909 г. 55 отделений по всей стране. Банкиры крупнейших европейских держав финансировали в рассматриваемый период более десяти банков в Османской империи. В стране был только один турецкий банк — Сельскохозяйственный (основан в 1888 г.). Оттоманский банк выплачивал своим акционерам в Англии и Франции дивиденды — 12% годовых, между тем как дефицит внешнеторгового баланса Османской империи неуклонно возрастал из года в год. К 1906 г. он составил огромную сумму — 12 млн. лир. Все попытки Порты добиться пересмотра невыгодных для Османской империи торговых и финансовых соглашений с державами не дали ощутимых результатов.

О полуколониальном положении Османской империи свидетельствовало и безудержное железнодорожное строительство. Суммы, получаемые от сбора ашара на третьей части территории страны, уходили на оплату пресловутых «километрических гарантий». Одним из ярких примеров экономической экспансии империализма стало предоставление в 1902 г. германским капиталистам концессии на строительство Багдадской железной дороги. Еще до начала ее сооружения акционеры получили огромные прибыли — 140 млн. немецких марок, значительную часть которых дал выпуск акций и облигаций.

Хотя иностранный капитал не был заинтересован в экономическом развитии полуколониальной страны, превращение ее в аграрно-сырьевой придаток иностранных монополий объективно сопровождалось ростом производства ряда технических культур. Процесс разделения труда и постепенное развитие капиталистических отношений в деревне вели к усилению классовой дифференциации крестьянства и возникновению слоя помещиков-капиталистов. Изме-

нения произошли и в крупных городах, где появились фабрики и заводы, построенные иностранными капиталистами. В районах железнодорожного строительства не только возникали связанные с его нуждами предприятия и мастерские, но и возрастала товарность сельскохозяйственного производства, увеличивалась добыча некоторых полезных ископаемых, в частности угля.

Рост торговли и некоторое развитие промышленного производства сказались на социальных процессах в городах империи. Развивалась местная буржуазия, в первую очередь компрадорская, которая была тесно связана с иностранным капиталом и состояла преимущественно из представителей нетурецких народов. Первые шаги начал делать городской пролетариат.

В руках иностранцев к концу века оказались все ключевые позиции в экономике. Во всех сферах хозяйства шла ожесточенная борьба различных империалистических группировок за преобладающее влияние. В конце XIX в. в эту борьбу активно включились германские монополисты, которые в очень короткий срок вложили в экономику Османской империи около 1 млрд. марок. На рубеже столетий немецкие промышленники и банкиры основательно потеснили англо-французских финансистов и предпринимателей. В итоге страна стала «хозяйственной территорией» империалистических держав. Иностранный капитал беспощадно грабил ее, пользуясь при этом полной поддержкой феодально-абсолютистского султанского режима. В годы правления Абдул Хамида II феодально-клерикальные круги стали верным союзником иностранного капитала. Получая от него средства на поддержание режима, они предавали интересы своей страны и населявших ее народов, торговали природными богатствами и экономическими ресурсами империи. Неудивительно, что именно то время, когда Османская империя окончательно превратилась в полуколонию, стало едва ли не самым страшным периодом в ее истории.

Режим Абдул Хамида II, прозванного за свои злодеяния Кровавым, выражал интересы феодалов, высшего мусульманского духовенства и крупной бюрократии. После разгрома сторонников конституции вновь безраздельно воцарились те средневековые условия жизни, которые в середине XIX столетия с трудом стали уступать место буржуазному правопорядку. Не осталось никаких гарантий жизни и имущества подданных султана. Внутреннее положение стали определять ничем не ограниченный произвол чиновников, коррупция бюрократического аппарата, господство дворцовой камарильи. Султан

Абдул Хамид и его приближенные — самые реакционные представители мусульманского духовенства, — а также ряд арабских, курдских и черкесских феодалов держали в своих руках все нити управления государством. Порта сделалась игрушкой в их руках. В снискавшем мрачную славу султанском дворце Ыылдыз действовали специальные бюро, контролировавшие деятельность правительственных ведомств — военного, иностранных дел, экономики и финансов, образования. Во дворце решались судьбы всех высших сановников империи, малейшее неудовольствие султана и его клики могли стоить не только поста, но и жизни. Крайне низок был культурный уровень чиновничества. Примечательно, что в 1898 г. среди министров, возглавлявших основные ведомства Порты, не было ни одного человека с высшим образованием. Можно себе представить, каково было в этом отношении провинциальное чиновничество. В годы «зулюма» образованность была для чиновника опасной — легко можно было попасть в число политически неблагонадежных лиц.

Страшным злом стали огульные аресты по доносам и ссылки людей, заподозренных в неблагонадежности. Шпионаж был поистине духом деспотического режима. Сами слова «шпион», «донос» сеяли ужас. Турецкий писатель Халид Зия Ушаклыгиль писал в своих воспоминаниях об этом времени: «Темные улицы Стамбула застыли от страха. Шпионы, шпионы... Все боялись друг друга: отцы — детей, мужья — жен. Открытых главарей сыска уже знали, и при виде одних их теней головы всех уходили в плечи, и все старались куда-нибудь укрыться».

От шпионов и доносчиков не был огражден никто. Следили за всеми сановниками империи, донося султану даже об их гастрономических или театральных вкусах. Периодически подозрения падали на великого везира, шейх-уль-ислама или министров. Далеко не всегда подозреваемым удавалось оправдаться. Султан был явно одержим манией преследования. Его подозрительность создавала атмосферу недоверия и враждебности даже внутри дворцовой камарилы, в кругу самых приближенных к султану лиц. Российский посол в Стамбуле писал в одном из своих донесений в 1902 г. об обстоятельствах опалы и ареста крупного сановника, старшего генерал-адъютанта султана, маршала Фуад-паши. По доносу Фуад-паша был взят под наблюдение султанских шпионов. Узнав об этом, Фуад-паша приказал слугам выставить шпиков из своего дома. Возникла драка, во время которой в ход было пущено оружие. Фуад-паша был немедленно арестован и сослан. Между тем единственной причиной

ссылки было желание султана избавиться от сановника, нрав которого показался ему независимым.

Атмосфера произвола, естественно, распространилась и на жизнь провинций. Высшие чины провинциальной администрации менялись столь же часто, как и чиновники столичных ведомств. Повсюду царили произвол, казнокрадство и взяточничество. «Вся страна от вилайетов до уездов, — писал Халид Зия Ушаклыгиль, — разьедалась червями изнутри и снаружи. Правительство повернуло все источники богатства к ненасытной, бездонной пасти дворца. Во всех углах страны были шпионы, на них сыпались щедро деньги, одежда, чины. Все, что было в этой злосчастной стране, уходило в их прожорливые чрева... Здесь из изменников вербовались слуги, из воров — министры. На груди, в которых не было ничего, кроме грязи, нацеплялись ордена с драгоценными камнями; негодяям, упавшим в пропасть, давались высокие посты... И за этими чинами, рангами, деньгами не был виден измученный, угнетенный народ».

Абдул Хамид II поставил все учебные заведения и их программы под жесточайший контроль цензуры, сам постоянно вмешивался в дела ведомства просвещения. Любое проявление свободомыслия в процессе школьного обучения немедленно пресекалось. В светской турецкой школе резко возросло религиозное влияние. Открытый вновь в 1900 г. (к 25-летию царствования Абдул Хамида) университет в Стамбуле влачил жалкое существование. Правительственные инспектора контролировали не только лекции по богословию, литературе и истории, но и специальные курсы на техническом факультете. Лекции по истории даже в университете были сведены к краткому изложению истории ислама и династии Османа. Особенно жестко султан и его цензоры опекали военные училища, которые Абдул Хамид не без основания считал рассадником либерализма.

Эпоха «зулюма» стала и худшей порой для турецкой культуры. Журналистика, достигшая в годы танзимата и конституционного движения значительных успехов, была сведена на нет усилиями султанских цензоров. Резко уменьшилось число газет и журналов, а несколько сохранившихся изданий печатали только угодные султану и Порте статьи. Было запрещено употреблять слова «свобода», «равенство», «право», «конституция», «революция», «тирания», «деспотизм». Даже такие слова, как «весна» или «возрождение», казались цензорам крамольными, ибо могли, по их мнению, натолкнуть читателя на сомнительные мысли. Российский дипломат, долго живший в Стамбуле в годы царствования Абдул Хамида II, писал: «Ту-

рекая пресса изнемогала под ярмом самой беспощадной предварительной цензуры и совершенно не могла касаться ни внутренней, ни внешней политики правительства; ей предоставлялось только в самых униженных выражениях пресмыкаться перед султаном». Произвол невежественных цензоров распространился на лучшие произведения европейской литературы. Были запрещены книги Руссо и Вольтера, Шиллера и Шекспира, Расина и Корнеля, Гюго и Золя, Толстого и Байрона. Под особо строгим запретом оказались произведения Намыка Кемаля, Зии-бея и ряда других прогрессивных литераторов — деятелей конституционного движения.

Немногочисленные турецкие писатели в своем творчестве даже не пытались касаться социальных или общественных проблем. Правда, в 90-х годах существовала сравнительно прогрессивная группа писателей — «Сервет-и фюнун» («Сокровищница знаний»), издававшая одноименный журнал. Среди этих литераторов были крупные писатели и поэты — Халид Зия, Тевфик Фикрет, Самипашазаде Сезаи. Но и для них в тот период были характерны упадочничество и пессимизм. Писатели, входящие в группу «Сервет-и фюнун», были все же молчаливыми противниками жестокого режима, а потому к 1901 г. журнал был ликвидирован абдулхамидовской реакцией.

В новое время Османская империя постоянно была ареной борьбы нетурецких народов за свое освобождение. Абдул Хамид и его окружение по-своему решили проблемы многонациональной страны. Они превратили ее в тюрьму народов, обеспечив свое господство с помощью разжигания религиозной и национальной вражды. Англичанин Э.Ф. Найт, хорошо знавший политическую жизнь империи при Абдул Хамиде II, писал: «Он сознательно ослаблял Оттоманскую империю, поселяя в ней раздоры и деморализуя своих подданных, чтобы в государстве не могло появиться никакого элемента, никакой группы людей, достаточно сильной для попытки низложить его. Он сеял вражду между различными христианскими сектами и разжигал мусульманский фанатизм... а когда подданные султана отвечали на притеснения мятежами, он гасил их страшными массовыми убийствами».

Султан использовал для провоцирования столкновений между разными народами весь огромный аппарат сыска, жандармерию и полицию. В эти годы буквально ужас наводила во многих районах страны иррегулярная кавалерия «хамидийе», созданная султаном с помощью преданных ему вождей курдских племен. Особенно пострадали от террора этих султанских головорезов районы с армян-

ским населением. Абдул Хамид и его ближайшее окружение организовали в 1894—1896 гг. страшную резню армян, потрясшую весь мир. Уже в 80-х годах султан начал проводить политику физического истребления армян, но в 1894 г. эта политика приобрела угрожающие размеры после кровавой резни армян в Сасуне в августе — сентябре 1894 г. Через год избиение армян началось по всей стране. За два года было уничтожено около 300 тыс. человек. Сотни городов и сел Западной Армении были разорены султанскими войсками, полицией и конницей «хамидийе».

Абдул Хамид II не только использовал принцип «разделяй и властвуй». Он взял на вооружение реакционную доктрину панисламизма, суть которой сводилась к единению мусульман всего мира под эгидой халифа, которым был сам турецкий султан.

Все годы царствования Абдул Хаида II продолжалась борьба великих держав за преобладающее политическое или экономическое влияние в Османской империи. Разменной монетой в дипломатической игре держав были армянский вопрос, междоусобная борьба в Македонии, восстание критских греков. Эти события обычно использовались державами для усиления их влияния на султана и Порту. Позиция Османской империи в международных вопросах в те годы чаще всего определялась в европейских столицах, а Абдул Хамид — ловкий и коварный политик — вел игру, целью которой было укрепление его личных позиций. Примером диктата держав могут служить результаты турецко-греческой войны 1897 г., которая возникла в результате восстания греков на острове Крит. Туркам удалось разгромить греческую армию, но державы заставили султана подписать такой мирный договор, который привел к фактической ликвидации власти Османской империи над Критом.

В конце XIX в. в Османской империи резко возросло политико-экономическое влияние Германии. Султан и Порты во внешнеполитических делах стали откровенно ориентироваться на Берлин. Турецкая армия была поставлена под контроль немецких инструкторов. Многие ведомства Порты оказались под опекой немецких советников.

Итак, в начале нашего века Османская империя продолжала быстро терять экономическую и политическую независимость. На пути исторического прогресса этой страны стояли султанский деспотический режим и иностранный капитал. Это не могло не способствовать возникновению новой волны протеста тех социальных и политических сил турецкого общества, которые составили социаль-

ную базу движения за конституцию. Наиболее значительным проявлением этого общественно-политического процесса стало младотурецкое движение.

В первое десятилетие царствования Абдул Хамида II казалось, что оппозиционные настроения подавлены полностью и окончательно. Однако в недрах образованной части общества не только сохранились, но и продолжали развиваться буржуазно-либеральные идеи. И чем яростнее душили султан и его приспешники любое проявление свободомыслия, тем отчетливее вырисовывались контуры оппозиционного движения. Оно созревало по-прежнему главным образом в среде разночинной интеллигенции, образованного офицерства, учащихся военных и специальных гражданских школ.

Первая попытка начать борьбу против деспотии Абдул Хаида II датируется 1889 годом, когда Ибрагим Темо, курсант военно-медицинского училища, албанец по происхождению, вместе с тремя товарищами по училищу создал тайную группу, построенную по принципу организации карбонариев. Целью участников тайного общества было спасение родины от деспотизма и тирании.

Тайная ячейка в стенах военно-медицинского училища насчитывала 20—25 членов. Ее руководители стали устанавливать контакты с учащимися других учебных заведений Стамбула, и в короткий срок там были созданы новые ячейки. То обстоятельство, что первые группы младотурок возникли именно в военных и специальных гражданских учебных заведениях, нельзя считать случайным явлением. Они были в тот период наиболее важными центрами формирования турецкой интеллигенции.

Воззрения участников первых ячеек будущего младотурецкого движения формировались под непосредственным влиянием литературных и публицистических работ Ибрагима Шинаси и Намыка Кемаля, Мидхата и Зии.

Примерно в это же время стал складываться первый зарубежный центр младотурок. Его возглавил один из лидеров и идеологов младотурецкого движения, Ахмед Риза-бей, — сын крупного чиновника, получивший европейское образование. В 1889 г. Ахмед Риза эмигрировал во Францию. Как и многие другие турецкие буржуазные реформаторы, он начал с писем султану, в которых призывал к восстановлению конституционного правления. Вокруг Ахмеда Ризы постепенно сложилась небольшая группа единомышленников. В декабре 1895 г. Ахмед Риза начал издавать газету «Мешверет» («Дебаты»).

В 1892 г. Порте стало известно о существовании тайного общества в военно-медицинском училище. Ряд курсантов — членов общества были арестованы, но после нескольких месяцев заключения все они были помилованы султаном. Абдул Хамид предпочел не накалять репрессиями атмосферу в военных училищах. Бывшие заговорщики получили даже возможность продолжать учебу. Вероятно, Абдул Хамид хотел все свести к юношеской выходке. Но он просчитался, ибо деятельность общества продолжала шириться. Его члены даже начали вести пропаганду своих идей среди софтов.

В 1894 г. группа курсантов военно-медицинского училища отпечатала листовку от имени «Османского общества единения и прогресса» («Османлы Иттихад ве Теракки джемиети»). В ней содержался призыв к совместной борьбе всех народов Османской империи с деспотическим режимом. Оппозиционные правительству группы распространяли ее в Стамбуле среди чиновников, офицеров армии и флота, курсантов военных училищ. Начались аресты лиц, подозревавшихся в свободомыслии. Многие участники этой акции были сосланы в разные районы империи. В 1894—1895 гг. Турцию покинуло, спасаясь от арестов, значительное число участников иттихадистских ячеек в учебных заведениях. Некоторым удалось бежать в Европу из ссылки. Многие эмигранты обосновались в Париже.

После арестов и ссылок 1894—1895 гг. стамбульские ячейки иттихадистов все же не прекратили существования. Они даже создали Центральный комитет под председательством крупного чиновника Хаджи Ахмед-эфенди. Тайная организация младотурок уже имела свой устав, в котором было сказано, что целью общества «Единение и прогресс» является обеспечение справедливости, равенства и свободы, прогресс страны и освобождение ее от иностранной кабалы. В нем прямо говорилось, что важнейшей задачей общества является борьба за восстановление конституционного режима. В стране начали тайно распространяться печатавшиеся обычно в Европе или в Каире политические памфлеты на турецком языке, содержавшие острую критику Абдул Хамида II и его действий.

Авторы памфлетов, разоблачавших «кровавого султана», писали о нем с негодованием и презрением. В памфлете «Надежда пробуждения» говорилось, что «история человечества не знала монарха более неблагодарного, жадного и подлого». В другом памфлете, изданном в Женеве, Абдул Хамид II был изображен на обложке в виде дряхлого старца с револьвером в руке, оставляющего за собой на дороге кровавые следы. Султана именовали «безумным», «послед-

дователем дьявола», «исчадием ада», «змеей и скорпионом». Автор одного из памфлетов гневно восклицал, обращаясь к Абдул Хамиду: «По какому праву ты господствуешь над нами, пьешь нашу воду, ешь наш хлеб, да еще, не стыдясь, называешь себя нашим господином?» Младотурецкие публицисты были далеки от понимания социальной природы режима, который они хотели изменить. Именно поэтому пороки власти в их пропаганде обычно сводились к личным качествам ненавистного им султана.

В эмиграции иттихадисты издавали несколько десятков газет на турецком языке. Наиболее значительными были парижская «Мешверет» (выходила и на французском языке), «Мизан» («Весы» — Каир, 1896—1897), «Османлы» («Османец» — Женева, Лондон, Каир, 1897—1904), «Шура-и уммет» («Совет общины» — Париж, Каир, 1902—1908). Издавали они и две сатирические газеты — в Женеве и Фолкстоне (Англия). В младотурецких газетах подробно обсуждались проблемы, связанные с внутренним и международным положением Османской империи, излагались и аргументировались программные взгляды лидеров младотурок.

Большую роль в пропагандистской деятельности младотурецких групп играл также выпуск брошюр и листовок, тайно распространявшихся, как и газеты, в пределах Османской империи. Российский дипломат сообщал из Каира в феврале 1896 г., что издававшаяся там одним из лидеров младотурок, Мурадом, газета «Мизан» свободно проникала в пределы Османской империи, причем особенно много экземпляров попадало в Стамбул, а также в Йемен, служивший местом ссылок политически неблагонадежных лиц. Хорошо знавший деятельность иттихадистов в эмиграции историк Ахмед Рефик писал в 1908 г., что газеты «Мешверет», «Мизан» и «Шура-и уммет» доставлялись в Османскую империю «ценою многих жертв».

Центральное место в младотурецкой пропаганде занимала мысль о необходимости восстановления конституционного строя и созыва парламента. При этом выдвигался тезис, согласно которому конституционные реформы нужны как средство, способное предотвратить распад Османской империи и ее раздел между великими державами. Подобную идею защищали еще «новые османы». Но в пропаганде младотурок она звучала значительно острее — как призыв положить конец засилью иностранных держав.

Идейные разногласия и споры буквально раздирали эмиграцию. Младотурок объединяло лишь стремление положить конец режиму Абдул Хамида II. Разногласия между Ахмедом Ризой и Мурадом

раскололи их на два лагеря; в свою очередь, внутри каждого лагеря было немало групп, участники которых занимали различные позиции.

Султан был хорошо осведомлен о том, что в среде эмигрантов нет единства. Он следил за их действиями через своих дипломатов и шпионов в Европе, умело использовал противоречия и распри. В 1897 г. ему удалось через своего эмиссара Ахмеда Джелаледдин-пашу склонить Мурада и ряд других эмигрантов к отказу от политической борьбы и возвращению на родину. Некоторые из них даже получили назначения на дипломатические посты.

Летом 1896 г. стамбульская группа младотурок попыталась совершить государственный переворот. В заговоре участвовал командир одной из армейских дивизий в Стамбуле. Однако предатель сообщил о заговоре властям. Заговорщики были арестованы и сосланы. Впрочем, некоторым из них удалось вскоре бежать в Париж.

Летом 1897 г. Абдул Хамид II нанес еще один удар: были произведены аресты членов вновь начавших действовать ячеек младотурок в ряде учебных заведений Стамбула. Военный трибунал приговорил к ссылке в Триполи около 80 человек.

Первая попытка объединить деятельность различных эмигрантских кружков и групп была предпринята каирской группой младотурок в 1899 г. Было выдвинуто предложение о созыве конгресса младотурецких организаций. Эта идея стала широко обсуждаться в различных изданиях иттихадистов. Али Фахри — один из активных деятелей женевской группы — выпустил в 1900 г. в Женеве брошюру «Конгресс Молодой Турции», в которой изложил основные идеи младотурецкого движения. Он призывал объединить усилия всех народов империи в борьбе с деспотизмом, за достижение конституционного правления. Али Фахри писал: «Нам необходимо прийти к соглашению, чтобы похоронить это проклятое правительство, запятнанное кровью народа, и добиться свободы и равенства для всех граждан». Однако в тот период младотуркам не удалось договориться о созыве конгресса. Этого удалось достичь двумя годами позже, когда к движению вместе с двумя сыновьями примкнул один из крупнейших сановников империи, Дамад Махмуд-паша, женатый на сестре Абдул Хамида II. Один из его сыновей, принц Сабахеддин, вошел вскоре в число лидеров турецкой эмиграции. Он весьма содействовал созыву первого конгресса младотурок, оказал материальную поддержку тем, кто нуждался в средствах на поездку для участия в конгрессе.

Конгресс состоялся в Париже 4—9 февраля 1902 г. В нем участвовало от 60 до 70 (по другим сведениям — 47) человек. Среди делегатов были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды, евреи. Председателем конгресса был избран Сабахеддин.

В центре дискуссии оказались два вопроса: о привлечении армии к участию в движении и о возможности использования иностранного вмешательства для проведения в Турции конституционных реформ. Против любого вмешательства иностранных держав выступали Ахмед Риза и его сторонники. Другая группа делегатов, возглавлявшаяся Сабахеддином, доказывала возможность бескорыстной помощи держав делу реформ в Османской империи. В резолюции конгресса, принятой большинством голосов его участников, отразились главным образом взгляды Сабахеддина и его единомышленников.

Парижский конгресс младотурок не смог обеспечить единства движения. После него группа Ахмеда Ризы организационно оформилась в «Общество прогресса и единения». Сабахеддин и его сторонники создали «Общество личной инициативы и децентрализации». Эти организации действовали самостоятельно, имели свои политические программы и органы печати. Первая из них, являвшаяся продолжателем деятельности общества «Единение и прогресс», издавала газеты «Мешверет» и «Шура-и уммет». «Общество прогресса и единения» так формулировало свою программу: защита независимости и целостности Османской империи, сохранение османской династии, восстановление конституции 1876 г., единение всех подданных империи, борьба за создание чувства патриотизма у всех народов Османской империи. Сабахеддин и его сторонники считали целесообразной и возможной значительную децентрализацию административного управления и предоставление широких полномочий местным властям; по существу, это был план федерализации империи.

«Общество личной инициативы и децентрализации», организационно оформившееся в феврале 1902 г., имело свой центр в Париже. Постепенно оно создало ряд отделений как внутри Османской империи (тайные комитеты в Измире, Эрзуруме, Трабзоне и Дамаске), так и за ее пределами (Каир). Принц Сабахеддин и один из самых активных деятелей его группы, Исмаил Кемаль, предприняли попытку государственного переворота. Заручившись поддержкой командующего турецким гарнизоном в Триполи, они намеревались перебросить несколько батальонов через Дарданеллы в Стамбул, где надеялись соединиться со своими группами, блокировать султанский дворец и здание правительства и объявить о восстановле-

нии конституции 1876 г. Заговор не удался: не было ни достаточных средств, ни умелых организаторов.

В 1902—1904 гг. действовало еще несколько разрозненных групп младотурок. Особенно активной была женевская группа, издававшая газету «Османлы» и образовавшая в марте 1904 г. «Османское общество единения и революции». В Каире группа младотурок создала сразу после парижского конгресса «Общество османского согласия», по своим программным установкам близкое к организации Сабахеддина. В 1904 г. возникла еще одна ячейка младотурецкого движения. В нее вошли учащиеся одной из стамбульских средних школ лицейского типа — идадийе. Организация насчитывала более 100 членов, строилась на основе строгой конспирации, ставила своей задачей восстановление конституции. Ее участники издавали в нескольких сотнях экземпляров свой печатный орган — «Революционный журнал», выпускали листовки, распространявшиеся в столице. Эта группа также поддерживала «Общество личной инициативы и децентрализации» и имела с ним контакты.

И все же после конгресса 1902 г. политическая активность младотурок заметно снизилась. Новый подъем младотурецкого движения был связан с возникновением революционной ситуации под влиянием русской революции 1905 г.

Революционные события 1905 г. в России оказали огромное влияние на развитие антиимпериалистических и демократических движений в Азии. Султанская цензура делала все возможное, чтобы не допустить проникновения в страну сообщений о революционных событиях в России. Однако сведения о них подданные султана узнавали из иностранных газет и из подпольных изданий младотурок. Газета младотурок «Тюрк» (Каир) призывала «брать пример с великолепных идей русской революции». Один из крупных младотурецких пропагандистов, Абдуллах Джевдет, в изданной в Женеве брошюре также призывал «соотечественников — мусульман и немусульман» брать пример с России. С февраля, 1905 г. «Шура-и уммет» регулярно публиковала статьи, направленные против царя, в защиту российских революционеров и восставшего народа России. Они печатались обычно под заголовком: «Читайте, берите пример!» Младотурецкая газета «Ферьяд» («Стон») писала, что революционные события в России напугали султана Абдул Хамида, убежденно-го, что его подданные последуют этому примеру.

Как писал в своих воспоминаниях личный секретарь Абдул Ха-мида II, султан страшно боялся, что в Стамбуле могут узнать о мя-

теже русских моряков на броненосце «Потемкин». Мысль об этом лишила его покоя и сна. Он даже распорядился принять меры для укрепления защиты черноморских проливов на тот случай, если восставший русский броненосец попытается пройти через Босфор. Одновременно Абдул Хамид приказал провести тщательное расследование настроений в экипажах турецких военных кораблей. Султан боялся этих настроений не без оснований. Революционное выступление черноморских моряков нашло живой отклик в среде турецкого офицерства. Ярким свидетельством этого стало письмо 28 флотских и армейских офицеров (от полковников до лейтенантов) семье казненного царским правительством лейтенанта П. П. Шмидта. Его авторы писали, что образ лейтенанта Шмидта никогда не умрет в их сердцах. «Вместе с русским народом, — писали турецкие офицеры, — мы возглашаем: «Долой смертную казнь!», «Да здравствует гражданская свобода!» Многие офицеры примкнули к младотуркам. В марте 1906 г. Порта произвела массовые аресты армейских офицеров. Было арестовано более 200 человек, в том числе 5 генералов.

В 1906—1907 гг. в армии и на флоте произошел ряд выступлений солдат и матросов против начальства. В декабре 1906 г. около 450 матросов, недовольных условиями службы, напали на дом начальника морского штаба, ранили хозяина и избили трех офицеров. В том же году было немало случаев массового дезертирства и отказа солдат участвовать в подавлении антиправительственных выступлений.

Молодая турецкая буржуазия возглавила антиправительственные выступления в ряде городов Восточной Анатолии — Эрзуруме, Ване, Битлисе, Диярбакыре. Особенно мощными были выступления масс в Эрзуруме. Они начались в марте 1906 г. с массовых манифестаций, участники которых требовали отмены ряда налогов и смещения ненавистных населению чиновников, в частности генерал-губернатора. Правительству пришлось пойти на смену власти в вилайете. Но волнения не прекратились, они перекинулись на солдат местного гарнизона. Созданное руководителями антиправительственного движения общество «Джан верир» («Жертвующий собой»), в котором тон задавала местная торговая буржуазия, даже выпустило обращение к солдатам, призывая их не выступать против восставшего населения края. В феврале 1907 г. правительство вынуждено было пойти на новые уступки эрзурумцам, отменив некоторые налоги.

Аналогичные события произошли весной 1906 г. в Кастамону, где население отказалось от участия в муниципальных выборах и

выразило протест против злоупотреблений губернатора и налогового бремени. Пятитысячная толпа демонстрантов захватила помещение почты. Один из офицеров — участников выступления передал по телеграфу в Стамбул требования демонстрантов; султану и Порте пришлось их частично удовлетворить.

В том же году восставшее население отстранило от исполнения его функций губернатора Трабзона. Султан вынужден был и здесь уступить, послав в этот вилайет нового правителя.

И все же правительству удалось репрессиями погасить антиправительственное движение в Анатолии. В Эрзурумском вилайете были произведены массовые аресты. Арестованных судили, 8 человек были приговорены к смертной казни, 18 — к пожизненной каторге. В тюрьмы и ссылки было отправлено много активных участников антиправительственных выступлений.

Роль младотурок в этих событиях состояла главным образом в распространении газет и брошюр пропагандистского характера. Некоторые младотурки участвовали в них и лично, но в целом движение развивалось стихийно. К концу 1907 г. правительству удалось «умиротворить» население в городах Восточной Анатолии.

В 1906 г. усилились антиправительственные настроения и среди учащихся военных и гражданских специальных учебных заведений. Курсанты военного училища в Стамбуле распространяли издания младотурок в учебных заведениях столицы. В результате контактов революционно настроенных групп учащейся молодежи был даже образован «Союз военных и высших гражданских школ». Делались попытки, создать вооруженные подпольные группы. В конце 1906 г. деятельность союза была пресечена властями. Были произведены аресты. Участников организации обвинили в подготовке покушения на султана и министров и осудили на длительные сроки тюремного заключения. Но движение учащейся молодежи столицы полностью подавить не удалось. В 1907 г. действовали тайные группы в военно-медицинском училище и юридической школе. Они продолжали распространять нелегальные издания младотурок.

Нарастание революционной ситуации привело к активизации деятельности младотурецких организаций как за рубежом, так и внутри Османской империи. В 1906 г. «Общество прогресса и единения» распространило воззвание, в котором содержался призыв к борьбе за восстановление конституции 1896 г. и к совместным действиям всех подданных Османской империи против деспотического султанского режима. В этот период «Общество про-

гресса и единения» вело обширную переписку с единомышленниками в Турции, призывая их к созданию тайных ячеек внутри страны. В 1906—1907 гг. активизировалось и «Общество личной инициативы и децентрализации». Ряд его членов был направлен в Анатолию для создания отделений общества. В 1906 г. принц Сабахеддин начал издавать в качестве печатного органа общества газету «Теракки» («Прогресс»).

В июле 1906 г. в Салониках было создано новое тайное «Османское общество свободы», ставившее своей целью борьбу с деспотическим режимом и иностранным вмешательством. Общество сразу же начало вербовку сторонников, обращая особое внимание на работу в армии. В конце 1906 г. возникла еще одна ячейка младотурецкого движения — в Дамаске.

27 сентября 1907 г. произошло объединение «Османского общества прогресса и единения» и «Османского общества свободы», которое к этому времени приобрело значительное число сторонников, преимущественно среди армейских офицеров. Новая организация получила наименование «Османское общество прогресса и единения». Оно определило своей основной целью «восстановление и применение конституции Мидхат-паши». Было признано целесообразным иметь два центра — зарубежный в Париже и внутренний в Салониках. Салоникский комитет усилил вербовку новых членов и расширял пропаганду в армейских частях, расквартированных в Европейской Турции.

В этот период наметилось сближение младотурецких организаций с революционными партиями и группами, защищавшими интересы нетурецких народов Османской империи. В частности, были установлены контакты с армянскими буржуазно-национальными партиями и руководителями македонского освободительного движения. Армянские буржуазно-национальные организации проявили инициативу в созыве конгресса для обсуждения вопроса о совместных действиях всех политических партий и групп, борющихся против деспотического режима.

27—29 декабря 1907 г. в Париже состоялся второй конгресс младотурок. Он принял «Декларацию», в которой была изложена программа совместных действий всех партий и групп, выступавших против султанского режима. Однако вопрос о будущем государственном устройстве Османской империи был в ней обойден. Посвятив половину пространной «Декларации» гневному обличению Абдул Хамида II, ее авторы, характеризуя будущее государственное

устройство Турции, сочли возможным ограничиться словами о восстановлении конституции и созыве парламента. Пороки кровавого режима они свели к личным недостаткам монарха. В этом документе отсутствовал и анализ социальной и политической жизни страны. «Декларация» призвала ко всеобщему восстанию против существующего режима.

Парижский конгресс 1907 г. сыграл немалую роль в консолидации антисултанских сил. После него еще активнее начали действовать младотурецкие организации внутри страны, более энергично стала вестись пропаганда в армии, расширилось взаимодействие с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов империи. Османская империя оказалась на пороге первой в ее истории буржуазной революции.

Глава 12

НЕДОЛГАЯ ВЕСНА РЕВОЛЮЦИИ

Революционный взрыв, ликвидировавший режим «зулюма» и восстановивший в правах конституцию 1876 г., вошел в историю Турции под названием младотурецкой революции. Начало ей положили события в Македонии.

С особой остротой и силой социальные и национальные противоречия, типичные для всей Османской империи, проявились в начале XX в. в Македонии. Безземелье и малоземелье, невыносимое налоговое бремя, произвол турецкой администрации, национальные распри и религиозные противоречия сделали в это время Македонии постоянным очагом антифеодалных и антитурецких восстаний. Порта справлялась с ними с большим трудом, а великие державы под предлогом «умиротворения» делали очередной шаг к укреплению своего влияния в Османской империи. Как всегда, возникли и разногласия между державами. В июне 1908 г. в Ревеле состоялось свидание русского царя с английским королем, во время которого было достигнуто соглашение о вводе в Македонию иностранных войск в целях «поддержания порядка» в этом крае. Возникла не только реальная угроза иностранного вмешательства в события в Македонии, но и опасность отторжения этого района от Османской империи. Острота македонского вопроса и явная неспособность султанского правительства решить возникшие проблемы усугубили ситуацию.

гублялись постоянно ухудшавшимся финансово-экономическим положением страны.

В этих условиях младотурки решили перейти к немедленной подготовке антиправительственного выступления армии с тем, чтобы силой добиться восстановления конституции и воспрепятствовать иностранному вмешательству в дела империи. В феврале — марте 1908 г. парижский центр младотурок в циркулярных письмах, направленных в Турцию, настоятельно рекомендовал расширить вербовку сторонников общества в армии, среди молодежи, создавать из них тайные группы. Был разработан даже специальный устав, определявший правила деятельности отделений общества внутри страны. Среди его положений была рекомендация об организации специальных боевых групп.

Деятельность младотурок в этот период была в основном сосредоточена в Салониках. Функционировавший здесь внутренний центр «Общества прогресса и единения» резко усилил пропаганду в армии. Она имела значительный успех среди солдат, младших и средних офицеров турецких войск, расквартированных в Македонии. Один из русских военных, находившийся в эти месяцы в Македонии, писал в апреле 1908 г.: «Офицеры армии, согласные между собой, начали уже проповедовать в мусульманских деревнях, когда они отправлялись туда по делам службы, о необходимости учредить конституционное правление». Они побуждали крестьян к неповиновению властям, старались привлечь на свою сторону солдат, внушая им мысль о том, что султан «сам не знает, что делает». В результате в частях, расположенных в Македонии, все более росло недовольство солдат и младших офицеров, требовавших либо задержанного жалования, либо скорейшей демобилизации. В марте 1908 г. в Эдирне взбунтовались даже два полка некогда столь верной султану конницы «хамидийе». К ним примкнули несколько сот солдат-пехотинцев. В данной ситуации бунт был столь опасен, что Порты не решилась прибегнуть к силе. Было частично выплачено задержанное жалование, издан приказ об увольнении из армии нижних чинов, отслуживших положенный срок. Такие бунты вспыхивали весной 1908 г. еще в ряде мест — в Кырджали, Монастире, Ускюдаре. В Ускюбе, по данным российского консула, до 75% офицеров расквартированных там армейских частей были активными приверженцами младотурок. Репрессии властей (в тех местах, где они применялись) не давали желаемого результата. Волнения в воинских частях продолжались.

Весной 1908 г. младотурецкие организации вмешались в международный конфликт, вызванный ситуацией в Македонии. В конце мая младотурки направили консулам держав в османских владениях на Балканах меморандум, в котором содержался протест против вмешательства иностранных держав во внутренние дела Македонии. Сразу же после Ревельского свидания английского короля и русского царя младотурецкие комитеты направили иностранным консулам в различных городах Македонии резкие ноты протеста против принятых в Ревеле решений.

В начале июня султан попытался сбить растущую волну революционных настроений. Он произвел перемены в командовании войск, расквартированных в Македонии, приказал произвести аресты среди офицеров войск салоникского гарнизона. Однако ответом было еще большее усиление антиправительственных настроений в армейских частях. Российский дипломат Петряев сообщал 12 июня 1908 г. из Македонии: «Революционное движение охватило почти всех офицеров. Не стесняясь, в беседах между собой и с иностранцами они резко критикуют существующий режим, громко высказывают недовольство теперешними правителями, ведущими Турцию к гибели, и требуют введения представительного правления. В большинстве провинциальных городов, где имеются гарнизоны, офицерами образованы политические кружки, находящиеся в оживленных сношениях с представителями младотурецкой партии за границей, несмотря на строгий полицейский и цензурный надзор». Один из русских наблюдателей событий, встречавшийся с участниками младотурецких ячеек, писал о большом успехе пропаганды младотурок, буквально наводнивших армию «революционной литературой». К младотуркам-офицерам примкнуло немало чиновников местной администрации. По некоторым данным, к июлю 1908 г. младотурецкие организации в Македонии имели в своих рядах около 15 тыс. человек. В такой обстановке в начале июля 1908 г. вспыхнуло вооруженное восстание, возглавленное офицерами-младотурками. Первым шагом стало выступление военного отряда, созданного офицером ресненского гарнизона Ахмедом Ниязи-беем, которого поддержал монастырский центр младотурок.

В конце июня Ниязи-бей — руководитель одной из конспиративных групп младотурок — узнал о том, что правительство на основе доноса провокатора готовит аресты младотурок в Монастире. 28 июля он собрал своих единомышленников и вместе с ними принял решение организовать чету — повстанческий отряд. 3 июля от-

ряд из 200 человек ушел в горы, захватив деньги из кассы гарнизона в Ресне. Ниязи-бей был родом из этих мест, имел много друзей в окрестных селах. Вскоре к его чете присоединились отряды из других гарнизонов. Штаб-квартирой повстанцев стал Охрид. Ниязи-бей направил письмо секретарю султана, требуя прекратить репрессии, восстановить конституцию и деятельность парламента. Султан попытался двинуть против повстанцев верные ему части, но они были распропагандированы младотурками. Командир карательной экспедиции был убит по приговору монашеского комитета младотурок.

Одним из наиболее существенных факторов, определивших ход дальнейших событий, было присоединение к повстанцам, офицерам и солдатам, нетурецкого населения Македонии. Руководители македонских и албанских национальных организаций решительно поддерживали восставших младотурок.

Когда стало ясно, что выступление офицеров-младотурок, организовавших повстанческие отряды, перерастает в массовое восстание против султана и правительства, салоникский комитет младотурок известил консулов держав о том, что цель движения — восстановление конституции 1876 г.

Все попытки правительства ликвидировать очаги восстания окончились неудачей. Армейские части стали одна за другой присоединяться к повстанцам. Когда Абдул Хамид II решил перебросить в Македонию 48 батальонов из Анатолии, надеясь на то, что эти войска не распропагандированы младотурками, его постигло горькое разочарование. В Салоники до победы младотурок успели прибыть 27 батальонов. Все они отказались выступить против восставших воинских подразделений и повстанческих отрядов. Младотурецкие агитаторы успели поработать с солдатами анатолийских частей на пути их следования в Македонию.

Между тем восстание ширилось день ото дня. В салоникском вилайете действовали силы повстанцев-младотурок под командованием майора Энвер-бея. В середине июля к повстанцам присоединилось около 30 тыс. вооруженных албанцев, руководители которых поддерживали конституционные лозунги младотурок. В Салониках деятельность султанских властей была практически парализована. Российский консул в Салониках писал 22 июля 1908 г.: «В самом городе либеральные разговоры ведутся без всякой оглядки прямо на улицах, в трамвае и в кафе. Революционные газеты переходят из рук в руки на глазах полиции, а правительственный дом превратился прямо в политический клуб». В таких условиях султан стал манев-

рировать. 16 июля была объявлена амнистия арестованным в Македонии офицерам-младотуркам. Срочно были направлены средства для выплаты жалованья местным гарнизонам. Но остановить развитие революционных событий уже было невозможно.

22 июля отряд Ниязи-бея, насчитывавший около 2 тыс. человек, захватил Монастир. На следующий день повстанческие отряды и присоединившиеся к ним воинские подразделения взяли в свои руки власть в Салониках, Ускюбе и других крупных городах. На митингах выдвигалось требование немедленно восстановить конституцию. Монастирский комитет младотурок направил султану телеграмму с требованием немедленно восстановить конституцию и созвать палату депутатов. Во многих городах Македонии оказавшиеся у власти младотурецкие комитеты сами провозглашали восстановление конституции 1876 г.

23 июля комитет младотурок в Эдирне послал султану телеграмму, угрожая в случае отказа от восстановления конституции двинуть на столицу части 2-го армейского корпуса. Султан и правительство вынуждены были принять требование восставших. 24 июля был опубликован султанский указ о восстановлении конституции 1876 г. В указе содержалось обещание созыва палаты депутатов. Во многих городах страны в эти дни проходили массовые митинги в поддержку конституции. На митингах братались представители различных национальностей и вероисповеданий. Повсеместно из тюрем освобождали политзаключенных.

В Салониках три дня непрерывно происходили манифестации. На центральной площади города, названной в эти дни площадью Свободы, шли митинги. Ораторы выступали с балконов, с конных экипажей. Раздавались лозунги: «Да здравствует свобода! Да здравствует народ! Да здравствует армия!» В Салоники прибыли болгарские, греческие и сербские четы; они также участвовали в манифестациях. Руководитель македонской «левицы» Яне Санданский издал в эти дни манифест, в котором приветствовал долгожданный «луч свободы» и призывал всех соотечественников — христиан и мусульман — к совместной борьбе за свободу.

Несколько дней продолжались грандиозные манифестации и митинги в столице. Русский военный агент в Стамбуле так описывал происходившее: «Громадные сборища народа прошли до сих пор без всякого нарушения порядка (при проходе через мост сорокатысячная толпа даже уплатила за проход). Власти ни разу не вмешивались, даже при выпуске заключенных они не помешали овациям. Говори-

ли речи: выступали женщины, сыновья министров и шейх-уль-ислама, имамы, офицеры; все подчеркивали значение дарованной свободы и кончали провозглашением здоровья за султана. При каждом удобном случае толпа выражала свою благодарность армии. Офицеры, разукрашенные эмблемами свободы и флагами, разъезжали по городу, смешиваясь с толпой. Следует еще отметить, что мусульмане всячески афишируют, что считают христиан своими братьями». Аналогичные описания событий в столице и других городах империи сохранились в воспоминаниях многих очевидцев.

25 июля султан издал по требованию комитета младотурок указ об амнистии для всех участников революционных выступлений. Амнистия распространилась почти на 80 тыс. человек — заключенных и эмигрантов. Казалось, что в Османской империи наступила весна свободы.

Руководители младотурок восприняли указ султана о восстановлении конституции как полную победу революции. Они были удовлетворены этим успехом, открывавшим турецкой буржуазии и либеральным помещикам путь к участию в политической жизни страны. В первые же недели после революции на смену революционным лозунгам пришли призывы к порядку и спокойствию. Так, когда в ряде районов Анатолии крестьяне, воспринявшие восстановление конституции как избавление от произвола чиновников и непосильных налогов, стали отказываться от уплаты налогов, местные комитеты младотурок бросили против них жандармерию. Когда же в Ускюбе четырехтысячная толпа крестьян потребовала автономии Албании, младотурки пригрозили своим недавним союзникам артиллерией, расставив пушки на холмах у города. В июле — августе младотурки с помощью войск прекратили забастовки грузчиков Стамбула, железнодорожников Измита и Эскишехира, портовых рабочих Измира.

Своеобразие политической ситуации после победы июльского восстания состояло в том, что, хотя реальная власть находилась в руках младотурок, комитет общества «Единение и прогресс» предпочитал пока не брать официально управление страной в свои руки. Был сохранен почти весь центральный и провинциальный аппарат власти. Один из ведущих деятелей младотурок, Назым-бей, заявлял в эти дни, что он и его коллеги не стремятся сами править страной, а намерены лишь сохранить свой контроль над правительством во имя свободы и прогресса. Правда, младотурки настояли на удалении из правительства некоторых особенно скомпрометировавших себя администраторов. В то же время самого султана, который

еще совсем недавно для противников режима был олицетворением всех бед страны, победившие младотурки стали представлять некой жертвой интриг сановников и придворных. Впрочем, лидеры младотурок не доверяли султану. Не случайно они сохранили Салоники в качестве резиденции комитета «Единение и прогресс», ибо Стамбул — место дислокации войск, сохранивших в какой-то мере преданность султану, — казался им ненадежным городом.

Младотурки весьма энергично укрепляли организационную основу своего влияния на дела страны. Во многих городах империи были созданы филиалы их организации, налажено издание печатных органов. Наряду с этим младотурки постарались ликвидировать последствия режима «зулума» в общественной жизни. Так, они добились издания циркуляра об упразднении султанской тайной полиции. Запятнавшая себя кровью 30-тысячная армия доносчиков была распущена. Многие видные сановники, в особенности ненавистные народу представители дворцовой камарильи, были арестованы. Это был еще один серьезный удар по системе деспотической султанской власти.

Первое серьезное столкновение между комитетом общества «Единение и прогресс» и султаном произошло уже через неделю после победы восстания. 1 августа султан издал указ, в котором были объяснены причины приостановки в 1878 г. действия конституции. В указе перечислялись основные положения конституции 1876 г., но к ним было добавлено право султана назначать не только великого везира, но и военного и военно-морского министров. Это была явная попытка укрепить контроль султана над вооруженными силами. Младотурки встретили указ с негодованием. Специальная делегация комитета общества «Единение и прогресс», прибывшая 3 августа из Салоник, в четырехчасовой беседе с великим везиром Саид-пашой потребовала отменить положения указа, нарушающие конституцию 1876 г., полностью обновить кабинет министров и отдать под суд ряд министров и сановников прежнего режима. Делегация посетила и султана; она настаивала на сформировании правительства во главе с престарелым Кямиль-пашой, имевшим репутацию англофила, что устраивало младотурок, ориентировавшихся тогда во внешней политике на Англию. Султан вынужден был отказаться от права назначать военного и военно-морского министров. Кямиль-паша стал великим везиром. Новое правительство оказалось под полным контролем младотурецкого комитета. Под давлением младотурок были резко уменьшены расходы на содержание двора султана и сокращен

штат придворных. Султана лишили 270 адъютантов из 300 и 750 поваров из 800!

В целях организационного укрепления своих рядов младотурки провели с 5 по 25 октября 1908 г. конгресс общества «Единение и прогресс», который принял решение о преобразовании общества в одноименную политическую партию. Члены Центрального комитета (имена их, несмотря на легальный характер конгресса, держались в тайне) были в основном представителями салоникского комитета младотурок. Конгресс принял программу партии. Основными ее пунктами были: ограничение прав султана и расширение полномочий парламента, ответственность министров перед парламентом, право депутатов на внесение законопроектов, снижение возрастного избирательного ценза до 21 года, изъятие дополнения к ст. 113 конституции о праве султана на высылку неугодных ему лиц. Программа провозглашала свободу слова, печати и собраний. Она обошла аграрный вопрос, ограничившись обещанием замены ашара денежным налогом. К национальному вопросу программа подходила в духе доктрины османизма.

В октябре произошли внешнеполитические события, усложнившие положение младотурок. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Сразу после этого Болгария провозгласила независимость. Руководители младотурок выступили против агрессии Австро-Венгрии, организовали бойкот австрийских товаров и начали готовить расквартированные в Европейской Турции воинские части к возможной войне. В городах страны проходили митинги протеста против действий Австро-Венгрии и Болгарии. В газетных статьях эти державы клеймились за то, что они провоцируют войну, с тем чтобы вызвать в стране антиконституционное движение.

Воспользовавшись удобным моментом, реакционные силы обвинили младотурок в том, что именно они создали ситуацию, выгодную для Австро-Венгрии и Болгарии. 7 октября 1908 г. многотысячная толпа под руководством мулл двинулась ко дворцу султана, требуя отмены конституции и «восстановления шариата». Одновременно подобные выступления произошли в ряде других районов столицы. Руководство партии «Единение и прогресс» сумело настоять на аресте зачинщиков этих манифестаций. В конце октября младотуркам пришлось столкнуться и с мятежом солдат гвардейского полка, отказавшихся отправиться в Хиджаз. Только под дулами орудий верных младотуркам боевых кораблей эта часть была выведена из столицы.

В таких условиях происходили выборы в палату депутатов. Иттихадисты были на выборах практически единственной организованной политической силой. Единственная противостоявшая им политическая группировка — созданная сторонниками принца Сабихе́ддина партия «Ахрар» («Либералы») — возникла лишь в следующем году. В результате младотуркам удалось провести в палату всех выдвинутых ими кандидатов. Из 230 депутатских мест они получили 150. Председателем палаты стал возвратившийся из эмиграции Ахмед Риза-бей. Заседания палаты начались 15 ноября 1908 г.

Тем временем Абдул Хамид II и его ближайшее окружение не теряли надежды взять реванш. Позиции султана в армии не были подорваны полностью. 20-тысячная гвардейская пехотная дивизия, практически личная гвардия Абдул Хамида, в отличие от других армейских соединений даже не была приведена к присяге на верность конституции. Ее части были расположены во дворце султана и его окрестностях. Они могли стать ударной силой реакции на случай выступления против иттихадистов. Борьба между младотурками и реакцией нарастала постепенно в течение зимы 1908/09 г. Ареной политических столкновений много раз становилась палата депутатов, в частности в связи с рассмотрением вопроса о доверии кабинету министров. Младотуркам неоднократно приходилось бороться за удаление из состава правительства министров, не признававших контроля младотурецкой партии. Между тем социальная база и политическое влияние партии «Единение и прогресс» после революции отнюдь не расширились. Не ставя задачу проведения сколь угодно значительных социальных преобразований, выступая против социальных устремлений народных масс, младотурки постепенно растеряли популярность, приобретенную в дни июльского восстания. Еще быстрее утратили они поддержку нетурецких народов империи, убедившихся, что национальные проблемы страны новые власти намерены решить на основе великодержавной доктрины османизма.

Крестьянам, как нетуркам, так и туркам, быстро стало ясно, что весна революции им ничего не принесла. Македонские крестьяне, страдавшие от трехлетнего неурожая, отказывались платить налоги, ибо у них не хватало хлеба и кормов. Вопрос о положении в Македонии был предметом бесплодного рассмотрения в парламенте. Бедственным было и положение в сельских местностях ряда областей Восточной Анатолии, где зимой 1908/09 г. начался голод. Младотурки же продолжали увещевать население, призывая его к порядку и исправ-

ной уплате налогов. Министр внутренних дел разослал во все вилайеты телеграммы, в которых предложил местным властям «передать в руки правосудия» всех, кто отказывается платить налоги.

Перечисленные обстоятельства облегчили желанное для реакции выступление против младотурок. Нужен был только предлог. И он был скоро найден. 6 апреля 1909 г. в Стамбуле одетый в офицерскую форму неизвестный убил выстрелом из пистолета политического противника младотурок журналиста Хасана Фехми-бея — редактора органа партии «Ахрар» газеты «Сербест» («Свобода»). Столица в этот день была полна слухов о том, что журналиста убили по указке иттихадистов. Во всяком случае, состоявшиеся 10 апреля похороны Фехми-бея превратились в стотысячную демонстрацию протеста против младотурок. Страсти накалились до предела. К тому же многие части гарнизона уже готовы были к выступлению против младотурок.

Мятеж начался в ночь с 12 на 13 апреля 1909 г. Его подняли солдаты стамбульского гарнизона во главе с унтер-офицером Хамди Яшаром — членом партии «Ахрар». Все было тщательно подготовлено, заранее даже были определены командиры рот, которым было предназначено начать бунт. Среди мятежников сразу же появились улемы с зелеными знаменами ислама, а также офицеры, уволенные младотурками из армии. Первым начал действовать 4-й пехотный батальон, занявший позиции перед мечетью Айя-Софья. Затем сюда подошли другие батальоны, располагавшиеся в европейской и азиатской частях города. Число мятежников быстро достигло 30 тыс. Началась расправа с офицерами, считавшимися приверженцами младотурок. Телеграфная связь между столицей и другими городами империи была прервана. Мятежные части двинулись к парламенту. По дороге возникла перестрелка с воинскими подразделениями, остававшимися верными младотуркам. Началась охота за лидерами младотурок, но они успели бежать в Салоники. Вскоре на стороне мятежников оказались почти все пехотные и кавалерийские части гарнизона. Моряки тоже поддержали бунтовщиков. Мятежники разгромили стамбульский центр партии «Единение и прогресс» и редакции ее газет. Их войска заняли все правительственные здания.

Утром 13 апреля пятитысячная толпа взбунтовавшихся солдат устроила митинг у здания парламента, требуя неуклонно соблюдать шариат, уволить в отставку великого везира и военного министра, выслать из страны председателя палаты депутатов Ахмеда Риза-бея и ряд других видных младотурок, убрать из армии офицеров-«мек-

тебли», т.е. окончивших специальные военные школы (обычно это были сторонники младотурок), вернуть на службу офицеров «алай-лы» («служилых», т.е. тех, кто получил чин в результате длительной службы, без специального обучения; их основная масса поддерживала клерикальную реакцию). Султан незамедлительно принял эти требования и объявил об амнистии всем бунтовщикам. Был назначен новый великий везир и подобраны министры, которые вполне устраивали Абдул Хамида II.

Выступление против младотурок в столице было поддержано силами реакции и в ряде городов Анатолии. В некоторых из них столкновения между сторонниками и противниками младотурок были весьма острыми, дело доходило до вооруженных схваток. Но в целом Анатолия в эти дни не стала опорой мятежников. Антидеспотические, конституционные идеи и настроения оказались сильнее. События 13 апреля 1909 г. в Стамбуле были хорошо подготовленным контрреволюционным мятежом, осуществленным ультраправыми монархистами, реакционным мусульманским духовенством и оппозиционной партией «Ахрар», которая отстаивала интересы крупных турецких феодалов и антинациональных компрадоров. Младотурки потерпели временную неудачу.

Укрывшись в Салониках, лидеры иттихадистов немедленно начали готовить ответные меры против реакции. Центральный комитет партии «Единение и прогресс» заседал почти непрерывно. Было решено нанести мощный удар по силам мятежников. Салоникский и адрианопольский армейские корпуса составили 100-тысячную «Армию действия», верную младотуркам. В условиях, когда завоевания июльской революции 1908 г. стала грозить опасность, младотурок вновь поддержали македонские и албанские революционные группы, в частности «девица» под руководством Яне Санданского. Салоники вновь стали центром общей борьбы против феодально-клерикальной реакции.

ЦК партии «Единение и прогресс» быстро наладил связь со своими вилайетскими организациями в Румелии и Анатолии. Отовсюду в Салоники стали поступать телеграммы с выражением поддержки действиям младотурецкого руководства. 15 апреля 1909 г. в Салониках состоялся массовый митинг, участники которого заявили о непризнании нового правительства и о готовности направить добровольцев для защиты конституции. Подобные митинги состоялись и в других городах. Начали комплектоваться добровольческие отряды. Все они направлялись в район Чатаджи (в 30 км от Стам-

була), где концентрировались отряды «Армии действия». Абдул Хамид II, понимая всю опасность мер, принятых младотурками, попытался вступить с ними в переговоры, но те были настроены бескомпромиссно.

16 апреля «Армия действия» начала движение на Стамбул. Когда ее главные силы подошли к окрестностям столицы, султан вновь попытался начать переговоры, представив события 13 апреля как «недоразумение». Но руководство «Армии действия» ответило на это требованием гарантировать действие конституции и свободу деятельности парламента. Армия младотурок остановилась у стен Стамбула. 22 апреля на сторону младотурок перешел флот, верные им корабли блокировали Стамбул с моря. В тот же день в Ешилькее было создано национальное собрание — тайное заседание бежавших из Стамбула депутатов и сенаторов. Оно одобрило назначение генерала Махмуда Шевкет-паши командующим «Армией действия» и обращение к населению страны и к войскам в Стамбуле. Эти документы содержали призыв повиноваться «Армии действия», которая намерена положить конец мятежу против революции. В обращении говорилось о причастности султана к действиям мятежников и о необходимости наказания зачинщиков мятежа. Целью похода «Армии действия» на столицу было объявлено восстановление конституции.

23 апреля «Армия действия» четырьмя колоннами начала наступление на столицу. 24 апреля в 3 часа утра началось генеральное сражение, которое длилось несколько часов. Сопротивление мятежников было весьма упорным, но 26 апреля Стамбул полностью перешел под контроль «Армии действия». В назидание реакционерам на площадях города были повешены многие мятежники. Около 10 тыс. участников мятежа было выслано из Стамбула. В столице было введено военное положение.

27 апреля на совместном заседании палаты депутатов и сената была зачитана фетва шейх-уль-ислама о низложении Абдул Хамида II и лишении его сана халифа. На престол был возведен новый султан — Мехмед V, не обладавший никакими дарованиями и неспособный управлять государством.

Наступил новый период в истории Турции: младотурки взяли в свои руки управление страной. Центральный комитет партии «Единение и прогресс» определял и направлял всю деятельность правительства. Позиции феодально-клерикальной реакции значительно ослабли. Казалось, что перед Османской империей открывается эра

свободы и прогресса. Но произошло нечто противоположное. Взяв власть в свои руки, младотурки вскоре полностью порвали с массами и установили в стране такой режим, который во многом оказался похожим на абдулхамидовский «зүлюм», ниспровержению которого отдали так много сил младотурки-революционеры.

Пожалуй, лишь первые действия младотурок после подавления мятежа, направленные на ограничение власти султана и ликвидацию влияния дворцовой камарильи, носили прогрессивный характер. Они конфисковали в пользу государства личные средства Абдул Хамида II, а его печально знаменитый дворец Иылдыз решили превратить в музей. Летом 1909 г. они провели в палате депутатов ряд важных изменений конституции 1876 г. Султан был лишен права назначать и увольнять министров, распускать и созывать парламент, высылать из страны неугодных ему лиц. Изменения, произведенные в конституции, значительно расширили права парламента. Вместе с тем во время этой же сессии парламент принял закон о печати, практически поставивший всю прессу под полный контроль правительства, а также закон об ассоциациях, по которому вся деятельность общественно-политических организаций оказалась под гласным надзором полиции. Так младотурецкие лидеры, некогда начертавшие на своих знаменах лозунги свободы и равенства, оказавшись у власти, тут же принялись ограничивать политические права населения Османской империи.

В области внутренней политики иттихадисты осуществили после событий весны 1909 г. ряд реформ. Прежде всего они осуществили реорганизацию армии. При этом военная реформа была проведена по рекомендациям и под наблюдением германского генерала фон дер Гольца и офицеров его военной миссии в Стамбуле. Германские фирмы начали поставлять турецкой армии новейшее оружие. Затем младотурки провели реорганизацию жандармерии и полиции. Примечательно, что в условиях, когда в Османской империи было такое великое множество нерешенных социальных и национальных проблем, победившие младотурки самым неотложным делом сочли усиление армии. В скором времени армия, полиция и жандармерия стали основой младотурецкой диктатуры.

Когда младотурки вели борьбу против деспотии Абдул Хамида, они обещали улучшить положение крестьянства, заявляли о своем намерении ликвидировать ашар и избавить крестьян от ненавистной им откупной системы. Но после победы революции свои обещания они не выполнили. Полностью сохранились крупное феодально-

помещичье землевладение и жестокая эксплуатация крестьянских масс. Иттихадисты провели лишь ряд частичных реформ, призванных обеспечить некоторое развитие капитализма в сельском хозяйстве. В 1913—1914 гг. было принято несколько аграрных законов — о переписи земельных участков, о владении недвижимым имуществом, об упорядочении владения государственными и вакуфными землями. Впрочем, эти реформы в основном остались на бумаге, так как их реализация была остановлена начавшейся мировой войной. Они почти не затронули основу феодальных и полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве. В стране сохранялись огромные массы безземельных и малоземельных крестьян.

Принятие 9 августа 1909 г. закона о забастовках, практически их запрещавшего, показало, как младотурки намерены относиться к рабочему движению. Тем не менее оно не прекратилось. В начале 1911 г. крупные забастовки состоялись в Стамбуле и Салониках. В 1912 г. в Стамбуле возникло несколько профсоюзов и был организован рабочий клуб.

В эту пору в стране зародилось социалистическое движение. В сентябре 1910 г. в Стамбуле была основана Османская социалистическая партия, которая выступала с рядом экономических и политических требований, издавала свою газету и журнал. В декабре 1910 г. партия подверглась репрессиям, ряд ее руководителей были сосланы, остальные эмигрировали.

Крайне острый характер продолжал иметь национальный вопрос. Весна младотурецкой революции принесла нетурецким народам империи некоторые надежды на решение национальных проблем страны. Но младотурки, начавшие в свое время с призывов к «единению» и «братству» всех народов империи, оказавшись у власти, стали жестоко подавлять национально-освободительные движения. В идеологии младотурок место османизма, утопичность которого стала очевидной, постепенно заняли реакционные концепции пантюркизма и панисламизма. Пантюркизм как доктрина единства всех тюркоязычных народов под верховным главенством турок-османов использовался иттихадистами для насаждения националистических чувств и настроений. Доктрина панисламизма была нужна младотуркам не только для укрепления влияния Османского государства в странах с мусульманским населением. Она использовалась ими и как идеологическое оружие в борьбе с арабскими национально-освободительными движениями.

Эти новые тенденции в национальном вопросе проявили себя в борьбе младотурок против арабских национальных общественных и политических организаций, сопровождавшейся арестами, закрытием оппозиционных газет и журналов. В борьбе с курдским освободительным движением младотурки не раз прибегали к силе оружия. Правительственные войска в 1910—1914 гг. жестоко расправлялись с курдскими повстанцами в районах Дерсима, Битлиса, в Иракском Курдистане. Вместе с тем младотурки старались использовать курдские племена в качестве своего орудия в борьбе с национально-освободительными движениями других народов империи, в частности против армян, арабов и лазов. В этом они, подобно Абдул Хамиду II, опирались на курдскую племенную верхушку. Как каратели они вели себя и в Албании, население которой с весны 1909 до начала 1912 г. с оружием в руках боролось за идею национального освобождения. Порта несколько раз направляла в Албанию крупные карательные экспедиции. 40-тысячная армия под командованием военного министра несколько месяцев «умиротворяла» край в 1909 г. Но огонь восстания потушить не удалось. В 1910—1911 гг. властям вновь пришлось направлять в Албанию карательные экспедиции. Что касается армянского вопроса, то младотурки не допустили проведения давно ожидавшихся реформ, направленных на урегулирование административных, экономических и культурных проблем в районах с армянским населением. Продолжая политику Абдул Хамида II, они обостряли в этих районах межнациональные отношения, разжигая вражду между курдами и армянами. Именно в эти годы многое было подготовлено младотурками к тому трагическому избиению армян, которое произошло в годы Первой мировой войны.

До своего вступления в мировую войну Османская империя испытала серьезное потрясение в результате Триполитанской и Балканских войн. Их возникновение в немалой степени было предопределено политической нестабильностью внутри самой Османской империи. За весь десятилетний период правления младотурок в стране сменилось 14 правительств. Политическая ситуация осложнялась постоянной внутрипартийной борьбой в стане иттихадистов. В результате страна оказалась совершенно не подготовленной к войне, возникшей в результате итальянской агрессии против Триполитании осенью 1911 г. Итальянские империалисты провели тщательную военную и дипломатическую подготовку по захвату Триполитании и Киренаики — двух африканских провинций Османской империи. Италию поддержали державы Антанты. Превосходящие силы итальян-

янской армии нанесли турецким гарнизонам ряд поражений. В частности, против семитысячного турецкого гарнизона Триполи действовало 56 тыс. итальянских солдат. Итальянский флот господствовал в Средиземном море. Стремясь принудить противника пойти на заключение мира, Италия подвергла бомбардировке ряд портов Османской империи. Итальянские войска оккупировали острова Додеканес (Южные Спорады), бомбардировали турецкие укрепления в районе Дарданелл.

В такой обстановке политические противники младотурок совершили в июле 1912 г. переворот. Его возглавила созданная в ноябре 1911 г. партия «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие»), в которую вошли многие оппозиционные партии (в том числе «Ах-рар») и группы. Новую партию поддерживали представители большинства национальных меньшинств, которым она обещала провести в жизнь принцип автономии национальных областей при сохранении политической целостности страны.

Воспользовавшись военными неудачами, итиляфисты начали широкую кампанию против младотурок в армии, в которой к тому моменту уже созрело недовольство политикой последних. В июле 1912 г. итиляфисты добились отставки правительства. Новый кабинет министров находился под их контролем. В августе 1912 г. они добились и роспуска парламента, в котором большинство принадлежало иттихадистам. Эпизод этот полон драматизма. Младотурки яростно сопротивлялись роспуску парламента. Маневрируя, они выжидали удобный момент для отвоевания своих позиций. Тогда их противники пустили в ход угрозы и открытый шантаж. В один из летних вечеров 1912 г. в дом председателя палаты депутатов Халил-бея явился неизвестный офицер. Он передал для хозяина дома письмо, в котором содержалось требование в течение 48 часов распустить палату. В противном случае Халил-бею угрожали смертью. Халил-бей на следующий день зачитал это письмо в парламенте, заявив, что не боится угроз и выполнит свой долг перед нацией. Но противники младотурок сумели 5 августа 1912 г. добиться у султана Мехмеда V издания указа о роспуске парламента. Затем была объявлена амнистия, распространившаяся и на реакционные элементы, совершившие преступления при режиме «зулума». Младотурки, потерпев поражение, начали готовиться к борьбе в новых условиях. В августе 1912 г. они провели очередной съезд партии в Стамбуле, а затем их Центральный комитет вновь перебрался в Салоники.

Тем временем итало-турецкая война продолжалась без успеха для турецкого оружия. 18 октября был подписан мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика стали колонией Италии (под названием «Ливия»). В тот же день началась новая война, на этот раз на Балканах. Против Османской империи выступила коалиция в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории. Поводом для войны стал отказ султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии. Таким образом, независимо от целей государств балканской коалиции эта война (первая Балканская война) была борьбой за освобождение балканских народов, остававшихся под турецким владычеством.

18 октября произошли большие перемены и в Стамбуле. Кабинет министров ушел в отставку, а новое правительство возглавил ставленник итиляфистов Кямиль-паша. Итиляфисты воспользовались военной ситуацией, чтобы обрушить репрессии на своих политических противников. Были арестованы многие активные деятели иттихадистов. Одновременно правительство сделало попытку заручиться поддержкой держав в войне с балканскими государствами. Кямиль-паша обратился за помощью к Англии, но получил ответ, что в сложившейся ситуации Англия предпочитает соблюдать нейтралитет. Не получила Порты поддержки и в Берлине. Кайзер обещал только помощь в заключении мира на почетных для Османской империи условиях, да и то лишь в том случае, если туркам удастся одержать хотя бы одну крупную победу. Между тем турецкие войска потерпели ряд серьезных поражений.

Союзники двигались на Стамбул, болгарские части были оставлены только у Чаталджи. По дорогам, ведущим к султанской столице, тянулись отступающие колонны сильно потрепанных в боях турецких войск и вереницы беженцев. Сотни тысяч людей покидали районы боев. Ситуация приобрела критический характер. 3 ноября 1912 г. Порты попросила державы о посредничестве для заключения мира. Переговоры длились долго и были для султанского правительства очень трудными. Великие державы и страны-победители требовали уступок, в частности предоставления автономии Албании и ликвидации турецкого владычества на островах в Эгейском море. Эти предложения турецкая делегация на мирной конференции в Лондоне отклонила. Однако 22 января 1913 г. правительство Кямиль-паши, уступая нажиму держав, передало Болгарии Эдирне. Это вызвало бурные протесты в столице и провинциях. Сложившаяся ситуация немедленно была использована Центральным комите-

том партии «Иттихад ве теракки» для осуществления нового государственного переворота.

23 января 1913 г. около двухсот офицеров-иттихадистов во главе с Энвер-беем и Талаат-беем окружили здание Высокой Порты, ворвались в зал, где шло заседание кабинета, убили военного министра Назым-пашу и его адъютантов, арестовали великого везира, шейх-уль-ислама, министра внутренних дел и министра финансов. По требованию путчистов Кямиль-паша немедленно подал в отставку. Было сформировано новое правительство, целиком состоявшее из младотурок. Великим везиром стал Махмуд Шевкет-паша, занимавший в последнем правительстве младотурок пост военного министра.

Несмотря на кажущуюся легкость переворота, младотуркам далеко не сразу удалось укрепиться у власти. Убийство военного министра привело к серьезным разногласиям в среде армейского офицерства. Недовольство младотурками проявляла и часть духовенства, в особенности его низшие слои. Из Парижа засылали свою агентуру в страну лидеры итиляфистов. Младотурецким лидерам пришлось столкнуться и с новым подъемом арабского автономистского движения, которое в своих целях использовали Франция и Англия. В июле 1913 г. иттихадисты во время тайных переговоров с лидерами арабского движения обещали им проведение реформ в арабских провинциях империи и высокие посты в аппарате Порты. Но эти обещания выполнены не были.

Вернув себе власть, младотурки сделали попытку добиться перевеса в военных действиях на Балканах, но не преуспели в этом. В результате Порты вынуждена была пойти на подписание 30 мая 1913 г. Лондонского мирного договора, по которому почти все европейские территории Османской империи оказались разделенными между странами-победительницами. Албания еще 28 ноября 1912 г. провозгласила себя независимым государством, но ее границы и внутреннее устройство должны были определить великие державы. Вопрос о турецких островах в Эгейском море был передан на решение великих держав. После подписания Лондонского договора на Балканах не воцарился мир, ибо бывшие союзники вскоре начали новую (вторую Балканскую) войну из-за дележа освобожденных от османского ига территорий. Эта ситуация позволила Турции вернуть себе Эдирне.

Между тем оппозиция младотуркам внутри страны оставалась весьма серьезной. 11 июня 1913 г. в своем автомобиле на пути в резиденцию правительства сторонником итиляфистов был убит вели-

кий везир Махмуд Шевкет-паша. Это убийство позволило младотуркам начать кампанию кровавого террора против своих противников. Они объявили вне закона все политические партии. Около трехсот деятелей оппозиционных партий и групп были посажены в Синопскую крепость. С этого момента и до поражения Османской империи в мировой войне партия «Единение и прогресс» оставалась единственной легальной политической силой страны.

С конца 1913 г. в Османской империи установилась младотурецкая диктатура. Все бразды правления находились в руках трех виднейших деятелей партии «Единение и прогресс» — Энвера, Талаата и Джемала. Под давлением младотурок военный министр маршал Ахмед Иззет-паша был вынужден уйти в отставку. На этот важный пост был назначен один из триумвиров — Энвер-паша. Характерно, что султан Мехмед V узнал об этом назначении из утренних газет. Он был поражен. «Это невозможно, ведь он очень молод!» — заявил он своему адъютанту. И все же через несколько часов молодой министр получил аудиенцию у султана. Энвер занял и пост начальника генерального штаба армии, сосредоточив, таким образом, в своих руках всю полноту военной власти. Его влияние во дворце и в Порте стремительно росло, еще недавно удивлявшийся его назначению Мехмед V ежедневно справлялся о здоровье Энвера, когда тот заболел. Энвер-паша начал перетасовывать офицерские кадры, расставляя на ключевые посты верных себе людей. В январе 1914 г. около 300 генералов и высших офицеров были уволены из армии, их должности заняли молодые офицеры — ставленники Энвера. Военный министр, человек безмерно честолюбивый, получил в стране прозвище «Наполеончик». Он устранял, не брезгуя никакими средствами, всех неугодных ему гражданских и военных сановников.

Во внешней политике Энвер, ставший практически главой триумвирата, ориентировался на Германию. При нем немецкая военная миссия генерала Лимана фон Сандерса установила полный контроль над султанской армией и военным ведомством. Правительство кайзера Вильгельма II вынашивало в ту пору далеко идущие планы создания «Великого германского рейха», которые предусматривали и контроль над Османской империей. В качестве генерального инспектора турецкой армии Лиман фон Сандерс обеспечил Германии исключительные позиции не только в военной сфере, но и в политической жизни страны. Под стать карьеристу и интригану Энверу были и другие члены младотурецкого триумвирата — Талаат-паша, занимавший посты председателя ЦК партии «Единение

и прогресс» и министра внутренних дел, и Джемаль-паша — глава стамбульской полиции, а с 1914 г. морской министр. Членов триумвиата отличало не только бесконечное личное честолюбие и корыстолюбие. Они были решительными сторонниками идеи «османизации» населения империи, а также использования в политических целях доктрин панисламизма и пантюркизма. Расхождения между триумвиатами существовали только в вопросах внешней политики: Энвер и Талаат были яркими германофилами, Джемаль хотел ориентироваться на Францию и Англию. В конце концов, прогерманская позиция возобладала в триумвиате полностью.

Младотурецкая диктатура принесла стране дальнейшее ухудшение ее экономического положения, привязала Османскую империю к кайзеровской Германии. Резко возросла экономическая зависимость страны от империалистических держав. За период с 1909 по 1914 г. Османская империя заключила внешние займы примерно на 50 млн. лир, что превышало сумму аналогичных займов почти за 120 лет, предшествовавших революции 1908 г. Сохранился огромный дефицит государственного бюджета и баланса внешней торговли. Младотурки не сумели разрешить ни одну из серьезных экономических проблем, стоявших перед страной. Несколько новых законов — законы о поощрении промышленности и о правилах регулирования процессов купли-продажи государственных и вакуфных земель (1913) — не внесли принципиальных изменений в экономическую жизнь. В землевладении и землепользовании по-прежнему господствовали феодальные пережитки. Развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности тормозилось засильем иностранного капитала, крайней нестабильностью внутривнутриполитической ситуации, а с 1913 г. и произволом триумвиров. Такой страна пришла к кануну Первой мировой войны, которой суждено было стать последней войной империи и последней страницей в ее долгой истории.

Глава 13

ГИБЕЛЬ СУЛТАНАТА

К началу Первой мировой войны Османская империя, лишившаяся немногих завоеваний весны младотурецкой революции, истощенная экономически, раздираемая политическими страстями триумвиров и их шовинистической национальной политикой, оказалась

во власти германских монополистов и военщины. Лидеры младотурок, делая ставку на военно-политический союз с кайзеровской Германией, вынашивали явно бредовую идею объединения всех тюркоязычных народов под верховенством турок-османов.

В первые три месяца войны Османская империя формально соблюдала нейтралитет. На деле же султанское правительство 2 августа 1914 г. заключило с Германией тайный военный союз. Пока вопрос об участии Османской империи в войне оставался открытым, младотурки воспользовались ситуацией, чтобы укрепить свои позиции внутри страны путем отказа от капитуляционного режима. В середине октября 1914 г. были изданы указы султана о ликвидации капитуляционных привилегий иностранцев и консульских судов, рассматривавших обычно дела иностранных подданных. Эта акция Порты натолкнулась не только на резкое противодействие держав Антанты, но и на недовольство Германии и Австро-Венгрии. Но последние две державы вскоре вынуждены были согласиться с решением Порты, не желая рисковать своими экономическими и военно-политическими позициями в Османской империи.

В ноябре 1916 г. правительство младотурок объявило об отмене всех договоров, заключенных на основе капитуляций. Но эта акция не имела в условиях войны реального значения, тем более что триумвиры поставили страну в полную экономическую и военно-политическую зависимость от кайзеровской Германии. Последняя же, ловко используя шовинистические и экспансионистские настроения лидеров младотурок, упорно стремилась привязать Османскую империю к своей боевой колеснице.

Военный союз с Германией обязывал Османскую империю выступить на ее стороне в начавшейся войне. Уже через несколько недель после начала войны турецкий военный флот был практически поставлен под контроль германской военно-морской миссии во главе с адмиралом Сушоном. В проливах появились крупные немецкие военные корабли, фиктивно проданные Порте, и среди них мощные броненосцы «Гебен» и «Бреслау», которым для порядка присвоили турецкие наименования. Под нажимом Германии, предоставившей Османской империи крупные займы на военные нужды, Порта начала мобилизацию.

Приказ о мобилизации был издан 2 августа 1914 г. Сотни тысяч людей были оторваны от привычного труда. В течение трех дней на мобилизационные пункты были обязаны явиться все мужчины в возрасте от 20 до 45 лет. Свыше миллиона людей двинулись в свои

пункты приписки. Между тем османская бюрократическая система, как обычно, не была в состоянии справиться с такой масштабной задачей. Так и получилось, что огромные массы крестьян, оторванные в горячую для сельского хозяйства пору от своих участков, оказались в городах, где неделями бедствовали без крова и еды, ожидая зачисления в солдаты. Часть людей в этих условиях дезертировала, скрываясь потом долгое время от властей. Но самое главное состояло в том, что сельское хозяйство страны, бедственное состояние которого было очевидным и без чрезвычайных обстоятельств, было просто поставлено на грань катастрофы. Мобилизация транспорта и рабочего скота, бесконечные поборы на нужды армии — все это привело к резкому спаду сельскохозяйственного производства. Так, еще и не вступив непосредственно в войну, Османская империя начала испытывать все ее тяготы. Они стали особенно ощутимыми с конца 1914 г., когда очередная, последняя в истории османов, война стала для нее реальностью.

Когда определились первые неудачи германской армии на германо-русском и германо-французском театрах военных действий, Германия усилила нажим на младотурецкий триумвират, требуя открытия военных действий турецкой армии против держав Антанты. Для ускорения событий было спровоцировано нападение вошедших в Черное море с согласия турецкого военного министра Энвер-паши немецких военных кораблей на русские черноморские порты. Это грубейшее нарушение турецкого нейтралитета вызвало резкую реакцию России, которая 29 октября 1914 г. объявила войну Османской империи. 11 ноября 1914 г. Турция, в свою очередь, объявила войну Англии и Франции.

После официального вступления в войну в Османской империи была произведена мобилизация восьми возрастов мужского населения на действительную службу. Армия была доведена до огромных размеров — 900 тыс. солдат, из которых 300 тыс. оказалось на театрах боевых действий. Технически армия была оснащена плохо, в ней почти не было современной тяжелой артиллерии, стрелковое оружие тоже далеко отставало от вооружения армий стран Антанты. Султанский флот имел всего три крупных броненосных корабля, несколько десятков кораблей меньшего размера были оснащены старой боевой техникой.

Война оказалась затяжной и тяжелой. При этом воевать турецким войскам пришлось на четырех фронтах — Балканском, Кавказском, Месопотамском и Синайском. Офицерский корпус был явно

недостаточен для столь масштабных действий огромной армии — он насчитывал всего 24 тыс. человек. При этом 95% рядового состава и даже часть офицеров были неграмотны, что, естественно, сказывалось на уровне боевых операций и использовании техники.

Война принесла Османской империи неисчислимые бедствия. Пришлось постоянно увеличивать численность войск. Число воюющих солдат дошло со временем до 1,5 млн. За годы войны Турция потеряла убитыми около 600 тыс. человек, ранено было более 2 млн., причем около 900 тыс. из них стали инвалидами. Такие большие людские потери, а также постоянная мобилизация резервистов тяжело отразились на экономике страны, в первую очередь на сельском хозяйстве. Более чем наполовину сократились посевные площади, почти на столько же уменьшилось поголовье скота. Площади под табаком сократились более чем на две трети. В шесть-восемь раз сократилось производство хлопка, значительно уменьшилась продукция опиума и ряда садовых экспортных культур — оливы, винограда, инжира и др. Десятки тысяч крестьян разорялись, не имея никакой защиты от ударов, наносимых войной, голодом и разрухой. Наряду с этим в условиях усиленного войной классового расслоения крестьянства обогатились помещики и кулаки, чьи позиции стремилось укрепить младотурецкое правительство, оказывая сельским богатым помощь в снабжении семенами и машинами, предоставляя им денежные кредиты.

В годы войны сократилось промышленное производство. Добыча угля уменьшилась более чем в три раза. Почти наполовину сократилось производство соли. Производство шерстяной пряжи уменьшилось в четыре-пять раз, шелка-сырца — почти в три раза, резко уменьшилось изготовление продукции в ковровой, хлопкоочистительной, табачной и маслобойной отраслях. Объем строительных работ в годы войны настолько уменьшился, что были закрыты почти все кирпичные заводы. Вместе с тем после отмены капитуляций и ослабления в годы войны иностранной конкуренции было отмечено некоторое развитие производства в тех отраслях горнодобывающей промышленности, которые имели военное значение, в отдельных отраслях легкой промышленности, также в основном связанных с нуждами армии. В 1915—1917 гг. правительство провело ряд мероприятий по поощрению местной промышленности (увеличение импортного таможенного тарифа, подчинение иностранных акционерных обществ турецким законам, создание новых турецких банков). Эти меры не дали сколько-нибудь значительных эконо-

номических результатов. В то же время из-за войны почти полностью прекратилась внешняя торговля. Финансовое положение страны стало еще более тяжелым, дефицит ее бюджета рос постоянно, увеличившись за годы войны почти в 15 раз — с 2 млн. до 29 млн. лир. Порта по-прежнему искала выход из этого положения с помощью внешних займов. Несколько займов было получено в Германии и Австро-Венгрии, причем большую часть этих сумм правительство израсходовало на покупку в Германии оружия и боеприпасов.

Резко возросшие финансовые затруднения и многократное увеличение выпуска бумажных денег вели к инфляции и обесценению турецкой лиры. Цены на продукты питания росли с катастрофической быстротой. Хлеб подорожал в 37 раз, кофе — в 70, рис — в 30, картофель — в 27 раз. Особенно страдали от недостатка продовольствия жители Анатолии и арабских провинций империи. В Ливане и Сирии от голода и болезней погибло в 1914—1916 гг. около 40% населения. На этом фоне особенно возмутительными были аферы младотурецких правителей, наживавшихся, в частности, на спекуляции продуктами питания.

Опираясь на законы военного времени, младотурецкие власти непрерывно производили реквизиции продуктов у населения. Формально это были принудительные закупки излишков продовольствия по самым низким ценам. По сути дела, это был плохо замаскированный грабёж населения, которое в большинстве своем к 1916—1917 гг. начало буквально пухнуть с голоду. Так, летом 1917 г. по приказу Энвер-паши по всей территории страны прошла так называемая перепись излишков продовольствия. В ходе этой кампании в одной только полуголодной Сирии было собрано и направлено в союзную Германию 240 вагонов зерна. Значительная часть собранного продовольствия попадала в лапы спекулянтов из числа чиновников правительственных ведомств. Центром спекуляции стала специально созданная комиссия по вопросам продовольствия во главе с членом ЦК партии «Единение и прогресс» Кара Кемалем, которого с полным основанием называли «продовольственным диктатором» империи. Обогащение чиновников, ведавших распределением продуктов питания, было ошеломляюще наглым. Лишь часть продовольствия они пускали по законным каналам, огромные же партии различных продуктов шли на черный рынок, где продавались до баснословным ценам. Корреспондент одной из немецких газет писал в ту пору, что на черном рынке в Турции можно было купить все, в то время как бедняки умирали от голода.

Резко обострились внутривластные проблемы. В империи царил безудержный произвол верхушки младотурок. В ЦК партии «Единение и прогресс» и в ее парламентской группе руководящая роль принадлежала военным. Сам парламент представлял собой лишь законное прикрытие военной диктатуры младотурецких лидеров. Даже решение о вступлении в войну младотурецкое правительство приняло без обсуждения в парламенте. В государственном аппарате вновь воцарились безудержный произвол и взяточничество. Чиновники всех рангов обирали население в ходе разнообразных «кампаний реквизиций», призванных якобы обеспечивать нужды армии и фронта. В ходе таких кампаний у населения отбирали буквально все — одежду и дрова, даже такие далекие от военных нужд предметы, как лампы и женские чулки. В столице, а особенно в провинциях, полиция была всемогуща, исчезло само понятие «неприкосновенность личности и имущества».

Младотурецкие триумвиры задавали тон в бессовестном ограблении государственной казны и в наживе за счет населения. Особенно отличился в этом фактический глава триумvirата Энвер-паша. У него появилось несколько дворцов и богатейшая загородная вилла. Все это было возведено за государственный счет. Энвер позволял себе раздавать крупные суммы из средств военного министерства своим приятелям. Огромные средства, взятые из казны, тратил на свои развлечения и официальные вояжи Джемаль-паша. Инспектируя флот, этот деятель возил с собой свиту в 200 человек. Примерно такой же эскорт, кутивший на государственные средства, сопровождал Джемаль в его поездке в Германию. Джемаль-паша не брезговал и крупными аферами, в частности спекулировал сирийским шелком. Когда эта история получила огласку, и в парламенте был поднят вопрос о его неблагоприятном поведении, Джемаль-паша послал великому везиру и министру внутренних дел письма протеста, полные «благородного» негодования и наглых угроз своим противникам. В общем, младотурецкие диктаторы творили все, что хотели. Энвер-паша любил повторять: «Нет закона, создай закон!» Глухая над идеей законности, младотурецкие лидеры проводили через полностью послушный им парламент все нужные для прикрытия их произвола решения.

Положение рабочего класса и крестьянства Османской империи в годы Первой мировой войны было неслыханно тяжелым. В стране возник острый недостаток продуктов питания, во многих районах население буквально голодало. Стоимость прожиточного минимума

в 1917 г. возросла в 20 раз в сравнении с предвоенной порой. Между тем налоговое бремя в годы войны еще более увеличилось. Откупщики собирали ашар натурой. Сборы от этого налога целиком шли военному ведомству. Все дела, связанные с взиманием десятины, были тесно переплетены, как, впрочем и остальные мероприятия налоговых ведомств, спекулятивными махинациями..Десятки тысяч государственных служащих контролировали сбор налогов, не забывая при этом о собственном кармане. Стремясь компенсировать убытки от прекращения таможенных поступлений, Порты увеличила и ряд налогов, взимавшихся с податного населения в денежной форме.

Положение рабочего класса страны значительно ухудшилось еще и в связи с резким сокращением производства в некоторых отраслях промышленности, что привело к росту безработицы. Рабочие, как и горожане вообще, страдали в годы войны и из-за необычайного подорожания жилья. В Стамбуле, например, плата за жилье выросла с 1914 по 1918 г. почти в 20 раз. В провинциях она увеличилась в четыре-пять раз. Резко возросла стоимость топлива и воды. С 1917 г. хлеб, мясо, рис, бобы и сахар распределялись по карточкам, по крайне низким нормам. В обзоре, подготовленном осенью 1917 г. сотрудниками генштаба царской армии, была дана следующая картина жизни столицы империи: «Положение в Константинополе как с точки зрения продовольственной, так и санитарной становится с каждым днем все хуже и хуже вследствие главным образом острого кризиса в съестных припасах и их дороговизны. Почти все дешевые столовые, действовавшие, хотя и с грехом пополам, в прошлом году, будут закрыты на эту зиму... Все магазины съестных припасов находятся под контролем властей и сперва должны снабжать своих покупателей-мусульман, которые имеют привилегии перед другими... Нищих — множество... Многие госпитали должны были закрыться из-за недостатка аптекарских товаров, а между тем болезни и эпидемии свирепствуют в городе, особенно поражая бедный квартал». В провинциальных городах империи положение было еще более бедственным. Голод и болезни, недостаток воды и топлива делали жизнь населения страны, втянутой в войну политически-ми авантюристами, невыносимой.

Особенно обострились в годы войны национальные проблемы, отношение к которым лидеров младотурок выявило подлинную сущность их политики в национальном вопросе. Наглядно проявилась она в страшном избиении армян, организованном в 1915 г. Младоту-

рецкое правительство, приступая к сознательному уничтожению армян, состряпало версию, согласно которой армянское население депортируется из районов постоянного проживания в глубинные области страны из «военных соображений». На деле же Энвер, Талаат и Джемаль, ставшие палачами армянского народа, задумали и осуществили акцию массового геноцида армян. Резня была осуществлена с неслыханной даже для абдулхамидовской поры жестокостью. Талаат-бей, занимавший пост министра внутренних дел, даже в официальных телеграммах не стеснялся говорить о том, что речь идет о полном уничтожении армян в Османской империи.

Избиение началось весной 1915 г. и продолжалось в 1916 г. Людей кололи штыками, топили в озерах и реках, сжигали и душили дымом в запертых домах, сбрасывали в пропасти, убивали после жесточайших пыток и надругательств. Сотни тысяч людей были под надзором военных властей и жандармов направлены из родных мест в Западной Армении в Сирию и Месопотамию. Имущество изгнанных армян турецкие официальные лица и немецкие офицеры скупали за бесценок. Колонны депортируемых, не имевших ни продовольствия, ни медикаментов, таяли с каждым днем по мере движения по пустынным и горным дорогам. Ежедневно тысячи людей гибли от голода и холода, жажды и болезней. Те же, кто добрался до назначенных мест, вновь столкнулись с голодом и эпидемиями. Полтора миллиона армян погибло в эти страшные месяцы. Лишь около 300 тыс. армян-беженцев нашли себе приют на Кавказе, на Арабском Востоке и в ряде других мест. Часть этой вынужденной эмиграции осела в Западной Европе и Америке. Трагедия народа, потерявшего едва ли не половину своих сынов и дочерей, была отмечена мужественным сопротивлением безоружного населения турецким войскам и жандармерии. Героически сражались с насильниками жители Вана, Шатаха, Урфы, Сасуна и многих других городов и сел. Самооборона Вана длилась около месяца и завершилась спасением ванских армян, которые получили помощь от частей русской Кавказской армии. Оценивая происходившие события, французский публицист Ренэ Пинон прямо писал, что «депортация армян — женщин, детей и стариков — была лишь коварно замаскированным смертным приговором».

Когда к державам Антанты присоединилась Греция, младотурецкие правители Османской империи распространяли действие закона о «депортациях» и на греческое население. Правда, греков не постигла страшная участь армян, но высылка греческого населения

тоже сопровождалась вакханалией грабежа и насилия. Число греков-беженцев достигло 600 тыс. Большинство их со временем составили греческие общины в странах Ближнего и Среднего Востока и в США.

В арабских провинциях империи младотурки в годы войны жестоко подавляли любое проявление национальных чувств. В 1914—1916 гг. в ряде городов прошли судебные процессы над арабскими патриотами. Сотни людей были казнены, множество видных деятелей арабского национально-освободительного движения было заключено в тюрьмы или сослано. Джемаль-паша, который с началом войны стал командующим 4-й армией, расположенной в Сирии и Палестине, повсеместно заменил органы гражданского управления военными властями. Созданные Джемалем военные трибуналы сотнями приговаривали людей к тюремному заключению и ссылке. Часто людей казнили по приказам военных властей, а трибуналы выносили им смертные приговоры после их приведения в исполнение. Около 10 тыс. «подозрительных» было выслано из Сирии, Ливана и Палестины. Положение арабского населения стало еще невыносимее, когда отступавшая турецкая армия занялась массовым грабежом и разбоями.

Политика младотурок в национальном вопросе в годы войны обнаружила крайнюю степень великодержавного шовинизма. Реакционная сущность этой политики стала особенно очевидной в условиях тягот военного времени, когда все виды социальной несправедливости были для населения империи особенно невыносимыми.

Война предельно обострила внутренние противоречия в стане правителей Османской державы. Внутри партии «Единение и прогресс», которая хотя и представляла в основном формировавшуюся турецкую буржуазию, но не была социально однородной, в этот период обнаружились серьезные противоречия. Между Центральным комитетом и парламентской фракцией возникали острые противоречия по вопросам, касающимся характера функций и организации партии и вмешательства военных в политическую жизнь. На одном из партийных съездов младотурок в годы войны прошла даже резолюция о недопустимости вмешательства армии в политику, но Энвер-паша и его сторонники отнеслись к ней как к пустой бумажке. В парламенте была тоже группа оппозиционно настроенных депутатов-младотурок, которую возглавлял Ахмед Риза-бей. Но и этой группировке не удавалось обуздать произвол младотурецкого триумвирата.

Подавляя оппозиционные настроения, младотурецкий триумvirат не гнушался ничем. Оппозиционеров высылали за пределы столицы или империи, их убивали тайные агенты репрессивных органов. Тайная «Особая организация» осуществляла широкие полицейские и шпионские функции. Она занималась проведением в жизнь и позорного закона о «депортациях». Созданная Джемаль-пашой тайная полиция, которая имела агентурную сеть во всех сколько-нибудь значительных городах империи, действовала в худших традициях эпохи «зулюма».

Жизнь страны в годы войны была целиком подчинена интересам кайзеровской Германии. Немецкие генералы и офицеры заняли в армейских частях ключевые посты начальников штабов. Генеральный штаб тоже возглавил немецкий генерал. Немецким военным было доверено и командование армиями, расположенными в районе Стамбула и проливов. Немецкие политики не считали нужным даже для приличия считаться с султаном и Портой. Для них правителями страны были члены триумvirата, в первую очередь Энвер. Под контроль немецких специалистов была поставлена и военная цензура. Даже султанские указы и фетва шейх-уль-ислама нуждались в визе немецкой цензуры. Немецкие советники, занявшие ключевые позиции в центральной администрации и экономических ведомствах, начали планомерно перекачивать в Германию продовольствие и сырье. Важнейшие отрасли экономики и финансы страны перешли под контроль Германии.

Уже военные операции 1915—1916 гг. показали, что поражение Османской империи неизбежно. На Кавказском фронте турецкие войска потерпели ряд крупных неудач. Особенно тяжелое поражение им нанесла русская армия в сражении у Сарыкамыш в конце 1914 — начале 1915 г. 90-тысячная армия турок была полностью разгромлена, потеряв убитыми и ранеными 70 тыс. человек. Русская армия имела постоянное военное преимущество и в последующих операциях. Не более удачно для турок складывались военные действия на Синайском фронте. Их попытка в 1915 г. занять зону Суэцкого канала закончилась неудачей. Турецким войскам, правда, удалось сорвать крупномасштабную англо-французскую операцию по захвату Стамбула и проливов летом 1915 г. Силы Антанты потеряли в ней 270 тыс. человек, а турки — 250 тыс. Успешными для турок были и военные действия на Месопотамском фронте. В начале декабря 1915 г. турецкие войска окружили крупную группировку англичан под Кут-эль-Амарой. После пятимесячного сопротивления

гарнизон этого города сдался на милость победителей. В этой операции англичане потеряли 10 тыс. убитыми и ранеными и более 10 тыс. пленными. На Кавказском фронте между тем турецкая армия продолжала терпеть поражения. В 1915 г. русские войска захватили Эрзурум и Трабзон. В ходе одной только Эрзурумской операции турецкие войска потеряли 8 тыс. солдат и более 300 орудий. В целом положение турецкой армии к середине 1916 г. было тяжелым, турецкие вооруженные силы потеряли убитыми, ранеными и дезертировавшими около 500 тыс. человек. Восполнить эту цифру было практически невозможно, поскольку ежегодный призыв резервистов составлял не более 90 тыс. человек.

Дезертирство в султанской армии приобрело невероятные размеры и формы. Корпуса, отправлявшиеся весной 1917 г. на фронт, теряли на пути к театру военных действий до 40% личного состава. В армейских частях была масса случаев членовредительства и самоубийств. Дезертиры часто создавали четнические отряды. Борясь с дезертирством, власти проявляли большую жестокость. Бывали случаи, когда одних дезертиров вешали в назидание другим. Когда же местное население отвечало на это бунтами, карательные отряды сжигали целые села.

Весной 1917 г. английские войска захватили Багдад и начали движение к Палестине. Пытаясь выправить положение на Месопотамском фронте, турецко-германское военное командование летом 1917 г. создало здесь ударную группу «Йылдырым» («Молния»), на которую была возложена задача выбить англичан из Багдада. Операция эта заранее была обречена на неудачу, так как по численности английские войска превосходили группу «Йылдырым» почти в пять раз, а по мощи артиллерии — в два раза. В ноябре — декабре 1917 г. англичане перешли в наступление и захватили Газу, Яффу и Иерусалим. Группа «Йылдырым» потеряла около трети личного состава и половину орудий. На Кавказском фронте русские войска продолжали сохранять преимущество.

Летом 1916 г. непрекращавшиеся распри в среде лидеров младотурок и их приспешников вылились в неудачную попытку государственного переворота. Его подготовил летом 1916 г. один из подручных Энвер-паши, Якуб Джемиль, отпетый негодяй и насильник. Не получив от своего патрона более высокого поста в армии, он стал интриговать против Энвера с помощью Талаат-паши и других деятелей из младотурецкой верхушки. Тогда Энвер-паша, решив удалить ставшего опасным Якуба Джемиля, поручил ему диверсионную ак-

цию против англичан в Иране. В ответ Якуб Джемиль начал готовить переворот, разместив своих людей в гостинице «Масаррат», находившейся напротив военного министерства — резиденции Энвера. Но тому вовремя стало известно о подготовке путча. Якуб Джемиль и его люди были схвачены. Следствие по делу заговорщиков показало, что на суде могут всплыть многие компрометирующие триумфиров факты. Судебное разбирательство свели к минимуму, Якубу Джемилю вынесли смертный приговор, который был немедленно приведен в исполнение. Путч провалился, но противоречия в стане правителей империи, породившие его, продолжали лихорадить политическую жизнь в столице.

В этот период на развитие событий во всем мире стали оказывать воздействие революционные события. Уже Февральская революция 1917 г. оказала большое влияние на народные массы Османской империи, резко усилив антивоенные настроения в армии и на флоте. Под влиянием победы Великого Октября в Османской державе получили распространение популярные в народе лозунги прекращения войны, борьбы за мир, хлеб и свободу. В больших городах начали появляться революционные воззвания, в которых пропагандировались лозунги мира и свободы. В феврале 1918 г. руководитель первых турецких коммунистов Мустафа Субхи начал нелегально издавать газету «Ени дунья» («Новый мир»). Большую роль в пропаганде идей мира и свободы сыграли многочисленные турецкие военнопленные, которым Советское правительство разрешило возвратиться на родину.

После победы социалистической революции в России практически был ликвидирован Кавказский фронт, ибо десятки тысяч русских солдат покинули боевые позиции. У правителей Османской империи появилась возможность проявить мирную инициативу, но они предпочли новую военную авантюру — вторжение в Закавказье. Этот безрассудный план лидеры младотурок попытались осуществить в тот момент, когда Османская империя, потеряв в боях 600 тыс. человек, лишилась огромной части своих владений — Хиджаза, Южной Палестины, большей части Ирака. Брест-Литовский договор от 3 марта 1918 г. устанавливал мир между Османской империей и Советской Россией, но правительство младотурок беззастенчиво нарушило его интервенцией в Закавказье. В конце апреля 1918 г. турки захватили Карс и Батум. Агентура Энвер-паши активно действовала среди горцев Северного Кавказа. 15 мая 1918 г. турецкие части заняли Александрополь (ныне Ленинакан), 15 сентября захватили Баку. Оккупанты устроили в Баку кровавую резню.

Военная авантюра турок в Закавказье облегчила действия англичан в Месопотамии. В сентябре — октябре 1918 г. английские войска захватили Дамаск и Халеб, подошли к Мосулу. В этих боях было пленено 75 тыс. турецких солдат, тогда как потери англичан составили 5 тыс. человек. В руки англичан попало много турецкого оружия, в том числе 360 орудий. В сентябре союзники начали наступление на Салоникском фронте и вскоре добились капитуляции Болгарии. Османская империя была отрезана от ее союзников. Давно назревавший политический кризис привел к отставке кабинета министров. Новое правительство, в которое вошли и некоторые видные деятели партии младотурок, начало искать пути к мирным переговорам с державами Антанты. 30 октября 1918 г. на борту английского крейсера «Агамемнон» в заливе Мудрос было подписано перемирие.

Мудросское перемирие обязывало Османскую империю без всяких предварительных условий сложить оружие и сдаться на милость победителей. Турецкая армия подлежала немедленной демобилизации, а флот должен был быть передан союзникам. Перемирие не только зафиксировало оккупацию союзниками арабских земель, но и определило их право оккупировать любые иные важнейшие военно-стратегические и экономические центры страны. В распоряжение держав Антанты перешли все железные и шоссейные дороги, транспорт, запасы топлива и продовольствия. Османская империя приняла на себя обязательство уступить все занятые турками территории в Закавказье войскам Антанты. Проливы были открыты для флота союзников, а форты Дарданелл и Босфора были заняты войсками победителей.

Это был крах Османской империи. В ночь на 3 ноября члены триумvirата и другие лидеры младотурок бежали на германском военном корабле в Одессу, а оттуда пробрались в Германию. Партия «Единение и прогресс» объявила о самороспуске. Турция стояла на пороге нового этапа своей истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ноябре 1918 г. столица Османской империи без боя сдалась на милость победителей. В водах Босфора перед султанским дворцом Долмабахче стали на якоря военные корабли Англии, Франции, Италии и Греции. 14 ноября войска союзников вступили на улицы Стамбула. Султан и Порта стали марионетками в руках оккупантов. Начались репрессии против революционно настроенных рабочих, лидеров профсоюзов, патриотической интеллигенции. Деятельность всех политических партий и профсоюзов была запрещена, прессу поставили под контроль оккупационных властей.

В конце 1918 — начале 1919 г. английские и французские войска оккупировали Юго-Восточную Анатолию, а греки, высадившись в Измире, начали движение в Анатолию с запада. В ответ на это народ восстал. В 1919 г. вся Анатолия была охвачена партизанской борьбой против интервентов. Ее возглавили патриотические силы турецкой национальной буржуазии, лидером которой стал Мустафа Кемаль-паша.

23 апреля 1920 г. в Анкаре собрался новый парламент — Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). Вскоре здесь было сформировано и новое правительство во главе с Мустафой Кемалем. Национально-освободительная борьба турецкого народа против иностранной интервенции продолжала шириться. В эти тяжелые для Турции годы турецкий народ получил большую моральную и материальную поддержку от молодой Советской Республики. Она оказалась первой в мире страной, признавшей правительство ВНСТ. Последующее развитие советско-турецких отношений, в частности заключение в 1921 г. советско-турецкого договора о дружбе и братстве, усилило мощь национально-патриотических сил. В 1922 г. турецкая армия одержала ряд крупных побед в боях с оккупантами.

Правительства держав Антанты, испытывавшие давление собственного общественного мнения, были вынуждены предложить ВНСТ начать переговоры о перемирии. 15 октября 1922 г. вступил в силу договор о перемирии, в соответствии с которым союзнические войска могли оставаться в Стамбуле и зоне проливов только до

заключения мирного договора. Летом 1923 г. на мирной конференции в Лозанне был подписан договор, который зафиксировал признание великими державами правительства Анкары. После Лозаннской конференции войска союзников эвакуировались из Стамбула и зоны проливов.

Итак, в результате национально-освободительной войны возникло новое турецкое государство. 1 ноября 1922 г. ВНСТ приняло решение об упразднении султаната. Мехмед VI — последний, тридцать шестой по счету, монарх из османской династии — 17 ноября 1922 г. бежал из Стамбула на Мальту на борту английского крейсера. 29 октября 1923 г. ВНСТ приняло закон о провозглашении республики. В октябре 1923 г. столицей нового государства была объявлена Анкара — центр национально-освободительной борьбы.

Арабские провинции империи — Ирак, Сирия, Палестина, Трансиордания, Египет, страны Аравийского полуострова, Ливия — стали в основном подмандатными территориями держав Антанты; впоследствии они превратились в независимые государства. Территорию Турецкой Республики составили земли Малой Азии, а также Восточная Фракия в Европе.

Шесть веков существовала Османская империя на огромной территории в Европе, Азии и Африке. Шесть веков султаны из османской династии были верховными повелителями турок и многих покоренных ими народов. Эти шесть веков вобрали в себя и путь к могуществу державы османов, и долгую дорогу к ее полному краху. Османская империя оказалась к началу эпохи новейшей истории неспособной к радикальному реформированию своих социальных и политических структур, а в конечном счете и к выживанию. Гибель империи была также результатом стремления покоренных народов к восстановлению своей государственности и национальному возрождению. Не хватало лишь толчка, чтобы свершилось неизбежное. Этим толчком и стала Первая мировая война, в пламени которой сгорели остатки независимости Османской империи и ее былой военной мощи.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. М., 1963.

Адамов А. Ирак Арабский. СПб., 1912.

Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908—1918). М., 1972.

Арш Г. В. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. (западнобалканские пашалыки Османской империи). М., 1963.

Базили К. Очерки Константинополя. Ч. I—II. СПб., 1835.

Базили К. Босфор и новые очерки Константинополя. Ч. I—II. СПб., 1836.

Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство. Сочинения. Т. 4. М., 1966.

Бартольд В. В. Халиф и султан. Сочинения. Т. 6. М., 1968.

Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956.

Богданович М. Н. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турцию. СПб., 1852.

Боджолян М. Т. Реформы 20—30-х годов XIX века в Османской империи. Ереван, 1984.

Валыи Р. Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену. Пер. с французского. СПб., 1829.

Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в). М, 1978.

Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

Випол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.

Вронченко М. П. Обзорение Малой Азии. Ч. 1—2. СПб., 1839—1840.

Габидуллин Х. З. Младотурецкая революция. М., 1936.

Гасанова Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914). Баку, 1966.

Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983.

Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов под редакцией М. Г. Нерсисяна. Второе, дополненное издание. Ереван, 1982.

Гире А. А. Россия и Ближний Восток. СПб., 1908.

Глинка С. Картина историческая и политическая Порты Оттоманской от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и падения греческой державы. М., 1830.

Голобородько Н. Н. Турция. М., 1912.

Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960.

Гордлевский В. А. А был ли турецкий султан халифом. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.

Гордлевский В. А. Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.

Горянов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.

Два года в Константинополе и Морее (1825—1826), или Исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагима-паши, Селимана-бея и проч. Соч. К. Д. Пер. с франц. СПб., 1828.

Доброе Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских держав... СПб., 1879.

Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV - начало XIX в.). М., 1958.

Достян И. С. Россия и Балканский вопрос. М., 1972.

Драное Б. А. Черноморские проливы. М., 1948.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955.

Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30-40-е годы XIX в.). М., 1980.

Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.

Еремеев Д. Страна за Черным морем. М., 1968.

Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971.

Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). М., 1980.

Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972.

Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.). М., 1965.

Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. Т. I—II М., 1896.

Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988.

Жуковский П. М. Земледельческая Турция. М.—Л., 1933.

Записки янычара, написанные Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978.

Ибрагимов Г. И. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. — Византийский временник. VII. М., 1953.

- Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран (1516—1574): М., 1984.
- История армянского народа. Под ред. М. Т. Нерсисяна. Ереван, 1980.
- Инджикян О. Г.* Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977.
- История Византии. Т. 1—3. М., 1967.
- История турецкая... сочиненная аббатом Миньотом. Т. I—IV. СПб., 1790.
- Киракосян Дж.* Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ер., 1971.
- Книга законов султана Селима I. М., 1969.
- Константинополь и турки. Ч. I—П. СПб., 1841.
- Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952.
- Крымский А.* История Турции и ее литературы от развития до начала упадка. М., 1910.
- Крымский А.* История Турции и ее литературы. М., 1916.
- Крымский А. Е.* Низами и его современники. Баку, 1981.
- Кямилев Х.* У истоков современной турецкой литературы. М., 1967.
- Кямилев Х.* Общественные мотивы в турецкой поэзии. М., 1969.
- Лазарев М. С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М., 1960.
- Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1965.
- Марсильи.* Военное состояние Османской империи с ее приращением и упадком. Ч. 1—2. СПб., 1737.
- Маштакова Е. И.* Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе. М., 1972.
- Маштакова Е. И.* Турецкая литература конца XVII — начала XIX в. М., 1984.
- Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). Издание текста, перевод с турецкого, введение, комментарий и указатели И. Е. Петросян. М., 1987.
- Мейер М. С.* Восстание городских низов Стамбула в 1730 г. // Народы Азии и Африки. 1963, № 4.
- Мейер М. С.* Концепция истории Турции в работах Кемаля Карпата. // Народы Азии и Африки. 1978, № 5.
- Мейер М. С.* К вопросу об изменениях в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в. Проблемы истории Турции. М., 1978.
- Мейер М. С.* К характеристике экономической жизни городов Османской империи в XVIII в. Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
- Мейер М. С.* К вопросу о происхождении тимара. Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.

Мейер М. С. К характеристике правящего класса Османской империи XV—XVII вв. Средний Восток: история, культура, источниковедение. М., 1980.

Мейер М. С. Турция — модель зависимого развития (обзор современной турецкой и западной историографии). Критика концепции зависимого развития (сборник обзоров). М., 1983.

Мейер М. С. Особенности демографических процессов в Османской империи XV—XVI вв. и их социально-экономические последствия. Демографические процессы на Балканах в Средние века. Калинин, 1984.

Мейер М. С. Аяны и их место в османской истории. Тюркологический сборник, 1979. М., 1985.

Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.-Л., 1947.

Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948

Миллер А. Ф. 50-летие младотурецкой революции. М., 1958.

Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.

Миллер Ю. Искусство Турции. М.-Л., 1965.

Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М., 1985.

Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869.

Мусаев А. М. «Дестари Салих тарихи» — новый источник по истории восстания Патрона Халила в 1730 г. в Стамбуле. Тюркологический сборник, 1979. М., 1985.

Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок... Пер. с английского Т. I—II. СПб., 1879.

Натан Ж. Болгарское возрождение. М., 1949.

Новейшие сведения о Турецком государстве по случаю войны между Россией, Австрией и Портой... Пер. с немецкого. М., 1789.

Новичев А. Д. Экономика Турции в период Первой мировой войны. М., 1935.

Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М., 1937.

Новичев А. Д. Крестьянские восстания в Турции в начале XV в. Проблемы востоковедения. 1960, № 3.

Новичев А. Д. К вопросу о положении крестьян в Турции во второй половине XV в. — Ученые записки ЛГУ, № 294. Л., 1961.

Новичев А. Д. Турция. Краткая история. М., 1965.

Новичев А. Д. История Турции. Т. I—IV. Л., 1963-1978.

Освьяный Н. Р. Современная Турция. СПб., 1877.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

- Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов. М., 1984.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.
- Петров А.* Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787—1791. СПб., 1880.
- Петросян И. Е.* К истории создания янычарского корпуса. Тюркологический сборник, 1978. М., 1984.
- Петросян И. Е., Петросян Ю. А.* К вопросу о движущих силах реформаторского и конституционного движения в Османской империи. Тюркологический сборник, 1979. М., 1985.
- Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958.
- Петросян Ю. А.* Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971.
- Петросян Ю. А.* Русско-турецкие отношения и первые турецкие конституционалисты, 1875—1877 гг. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1984, № 4.
- Петросян Ю. А.* Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII — начало XX в.). М., 1985.
- Петросян Ю. А.* Зейтунское восстание 1862 г. в свете внутренней политики правящих кругов Османской империи в период танзиматских реформ. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1985, № 3.
- Петросян Ю. А., Юсупов А. Р.* Измир. М., 1974.
- Петросян Ю. А., Юсупов А. Р.* Город на двух континентах. Изд. 2-е, исправленное. М., 1981.
- Петросян Ю. А.* Древний город на Босфоре. Исторические очерки. М., 1986.
- Пиотровский С.* Свет и тени Турции. Пер. с польского. М., 1981.
- Познаньска К.* Старая и новая Турция. Пер. с польского. М., 1974.
- Рафиков А. Х.* Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.
- Рикот.* Монархия турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря при Оттоманской Порте. СПб., 1741.
- Розен Д. Г.* История Турции от победы реформ в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г. Пер. с немецкого. СПб., 1872.
- Русский посол в Стамбуле П. А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985.
- Сафрахтян Р. А.* Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван, 1985.

- Силин А. С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971.
- Симония Н. А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- Смилянская И. М.* Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени. М., 1979.
- Смирнов В. Д.* Кучибей Гемюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
- Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. I—II. М., 1946.
- Смирнов Н. А.* Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. — Византийский временник. VII. М., 1953.
- Смирнов Н. А.* Описания о бунтах в Константинополе в 1730—1731 гг. — Археографический ежегодник. М., 1960.
- Стамбулов В.* Намык Кемаль. М., 1935.
- Сто лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979.
- Сырку А.* Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в. СПб., 1890.
- Тарле Е. В.* Чесменский бой. М.-Л., 1945.
- Тарле Е. В.* Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769-1794 гг. М.-Л., 1945.
- Тарле Е. В.* Крымская война. М.-Л., 1950.
- Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Тверитинова А. С.* Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.-Л., 1946.
- Тверитинова А. С.* Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии. Византийский временник. VII. М., 1953.
- Тверитинова А. С.* Второй трактат Кочибея. Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. М., 1953.
- Тверитинова А. С.* К вопросу об изучении первого антифеодального восстания в средневековой Турции. Византийский временник. XV. М., 1956.
- Тверитинова А. С.* К вопросу о крестьянском землепользовании в Османской империи. Ученые записки Института востоковедения. Т. XVII. М., 1959.
- Теплое В.* Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб., 1890.
- Теплое В.* Русские представители в Царьграде (1496—1891). СПб., 1891.
- Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX веков. М., 1976.

- Тодорова М. Н.* Англия, Россия и танзимат (вторая четверть XIX в.). М., 1983.
- Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977.
- Убичини А., де Куртейль П.* Современное состояние Османской империи. Пер. с французского. СПб., 1877.
- Удальцова З. В.* Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. Византийский временник. VII. М., 1953.
- Улунян А. А.* Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978.
- Фадеева (Петросян) И. Е.* Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.
- Фадеева И. Л.* Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982.
- Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — панисламизм). М., 1985.
- Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984.
- Хюсейн.* Бедай уль векай (Удивительные события). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой, аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2. М., 1961.
- Чемерзин А.* Турция, ее могущество и распадение. Т. 1. СПб., 1879.
- Чихачев П. А.* Письма о Турции. М., 1960.
- Шабанов Ф. III.* Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967.
- Шамсутдинов А. М.* Феодальные отношения в Османском государстве в XIV в. Труды Московского института востоковедения. Вып. 3. М., 1941.
- Шамсутдинов А. М.* К вопросу об образовании Османского княжества. Труды Московского института востоковедения. Вып. 5. М., 1947.
- Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
- Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа (вторая треть XIX в.). М., 1986.
- Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977.
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
- Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 3. Пер. с турецкого. М., 1983.
- Эссад Дж.* Константинополь. М., 1919.
- Инджикян О. Г.* Падение Османской империи (социально-экономический очерк). Ереван, 1984 (на арм. яз.).

- Киракосян Дж. С.* Младотурки перед судом истории (90-е годы XIX в. — 1914 г.). Кн. 1. Ер., 1982; кн. 2. Ер., 1983 (на арм. яз.).
- Akdag M.* Celali isyanlarin (1550—1603). Ankara, 1963. *Aktepe M.* 1720—1724 Osmanli Iran miinasebetleri. Istanbul, 1970.
- Avcioglu D.* Turkiyenin duzeni. Kitap 1—2. Istanbul, 1978.
- Bayur Y. H.* Turk inkilabi tarihi. Cilt I, kisim 1 Ankara 1963.
- Danismend I. H.* Izahli osmanli tarihi kronolojisi. Cilt 1—4. Istanbul, 1947—1955.
- Defterdar Sari, Mehmet Pasa.* Devlet adamlarina ogiitler, derleyen ve ceviren H. R. Ugural. Ankara, 1969.
- Gousa A.* Turk meşhurlari ansiklopedisi. Istanbul, 1946.
- Inalcik H.* Bursa. XV asir sanayi ve ticaret tarihine dair vesikalar. Belleten. Cilt XXIV, sayi 93. Ankara, 1960.
- Inalcik H.* Sened-i ittifak ve Gulhane hatt-i humayunu. Belleten. Cilt XXVIII, sayi 113. Ankara, 1964.
- Karal E. Z.* Osmanli tarihi. Cilt V—VIII. Ankara, 1956—1962.
- Kaynar R.* Mustafa Resit Pasa ve Tanzimat. Ankara, 1954.
- Kongar E.* Imparatorluktan giinumuze Turkiye'nin toplumsal yapisi. Istanbul, 1976.
- Kuntay M. C* Namik Kemal. Cilt I—II. Istanbul, 1949.
- Kuran A. B.* Inkilap tarihimiz ve Jon tiirkler. Istanbul, 1945.
- Kuran A. B.* Inkilap tarihimiz ve Ittihad ve Terakki. Istanbul, 1948.
- Mardin S.* Jon tiirklerin siyasi fikirleri, 1895—1908. Ankara, 1964.
- Oztuna Y.* Bir darbenin anatomisi. Istanbul, 1984.
- Pakalin M. Z.* Osmanli tarih deyimleri ve terimleri sozlugfi. Cilt I—III. Istanbul, 1946—1955.
- Petrosyan Yu. A.* Sovyet gozuyle Jonturkler. Bilgi yayinevi. Ankara, 1974.
- Petrosyan Yu. A.* Tiirkienin toplumsal-politik fikirlerinin tarihinde 1860—70 yil-larinndaki tiirk mesrutiyetcilerinin rolti. VIII Turk Tarih Kongresi. Cilt III. Ankara, 1983.
- Ramsaur E. E.* Jon tiirkler ve 1908 ihtilalr. Istanbul, 1972.
- Tahsin Pasa.* Abdilhamit ve Yildiz hatiralari. Istanbul, 1931.
- Tanzimat. 1. Istanbul, 1940.
- Tokin F. H.* Turk tarihinde siyasi partiler ve siyasi dusuncenin gelismesi, 1839—1965. Istanbul, 1965.
- Tunaya T. Z.* Tiirkiyede siyasi partiler. Istanbul, 1952.
- Tunaya T. Z.* Tiirkienin siyasi hayatinda batililasma hareketleri. Istanbul, 1960.
- Unat F. R.* Osmanli sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968.
- Uzungrsili I. H.* Osmanli devlet teskilatinda kapikulu ocaklari. Cilt 1—2. Ankara, 1943—1944.

- Uzunçarsili I. H.* Osmanli tarihi. Cilt I—IV. Ankara, 1947—1959.
- Baker I.* Die Turken in Europa. Stuttgart, 1878.
- Berard V.* La mort de Stambul. P., 1913.
- Berkes N.* The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964.
- Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. L., N. Y., 1968.
- Guinet V.* La Turquie d'Asie. T. I - IV. P., 1891—1895.
- Davison R. H.* Reform in the Ottoman Empire, 1856—1876. Princeton, 1963.
- Димитров С, Манчев К.* История на балканските народы. София, 1971.
- Economie et societes dans l'Empire Ottoman (fin du XVIIIe — debut du XXe siecle).* P., 1983.
- Engelhardt Ed.* La Turquie et le Tanzimat. P., 1882.
- Gibbons H. A.* The Foundation of the Ottoman Empire. Ox., 1916.
- Fesch P.* Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid. P., 1907.
- Findley C V.* Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte (1789—1922). Princeton, 1980.
- Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 1-10. Pest, 1827—1833.
- Inalcik H.* The Ottoman Decline and its Effects upon the Reaya. — Aspects of the Balkans. Continuity and Change. P., 1972.
- Jonquiere V.* Histoire de l'Empire Ottoman. Vol. 1—2 P., 1914.
- Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. I—V. Gotha, 1908—1913.
- Kopriilti M. F.* Les origines de l'Empire Ottoman. P., 1935.
- Kunt M. J.* The Sultan's Servants. The Transformation of Ottoman Provincial Government, 1550—1650. N. Y., 1983.
- Lamartine A.* Histoire de la Turquie. Vol. 1—8. P., 1854—1855.
- Lewis B.* The Middle East and the West. L., 1963.
- Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. London — New York — Toronto, 1965.
- Mandelstam A.* La sort de l'Empire Ottoman. Lausanne — Paris, 1917.
- Mantran R.* La vie quotidienne a Constantinople au temps du Soliman le Magnifique et de ses successeurs (XVI et XVII siecles). P., 1965.
- Mardin S.* The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962.
- Millingen F.* La Turquie sous le regne d'Abdul-Aziz (1862—1867). P., 1868.
- Mordtmann M.* Die Belagerung und Eroberung Constantinopels durch die Turken im Jahre 1453. Stuttgart, 1858.
- Мутафчиева В. П.* Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI в. София, 1962.

Мутафчиева В. П. За ролята на вакъфа в градската икономика на Балканите под турска власт (XV—XVII в.). Известия на Института за история. 10. София, 1962.

Petrosian Yu. Die Ideen «Der Europaisierung» in dem sozialpolitischen Leben des Osmanischen Reiches in der Neuzeit. — La revolution industrielle dans le Sud-Est Europeen — XIX s. Sofia [1978].

Petrosyan Yu. A. The Struggle for Reforms in the Ottoman Empire (Motive Forces and Ideology). М., 1986.

Pitcher D. E. An Historical Geography of the Ottoman Empire. Leiden, 1972.

Holland Ch. La Turquie contemporaine. P., 1854.

Sax C. Geschichte des Machtverfallens der Türkei bis Ende des XIX Jahrhunderts. Wien, 1908.

Shaw St. Between Old and New. The Ottoman Empire under Sultan Selim III (1789-1807). Massachusetts, 1971.

Schlwnberger G. La siege, la pris et la sac de Constantinople par les turks en 1453. P., 1914.

Schweizer G. Die Yanitscharen. Geheime Macht des Turkenreichs. Salzburg, 1984.

Schweiger-Lerchenfeld A. Serail und Hohe Pforte. Wien — Pest — Leipzig, 1879.

Stambul und das moderne Turkentum, von einern Osmanen, Bd. I—II. Lpz., 1877—1878.

Structure sociale et development culturel des villes Sud-Est europeennes et adriatiques aux XVII—XVIII siecles. Bucarest, 1975.

Werner E., Markov W. Geschichte der Tiirken. B., 1978.

Vesela-Prenosilova. Quelques remarques sur 1 organisation urbaine en Empire Ottoman. — Archiv orientalni. Vol. 42. 1974, № 3.

Zinkeisen I. Geschichte des Osmanischen Reiche in Europa. Bd. I—VII. Hamburg, 1859-1863.

Ubicini M. A. Lettres sur la Turquie. P., 1853.

Ubicini M. A. La Turquie actuelle. P., 1855.

Цветкова Б. А. Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт. София, 1958.

Цветкова Б. Паметна битка на народите (Европейският югоизток и османското завоевание края на XIV и първата половина на XV в.). Варна, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. ОГНЕМ И МЕЧОМ

- Глава 1. Где и как возникло государство турок-османов 5
- Глава 2. Походы на Балканы, нашествие Тимура, борьба
за власть в государстве османов 23
- Глава 3. Рождение империи. Стамбул вместо древнего
Константинополя 40
- Глава 4. Завоевательные войны на Западе и на Востоке 59

Часть II. ОТ МОГУЩЕСТВА К УПАДКУ

- Глава 5. Столица и провинция 79
- Глава 6. Народные движения и власть султанов 115
- Глава 7. Дряхлеющая империя 136
- Глава 8. Османская империя и Россия 165

Часть III. ПОИСКИ СПАСЕНИЯ И КРАХ ИМПЕРИИ

- Глава 9. Реформы и реформаторы 187
- Глава 10. Первая конституция 218
- Глава 11. Кровавый султан 241
- Глава 12. Недолгая весна революции 259
- Глава 13. Гибель султаната 278

Заключение 291

Использованные источники и литература 293

Научно-популярное издание
ВЕЛИЧАЙШИЕ ИМПЕРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Петросян Юрий Ашотович

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Редактор *В. Манягин*
Художник *Б. Протопопов*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 16.09.2013. Формат 60х90^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0.

Доп. тираж 1000 экз. Заказ 2912.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0100-1

9 785443 801001 >

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ СТОЛЕТИЙ
БЫЛА ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ, ЧЬИ ВЛАДЕНИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА
XVI-XVII ВВ. РАСПРОСТРАНЯЛИСЬ НА ЕВРОПУ, АЗИЮ И АФРИКУ.

ЗАХВАТИВ В 1453 Г. КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ОСМАНСКИЕ СУЛТАНЫ ДОПОЛНИЛИ
СВОЙ ТИТУЛ СЛОВАМИ «ИМПЕРАТОР РОМЕЕВ», УТВЕРЖДАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НЕ ТОЛЬКО ОТ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА, НО И ОТ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. ТУРЕЦКИЕ ВОЙСКА В XVI В. НАНЕСЛИ ПОРАЖЕНИЯ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ, ВЕНГРИИ, ЧЕХИИ, ПОЛЬШЕ И ДАЖЕ СВЯЩЕННОЙ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И В 1529 Г. ОСАДИЛИ ВЕНУ.

НА ВЕРШИНЕ СВОЕГО МОГУЩЕСТВА ИМПЕРИЯ ПРОСТИРАЛАСЬ ОТ ВОРОТ ВЕНЫ
ДО ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА, ОТ КРЫМА ДО МАРОККО.

В XVII В. ТУРКИ ЗАХВАТИЛИ ТЕРРИТОРИИ К ЗАПАДУ ОТ ДНЕПРА И СТАЛИ
ОСНОВНЫМ ПРОТИВНИКОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ДВА ПОСЛЕДУЮЩИХ
СТОЛЕТИЯ. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРОСУЩЕСТВОВАЛА ДО 1922 Г. И ПЕРЕЖИЛА
ВСЕ ДРУГИЕ ВЕЛИКИЕ ИМПЕРИИ ЕВРОПЫ — РОССИЙСКУЮ, ГЕРМАНСКУЮ,
АВСТРО-ВЕНГЕРСКУЮ, — КРОМЕ БРИТАНСКОЙ.

ISBN 978-5-4438-0100-1

9 785443 801001 >